

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиоэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2013

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

**Москва
Издательство “Наука”**

© Российская академия наук, 2013 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2013

К юбилею академика А.П. Деревянко <i>Молодин В.И., Шуньков М.В.</i>	5
Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы <i>Кузнецов П.Ф.</i>	13
Погребения людей старшей возрастной группы (саргатская культура) <i>Берсенева Н.А.</i>	22

Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь как памятник археологии начала Нового времени <i>Беляев Л.А.</i>	30
Архитектурно-археологическая стратиграфия и конструкции ограды Ново-Иерусалимского монастыря <i>Капитонова М.А.</i>	42
Фундаменты Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря <i>Воронова О.А.</i>	53
Старый деревянный дворец и Каменные палаты Ново-Иерусалимского монастыря: археологические исследования 2009–2011 гг. <i>Бадеев Д.Ю., Русаков П.Е., Майорова Е.В.</i>	59
Изразцы в культурном слое Нового Иерусалима: планиграфия, статистика, атрибуция <i>Глазунова О.Н.</i>	68

Публикации

Погребения Койсугского курганного могильника северной периферии майкопско-новосвободненской общности <i>Яценко В.С.</i>	78
Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) <i>Корочкова О.Н., Стефанов В.И.</i>	87
Новый синкретический могильник на западе андроновской общности (Южное Зауралье) <i>Ткачев В.В., Умрихин С.М., Бытковский О.Ф.</i>	97
Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке <i>Кренке Н.А., Чаукин С.Н.</i>	106
Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) <i>Шорин А.Ф., Зыков А.П., Вилисов Е.В.</i>	119
Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2010 гг.) <i>Остапенко А.А.</i>	130
Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы) <i>Осинов Д.О.</i>	141

История науки

Выдающийся исследователь археологии Евразии. К 90-летию Николая Яковлевича Мерперта

Мунчаев Р.М.

157

Заметки

Технология получения микропластинок на стоянке Костёнки XI (культурный слой 1a)

Родионов А.М.

162

Эсская находка (каменное зооморфное изображение из таежного Обь-Иртышья)

Морозов В.М., Стефанов В.И., Ченченкова О.П.

165

Новые данные по радиоуглеродному датированию позднеэнеолитических памятников на территории Среднего Прикамья

Лычагина Е.Л.

168

Погребение черняховской культуры на Дону

Каменецкий И.С.

172

Находки скорлупы птичьих яиц на средневековом могильнике “Маячный Бугор”

Пигарёв Е.М.

179

Критика и библиография

Современные тенденции в радиоуглеродном датировании археологических объектов (обзор трудов конференций 2008–2009 гг.)

Кузьмин Я.В.

182

C. Melvin Aikens, Thomas Connolly, Dennis L. Jenkins. Oregon Archaeology. Corvallis, 2011

Жутиховская И.С.

187

Список сокращений

192

Сдано в набор 15.12.2012 г.

Подписано в печать 30.11.2012 г.

Формат 60 × 88^{1/8}

Офсетная печать Усл.печ.л. 24.0

Усл.кр.-отт. 12.8 тыс.

Уч.-изд.л. 25.6

Бум.л. 12.0

Тираж 527 экз. Зак. 872

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number 1, 2013

To the anniversary of Academician A.P. Derevjanko <i>Molodin V.I., Shun'kov M.V.</i>	5
The dating of the site at Repin Khutor and the chronology of related cultural materials from the East European steppe zone of the Early Bronze Age <i>Kuznetsov P.F.</i>	13
The older age group in Sargat culture burials <i>Berseneva N.A.</i>	22

New Jerusalem Monastery as an Archaeological Site

The Voskresensky (Resurrection) New Jerusalem monastery as an archaeological site from the early modern period <i>Beliaev L.A.</i>	30
Architectural and archaeological stratigraphy and structure of New Jerusalem monastery wall <i>Kapitonova M.A.</i>	42
The foundations of the Resurrection cathedral in New Jerusalem monastery <i>Voronova O.A.</i>	53
The archaeological complex of the Old wooden palace and the Stone chambers in New Jerusalem monastery <i>Badeev D.Yu., Rusakov P.E., Mayorova E.V.</i>	59
Ceramic tiles from the occupation layer at New Jerusalem planigraphy, statistics and attribution <i>Glazunova O.N.</i>	68

Publications

Burials at the Koysug kurgan cemetery in the northern province of the Maikop-Novosvobodnaya community <i>Yatsenko V.S.</i>	78
Bronze Age cult site at Lake Shaitanskoye near Yekaterinburg (based on the materials from the 2009–2010 excavations) <i>Korochkova O.N., Stefanov V.I.</i>	87
New syncretic cemetery on the western flank of the Andronovo community <i>Tkachev V.V., Umrikhin S.M., Bytkovsky O.F.</i>	97
Dyakovo-type Kruglitsa site on the river Moskva <i>Krenke N.A., Chaukin S.N.</i>	106
Medieval assemblage from Koksharovsky Kholm (Middle Trans-Urals) <i>Shorin A.F., Zykov A.P., Vilisov E.V.</i>	119
Christian antiquities from Rostislavl Ryazansky (from the 1991–2010 excavations) <i>Ostapenko A.A.</i>	130
Attribution of leather items (materials from excavations in Veliky Novgorod and Moscow) <i>Osipov D.O.</i>	141

“Ostyak checks” from Poluysky (Obdorsky) Gorodok (16 th –17 th cc.)	146
<i>Kardash O.V.</i>	

History of Science

Outstanding researcher of Eurasian archaeology	157
<i>Munchaev R.M.</i>	

Notes

The technology of microblade production at Kostenki XI site (occupation layer 1a)	162
<i>Rodionov A.M.</i>	
An Esski find (stone zoomorphic image from the taiga Ob’-Irtys region)	165
<i>Morozov V.M.</i> , <i>Stefanov V.I.</i> , <i>Chenchenkova O.P.</i>	
New data on radiocarbon dating of Late Eneolithic sites in the Middle Kama region	168
<i>Lychagina E.L.</i>	
Chernyakhov culture burial on the river Don	172
<i>Kamenetsky I.S.</i>	
Finds of bird eggshell from Mayachny Bugor medieval cemetery	179
<i>Pigarev E.M.</i>	

Critics and Bibliography

Current trends in radiocarbon dating of archaeological sites (overview of conference proceedings, 2008–2009)	182
<i>Kuzmin Ya.V.</i>	
C. Melvin Aikens, Thomas Connolly, Dennis L. Jenkins. Oregon Archaeology. Corvallis, 2011	187
<i>Zhuschikhovskaya I.S.</i>	
List of abbreviations	192

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА А.П. ДЕРЕВЯНКО

© 2013 г. В.И. Молодин, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

В истории науки, пожалуй, трудно найти более волнующую и спорную проблему, привлекающую к себе всеобщий интерес, чем проблема происхождения жизни и становления ее интеллектуальной вершины – человечества. Вторая часть проблемы, несомненно, уступает первой в широте охвата научных направлений, но, бесспорно, играет также ключевую роль в формировании фундаментальных знаний о природе и обществе. Последнее столетие наглядно показало – чем дальше движется человек по пути прогресса, чем шире он раздвигает границы познания, тем живее и пристальнее его интерес к своим истокам. Современный уровень разработки

вопросов начальной истории человечества предполагает комплексное использование широкого спектра данных археологии, антропологии, палеогенетики, геологии, палеонтологии, палеоэкологии и других научных дисциплин. Поэтому обширное сообщество специалистов, изучающих проблемы антропогенеза, формирует в своей среде неформальных лидеров с исключительным творческим потенциалом, способных синтезировать гигантский мультидисциплинарный материал и дать концептуальное обоснование древнейшим историческим процессам. В отечественной науке общепризнанный лидер этого направления – Анатолий Пантелеевич Деревянко.

Среди многочисленных открытий, концепций и идей, представляющих научное творчество А.П. Деревянко, основополагающей является новая модель формирования человека современного физического типа. Для того чтобы лучше понять инновационный характер этой концепции, следует напомнить, что в конце прошлого столетия в изучении антропогенеза возобладала моноцентристская точка зрения на процесс появления *Homo sapiens*, или гипотеза “африканского исхода”.

Согласно современным научным данным, прародиной человечества является Африка, где обнаружены останки первого представителя рода *Homo* – человека умелого *Homo habilis* вместе с каменной индустрией олдувайского типа, датированные около 2.5 млн л.н. На рубеже 2 млн лет сменивший его человек прямоходящий *Homo erectus* вышел за пределы Африки и начал расселяться в Евразии. Это была первая волна древнейших миграций человека. Около 600 тыс. л.н. на территорию Евразии пришла вторая миграционная волна, приведшая к формированию неандертальцев – вида, наиболее близкого к современному человеку.

По мнению моноцентристов, неандертальцы были тупиковой ветвью на родословном древе человечества, а формирование человека современного анатомического типа произошло в Африке на рубеже 200–150 тыс. л.н. в ходе эволюции оставшихся там эректусов. В период 80–60 тыс. л.н. *Homo sapiens* покинул свою африканскую праро-

дину и расселился по всему свету. Оставшаяся к тому времени часть популяции неандертальцев не выдержала конкуренцию с более совершенным видом и около 30–25 тыс. лет назад сошла с эволюционной дистанции. У моноцентристов существует несколько подходов к этому процессу, но в любом случае подразумевается явный приоритет гомо сапиенс над другими современными им гоминидами, и если это не интеллектуальное превосходство, что для моноцентристов крайне желательно, но трудно доказуемо, то наверняка – обладание уникальными адаптационными способностями, как у наиболее эволюционно продвинутого вида.

В отличие от общепринятой точки зрения, объединившей подавляющее большинство специалистов, А.П. Деревянко имеет иной взгляд на эту проблему – он является убежденным сторонником концепции полицентризма или межрегиональной эволюции человека. Согласно этой гипотезе, формирование *Homo sapiens* с равным успехом происходило как в Африке, так и в Евразии – там, где расселялся *Homo erectus* и где происходил независимый, параллельный процесс его эволюции в сторону физически современного человека.

Концепция А.П. Деревянко состоит из нескольких последовательных взаимосвязанных уровней, объединяющих весь механизм физического и культурного развития гоминидов от стадии архантропов до становления человека современного физического типа. В ее основу положены культурно-хронологические реконструкции основных путей расселения древнейших популяций человека на территории Евразии (Деревянко, 2009а). По мнению А.П. Деревянко, процесс исхода ранних гоминидов с Африканского континента – бесспорной прародины человечества, был неоднократным. Первая миграционная волна *Homo erectus* покинула пределы Африки около 2 млн л.н., двигаясь в следующих основных направлениях: первое – через Ближний Восток на юг Европы – Кавказ, в районы Средиземноморья и на Пиренейский п-ов, второе – через западные районы Азии на восток. Предполагается, что на восток гоминиды двигались двумя путями. Один пролегал, видимо, южнее Гималаев и Тибетского нагорья через Индостан в Восточную и Юго-Восточную Азию. Другой, северный миграционный путь проходил, скорее всего, через Переднеазиатские нагорья в Центральную Азию и Сибирь.

Проследив хронологию распространения на территории Евразийского континента местонахождений с наиболее архаичной галечной индустрией олдувайского типа, оставленных мигрантами первой волны, А.П. Деревянко пришел к выводу, что

наиболее динамичным был южный миграционный поток, достигший Тихоокеанского побережья и островной части юго-востока Азии не позднее 1.8–1.6 млн л. Кроме того, А.П. Деревянко считает, что примерно в то же время или несколько позже из Африки в Евразию пришли представители другой популяции ранних гоминидов – носители микролитойной индустрии. Они двигались практически теми же путями, что и их предшественники, и достигли востока Азии около 1.7–1.5 млн л.н. Эти две древнейшие технологические традиции – олдувайская и микролитическая – сыграли ключевую роль в становлении орудийной деятельности первобытного человечества.

Еще одна глобальная волна мигрантов из Африки с прогрессивной ашельской индустрией, по заключению А.П. Деревянко, около 1.5 млн лет назад распространилась на Ближний Восток, на рубеже 600 тыс. лет назад она проникла в Европу, а около 450–350 тыс. лет назад начала продвигаться на восток Евразии, при этом в южном направлении она достигла территории Индии, а в северном – Центральной Монголии. Представители новой миграционной волны принесли на вновь освоенные территории более совершенные способы производства каменных орудий – так называемую леваллуазскую технику и приемы двусторонней обработки камня. До восточных и юго-восточных регионов Азии носители ашельских традиций не дошли. На этих территориях со времен первой миграционной волны развивались автохтонные индустрии, что является принципиально важным моментом в обосновании гипотезы межрегиональной эволюции человека.

Следующий ключевой момент в истории антропогенеза связан с появлением на эволюционной арене человека современного физического облика и с формированием культурных традиций верхнего палеолита, носителем которых он традиционно считается. В своей версии мультирегиональной эволюции человека А.П. Деревянко исходит, прежде всего, из данных археологии (2009б) – если бы коренное население везде замещалось человеком разумным, пришедшим из Африки, то и культурные проявления ранней стадии верхнего палеолита должны были быть достаточно однородными на территории всей первобытной ойкумены. Однако археологические материалы свидетельствуют, что это далеко не так: каменные индустрии начальной поры верхнего палеолита в Африке, в западной части Евразии, на востоке Азии и в Австралии принципиальным образом отличаются друг от друга, что подразумевает культурную и, следовательно, генетическую непрерывность у первобытного населения в каждом из этих регионов.

Одним из наиболее обоснованных свидетельств в пользу конвергентного становления физически современного человека и его культуры А.П. Деревянко считает палеолитические материалы из восточных регионов Азии, где *Homo erectus*, пришедший с первой миграционной волной, а затем его потомки в течение сотен тысяч лет развивали свои приемы обработки камня, отличные от технологий, характерных для остальной части Евразии (Деревянко, 2006). Отсутствие внешних инноваций в каменных индустриях так называемой китайско-малайской зоны в период от 100 до 30 тыс. л.н., когда в других областях первобытной ойкумены происходил переход от среднего к верхнему палеолиту, позволяет предположить, что миграционная волна людей современного типа из Африки не дошла до побережья Тихого океана. На этих территориях происходило автохтонное формирование человека современного физического типа путем эволюции азиатской формы *Homo erectus*. Кстати, это предположение подтверждается и новыми данными о возрасте некоторых палеоантропологических находок с сапиентными чертами в Китае, свидетельствующими, что анатомически современные люди появились здесь не позднее 100 тыс. л.н.

Другой наглядный пример мультирегиональной эволюции представлен в Северной Азии, на территории Российского Алтая (Деревянко, 2012). Широкомасштабные комплексные исследования алтайского палеолита под общим руководством А.П. Деревянко показали непрерывное развитие палеолитических традиций в течение как минимум 280 тыс. лет и автохтонное становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе в хронологическом интервале 50–40 тыс. л.н., без заметных признаков внешних влияний. При этом наборы каменных и костяных орудий, а также предметы символической деятельности свидетельствуют о достаточно высоком уровне материальной и духовной культуры обитателей Алтая в начале верхнего палеолита. Способы и приемы их жизнедеятельности не уступали, а в некоторых аспектах превосходили поведенческие характеристики человека современного физического облика, жившего в одно и то же время с ними на других территориях.

Бесспорным свидетельством самостоятельного пути развития гоминидов на территории Северной Азии явились сенсационные результаты палеогенетических исследований антропологических находок из Денисовой пещеры, проведенных по инициативе А.П. Деревянко в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге международным коллективом ученых под руководством

профессора С. Паабо (Krause et al., 2010; Reich et al., 2010). Расшифровка сначала митохондриальной, а затем и ядерной ДНК из костных образцов показала, что они принадлежат ранее неизвестному науке ископаемому человеку, который по месту обнаружения антропологических останков получил название “человек алтайский”, или “денисовец”. Анализ секвенированного генома представителей новой группы древних гоминидов показал их сестринскую близость неандертальцам, т.е. сначала ветвь их предков отделилась от общего с человеком современного физического вида эволюционного ствола, а потом произошло и их разделение.

Обобщив колоссальный объем археологических, антропологических и генетических материалов из древнейших местонахождений Африки и Евразии, А.П. Деревянко доказал, что на земном шаре существовало несколько зон, в которых шел самостоятельный процесс эволюции популяций *Homo erectus* и развития технологий обработки камня (Деревянко, 2011). В каждой из этих зон складывались свои культурные традиции, свои модели перехода от среднего к верхнему палеолиту и происходило независимое становление ранних форм человека разумного – африканской в Восточной и Южной Африке, ориентальной в Восточной и Юго-Восточной Азии, неандертальской и алтайской на территории остальной части Евразии, которые в разной степени внесли вклад в формирование анатомически современного человека. Неоспоримым подтверждением правомерности этой гипотезы стали новейшие данные палеогенетических исследований, показавшие наличие в генофонде современного человечества генетического материала, унаследованного как от неандертальцев, так и от денисовцев.

В целом, предложенная А.П. Деревянко модель происхождения человека современного физического типа, обозначая не один, а несколько центров антропогенеза, представляет новую конструкцию эволюционного дерева человечества, значительно расширяющую наши представления о том, как происходило движение на его вершину. Широта исследовательского диапазона, неординарность мышления и уникальная научная интуиция, присущие А.П. Деревянко в решении основополагающих проблем древнейшей истории человечества, прочно вписали его имя в плеяду лидеров мировой археологии. Оригинальная концепция межрегиональной эволюции человека, став заметным событием в творческой биографии ученого, заняла ведущую позицию в багаже научных достижений, с которым он подошел к знаменательному жизненному рубежу – в январе 2013 г. Анатолию Пантелеевичу исполняется 70 лет.

Научному творчеству А.П. Деревянко посвящено много работ (см. Академик..., 2012), основные даты его жизни и деятельности хорошо известны читателю, но каждый раз, перелистывая страницы его биографии, не перестаешь поражаться незаурядным качествам этой исключительно талантливой личности. Его стремительная научная карьера и насыщенная открытиями творческая жизнь представляют уникальное явление в современной российской исторической науке, да и в целом в отечественном гуманитарном знании.

Родился Анатолий Пантелеевич Деревянко 9 января 1943 г. на Дальнем Востоке в с. Козьмо-Демьяновка Амурской обл. Более чем скромный быт послевоенной деревни с детства закалил его характер. Еще в школьные годы он начал трудовую жизнь, освоив несколько строительных специальностей. После окончания школы в 1959 г. он поступил на историко-филологический факультет педагогического института в Благовещенске, мечтая посвятить себя журналистике, но на первой студенческой практике попал на раскопки к выдающемуся исследователю азиатских древностей А.П. Окладникову и твердо решил связать судьбу с археологией. Окончив экстерном институт и получив диплом с отличием, Анатолий Пантелеевич в 1963 г. приехал в новосибирский Академгородок и поступил в аспирантуру к А.П. Окладникову. За два года обучения в аспирантуре А.П. Деревянко самостоятельно провел экспедиционные исследования поселения Новопетровка на Среднем Амуре, давшего название новой выделенной им неолитической культуре, и в 1965 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную развитию культурных традиций в каменном веке этого региона. Следует отметить, что его диссертационная работа была представлена к защите раньше установленного срока и сразу обратила на себя внимание специалистов. В ней автор продемонстрировал глубокое проникновение в характер изучаемых материалов и новаторский подход к их культурно-хронологической интерпретации. Эта работа наглядно показала, что начинающий исследователь обладает не только редкой работоспособностью, но и неординарным аналитическим мышлением.

Зарекомендовав себя как особо одаренный и многообещающий ученый, А.П. Деревянко после досрочного окончания аспирантуры продолжил работу в исследовательском коллективе академика А.П. Окладникова. Он стал самым молодым научным сотрудником недавно созданного в структуре сибирской академической науки отдела гуманитарных исследований, вскоре преобразованного в Институт истории, филологии и философии СО АН

СССР. Здесь следует напомнить, что в начале 1960-х годов на археологической карте нашей страны ее восточные районы еще представляли практически сплошное белое пятно с редкими точками исследованных стоянок. Активные полевые изыскания молодых сотрудников нового института под руководством А.П. Окладникова коренным образом изменили эту ситуацию. Благодаря напряженным экспедиционным работам, длившимся с ранней весны до поздней осени, была существенно увеличена источниковая база по всем основным археологическим периодам, что значительно расширило тематику внутри- и межрегиональных исследований, стимулировало разработку новых направлений, выдвинуло научные задачи фундаментального характера.

Начало нового качественного этапа в археологическом изучении Сибири и Дальнего Востока побудило А.П. Деревянко максимально раздвинуть хронологические рамки своих исследований в долине Амура, охватить практически все основные периоды древней истории. Он поставил перед собой широкомасштабную задачу – проследить в Приамурье, представляющем естественное пограничье и вместе с тем контактную зону между севером и югом Дальневосточного региона, развитие культурно-исторических процессов от эпохи первобытности до средневековья. Менее десятилетия понадобилось молодому ученому для успешного выполнения этой грандиозной задачи. Фундаментальное исследование “Приамурье в древности (до начала нашей эры)” было представлено А.П. Деревянко в качестве докторской диссертации, блестяще защищенной в 1971 г. в возрасте 28 лет!

Вслед за диссертационным сочинением, выполненным на присущем автору высоком научном уровне, вышел в свет цикл его работ, в том числе две капитальные монографии: “Ранний железный век Приамурья” (1973) и “Приамурье (1 тыс. до н.э.)” (1976), в которых молодой ученый тщательно проанализировал и обобщил все известные на тот период археологические материалы не только Приамурья, но и остальной российской части Дальнего Востока. Он реконструировал процесс формирования и развития древних культурных образований, последовательно сменявших друг друга в хронологическом диапазоне от финала палеолитического времени до эпохи раннего железа, при этом рассмотрел также их соотношение с древними культурами сопредельных территорий Забайкалья, Монголии, Китая, Кореи и островной части Восточной Азии.

В то же время основным исследовательским направлением А.П. Деревянко с 1970-х годов ста-

новится древнейший этап в истории человечества – эпоха палеолита. Еще в начале своего научного пути А.П. Деревянко стал убежденным сторонником идеи А.П. Окладникова о возможном заселении юга Сибири на ранней стадии палеолита. Эта гипотеза выходила за рамки устоявшихся на тот момент схем: согласно традиционной точке зрения, человек смог освоить южные районы Сибири только на заключительном этапе палеолитического времени в связи с экстремальными природно-климатическими условиями плейстоцена.

Разрабатывая эту проблему, А.П. Деревянко совместно с А.П. Окладниковым предпринял целенаправленные исследования первых местонахождений галечных изделий раннепалеолитического облика, обнаруженных в бассейне Амура. Раскопочные работы в окрестностях с. Филимошки и вблизи устья ручья Усть-Ту в долине Зеи, а также у с. Кумары на Верхнем Амуре выявили в кровле русловых аллювиальных отложений, залегающих в основании второй речной террасы, кварцитовые гальки, обколотые в виде аморфных нуклеусов, примитивных скребел, чопперов и специфических орудий с выделенным выступом в виде носика. Достаточно примитивный технический характер и архаичный типологический облик этой индустрии послужили основанием для А.П. Деревянко считать ее древнейшей в Северной Азии. Геоморфологические и литолого-стратиграфические показатели условий залегания галечных орудий позволяют, по его мнению, определить минимальный геологический возраст данных местонахождений в рамках первой половины среднего плейстоцена. Хотя вопрос о возрасте этих находок пока окончательно не решен, в целом концепция ранних миграций первобытного человека в северную часть Азии была конструктивно воспринята в сибирском палеолитоведении. Она явилась мощным импульсом для последующего открытия местонахождений раннего палеолита с архаичной галечной индустрией во многих районах южного пояса Сибири и даже в Якутии.

К своему 30-летию А.П. Деревянко не только зарекомендовал себя как талантливый ученый, но и проявил незаурядные организаторские способности в должности заместителя директора по научной работе Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В это время его имя уже хорошо известно как среди отечественных специалистов, так и за рубежом – статьи молодого ученого неоднократно публиковались в США, Японии, Монголии. Творческие достижения Анатолия Пантелеевича вскоре получили высокую научную и общественную оценку: в 1972 г. он стал лауреатом премии “Ленинского комсомола” за монографию

“Новопетровская культура Среднего Амура” (1970), а в 1974 г. возглавил совет молодых ученых при ЦК ВЛКСМ.

Не менее знаменательным в судьбе А.П. Деревянко стал 1976 г. – на весеннем пленуме ЦК ВЛКСМ он был избран секретарем этой организации и переехал в Москву. Ответственная работа государственного масштаба забирала практически все силы и время, но он умудрялся находить лакуны для своих любимых занятий – в отпуск уезжал в археологическую экспедицию на Дальний Восток, где открыл комплекс многослойных палеолитических стоянок на р. Селемджа, а свободные часы проводил за письменным столом, стремясь наверстать упущенное в чередке организационных и административных дел. Именно в это время была написана одна из наиболее известных его книг, адресованных широкому кругу читателей, – “В поисках оленя Золотые рога” (1978; 1980). В этой книге автор увлекательно, в живой форме рассказал о легендарной судьбе своего учителя академика А.П. Окладникова, с именем которого связаны уникальные археологические открытия, вписавшие много ярких страниц в древнейшую историю нашей страны.

В этот чрезвычайно насыщенный многогранной деятельностью период А.П. Деревянко проявил еще одну отличительную черту характера. Несмотря на реальную возможность продолжить многообещающую карьеру в высших структурах власти, он не изменил главной линии своей жизни, смысл которой видел, прежде всего, в служении науке.

В 1979 г. заслуги Анатолия Пантелеевича перед отечественной наукой получили официальное признание: в 36 лет он был избран членом-корреспондентом Академии наук и стал самым молодым ученым-гуманитарием в этой номинации. Вскоре после этого события А.П. Деревянко вернулся в родной Академгородок и возглавил Новосибирский государственный университет (НГУ).

С 1983 г. А.П. Деревянко вновь работает в системе Академии наук. Став преемником А.П. Окладникова на посту директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР, он в короткий срок существенно укрепил научный потенциал института и превратил его в один из крупнейших академических центров гуманитарных исследований в стране. Одним из основных археологических направлений деятельности в эти годы стала разработка проблемы первоначального освоения человеком территории Северной, Центральной и Восточной Азии. Активная реализация этого направления под руководством А.П. Деревянко велась преимущественно в трех регионах Азии. В Горном Алтае были развернуты долгосрочные междисципли-

линарные исследования многослойных стоянок, среди которых первую позицию заняли уникальные объекты палеолита – пещера Окладникова и Денисова пещера, получившие впоследствии мировую известность. На территории Монголии совместная советско-монгольская экспедиция продолжила широкомасштабные комплексные работы, открыв и исследовав десятки разновременных палеолитических местонахождений. В Приамурье, в долине р. Селемджа проводились раскопки серии новых палеолитических стоянок, материалы которых послужили основой для создания региональной культурно-хронологической шкалы палеолита. Интенсивные полевые исследования в Приамурье явились важным стимулом для интеграции обширных материалов по палеолиту сопредельных регионов и создания широкой по территориально-хронологическому охвату реконструкции древнейшей истории Дальнего Востока, представленной А.П. Деревянко в двух фундаментальных монографических исследованиях “Палеолит Дальнего Востока и Кореи” (1983) и “Палеолит Японии” (1984). Комплексный анализ всех доступных к тому времени археологических, геологических, палеонтологических и палеогеографических материалов позволил ему определить время, пути и основные этапы заселения человеком восточных областей Азии, проследить развитие местных палеолитических традиций, а также изменения среды обитания и хозяйственной деятельности первобытного населения региона.

В 1987 г. в жизни Анатолия Пантелеевича произошло еще одно знаменательное событие: научное сообщество избрало его действительным членом Академии наук. Он стал самым молодым представителем гуманитарных наук в научной элите страны.

Несмотря на стабильно высокие научные результаты своих сотрудников, А.П. Деревянко осознавал необходимость перемен в руководимом им многопрофильном гуманитарном институте, рамки которого не позволяли эффективно развивать комплексные археологические исследования на современном научном уровне. В трудные для отечественной науки 1990-е годы он возглавил поэтапную реорганизацию структуры сибирской академической гуманитарной науки, в результате которой было сформировано несколько самостоятельных научно-исследовательских учреждений, в том числе Институт археологии и этнографии СО РАН. По существу, он создал новый институт с современной инфраструктурой, включающей помимо научных подразделений реставрационно-исследовательский отдел, оснащенный новейшими приборами и высокопроизводительным научным оборудованием,

издательско-полиграфический центр с перво-классной печатной базой, позволяющей выпускать полноцветные издания высшего качества, а также транспортный цех с парком экспедиционных автомобилей, способный обеспечить одновременную работу более 40 археологических отрядов.

Одним из масштабных предприятий А.П. Деревянко в этот период стало создание крупнейшего в России археологического научно-исследовательского стационара “Денисова пещера” на Алтае. Здесь ведутся долгосрочные междисциплинарные исследования наиболее информативных палеолитических комплексов Сибири – Денисова пещера, Усть-Каракол и др., в том числе древнейшей в Северной Азии палеолитической стоянки Карамы. Другим важным для него делом стала организация на базе института первого в нашей стране Центра геохронологии кайнозоя, объединившего усилия представителей естественных и точных наук в проведении междисциплинарных исследований в области палеогеографии, палеоклиматологии, палеоэкологии, хроностратиграфии и в других смежных с археологией научных дисциплинах. Много сил было затрачено А.П. Деревянко на реконструкцию и совершенствование работы музейного комплекса института. Вопреки, казалось бы, совершенно безнадежной ситуации с финансированием, только благодаря его воле и настойчивости была воссоздана Спасо-Преображенская церковь – жемчужина русского деревянного зодчества начала XVIII в., некогда вывезенная экспедиционным отрядом А.П. Деревянко из Зашиверского острога на р. Индигирка в Якутии. Сохраненная для потомков, она украшает Историко-архитектурный музей под открытым небом, где собраны также более 100 каменных изваяний от эпохи бронзы до древнетюркского времени. В собрании Музея истории и культуры народов Сибири представлены уникальные экспонаты, которыми могли бы гордиться ведущие музеи мира. Особое место в научно-организационной деятельности Анатолия Пантелеевича занимает основанный им международный научный журнал “Археология, этнография и антропология Евразии”, который выходит на русском и английском языках. Важно отметить, что англоязычная версия журнала распространяется издательским домом Elsevier, обслуживающим научные организации и университеты в 180 странах мира. В настоящее время этот журнал обладает самым высоким рейтингом среди профильных периодических изданий нашей страны.

В то же время главные усилия А.П. Деревянко были направлены на развертывание крупномасштабных полевых исследований, охвативших ги-

гантскую территорию от Прикаспийского региона до Дальнего Востока. Под его руководством сделаны десятки научных открытий, которые относятся к выдающимся достижениям российской и мировой археологии. Они принципиальным образом изменили представления о развитии древнейших исторических процессов в Центральной, Северной и Восточной Азии.

В приморском Дагестане обнаружены архаичные галечные комплексы и ашельские индустрии с рубилами, выявлена также раннепалеолитическая мелкогалечная индустрия возрастом около 1.8 млн лет. Эти находки демонстрируют важную роль Каспийского побережья Кавказа как транзитной территории на путях миграции ранних гоминидов из Африки в глубинные районы Центральной Азии. На юге Казахстана в травертиновых отложениях стоянок Кошкурбан и Шоктас выявлен микроиндустриальный комплекс возрастом около 500 тыс. лет. На северо-западе Тянь-Шаня в мощной толще верхнеплейстоценовых отложений грота Оби-Рахмат выделена последовательность уровней обитания первобытного человека, отражающая развитие его культуры от среднего к верхнему палеолиту в хронологическом диапазоне от 90 до 45 тыс. лет. В культурном слое возрастом около 50 тыс. лет обнаружены антропологические останки с признаками гибридизации человека современного анатомического типа и неандертальца, что указывает на независимое мультирегиональное становление человека современного физического облика. В Монголии наиболее продолжительная культурно-хронологическая колонка палеолита получена для отложений пещеры Цаган-Агуй, в культурных горизонтах которой обнаружены остатки каменной индустрии, развивавшейся в период от 500 до 30 тыс. лет. Кроме того, на территории Центральной Азии исследованы сотни местонахождений с поверхностным залеганием палеолитического материала. Разработанная А.П. Деревянко методика всестороннего анализа подъемных материалов с учетом морфологии артефактов, степени дефляции их поверхности, геоморфологической позиции в рельефе и сопоставление с данными стратифицированных стоянок позволили успешно решать вопросы периодизации и относительной хронологии экспонированных палеолитических комплексов.

На территории Сибири наиболее интересные материалы получены при изучении многослойных палеолитических стоянок Алтая. Здесь раскопана серия хорошо датированных комплексов, сформированных последовательным наложением уровней обитания первобытного человека от эпохи раннего до заключительной стадии верхнего палеолита. На

многослойной стоянке Карама в отложениях возрастом 800–600 тыс. л.н., обнаружены древнейшие в Северной Азии орудия раннепалеолитического человека, характерные для галечных индустрий олдувайского типа. В Денисовой пещере прослежено развитие палеолитических культурных традиций в хронологическом диапазоне 282–10 тыс. л.н. В культурном слое начальной поры верхнего палеолита, датированном 50 тыс. л.н. собрана одна из древнейших в мире коллекций украшений из кости и поделочного камня. Антропологические останки из этого слоя принадлежат неизвестной ранее форме ископаемого человека, получившей, как уже сказано, название “денисовец”. Новая популяция гоминидов сосуществовала на Алтае вместе с наиболее восточной группой неандертальцев, установленной по костным останкам из пещер Окладникова и Чагырской.

Результаты междисциплинарных исследований древнейших алтайских комплексов позволили получить наиболее подробную для территории нашей страны картину динамики палеоклиматов, формирования палеоландшафтов, развития растительности и животного мира на протяжении плейстоцена и в эпоху голоцена. Совместно с представителями естественных наук создана концепция влияния природных условий на адаптацию человека к окружающей среде, реконструированы его поведенческие стратегии в условиях изменений экологической ситуации в древности.

В российской части Дальнего Востока по материалам стоянки Гася и других многослойных объектов прослежено развитие первобытной культуры на рубеже плейстоцена – голоцена. Эти материалы свидетельствуют, что в период 13–12 тыс. л.н. население Приамурья перешло на оседлый образ жизни, сопровождавшийся интенсивным освоением природных ресурсов, а также изобретением керамической посуды – одной из древнейших в мире.

В последние годы экспедиционные изыскания А.П. Деревянко приобрели новый размах – к ним прибавились исследования палеолитических объектов в Черногории, Иране, Вьетнаме. Уже первые результаты интенсивных раскопочных работ позволяют по новому взглянуть на время и пути первоначального заселения человеком этих территорий.

Уникальный массовый материал, полученный исследовательской командой А.П. Деревянко в многочисленных экспедициях, опубликован в десятках книг и сотнях статей. Он является автором более 1000 научных публикаций, в том числе более 100 монографий. В начале юбилейной статьи мы постарались дать краткий обзор главных научных

достижений Анатолия Пантелеевича. Вместе с тем здесь не хватит места даже для беглой характеристики всех его основных работ. Достаточно сказать, что в них представлена широкомасштабная картина становления и развития палеолитических культур и динамики изменений природного комплекса плейстоцена во многих ключевых регионах Восточной Евразии.

Как выдающийся ученый и организатор отечественной науки А.П. Деревянко проявляет постоянную заботу о воспитании новых поколений научных кадров. В течение многих лет он возглавлял кафедру всеобщей истории гуманитарного факультета НГУ, читал лекционные курсы по основам археологии, раннему железному веку Дальнего Востока, археологии каменного века Северной, Восточной и Центральной Азии, вел семинары и спецкурсы по разным аспектам азиатского палеолитоведения, которые оперативно издавал в виде учебных пособий. Заботясь о развитии научной школы сибирской археологии, ученый не жалел времени для работы с учениками. Не случайно многие выпускники университета под воздействием его уникальной личности сделали свой профессиональный выбор в пользу археологии, став впоследствии высококвалифицированными специалистами, хорошо известными в научном мире. Среди его прямых учеников – более 60 докторов и кандидатов исторических наук. Одним из главных достижений педагогической и научно-организационной деятельности А.П. Деревянко явилось создание оригинальной научной школы, в основу которой были положены идеи и методы комплексного подхода в палеолитических исследованиях с активным взаимодействием с естественными и точными дисциплинами.

А.П. Деревянко, несомненно, – знаковая фигура в отечественной и мировой археологии. С последней четверти прошлого века и до настоящего времени он играет ключевую роль в развитии нашей науки. Академик А.П. Деревянко – директор Института археологии и этнографии СО РАН, член Бюро Президиума СО РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член Президиума РАН. В начале 1990-х годов он стал одним из создателей Российского гуманитарного научного фонда, существование которого позволило реализовать экспедиционные и аналитические проекты по многим приоритетным направлениям археологических исследований, опубликовать их результаты, провести научные мероприятия федерального и международного уровней. Особенно заметно авторитет российской археологической науки вырос за последние десять лет в период работы А.П. Деревянко в должности академика-секретаря

Отделения историко-филологических наук РАН. Одним из наглядных примеров этого процесса служит возросшая вдвое за этот период численность археологов – членов РАН. В 2006 г. по его инициативе возродилась традиция проведения Всероссийских археологических съездов. Прошедшие с тех пор съезды в Новосибирске (2006 г.), Суздале (2008 г.) и Старой Руссе–Новгороде (2011 г.) имеют непреходящее значение для научной консолидации отечественных специалистов по древней и средневековой истории нашей страны.

Заслуги Анатолия Пантелеевича по достоинству отмечены государством и международным научным сообществом: он кавалер орденов и медалей, иностранный член ряда зарубежных академий, почетный профессор нескольких престижных университетов. А.П. Деревянко – лауреат Государственной премии (2002 г.), Демидовской премии (2004 г.), премии им. академика М.А. Лаврентьева (2005 г.), премии “Триумф” (2005 г.).

Отрадно сознавать, что Анатолий Пантелеевич встречает юбилей в расцвете творческих сил. Пожелаем юбиляру на многие годы вперед плодотворной научной деятельности, новых книг и замечательных открытий, непрестанной жизненной энергии в осуществлении всех его замыслов на благо российской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академик Анатолий Пантелеевич Деревянко: Биобиблиография. Новосибирск, 2012.
- Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Азии (Китай, Корейский полуостров). Новосибирск, 2006.
- Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск, 2009а.
- Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009б.
- Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск, 2011.
- Деревянко А.П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*. Новосибирск, 2012.
- Krause J., Fu Q., Good J. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. V. 464.
- Reich D., Green R.E., Kircher M. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova cave in Siberia // Nature. 2010. V. 468.

ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКА У РЕПИНА ХУТОРА И ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТУРНО-РОДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2013 г. П.Ф. Кузнецов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (pavelf.kpf.kuznetsov@gmail.com)

Ключевые слова: *поселение у Репина Хутора, керамика репинского облика, ямная культура, погребения, радиоуглеродные даты.*

The site of Repin Khutor in the middle reaches of the Don River has been studied for over half a century. The investigations revealed a specific ceramics style. A.T. Sinyuk defined the specific Repin archaeological culture. Its similarity to the Pit-Grave culture has always been an accepted fact. I.V. Sinitsyn was the first researcher of the site. He assumed that Repin Khutor was a settlement of the Pit-Grave culture. The defining of a specific Repin culture raises the question of its chronological relation to the Pit-Grave culture. The materials from Repin Khutor allowed obtaining 10 radiocarbon dates (6 for ceramics and 4 for bone). The sum of the probabilities indicates the interval within XXXIV–XXIX cal. BC (fig. 4). The interval corresponds to the defined chronological time interval of the Pit-Grave culture in the Volga-Urals region. The author assumes that the Repin Khutor culture occupied the forest-steppe area of the Don-Donets region.

Более полувека поселение у Репина Хутора находится в поле зрения специалистов (Синицын, 1957). К настоящему времени на территории Доно-Волго-Уральского региона известно около 40 памятников с керамикой репинского облика (рис. 1). Поселение у Репина Хутора – монокультурное, имеет выраженный культурный слой и представительную коллекцию керамики, хранящуюся в Саратовском областном краеведческом музее. Необычна его топография: оно занимало господствующую возвышенность (Гагарина Гора), отделенную глубокими балками от основного высокого плато правого берега р. Дон. Высота вершины над уровнем Дона – около 100 м. На вершине Гагариной Горы находится площадка (около 200 × 15 м), вытянутая вдоль русла реки по линии ВСВ–ЗЮЗ, конусовидной формы, с уклоном в сторону Дона.

Сосуды поселения имеют выраженный стереотип формы и орнамента. Это горшки яйцевидной формы с выделенным высоким желобчатым венчиком, орнаментированные пояском ямок, выдавленных снаружи или изнутри, – “жемчужинами” (рис. 2, 1–22).

История исследования памятника и его топографические особенности достаточно подробно изложены в работе Н.М. Малова (2008. С. 63). Здесь же опубликованы и материалы авторских раскопок памятника 1989 г. Остеологическая коллекция из

раскопа II изучена Н.В. Росляковой. Согласно ее определениям, в культурном слое присутствует 81 кость лошади (79.41%); 8 костей крупного рогатого скота (КРС) (7.84%); 10 – мелкого рогатого скота (МРС) (9.8%); 1 кость овцы (0.98%); 2 кости полорогих животных (1.96%). 42 кости в силу своей фрагментарности оказались неопределимыми. Таким образом, в остеологической коллекции раскопа II абсолютно преобладают кости лошади. Примерно в равных количествах находятся кости КРС и МРС. Обращает на себя внимание тот факт, что в новой коллекции костей отсутствуют достоверные кости диких видов. Кости полорогих животных могут в равной мере относиться как к диким, так и к домашним формам. Нет и костей свиньи, имевшихся в коллекции из раскопок предыдущих лет (Шилов, 1975. С. 88). Впрочем, Н.М. Малов отмечает наличие пяти красноглиняных гончарных фрагментов, которые, по его мнению, возможно связать с присутствием костей свиньи (2008. С. 64). Таким образом, остеологическая коллекция из раскопок 1989 г. свидетельствует о наличии подвижной скотоводческой формы хозяйства населения, оставившего памятник Репин Хутор. Вопрос о том, можем ли мы относить кости лошадей поселения к диким или к домашним формам, однозначного ответа пока не имеет. Это проблема специального исследования, выходящего за рамки данной работы.

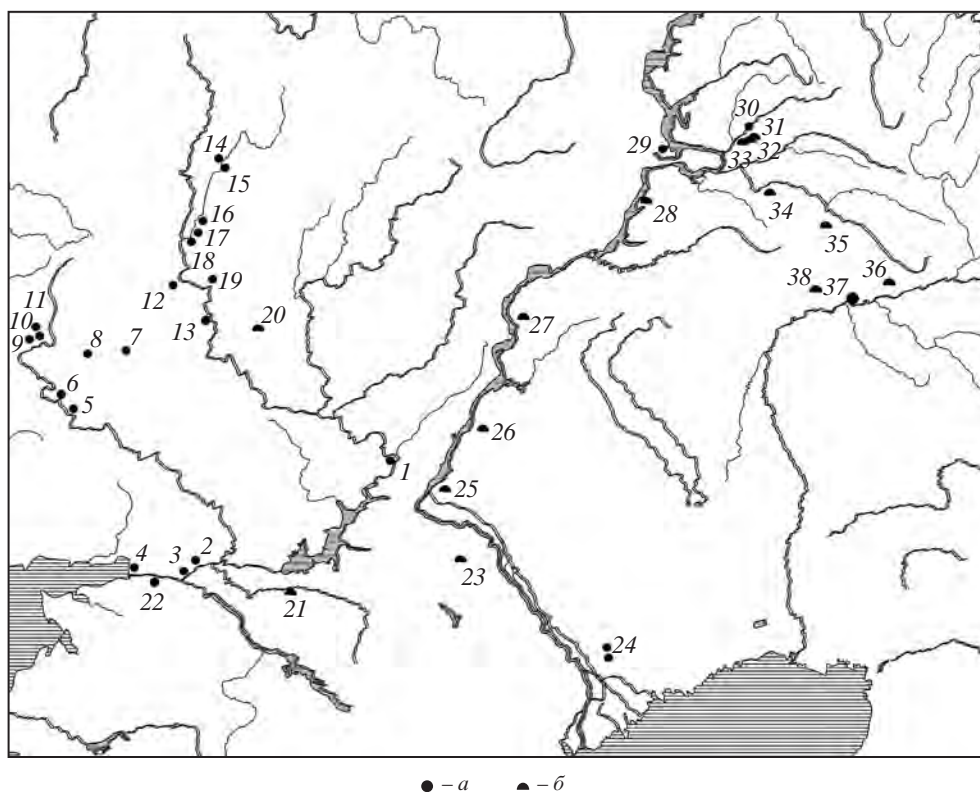

Рис. 1. Памятники с керамикой репинского облика Доно-Волго-Уральского региона. 1 – Репин Хутор; 2 – Самсоновское; 3 – Раздоры; 4 – Ливенцовка; 5 – Усово Озеро; 6 – Изюм; 7 – Подгоровка; 8 – Александрия; 9 – Светличное 1; 10 – Великая Тополяха; 11 – Сердюково-2; 12 – Дармодехинское; 13 – Верхний Карабут-2; 14 – Липецкое озеро; 15 – Большой Липяг; 16 – Северо-восточное; 17 – Университетская-3; 18 – Шиловское; 19 – Черкасская; 20 – Подгорное, курган 2, погр. 2; 21 – Новый, курган 1, погр. 1; 22 – Лисовин; 23 – Кривая Лука XXV, курган 1, погр. 19; 24 – Кызыл-Хак I, II; 25 – Верхнее Погромное, курган 19, погр. 10; 26 – Быково-II, курган 2, погр. 3; 27 – Скатовка, курган 5, погр. 3; 28 – Екатериновка, разрушенные погребения; 29 – Шигоны; 30 – Лебяжинка IV; 31 – Потаповка, курган 5, погр. 1; 32 – Лопатино I, курган 31; 33 – Грачевка II, курган 5, погр. 2; курган 7, погр. 1, 2; 34 – Покровка I, курган 15, погр. 2; 35 – Петровка I, курган 1, погр. 1; 36 – Герасимовка II, курган 4, погр. 2; 37 – Родниковое; 38 – Болдырево I, курган 8, погр. 2, курган 9, насыпь. Условные обозначения: *a* – памятники с выраженным культурным слоем; *b* – подкурганные погребения.

Для определения радиоуглеродного возраста были отобраны кости трех лошадей (образцы 1–3) и кость КРС (образец 4), по которым в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены даты (рис. 3, 2). Из них следует, что наибольшее сходство имеют даты костей лошади. Кость КРС оказалась несколько древнее. Вместе с тем сумма вероятностей всех полученных дат указывает на общий наиболее достоверный интервал в пределах 2890–2560 гг. до н.э. (66.3% вероятности) или 3350–2450 гг. до н.э. (95.4%).

Киевской радиоуглеродной лабораторией была разработана и в последние годы активно внедряется методика датирования археологической керамики (Ковалюх, Скрипкин, 2007. С. 120–127). Для датировки были отобраны четыре керамических образца, происходящих из раскопок поселения Репин Хутор И.В. Синицыным.

Образец 1 (рис. 2, 23). Фрагмент стенки сосуда (10.5 × 12.5 см). Орнаментирован рядами гори-

зонтальных и наклонных расчесов, выполненных краевой частью штампа с ровными зубцами.

Образец 2 (рис. 2, 24). Фрагмент стенки верхней части сосуда (7.5 × 4.7 см). Он имел горшковидную форму с овальным туловом и намеченной шейкой. В верхней части фрагмента сделано сквозное отверстие диаметром до 3 см. Сосуд украшен отпечатками шнура и зубчатого штампа. Шнуровой орнамент нанесен в виде горизонтальных рядов. Между ними нанесены вертикальные расчесы, а также наклонные ряды отпечатков зубчатого штампа.

Образец 3 (рис. 2, 25). Фрагмент стенки сосуда (9 × 7.4 см). Орнаментирован волнообразными отпечатками рядов шнура. Над ними проходит один горизонтальный ряд зигзага, выполненного зубчатым штампом. Он частично перекрывает параллельные ряды отпечатков неглубокого штампа.

Образец 4 (рис. 2, 26). Фрагмент стенки сосуда (7.1 × 8 см). Вся поверхность орнаментирована

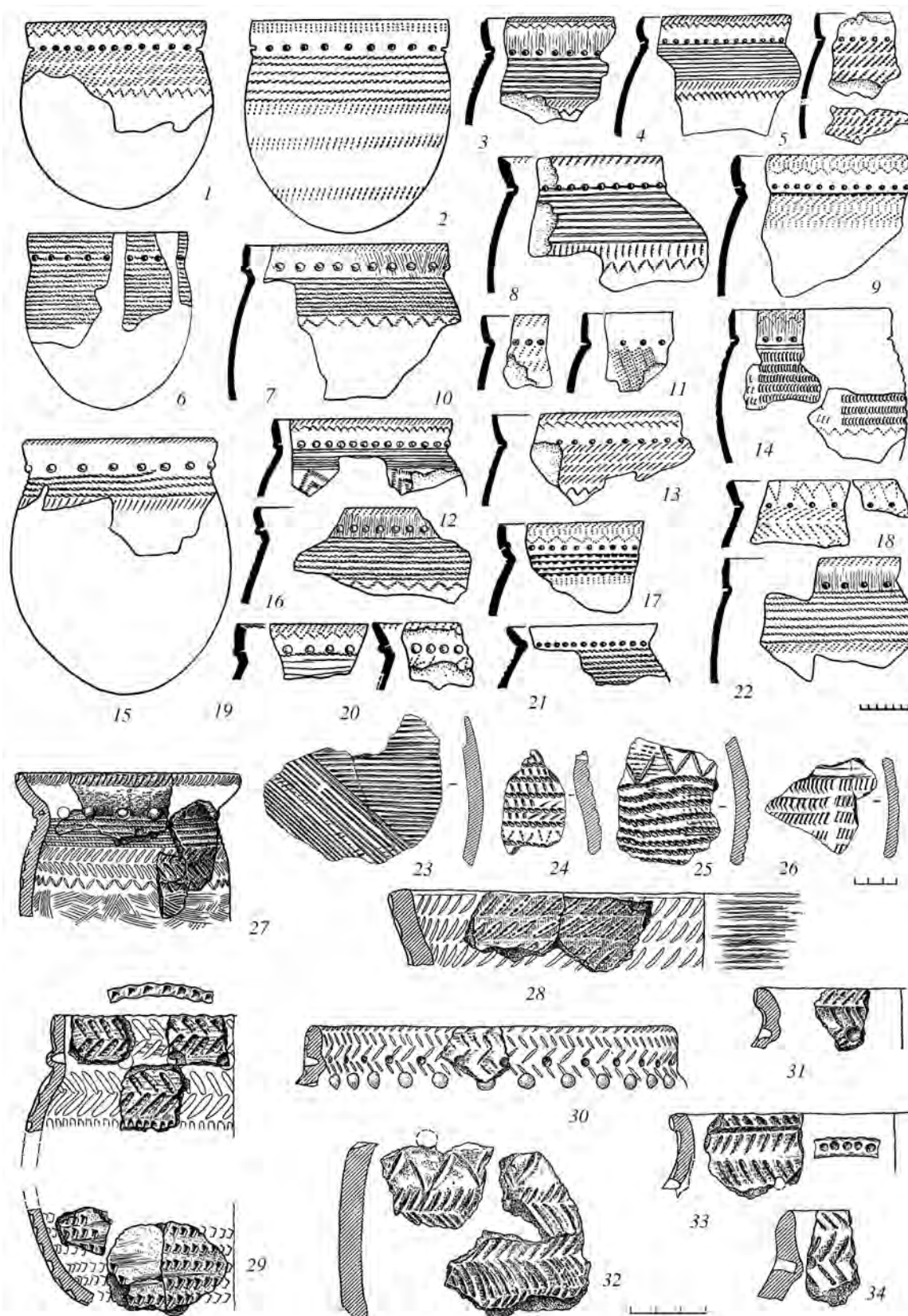

Рис. 2. Керамика репинского облика Подонья. 1–22 – Репин Хутор (по: Синюк, 1981); 23–26 – Репин Хутор, фрагменты стенок сосудов из раскопок Н.М. Малова, подвергнутых радиоуглеродному датированию; 27–34 – Самсоновское поселение, керамика репинского облика (по: Гей, 1979).

Atmospheric data from Reimer et al (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron]

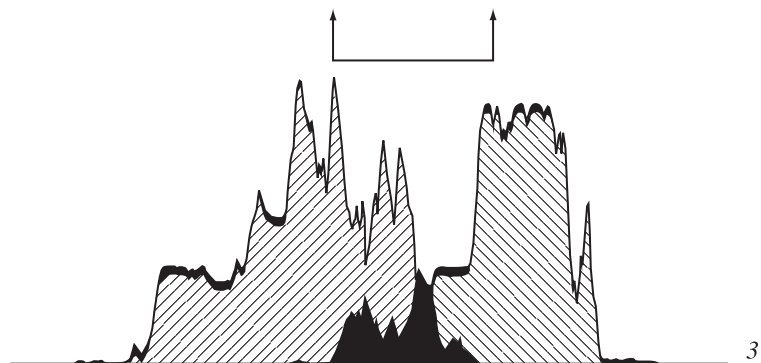
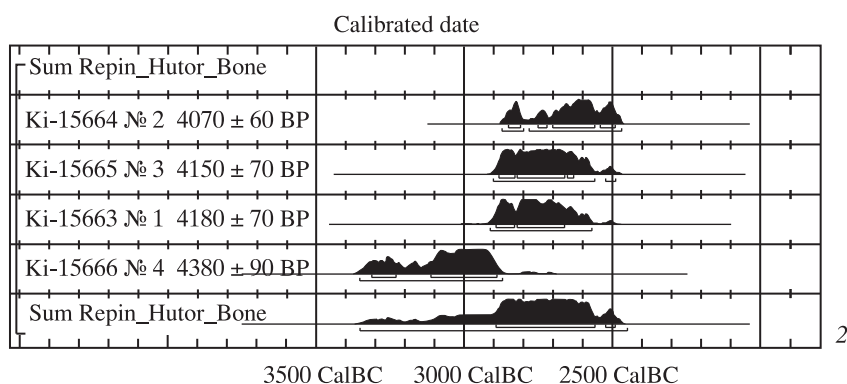
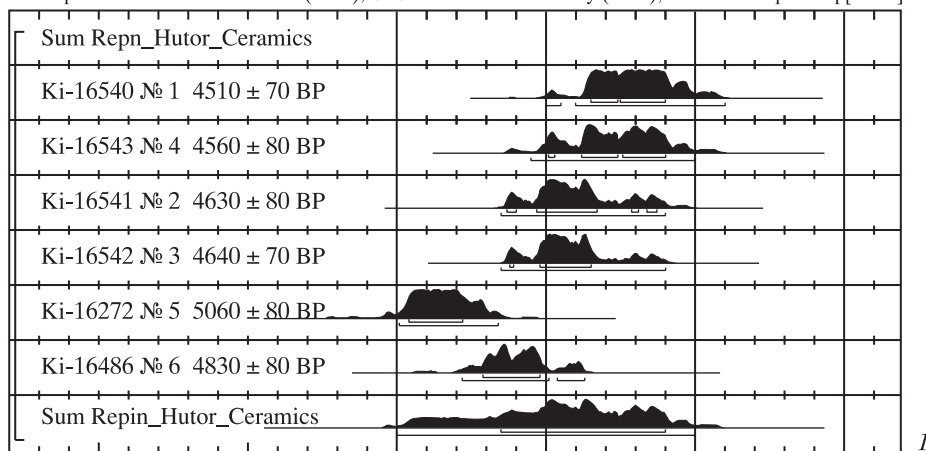

Рис. 3. Радиоуглеродные даты памятника Репин Хутор. 1 – распределение суммы вероятностей 6 дат, выполненных по керамике; 2 – распределение суммы вероятностей 4 дат, выполненных по кости; 3 – совмещение полигонов частот распределения сумм вероятностей 10 дат.

горизонтальными неглубокими желобками, поверх которых нанесен орнамент в виде горизонтальных рядов отступающей лопаточки шириной до 0.7–0.8 см. Вероятно, ряды не были сплошными.

Одновременно с нашей работой Н.Л. Моргуновой были отобраны два образца сосудов, происходящих с описываемого памятника, и переданы для датирования в Киевскую радиоуглеродную лабораторию (Моргунова и др., 2011. С. 54–56).

Образец 5. Фрагмент венчика от крупного сосуда с высоким горлом. Сосуд орнаментирован рядом ямок-жемчужин и горизонтальными рядами коротких отпечатков косо поставленного штампа (Моргунова и др., 2011. С. 55. Рис. 3).

Образец 6. Фрагмент от миниатюрного сосуда с округлым дном и высоким горлом. Сосуд украшен рядом ямок, отпечатками горизонтального и наклонного шнура (Моргунова и др., 2011. С. 55. Рис. 4).

Рис. 4. Керамика репинского облика Волго-Уралья. 1, 2 – Петровка I, курган 1, погр. 1; 3 – Екатериновка, уч. 5, погр. 1; 4 – Потаповка, курган 5, погр. 1; 5 – Екатериновка, обрыв р. Волга; 6 – Покровка I, курган 15, погр. 2; 7 – Герасимовка II, курган 4, погр. 2; 8 – Быково-II, курган 2, погр. 3; 9, 10 – Лопатино I, курган 31; 11 – Болдырево I, курган 8, погр. 2; 12 – Болдырево I, курган 9, насыпь; 13 – Грачевка II, курган 5, погр. 2; 14 – Грачевка II, курган 7, погр. 1; 15 – Грачевка II, курган 7, погр. 2; 16 – пос. Лебяжинка IV.

По форме профиля фрагментов и особенно по орнаментальным композициям указанные образцы являются органической составляющей всей коллекции памятника. Аналогии отобранной керамике есть среди тех сосудов поселения Репин Хутор, которые имеют существенно лучшую сохранность. В связи с этим образец 4, вероятно, представляет собой часть ранее опубликованного сосуда (Синюк, 1981. Рис. 1, 8).

Керамические образцы дали шесть радиоуглеродных дат (рис. 3, 1). По сумме вероятностей в 68.2% интервал полученных датировок определяется в пределах 3650–3100 гг. до н.э. и оказывается гораздо древнее определений, выполненных по кости. Все полученные артефакты относятся к одному хронологическому интервалу. Определение достоверного времени поселения возможно посредством определения пересекающихся участков калибровочной кривой при сравнении датировок, полученных по разным типам материала (рис 3, 3). На графике интервал пересечения калибровок определяется в пределах 3350–2900 гг. до н.э. Таким образом, время существования памятника возможно определить в пределах XXXIV–XXX вв. до н.э.

Поселение Репин Хутор – второй памятник, на котором керамика репинского облика оказалась древнее, чем дата, выполненная по кости. Аналогичные результаты были получены при датировании костей основного погребения и сосуда из синхронной жертвенной площадки курган 31 могильника Лопатино I Самарского Заволжья (рис. 4, 9, 10): Ki-14544 Лопатино I, курган 31, сосуд, образец 1: 4800±80 BP. 3720–3370 CalBC (95.4%); Ki-14545 Лопатино I, курган 31, сосуд, образец 2: 4750±70 BP. 3650–3360 CalBC (95.4%); AA-47804 Лопатино I, курган 31, кость человека: 4432±66 BP. 3340–2910 CalBC (95.4%).

Особенности погребального обряда курган 31 могильника Лопатино I позволяют относить его к раннему этапу ямной культуры Поволжья, который предложено именовать как “быково-бережновский” (Кузнецов, 2010. С. 45, 51). Датированный сосуд из этого комплекса обладает признаками керамики репинского облика.

Имеются еще две даты, полученные по костям людей из погр. 1, 2, в которых содержалась керамика, имеющая репинские признаки. Курган 7 могильника Грачевка II (рис. 4, 14, 15) отнесен ко второму – кутулукскому – этапу ямной культуры (Кузнецов, 2011. С. 88): AA-53806 Грачевка II, курган 7, погр. 2, кость человека: 4419±56 BP. 3140–2910 CalBC (65.3%); AA-53807 Грачевка II, курган 7, погр. 1, кость человека: 4361±55 BP. 3120–2880 CalBC (90.3%).

Полученные датировки весьма близки. При этом интервал даты основного погр. 2 – древнее, чем периферийного погр. 1. Суммирование вероятностей датировок по костям погребенных с наибольшей достоверностью помещается в интервале 3130–2890 CalBC (77.4%), который заметно моложе интервала, полученного для погребения курган 31 могильника Лопатино I.

В контексте наших исследований важное значение имеет отбор Н.Л. Моргуновой (Моргунова и др., 2011. С. 55, 58–61) образцов керамики репинского облика из ямных погребений могильников Скатовка (Нижнее Поволжье), Скворцовский и Петровский (Приуралье): Ki-16488 Скатовка, курган 5, погр. 3, сосуд 3: 5080±80 BP. 4050–3690 CalBC (95.4%); Ki-16487 Скатовка, курган 5, погр. 3, сосуд 2: 4890±70 BP. 3810–3520 CalBC (91.7%); Ki-16274 Скатовка, курган 5, погр. 3, сосуд 1: 4100±90 BP. 2890–2460 CalBC (95.4%).

Комбинирование полученных дат трех сосудов из одного погребения по программе OxCal v3.10 позволяет получить значение R_Combine 4777±46 BP. Интервал времени определяется в пределах 3650–3500 CalBC (84.7%) либо 3430–3370 CalBC (10.7%).

Датированы сосуды из двух ямных погребений Приуралья: Ki-16268 Скворцовка, курган 5, погр. 2, сосуд: 5140±70 BP. 4250–3700 CalBC (95.4%); Ki-14521 Петровка, курган 1, погр. 1, сосуд: 4730±90 BP. 3750–3300 CalBC (95.4%).

Таким образом, большая часть погребений с керамикой репинского облика имеется в погребениях ямной культуры Волго-Уралья всех ее этапов и определяется в интервале XXXV–XXIX вв. до н.э. Это дает нам основания предполагать синхронность ямной культуры Волго-Уральского региона и описываемого памятника.

И.В. Синицын относил поселение Репин Хутор к ямной культуре (1957. С. 31–35). В дальнейшем А.Т. Синюк обосновал выделение особой репинской культуры синхронной ямной. Основная область ее распространения, по его мнению, находилась в пределах Среднего Дона. При этом важно отметить, что А.Т. Синюком был выделен ряд отличительных особенностей керамики поселений лесостепного Подонья от керамики поселения Репин Хутор (1981. С. 8–20). На самом поселении фактически представлена керамика только одного типа – круглодонные горшки с внутренним ребром и желобком под венчиком. Это совершенно необычная ситуация для бытового комплекса. В сочетании с уникальной топографией памятника возможно предположение о его неординарном характере.

Близко по топографическим характеристикам к Репину Хутору Самсоновское поселение Нижнего Подонья (Гей, 1979; 1983). Оно расположено на высоком обрывистом мысу и имеет представительную коллекцию керамики репинского облика (рис. 2, 27–34). Но это именно мыс, а не отдельно стоящая возвышенность. Да и склон на вершине Гагариной Горы у современного Репина Хутора не мог быть регулярным местом обитания населения, хотя именно здесь исследован монокультурный слой, содержащий керамику и кости животных. (В связи с изложенными особенностями памятника именовать его “поселением” целесообразно в кавычках.) В отличие от него коллекции всех других памятников оказываются существенно разнообразнее и могут быть объединены в группу особого репинского керамического стиля. При этом некоторые сосуды имеют прямые аналогии в погребениях ямной культуры. Так, с Самсоновского поселения происходит сосуд (рис. 2, 29), аналогичный сосуду из погр. 31, курган 1 у хут. Новый, исследованного Л.С. Ильюковым в Ростовской обл. (Гей, 1979. Рис. 8). По обряду это ямное погребение, сопровождаемое двумя костяными “рогатками” (Кияшко, 1989. С. 76, 77).

На Нижнем Дону керамика репинского облика, аналогичная погребальной ямной, обнаружена на Ливенцовском и Раздорском поселениях. В связи с этим В.Я. Кияшко использовал особый термин “ямная (репинская) культура” (1989. С. 81). К западу от Дона и вплоть до Поднепровья, при явном увеличении погребений ямной культуры, наблюдается количественное уменьшение керамики репинского облика. Наиболее представительна коллекция ямной керамики Михайловского поселения, большая часть которой происходит из среднего слоя (Лагодовська и др., 1962. С. 81–88; Коробкова, Шапошникова, 2005. С. 57–65). Известны фрагменты не менее 150 сосудов, из которых репинский облик имеют не более 10. Каждый сосуд обладает одним или двумя признаками сходства с репинскими. Керамика репинского облика обнаружена на ряде поселений бассейна Северского Донца. Из них три имели выраженный культурный слой (Спицына, 2000. С. 53–75). Керамическая коллекция памятников сравнительно малочисленна, но она имеет выраженное сходство с репинской посудой. При этом отмечаются признаки, сближающие ее с материалами поселений лесостепного Подонья.

Керамика репинского облика хорошо известна в материалах Волго-Уральского региона (рис. 4, 1–6, 8, 11–13). Необходимо отметить, что она выделялась и выделяется в пределах основного ареала ямной культуры. Наиболее восточный сосуд репинского облика обнаружен в ямном погребении с костяными

рогатками (Порохова, 1992. С. 92–107) (рис. 1, 36; 4, 7). На юге Волго-Уралья, в полупустынной зоне Северного Прикаспия, обнаружено около 10 пунктов с подобной керамикой, из них поселения Кызыл-Хак I и II имели сохранившийся культурный слой. Они исследованы в Аксарайском р-не Астраханской обл. (Барынкин, 1986). Памятники находятся в 30 км к северу от Кигача – крайней восточной протоки дельты р. Волга. Поселения располагались в обширном барханном массиве, на широких останцах (до 50 м), в высоту достигали до 1 м, находились в 2.5 км друг от друга, по линии С–Ю. Большая часть культурного слоя сохранилась под наносным слоем барханного песка мощностью до 1 м (Барынкин, 1986; Барынкин и др., 1998. С. 179–187). По углистой почве культурных слоев памятников ранее были получены две даты (Лаврушин и др., 1998. С. 40–65): УПИ-430 Кызыл-Хак I, углистая почва: 4900 ± 40 BP. 3770–3650 CalBC (68.2%); ГИН-? Кызыл-Хак II, углистая почва: 5050 ± 45 BP. 3950–3790 CalBC (68.2%).

По одному фрагменту сосуда репинского облика с поселения Кызыл-Хак I были получены две даты: Ki-14542 Кызыл-Хак I, сосуд, образец 1: 4510 ± 80 BP. 3490–2900 CalBC (93.1%); Ki-14543 Кызыл-Хак I, сосуд, образец 2: 4540 ± 80 BP. 3550–2900 CalBC (95.4%).

Комбинирование полученных дат сосуда по программе OxCal v3.10 позволяет получить значение R_Combine 4525 ± 57 BP. Наиболее вероятный интервал – 3380–3080 CalBC (90%).

По фрагменту сосуда с поселения Кызыл-Хак II также были получены две даты: Ki-15075 Кызыл-Хак II, сосуд, образец 1: 4730 ± 70 BP. 3640–3360 CalBC (95.4%); Ki-15092 Кызыл-Хак II, сосуд, образец 2: 4550 ± 70 BP. 3390–3020 CalBC (85.4%).

Комбинированное значение полученных дат – R_Combine 4642 ± 50 BP сосуда. Интервал времени возможно определить в пределах 3530–3330 CalBC (89.8%).

Отдельные сосуды репинского облика известны на бытовых многослойных памятниках степного и лесостепного Поволжья. По двум образцам датирован один сосуд поселения Лебяжинка IV (рис. 4, 16): Ki-15076 Лебяжинка IV, сосуд, образец 1: 4020 ± 70 BP. 2900–2300 CalBC (95.4%); Ki-15093 Лебяжинка IV, сосуд, образец 2: 4330 ± 80 BP. 3350–2650 CalBC (95.4%).

Комбинированное значение дат сосуда – R_Combine 4159 ± 53 BP. Интервал времени полученного значения определяется в пределах 2890–2580 CalBC (95.4%).

Серия радиоуглеродных дат получена по костям животных, происходящих из многослойного поселения Подгоровка, расположенного на притоке Северского Донца. Опубликовано пять дат, причем в публикации В.А. Манько и С.А. Телиженко все даты отнесены ко времени ямно-репинской керамики (2003. С. 61, 62). В статье С.А. Телиженко дата из третьего слоя связывается с материалами предшествующего времени – керамикой средне-стоговского облика (2003. С. 75). Ямно-репинская керамика обнаружена в последующих – первом и втором – слоях памятника, из которых получены четыре даты (Телиженко, 2003. С. 76. Табл. 1): Ki-7839 Подгоровка, шурф 1, кости животных: 4130 ± 60 BP. 2890–2560 CalBC (93.7%); Ki-7840 Подгоровка, шурф 2, кости животных: 4205 ± 60 BP. 2920–2610 CalBC (95.4%); Ki-7841 Подгоровка, слой 2, кости животных: 4370 ± 55 BP. 3120–2880 CalBC (88.4%); Ki-7841 Подгоровка, слой 2, кости животных: 4330 ± 55 BP. 3090–2880 CalBC (95.4%).

Сумма вероятностей датировок ямно-репинских слоев Подгоровского поселения находится в интервале 3100–2500 CalBC (95.4%), соответствующем верхнему пределу суммы датировок, полученных по костям животных с поселения Репин Хутор.

Таким образом, в настоящее время получено 30 радиоуглеродных дат по памятникам с керамикой репинского облика. Выявляется определенная тенденция зависимости радиоуглеродных датировок от материалов, по которым они получены. Наиболее древними оказались даты, выполненные по почвам культурных слоев двух поселений Северного Прикаспия. Их датировка по керамике оказалась существенно моложе. В зависимости от исходных материалов различаются и радиоуглеродные определения эпонимного памятника у Репина Хутора. Датировки, выполненные по кости животных, определяются в интервале 2890–2560 гг. до н.э. (66.3% вероятности). Датировки по керамике – в интервале 3650–3100 гг. до н.э. (68.2%). По степени вероятности удревнения датировок намечается следующая последовательность: почвы – керамика – кость человека – кость животного. При этом важно отметить, что даты по почве и по углистой почве поселений оказываются древнее, чем все другие. Это не первый случай. Датировки по подкурганным почвам в Приуралье также оказались древнее, чем даты самих погребений (Моргунова и др., 2003. С. 264–274). Важно отметить, что даты по сосуду из кургана 31 Лопатинского I могильника оказались несколько древнее, чем дата по костям погребенного. И это весьма важный результат в контексте обсуждения сравнительно новой проблемы поиска следов резервуарного эффекта по погребениям

степной зоны Восточной Европы (Шишлина и др., 2006. С. 112–114). Керамика ямной культуры, как показали результаты технологического анализа, изготовлена из илестых глин (Салугина, 2005. С. 85–92). Возможно, в этом заключается ответ на вопрос о том, какова тенденция к удревнению дат, полученных по сосудам раннего бронзового века. Но ответ на него – тема специального исследования.

Важнейший итог проделанной работы сводится к тому, что датировки памятников с керамикой репинского облика в целом соответствуют времени ямной культуры ее восточного ареала. Памятник у Репина Хутора возможно продатировать временем в интервале XXXIV–XXIX вв. до н.э. Он соответствует существованию ямной культуры в Волго-Уральском регионе (Кузнецов, 2007. С. 216–224). Данный период – наиболее ранний в хронологии ямной культуры всей степной зоны Восточной Европы. Таким образом, керамика репинского стиля является составной частью ранних этапов развития ямной культурно-исторической общности. В этой связи вполне вероятно определить ареал синхронной репинской культуры в пределах лесостепного Доно-Донецкого региона. К какой культуре можно отнести эпонимный памятник у Репина Хутора? Н.Я. Мерпертом эта территория была отнесена к донскому варианту ямной культурно-исторической общности (1974. С. 153). Учитывая особенности топографии памятника, его нельзя отнести к категории обычных поселений или стоянок. Территориально он вполне вписывается в степной ареал ямной культуры Подонья.

Выражаю искреннюю признательность Н.М. Малову, А.И. Юдину, К.Ю. Моржерину, Н.Н. Ковалюху и Н.В. Росляковой за высококвалифицированную помощь в определениях при отборе образцов для датирования памятника Репин Хутор.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12–11–63002а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего неолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кызыл-Хак II – памятник эпохи ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Гей А.Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону // СА. 1979. № 3.

- Гей А.Н. Самсоновское поселение // Древности Дона. М., 1983 (Материалы работ Донской экспедиции).
- Кияшко В.Я. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Изв. Ростовского обл. музея краеведения. Вып. 6. Ростов, 1989.
- Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб., 2005.
- Кузнецов П.Ф. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Кузнецов П.Ф. Проблемы изучения раннего и среднего периодов бронзового века Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010.
- Кузнецов П.Ф. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург, 2011.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержский Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Д. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.
- Манько В.А., Телиженко С.А. Проблемы абсолютной хронологии мезолита–энеолита Подонечья // Матеріали і дослідження з археології Східної України. Вып. 1. Луганск, 2003.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург, 2011.
- Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И. и др. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья. Приложение 1 // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А. и др. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.
- Порохова О.И. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.
- Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. 2005. № 3.
- Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА АН УССР. 1957. № 7.
- Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита–бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.
- Спицына Л.А. Северскодонецкий ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Луганск, 2000.
- Телиженко С.А. Радиоуглеродные даты Подгоровского поселения // Матеріали і дослідження з археології Східної України. Вып. 1. Луганск, 2003.
- Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Севастьянов В.С. и др. К вопросу о поправке на резервуарный эффект радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Оренбург, 2006.

ПОГРЕБЕНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ (САРГАТСКАЯ КУЛЬТУРА)

© 2013 г. Н.А. Берсенева

Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск
(natberseneva@gmail.com)

Ключевые слова: саргатская культура, ранний железный век, Зауралье и Западная Сибирь, археология возрастных групп.

The article is concerned with the status of age groups in ancient societies. Paleo-societal studies seldom focus on the older age group (over 45 years old), mainly because its representatives are seldom encountered in burial complexes. Analysis revealed that in the Early Iron Age “elderly” Sargat men and women retained their social status and gender identity, and probably continued to be active members of the community. All the testimony indicates that the status of the individual in Sargat society was hereditary, which is typical of hierarchical societies.

Социальные структуры, основанные на возрасте, к сожалению, редко оказываются в фокусе научного интереса археологов. Между тем, возраст – это социальная характеристика, которая обязательно изменяется в течение срока жизни индивида, и с этой точки зрения его роль в репродукции социальных норм и материальной культуры чрезвычайно важна и должна адекватно изучаться.

Понятие “возраст” многомерно. Физическая антропология разделяет хронологический (соотносящийся с календарной датой рождения) и биологический (медицинская конструкция, соответствующая стадии физического взросления или старения тела) возраста, которые, очевидно, взаимосвязаны, но не эквивалентны (Рохлин, 1965. С. 27, 28; Lovejoy et al., 1997. Р. 44; Хрисанфова, Перевозчиков, 2005. С. 146–149). Социология добавляет к указанным возрастам еще и социальный, характеризующий социальную позицию и поведение, уместные для определенного хронологического возраста. Предполагается, что все три значения возраста связаны с гендером и социально структурированы.

Социальный возраст – культурно созданный, специфичный для каждого отдельного общества феномен. Каждой возрастной группе соответствуют определенные права, обязанности, поведенческие нормы и т.д. Часто с возрастом тесно связано накопление богатства и/или приобретение высокого общественного положения. Переход из одной возрастной категории в другую мог маркироваться инициацией и, как правило, сопровождался из-

менениями в социальном статусе. Известно, что традиционные коллективы не ведут учет календарного возраста, обращая большее внимание на физиологические изменения и на открывающиеся в связи с ними новые возможности выполнения каких-либо хозяйственных функций, ношения оружия, деторождения и т.д. (Бочаров, 2001. С. 48–50).

Символизм, связанный с возрастом умершего, – важная часть погребального ритуала. Согласно кросс-культурным исследованиям Л. Бинфорда (Binford, 1971. Р. 231), возраст покойного символизировался в погребениях среди оседлых земледельцев в большей степени, нежели в сообществах охотников-собирателей. Л. Бинфорд пришел к выводу, что именно возраст обычно определяет локализацию погребения в пространстве. По мнению К. Карра, возраст оказывает влияние на погребальные действия в обществах всех степеней сложности (Carr, 1995. Р. 175), что могло выражаться в различных способах погребения детей и взрослых (Ucko, 1969. Р. 270, 271). Предполагается, что разница в обращении с умершими разных возрастов могла соответствовать степени их необходимости для нормального функционирования социума (Binford, 1971. Р. 233; McNugh, 1999. Р. 20).

Степень, в которой возрастные различия влияют на погребальную обрядность, может серьезно варьировать от общества к обществу. В целом считается, что возрастные символы преобладают в погребениях эгалитарных обществ, – это связано с доминиро-

ванием достигнутого¹ социального статуса, напрямую зависимость от возраста. В сложных социумах, имеющих иерархическую структуру, возрастные градации могут быть выражены в значительно меньшей степени. Высокое статусное положение здесь наследуется или распространяется на всех членов семьи независимо от количества прожитых лет. Возрастные группы продолжают существовать и в сложных обществах, но могут находить меньшее отражение в погребальной сфере, уступая главное место символам вертикальных социальных различий. Наличие богатых детских погребений обычно связывается с существованием в сообществе приписываемого статуса и, следовательно, социальной иерархии (Brown, 1981. Р. 29; Бунятян, 1985. С. 99, 100; McNugh, 1999. Р. 24–26).

С археологической точки зрения при изучении древних возрастных групп возникает ряд неизбежных трудностей, и не последняя из них – остеологическое определение возраста погребенных. Очевидно, что в результате остеологической идентификации останков фиксируется биологический возраст, который может не вполне соответствовать календарному. Сегодняшние технологии не позволяют надежно устанавливать возраст погребенных индивидов старше 50 лет, в результате чего возрастной профиль кладбищенской популяции искажается в сторону ее омоложения (Lucy, 2005. Р. 50; Chamberlain, 2006. Р. 89–91). Если фазы роста скелета хорошо увязываются с хронологическим возрастом, то скорость его старения не имеет строгой регулярности и зависит от множества причин (Chamberlain, 2006. Р. 89–91). “Старость” костей определяется врожденными индивидуальными особенностями, состоянием здоровья на момент смерти, а также условиями погребального контекста, в котором они находились (Lovejoy et al., 1997. Р. 44). Различные кости с большей или меньшей вероятностью разрушаются в зависимости от их размера и формы (Козловская, 1999. С. 218, 219), а также, по некоторым данным, пола и возраста погребенного (Bello et al., 2006. Р. 24–38).

Безусловно, определение биологического возраста костей – база для интерпретации возрастных групп в социальном смысле. Выявление “культурно”-осознаваемых возрастных групп – одна из целей исследования и может быть достигнута только

в результате анализа археологического материала. Это вынуждает провести первичную группировку погребенных по возрастным категориям, чтобы далее попытаться установить, имеют ли они социальное значение. Наиболее приемлемым в этом случае представляется простое трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: незрелые или “дети” (*juvenile (i.e. pre-adult)*; до 15 лет), “взрослые” (*prime adult*) и “старшие взрослые” (*old adult*; после 45–50 лет) (Stiner, 1991. Цит. по: Chamberlain, 2006. Р. 16). Дети – физически и социально незрелы и зависимы от взрослых; им присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных классов. Взрослые характеризуются физической и репродуктивной зрелостью, а также самой низкой смертностью. Переход от взрослой стадии к старшей взрослой менее точно определяется хронологически, но маркируется снижением женской фертильности и возрастанием смертности среди обоих полов (Chamberlain, 2006. Р. 17). Границы между этими возрастными интервалами отражают важные психологические и поведенческие изменения в жизни индивида, но могут слегка сдвигаться для разных полов.

Погребения людей, которых можно отнести к старшей возрастной группе (более 45 лет), как правило, не являются предметом палеосоциальных исследований. Отчасти это объясняется их небольшим количеством, во многом вытекающим из проблем остеологической идентификации.

В биологическом смысле эта группа характеризуется наступлением менопаузы у женщин, постепенным снижением физических возможностей и двигательной активности у обоих полов, возрастанием чувствительности к различного рода инфекциям. В социальном отношении, особенно в традиционных обществах, старшие члены сообщества обычно пользовались уважением, что можно связать, с одной стороны, с доминированием достигнутого статуса, а с другой – с необходимостью устной передачи опыта и культурных норм последующим поколениям. Первая в человеческом обществе иерархия возникла на половозрастной основе. Это отчетливо демонстрируют африканские общества с их системами “возрастных” классов и повсеместно распространенным культом предков (Бочаров, 2001. С. 97–103; Токарев, 2005. С. 144–146). “Старшие” стояли на вершине общественной пирамиды; власть их, особенно внутри семьи, часто была непререкаемой. Ритуальная сфера также во многих случаях оказывалась во власти старейшин, старики почитались как хранители религиозных традиций. Однако, как показывают кросс-культурные исследования, статус “пожилых” и “дряхлых” людей в

¹ В социологии существуют понятия достигнутого и приписываемого статуса. В археологии эти термины используются, чтобы разделить общества, в которых высокий статус достижим (т.е. эгалитарные, где индивид может добиться высокого положения, используя свои личные способности), и общества, в которых высокий статус приписывается через наследование (иерархические) (Parker Pearson, 1999. Р. 74).

традиционных обществах обычно был далеко не одинаков (Бочаров, 2001. С. 61).

С другой стороны, в сложных вождествах или государственных образованиях, где доминировал приписываемый статус, вертикальная социальная позиция определяла отношение общества к человеку независимо от его возраста.

Как можно проследить отношение к старшим на археологическом материале? С археологической точки зрения оно может быть отражено в погребальной сфере через локализацию и структуру погребения, а также с помощью сопроводительных артефактов. Предметы создавали физический облик человека и часто служили символами перехода из одной возрастной группы в другую. Например, переход во взрослое состояние мог сопровождаться появлением права на ношение и использование оружия, предметов культа, особых видов украшений. И, наоборот, физическое старение могло этих прав лишать. Кроме того, для демонстрации статуса погребенного часто использовалось пространство: захоронения в центре погребального комплекса считаются более высокостатусными, нежели периферийные. Тот факт, что социальный возраст имеет свое материальное воплощение, как раз и предполагает принципиальную возможность изучения его средствами, доступными археологии.

Данная статья посвящена погребениям людей старшей возрастной группы в могильниках саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири (VII–VI вв. до н.э. – II–III вв. н.э.). Памятники саргатской культуры представлены поселениями и курганными могильниками. Саргатские городища достигают крупных размеров (до 12 га), многие из них имеют сложную фортификацию, состоящую из нескольких линий обороны. Постройки отличаются по площади и количеству камер, но в большинстве имеют неглубокие котлованы и каркасно-столбовую конструкцию.

Могильники представляют собой курганные группы, размещенные, как правило, на высоких террасах, в разной степени удаленности от берега. Некрополи насчитывают от одной до нескольких десятков насыпей, часто расположенных цепочкой параллельно течению реки. Под насыпью устраивалось от одного до пятнадцати погребений, при этом основное располагалось в геометрическом центре подкурганной площадки, остальные группировались на периферии. В большинстве случаев курган окружался одним или несколькими рвами. Погребения производились в простых ямах, которые обычно перекрывались берестой, досками или бревнами, а также облицовывались изнутри. Умерших хоронили в вытянутом положении на спине, ориентируя голо-

вой в северном направлении (Могильников, 1972а; б; 1973; Корякова, 1988). Сопроводительный инвентарь характеризуется значительным разнообразием типов, однако орудия труда в его составе практически отсутствуют. Пища и посуда обычно находились в головах или/и ногах покойного. Детали одежды, украшения и клинковое оружие располагались там, где их носили при жизни, лук клался рядом. Основные каноны курганного способа погребения оставались стабильными на протяжении веков.

Из погребений происходят сосуды, орнаментированные по плечикам характерным узором, – так называемыми фестонами. Декорированные подобным образом круглодонные сосуды – по сути, отличительная саргатская черта, основной культурно-диагностирующий признак, так как оружие находит широкие аналогии в скифо-сарматской среде; украшения и предметы роскоши в абсолютном большинстве представляют собой импорт из отдаленных территорий.

Саргатская экономика имела скотоводческую направленность. Судя по наличию постоянных мест проживания, население вело полукочевой (или полуседлый) образ жизни. В составе стада преобладала лошадь (Корякова и др., 2009). Исследователи сходятся во мнении, оценивая саргатскую культуру как “сложное” вождество с высоким уровнем развития социальной иерархии (Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 151; Матвеева, 2000. С. 291).

В саргатских курганах хоронились умершие всех возрастов. Однако Д.И. Ражевым (2009) был выявлен серьезный дисбаланс представленности мужчин, женщин и детей, а также низкая (ниже критической) модальная продолжительность жизни (35–39 лет для мужчин и 20–29 лет для женщин). В целом саргатская курганная выборка признана им неадекватно отражающей реальный состав населения и непригодной для расчета демографических показателей (Ражев, 2009. С. 54).

Отмеченный выше дисбаланс характерен практически для всех “археологических популяций”. Согласно современным исследованиям, причины его могут заключаться не столько в низкой продолжительности жизни и избирательном характере погребального обряда, сколько в проблеме адекватной идентификации индивидов старого возраста (Chamberlain, 2006. Р. 91). Тем не менее в саргатских могильниках старшая категория населения представлена и важно понять, имела ли она социальное значение.

Источником предлагаемой работы послужили данные из отчетов и публикаций раскопок саргат-

Таблица 1. Соотношение мужских/женских погребений среди старшей возрастной группы

Регион	Погребения		Всего (100%)
	мужские	женские	
Прииртышье	27 (64.3%)	15 (35.7%)	42
Притоболье	6 (37.5)	10 (63.5)	16
Приишимье	2 (28.6)	5 (71.4)	7
Бараба	3 (60)	2 (40)	5

Таблица 2. Количество индивидов старшей возрастной группы, захороненных в центральных могилах

Регион	Индивидуальные	Парные	Коллективные	Всего
Прииртышье	5	7	3	15 (40.5%)
Притоболье	1	3	3	7 (53.8)
Приишимье	0	1	0	1 (14.3)
Бараба	3	0	0	3 (60)

ских могильников четырех регионов: Среднего Притоболья, Приишимья, Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи. Базы данных содержат информацию о 777 индивидах. Полностью ограбленные могильные ямы, а также кенотафы не учитывались. Для анализа были отобраны погребения взрослых (старше 15 лет), чей возраст смерти и пол были установлены антропологами (379 умерших)².

Количество погребений старшей возрастной группы в саргатских могильниках по регионам (процент вычислялся от общего количества взрослых с антропологически установленным возрастом; за нижнюю границу был принят возраст смерти – 45 лет) составляет: в Прииртышье – 42/214 (19.6%), в Притоболье – 16/90 (17.8%), в Приишимье – 7/47 (14.9%), в Барабе – 5/28 (17.9%), всего 70/379 (18.5%).

Если учесть, что далеко не все взрослые имеют возрастные определения, а возраст некоторых определен в очень широких интервалах (например, 30–50 лет), и поэтому они не были включены в группу старших, то представленное количество следует считать минимально возможным. Вероятнее всего таких погребений в действительности было больше.

На основании данных, сведенных в табл. 1, трудно сказать, кто чаще доживал до преклонного

возраста, – мужчины или женщины. Выборка недостаточна, чтобы можно было уверенно предпочесть одну из категорий. Наибольшее количество умерших старшей возрастной группы происходит из могильников Прииртышья; и здесь соотношение мужских/женских погребений в точности соответствует общему, высчитанному для всех взрослых: мужчин в 1.75 раза больше, чем женщин (Ражев, 2009. С. 50).

Процент вычислялся от общего количества погребенных старшей возрастной группы. Как видно из табл. 2, в могильниках Притоболья и на Иртыше почти половина когорты старших взрослых погребена в центральных ямах. Впрочем, почти та же пропорция наблюдается в этих регионах среди младшей группы взрослых: в центральных могилах погребено 48.3 и 42.8% индивидов возрастом от 15 до 45 лет соответственно. В Приишимье только один пожилой умерший размещен в центральной могиле (14.3%), но и среди младшей группы взрослых этот процент здесь ниже, чем в других регионах: из 40 взрослых возрастом от 15 до 45 лет лишь 20% захоронено в центре кургана. Этот факт может объясняться небольшим размером выборки и редкостью для этого региона массовых погребений. Что касается Барабинской лесостепи, то здесь три ямы из пяти, принадлежавших старшей возрастной группе, центральные (60%).

В принципах устройства могильных ям внутри всей когорты взрослых отличий не выявлено. Остатки деревянных внутри- и надмогильных конструкций сохранились для абсолютного большинства непогребенных ям.

Вопрос, касающийся погребального инвентаря, особенно важен, так как достижение старшего возраста связано с постепенной утратой способностей и возможностей, которая может быть отражена в выборе предметов, сопровождающих умершего. Например, на англо-саксонских кладбищах максимальное количество украшений приходилось на возрастную группу погребенных женщин от 18 до 49 лет, далее резко снижаясь (Gowland, 2006. P. 150). Этнография и история также снабжают нас примерами, когда некоторые украшения считалось неуместным носить в пожилом возрасте или в случае вдовства (см. Усманова, 2010. С. 74–78); они могли передаваться выросшим дочерям. Вероятно, оружие и доспех в определенный момент переходили в пользование сыновьям.

По подсчетам В.Н. Мышкина, процент “оружейных” мужских погребений ранних кочевников Волго-Уральского региона (VII–V вв. до н.э.) имел тенденцию увеличиваться с возрастом и был наиболее высок среди 50–70-летних индивидов (2001.

² Антропологический анализ саргатских коллекций Среднего Прииртышья проводился в разное время М.С. Акимовой (1972. С. 150–159), А.Н. Багашевым (2000), В.А. Дремовым и Д.И. Ражевым (2009). Данные по другим регионам взяты из публикаций памятников.

Рис. 1). По мнению автора, наличие оружия в погребениях мужчин зависело не от их возраста, а от вертикального социального статуса и принадлежности к определенным кланам и/или дружинным формированиям (Мышкин, 2001. С. 148).

На саргатском материале Н.П. Матвеевой ранее была сделана попытка выделить социальные группы, используя методы кластерного и факторного анализов (2000; 2005). Однако статистические операции не дали очевидной корреляции между пожилым возрастом и наличием/отсутствием определенных категорий сопроводительного инвентаря, что можно заключить из следующей фразы: “Положение мужчин-стариков отличается более высокими показателями, чем старых женщин, но достоверными считать эти различия нельзя из-за малых выборок...” (Матвеева, 2005. С. 143).

Контекстуальный анализ, когда погребенный изучается в контексте окружающих его предметов и физических структур, кажется более приемлемым в случае с таким фрагментированным источником, как курганные захоронения. Рассмотрим имеющийся материал по регионам.

В Приишимье обнаружено семь погребений людей, принадлежавших к старшей возрастной группе (табл. 1). Но имеется лишь одна неграбленная могила женщины 50–60 лет, захороненной в сопровождении железного кинжала, а также набора украшений, зеркала и сурьматаша (Матвеева, 1994. С. 65). Полный состав инвентаря остальных погребений неизвестен, однако еще в трех могильных ямах встречены наконечники стрел, посуда, железные ножи и кости животных; при этом наконечниками стрел сопровождаются как мужчины, так и женщины.

В Притоболье идентифицировано 16 могил. Непотревоженных погребений – четыре, они принадлежат женщинам в возрасте от 50 до 60 лет. Три из них содержали большое количество украшений, стеклянных и металлических, пряслица, сурьматаш и зеркало (Матвеев, Матвеева, 1991; Культура зауральских скотоводов..., 1997; Зах, 2009). Четвертый комплекс (могильник Красногорский Борок, кург. 1. погр. 3) включал предметы вооружения – кинжал и наконечники стрел (колчаный набор) (Матвеева, 1993). Об инвентаре ограбленных захоронений можно судить лишь по его остаткам. В целом же из 10 погребенных женщин (табл. 1) как минимум половина сопровождалась украшениями, а из 6 мужских могил (все ограбленные) в 4 были обнаружены предметы вооружения и средства управления лошадью (удила и псалии).

В Прииртышье – самая представительная серия погребенных старшей возрастной группы – 37 индивидов, при этом 15 погребений были непотревожены; одно из них – полностью безынвентарное. Это совместное погребение мужчины с младенцем (Погодин, 1992). Инвентарь остальных скорее скромный. Украшения представлены лишь бусинами и мелкими бляшками, оружие – в основном единичными наконечниками стрел. С одним из умерших мужчин был положен меч (Карташово II). Кроме того, в абсолютном большинстве могил находились посуда и кости животных. Если рассматривать вместе ограбленные и неграбленные могилы, то в 7 из 15 женских погребений содержались украшения (большинство – бусины – от 1 до 5 шт.). Из предметов вооружения в четырех женских ямах встречены наконечники стрел. Что касается мужских захоронений, то оружие сохранилось в 9 из 27 (30%) погребениях – это наконечники стрел и два меча (Могильников, 1981).

В Барабе – четыре непотревоженных погребения (одно женское и три мужских) и одно полностью разрушенное. Двое мужчин, захороненные в центре курганов, не имели сохранившегося инвентаря. В погребении третьего мужчины был найден только слиток бронзы. В могилу женщины было положено лишь пряслице (Полосьмак, 1987. Табл. I).

Таким образом, на первый взгляд инвентарь, сопровождавший пожилых людей, был довольно разнообразным. Но насколько соблюдались принятые в обществе гендерные стереотипы при погребении людей старшей возрастной группы и отличались ли они от стандартов, применяемых к умершим в более молодом возрасте?

Обратимся только к непотревоженным погребениям. Их анализ позволяет убедиться в принадлежности сопроводительных предметов конкретному индивиду, а также в том, что учитывается весь погребальный инвентарь, некогда положенный в могилу, а не оставшийся после ограбления.

Для всего саргатского ареала было учтено 23 могилы: 14 мужских и 9 женских. В работе использовалась методика, применявшаяся С. Люси для гендерного анализа англосаксонских погребений (Луси, 1997 Р. 150–168). Каждому погребению был присвоен свой “ансамбль артефактов” на основании сопроводительного инвентаря, содержавшегося в могильной яме: “оружие” – при наличии предметов вооружения; “украшения” – при большом количестве украшений; “нейтральный” означал гендерно-нейтральный инвентарь (посуда, кости животных) при отсутствии предметов из первых двух наборов. Погребения без сохранившегося инвентаря получили ансамбль “без инвентаря”. Для мужчин

Таблица 3. Ансамбли артефактов. Мужские погребения

Регион	Оружие	Украшения	Нейтральный	Без инвентаря	Всего (100%)
Прииртышье	5 (45.5%)	1 (9.1%)	4 (36.3%)	1 (9.1%)	11
Бараба	0	0	1 (33.3)	2 (66.7)	3
Всего	5 (35.7)	1 (7.2)	5 (35.7)	3 (21.4)	14

Таблица 4. Ансамбли артефактов. Женские погребения

Регион	Оружие	Украшения	Нейтральный	Без инвентаря	Всего (100%)
Прииртышье	2 (66.7%)	1 (33.3%)	0	0	3
Притоболье	1 (25)	3 (75)	»	»	4
Приишимье	1 (100)	0	»	»	1
Бараба	0	»	1 (100%)	»	1
Всего	4 (44.4)	4 (44.4)	1 (11.2)	»	9

за гендерно-стереотипный был принят ансамбль артефактов “оружие”, для женщин – “украшения”. Полученные результаты сведены в табл. 3 и 4.

Из табл. 3 следует, что только 5 из 14 мужчин (35.7%) были захоронены с предметами вооружения, а большая часть – 8 индивидов (57.1%) – либо с нейтральным по отношению к полу инвентарем, либо совсем без него. Если рассматривать ситуацию по регионам, то получается, что для барабинских памятников сохранились лишь гендерно-нейтральные или безынвентарные погребения мужчин интересующей нас возрастной группы. В целом это хорошо соотносится с общей картиной, так как для саргатских могильников Барабинской лесостепи характерен высокий процент погребений без вещей или с малым их количеством, и низкий – с оружием (Полосьмак, 1987. Табл. 1). В Прииртышье насчитывается пять могильных ям с предметами вооружения, принадлежавшими мужчинам старшей возрастной категории (45.5%). Здесь, однако, следует отметить, что в группе мужчин более молодого возраста (от 15 до 45 лет) количество таких погребений намного больше и составляет 72.2% (см. Берсенева, 2010. С. 77). Соответственно, процент гендерно-нейтральных и безынвентарных погребений среди старшей возрастной группы значительно выше: 54.5 – для старших и 25% – для более молодых взрослых. В некрополях Тобола и Ишима нетронутых погребений мужчин старше 45 лет не зафиксировано.

Анализ женских погребений старшей возрастной группы продемонстрировал обратную ситуацию. Ввиду малочисленности выборки, вероятно, нет смысла рассматривать их по регионам. Главная особенность – беспрецедентный процент ансамб-

лей оружие и украшения: 100% (!) и полное отсутствие нейтральных по отношению к полу ансамблей артефактов в погребениях женщин старшей возрастной группы Прииртышья и Притоболья. В репрезентативность этих цифр трудно поверить, так как в основном массиве женских погребений в Прииртышье преобладают нейтральные ансамбли (52.5%) (Берсенева, 2010. Табл. 4). Впрочем, в Притоболье и для старших женщин (см. табл. 4), и для более молодых доминируют ансамбли украшения (Берсенева, 2011. Табл. 2).

Выводы, вероятно, могут быть сделаны следующие. Отличия, выявленные путем гендерного анализа (табл. 3; 4), не могут считаться значимыми из-за малочисленности неграбленной выборки пожилых индивидов. Поэтому предположение, что мужчины с возрастом утрачивают свою гендерную идентичность, а у женщин она становится более очевидной, выглядит преждевременным. Следует опираться на весь массив данных, который является более представительным, и признать, что саргатские погребения людей старшей возрастной группы не демонстрируют убедительной связи между преклонным возрастом и составом погребального инвентаря.

Таким образом, можно заключить, что возрастная когорта старших не имела повышенного социального статуса, связанного с возрастом, но, очевидно, и не была ущемлена в своих правах в связи с этим обстоятельством. Во всех регионах, за исключением Приишимья, от 40 до 60% умерших старшей возрастной группы хоронились в центре кургана, что можно рассматривать как признак их высокого статуса. Находки зеркал, украшений и сурьматашей в женских погребениях и предме-

тов вооружения в мужских свидетельствуют о том, что данная группа не теряла с возрастом и своей гендерной идентичности. Напомним, тем не менее, что в самых богатых “царских” погребениях Сидоровки и Исаковки I были захоронены мужчины 30–35 лет (Матющенко, Татаурова, 1997), а среди старшей возрастной группы царских могил пока не обнаружено. Эти факты и все сказанное выше еще раз подтверждают доминирование в саргатском обществе приписываемого, т.е. наследуемого социального статуса.

Ввиду разграбленности большого количества курганов западной части саргатского ареала затруднительно обсуждать региональные особенности социального положения старшей возрастной когорты. В могильниках Тобола и Ишима не сохранилось нетронутых мужских погребений, да и женские единичны. Но судя по инвентарю нарушенных могильных ям, выводы, сделанные выше, можно распространить на все саргатские регионы.

Работа выполнена в рамках интеграционной программы УрО РАН и СО РАН.

Выражаю искреннюю благодарность Л.И. Погодину и А.Я. Труфанову за возможность использования неопубликованных материалов их раскопок в Среднем Прииртышье (1987–1993 гг.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова М.С. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.
- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000.
- Берсенева Н.А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43).
- Берсенева Н.А. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14).
- Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2001.
- Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев, 1985.
- Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 9. Тюмень, 2009.
- Козловская М.В. Опыт индивидуального описания скелетных материалов на примере погребений из курганного могильника скифского времени Терновое-Колбино на Среднем Дону // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Корякова Л.Н., Дэйр М.-И., Ковригин А.А. и др. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) // Екатеринбург; Сургут, 2009.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири: Сб. науч. тр. Тюмень, 1991.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск, 1993.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск, 2000.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура Западной Сибири // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.
- Могильников В.А. Коконовские и саргатские курганы – памятники эпохи раннего железа западно-сибирской лесостепи // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972а.
- Могильников В.А. Раскопки в 1967 г. в Коконовке // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972б.
- Могильников В.А. К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973.
- Могильников В.А. Отчет об археологических исследованиях курганов у д. Карташово в зоне мелиоративного строительства колхоза “Заветы Ленина” Муромцевского р-на Омской обл. в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10072.
- Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в “савроматских” погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.
- Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях у б. д. Стрижево Нижнеомского р-на Омской обл. в 1991 г. Омск, 1992 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 81.

- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург, 2009.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. Л., 1965.
- Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 2005.
- Усманова Э.Р.* Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Лисаковск; Караганда, 2010.
- Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология: Учебник. М., 2005.
- Bello S.M., Thomann A., Signoli M. et al.* Age and Sex Bias in the Reconstruction of Past Population Structure // American Jr. Physical Anthropology. 2006. № 129.
- Binford L.R.* Mortuary practices: their study and their potential // An Archaeological Perspective. N.Y., 1971.
- Brown J.A.* The search for rank in prehistoric burials // The Archaeology of Death. Cambridge, 1981.
- Carr C.* Mortuary practices: their social, philosophical-religious, circumstantial, and physical determinants // Jr. Archaeological Method and Theory. 1995. V. 2.
- Chamberlain A.T.* Demography in Archaeology. Cambridge, 2006.
- Gowland R.* Ageing the Past: Examining Age identity from Funerary Evidence // Social Archaeology of Funerary Remains. Oxford, 2006.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Tague R.G., Latimer B.* The Comparative Senescent Biology of the Hominoid Pelvis and its Implications for the Use of Age-at-Death Indicators in the Human Skeleton // Integrating Archaeological Demography. Multidisciplinary Approaches to Prehistoric Population. Center for Archaeological Investigations. Southern Illinois University at Carbondale, 1997 (Occasional Paper; № 24).
- Lucy S.J.* Housewives, warrior and slaves? Sex and gender in Anglo-Saxon burials // Invisible People and Processes: Writing Gender and Childhood into European Archaeology. L.; N.Y., 1997.
- Lucy S.J.* The archaeology of age // The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. L.; N.Y., 2005.
- McHugh F.* Theoretical and quantitative approaches to the study of mortuary practice. Oxford, 1999 (BAR; Intern. Ser. 785).
- Parker Pearson M.* The Archaeology of Death and Burial. Stroud, 1999.
- Ucko P.J.* Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. 1969. № 1.

НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ

ВОСКРЕСЕНСКИЙ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ КАК ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2013 г. Л.А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва (labeliaev@mtu-net.ru)

Ключевые слова: археология и строительство монастырей, патриарх Никон, Новый Иерусалим, храм Гроба Господня, модернизация России.

The article introduces the series of publications that present the results of the 2009–2011 excavations at the Voskresensky (Resurrection) monastery on the river Istra, an architectural complex which dates to the late 17th century and is also known as New Jerusalem. The investigations throw light on the historical terrain, the earliest fortifications and buildings which have not survived, and the manufacturing of church bells, tiles and vessels. The data allows interpreting Nikon's activity as an early attempt at modernizing Russia, and is presented within the general framework of European and Russian culture of the late 17th – early 18th centuries.

С 2009 г. внутри и вокруг одного из самых известных монастырей России, Воскресенского Ново-Иерусалимского на р. Истра, Институт археологии РАН ведет исследования в рамках программы восстановления¹. Несмотря на то что они далеки от завершения, ясно, что монастырь превращается в эталонный объект XVII – начала XVIII в. Археология этой исторической эпохи отстаивает право на развитие в качестве особого направления, круг ее задач в русской истории переходного периода только формируется. Материалы Нового Иерусалима дают основания для нового шага в этом направлении. Поэтому сотрудники экспедиции подготовили серию предварительных публикаций, введением к которой служит данная статья. Ее главная задача – сформулировать тему для синтеза и включения наработанных итогов в историю культуры России.

Исследования Воскресенского монастыря 150 лет назад начал архимандрит Леонид (Кавелин), наметив в своем фундаментальном труде (1876) основные сюжеты и представив важные архивные материалы, которыми пользуются до сего дня. С этого времени ведут начало два традиционных направления в

изучении монастыря: историческое (деятельность патриарха Никона) и архитектурное (особенности Воскресенского собора). Последнее достигло особого развития после Великой Отечественной войны в связи с восстановлением разрушенного. Масштабные натурные и архивные изыскания sporadicheski проводились на территории обители в течение XX в., в том числе и археологами (Ю.А. Лихтер, Е.Л. Хворостова, Е.Г. Ефремов и др.), но полученная информация почти не публиковалась. Для изучения замысла патриарха Никона много сделали историки, объединившиеся в 1990-х годах вокруг музея и воссозданной (1994 г.) общины Воскресенского монастыря. С 1998 г. они проводят регулярные Никоновские чтения (в 2011 г. прошла XII сессия), издают сборники (Никоновские чтения, 2002; 2005; 2011 и др.) и монографии (Зеленская, 2002; 2008 и др.).

Современный этап исследований открыло решение правительства 2009 г. о реконструкции Нового Иерусалима как об общероссийском проекте². Такой подход предоставил ряд необычных

¹ Работы ведут сотрудники сектора археологии Москвы и отдела охранных раскопок по открытым листам Л.А. Беляева (в 2009 г. дублирующий лист был выдан В.Ю. Ковалю). В 2009–2010 гг. работы осуществлялись в рамках отряда Верхневолжской археологической экспедиции (руководитель – канд. ист. наук О.В. Зеленцова). В 2011 г. была создана Ново-Иерусалимская археологическая экспедиция (руководитель – д-р ист. наук Л.А. Беляев).

² В 2009 г. Указом Президента РФ “О мерах по воссозданию исторического облика Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря Русской Православной Церкви” запущена программа работ, включая археологические. Они идут на средства специально созданного Благотворительного фонда по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря. Проект значим с социально-политической точки зрения: он важен для Церкви и, по крайней мере, для части общества; правительство рассматривает его как пилотный.

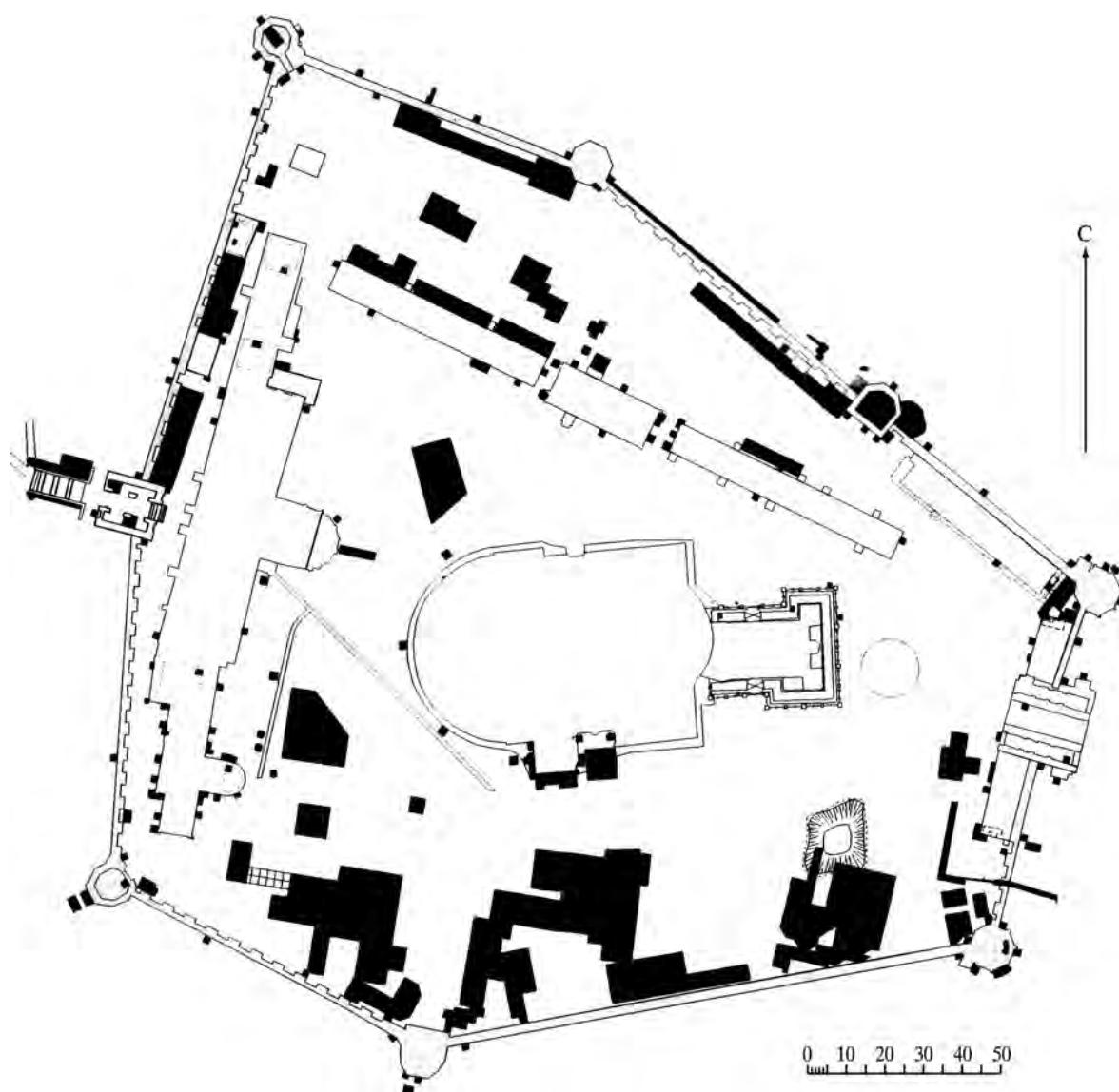

Рис. 1. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. 2009 – начало 2012 г. Общий план работ. Темным на рисунке выделены исследованные участки.

возможностей. И дело не в размахе раскопок – он сопоставим с другими большими проектами: за три первых года работ (рассчитаны до 2016 г.) вскрыто около 4000 м² (рис. 1). Археология монастырей (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоцкого, Кирилло-Белозерского, Данилова, Зачатьевского и других в Москве) в последние 30 лет тоже активна и успешна. Но такие работы обычно стоят на почве микроистории, изучение же Нового Иерусалима с самого начала было вписано в общую историю культуры России и получило системный характер: экспедиция инициировала исследовательскую программу, согласованную с задачами восстановления; данные археологов прямо и практически влияют на ход строительства: архитекторы и инженеры “с колес”

вводят их в дело; экспедиция работает совместно с реставраторами и обменивается свежей информацией об архитектурных открытиях, участвует в разработке генплана³.

На первый взгляд задачи археологии не так уж сложны: даты и места первых каменных построек искать не нужно – собор, палаты, кельи, ограда с башнями сохранились. Монастырь многократно описан в документах, есть даже изображения эпохи

³ Работы на памятнике ведутся круглогодично (что необычно в археологии) и в нескольких режимах: стационарные раскопки; научное сопровождение строительных работ; участие в геологических, инженерных, природно-ландшафтных исследованиях.

строительства. Пусть археология открывает серии фактов, абсолютно этим документам не известных, – каков их вес с точки зрения фундаментальной науки, какие задачи истории они могут решить?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вспомнить о замысле патриарха Никона. Воскресенский монастырь строился примерно полвека. Основанный в 1656 г. на специально приобретенных землях, он до 1666 г. создавался под руководством самого патриарха. Опала и последующая за ней ссылка Никона почти на 14 лет прервали работу, которая возобновилась по указу царя Федора Михайловича в 1679 г., а в 1690-х годах уже была завершена.

Программа создания Воскресенского монастыря – центральный пункт, венец устроительной и архитектурной деятельности активнейшего из русских патриархов. Он видел в ней материализацию идеи объединения христиан вокруг новой Святой Земли – православного Московского царства. В замысле нашли отражение идеи патриарха о реформе Церкви и теократизации управления страной, в центр которой он помещал топографическую реплику евангельской Палестины с копией ее сакрального ядра – Гроба Господня в Иерусалиме (подробная библиография: Беляев, 2006а. С. 124–131; 2006б. 136–145). Уже само усвоенное название обители цитирует ключевые понятия авраамических религий: Небесный Иерусалим и Небесный Град. Таким образом, создание Воскресенского монастыря – ключевой, поворотный пункт в развитии русской культуры, отразивший мощный сдвиг в сознании москвитов, связанный с попытками церковной модернизации, Расколом, наступающим прогрессом.

Многое в концепции Никона обрело форму под воздействием геополитики Католической церкви и монашеских орденов. Именно там, в XII–XV вв. и ранее, сложилась практика переноса святости путем натурального копирования священной топографии. С XVI в. орден францисканцев распространил ее по всей Европе, строя в Италии и других странах, в том числе в Польше, что для нас небезынтересно, “сакра монте” и “кальварии” (Востонохристианские реликвии, 2003; Новые иерусалимы, 2009) – своеобразные священные парки, где символика архитектуры, скульптуры, живописи, ландшафта и элементов драматического действия сливались воедино, воссоздавая евангельский хронотоп.

Сама реализация идеи Никона была возможна только благодаря опоре на достижения науки, техники и искусства Европы. В XVII в. были выполнены и стали общедоступными точные обмеры *loci sancti* Палестины. Ее реликвии становились частью материалов истории – пока еще священной, но уже понимаемой как область точного знания. Никон

осознал важность этой точности, достоверности копирования форм и текстов. Проведенная им подготовка к строительству близка ранним представлениям Нового времени о научном поиске – во всяком случае, наряду с анагогической и мистической она имеет строго рациональную составляющую. Перед работами были собраны образцы и источники, для чего отправлена экспедиция в Святую Землю. Такое стремление к инструментальному обмерному копированию необычно для средних веков, когда обходились воспроизведением одной из черт оригинала (размера; важной детали; общей формы; см. Беляев, 2000. С. 94–110; 2009. С. 202–207).

Глубоко рациональную форму обрела в Новом Иерусалиме дидактика, свойственная скорее средневековью: собор покрыли бесчисленные надписи, пояснявшие “сравнительную топографию” истринского и святогробского храмов; закладные памятные тексты внутри и снаружи собора наполнились просветительским содержанием; в состав надписей вошли литургические стихи (тропари на гранях кувуклии) и мемориальные силлабические вирши. Для просвещения использовали все наличные средства – традиционные и новые: резьбу по белому камню, медное литье, изразцы.

Наконец, успех Никона определили новые технологии, а их Московия с XV в. искала на Западе. Русско-польские войны второй трети XVII в. снабдили патриарха нужными ему помощниками из Центральной Европы – художниками и ремесленниками.

Без преувеличения можно сказать, что Никон опробовал одну из ранних “программ модернизации” Московского государства, предложив их церковную версию (она и вызвала реакцию в форме Раскола). Новый Иерусалим, в сущности, – прото-Петербург на церковный лад. Там и тут видны европейский рационализм с его тягой к просветительству; западные черты в технологии и стилистике; строгость планирования, несвойственная византийской строительной традиции.

Таким образом, Воскресенский монастырь – памятник становления России Нового времени, его значение в культуре XVII в. – общероссийское. Есть здесь и нота общехристианской традиции, ведь собор – единственная полномасштабная копия храма Гроба Господня, детально отразившая организацию его пространства XV–XVII вв. Воскресенский собор – его план, объем, литургическое устройство интерьера, декорация, эпиграфика – стали хранилищем достоверной информации об элементах прообраза, в подлиннике постепенно утраченных. Эта информация остро необходима всем историкам христианской культуры, и они обращаются к ней

как к важному звену в истории почитания и копирования реликвий (Biddle, 1999; Krüger, 2000).

Замысел Никона тесно связал археологическое исследование Нового Иерусалима с “большим нарративом” русской истории. Наша задача – проследить методы ранней церковной модернизации в действии, зафиксировать усовершенствования технологий, обнаружить сдвиги в производстве, строительстве, искусстве – или убедиться в их отсутствии. Через них увидеть развитие национальных форм христианского благочестия и моделирование пространства с образца, ориентированного на Святую Землю; установить связь с христианской архитектурой средних веков и Нового времени. Эти далекие, на первый взгляд, от ежедневной полевой работы задачи именно в ней находят решение.

Изучение рельефа. Степень преднамеренного преобразования ландшафта должна прояснить вопрос “переноса топографии” как проектной задачи Никона. Априорно можно сказать, что патриарх видел “Русскую Палестину” не как один храм или монастырь с оградой, а как обширное пространство, предварительно маркированное средствами ономастики. Экспедиция только начала выходить за стены для изучения окрестностей, ирригационных и гидротехнических сооружений, но ряд топографических вопросов уже решен. Обозначился контур природного холма, степень изменения его склонов, объем и распределение строительных подсыпок (см. статьи О.А. Вороновой и М.А. Капитоновой). Они оказались не так значительны (существовало мнение, что собор стоит на огромной насыпи) и сосредоточены на краях площадки, где местами клинообразно наложены на край холма, достигая мощности в несколько метров.

Все они, видимо, относятся к первому строительному периоду. Никон взял за основу природный холм, заполнил овраг с крутым склоном у северо-западного угла, углубил другой овраг на востоке (использовав как ров или новое русло, чтобы отрезать холм от ровно понижающегося склона), подсыпал и огородил края. Это сделало форму площадки более правильной, немного увеличив ее. Но центр возвышенности лишен подсыпок, и фундаментные рвы собора врезаются в сохранный материк до моренных глинистых слоев с включениями валунов. Культурный слой здесь нарастал мало, дневная поверхность местами почти совпадает с уровнем XVII в. (рис. 2).

Стены монастыря (Я.Г. Бухвостов, 1690-е годы) пришлось местами ставить уже по насыпи и песчаной обваловке, так что фундамент прясел в основном “висит” в подсыпке, и даже башни часто не достигают природной поверхности склона. Устойчивость ограды несколько увеличили многочислен-

Рис. 2. Типичный профиль предматерикового слоя и геологических отложений между фундаментными кладками в интерьере собора.

ные пристройки, остатки которых, особенно при воротных башнях, пока не все открыты. Северный склон, самый крутой, заставил строителей углубить фундаменты башен до нескольких метров, а в опасных местах (у Ефремовой башни) – опереться на тщательно построенные сводчатые субструкции с наружным обходом поверху (рис. 3). Важно, что сложная символическая структура с целой серией проездных башен, восходящая к иерусалимскому прообразу, вскоре утратила в глазах монастырских властей актуальность: дополнительные въезды были заложены, кроме традиционного монастырского парадного въезда (Святых врат) и противоположных “садовых” ворот.

В источниках упомянута первоначальная ограда, построенная при Никоне. Ее край не раз выявляли по линии, отступающей внутрь от склонов с юга и запада. Основой ограды служил песчаный бруствер. Его насыпь лежала на черном погребенном дерне поверхности холма (рис. 4). Скос насыпи с геометрически строго отсыпанным углом подъема аккуратно и плотно выложен среднего размера валунами и затем перекрыт дерном. Сверху по брустверу была поставлена деревянная “в две стены” ограда с шатровыми башнями (ни одного фрагмен-

Рис. 3. Сводчатые субструкции, открытые под основанием Ефремовой башни (2010 г.).

Рис. 4. Песчаная подсыпка под деревянную ограду с обкладкой из валунов. Фрагмент у западной стены каменной ограды, вид с севера (2011 г.).

та *in situ* пока не обнаружено), которую разобрали в 1690-х годах, прорезав фундаментом остатки обваловки. Новая каменная стена шла по линии старой или была вынесена чуть дальше над склоном.

Воскресенский собор. Около полувека реставрационных работ и семантико-художественных штудий оставили целый список вопросов, касающихся первоначальной литургической организации пространства, ранних форм декора, хронологии отдельных элементов и установления типологии фундаментов собора. Для их решения проводятся целенаправленные вскрытия в интерьере, восстанавливается топография и устройство богослужебных элементов в апсидах: оснований престолов и

иконостасов, солеи, служебных ниш приделов амбулатория и главного алтаря в крестовой части.

Одна из таких задач – изучение устройства полов вокруг семантического центра собора – кувуклии и установление их хронологии. Странная разделка пола лучами (чередуются кирпичные и белокаменные полосы), сходящимися к Гробу Господню, давно вызывала вопросы относительно техники устройства и возможной символики, стоящей за этой композицией. Вскрытие двух белокаменных лучей дало стратиграфическую дату, заставляющую отнести формирование этого своеобразного “инженерного скелета” конструкции пола ко второму строительному периоду (не позже 1790-х годов). Таким образом, пол вряд ли связан с замыслом Никона. Он вписывается в круг памятников европейского барокко, а его композиция, по-видимому, не несла особой семантической нагрузки. Попутно были открыты следы строительных лесов, появилась возможность установить план фундамента кувуклии (котлованного типа, он местами далеко выходит за линию ее стен) (рис. 5).

Интересной особенностью оснований храма оказались фундаментные ленты, соединившие столбы крестовой части. Ленточные фундаменты на Руси уже в XII в. воспринимались как архаичный признак и позже никогда не использовались. Их появление в Воскресенском соборе требует отдельной интерпретации и может быть связано как с инженерными традициями своего времени (попытки усиления конструкции? форма разбивки плана? сохранение таких систем в Центральной Европе?), так и с идеями, не имеющими к ним отношения (воспроизведение древних строительных практик).

К неожиданному открытию привели работы, связанные с раскрытием участка снаружи, при южном входе в собор. Как известно, план храма Святого Гроба в Иерусалиме скопирован архитекторами Никона с высокой точностью, неспециалисту легко принять один за другой. На самом деле Иерусалимский и Новоиерусалимский соборы не тождественны, а просто похожи: отличаются многие детали, даже крупные. Так, у прототипа справа от южного портала (главный вход в храм, известный буквально всем, кто его посетил) есть пристройка – Капелла Франков – особый парадный вход на Голгофу, к которому ведет небольшая наружная лестница. Пристройка возникла в эпоху Латинского королевства и попала буквально на все изображения храма, став одним из его атрибуционных признаков. Однако в соборе на Истре ее нет – юго-западный угол, на втором ярусе которого помещена Голгофа, замкнут с внешней стороны, а спускающаяся непосред-

Рис. 5. Основание кувуклии и кирпично-каменный пол 1680–1790-х годов. Траншея 2010 г. на месте одного из белокаменных лучей в полу ротонды Гроба Господня.

ственно с Голгофы лестница упирается в южную внешнюю стену и никуда сегодня не ведет.

Попытки обнаружить к западу крыльцо, на которое могла бы выходить лестница, в 2009 г. не дали результата, однако в 2012, при наблюдении за техническим прокопом уже изученного, казалось бы, участка, за его внешним южным краем была отмечена кладка. Ее раскрытие обнаружило западную часть двухкамерной палатки или галереи (восточный край еще предстоит найти), но расположенной совсем не там, где ждали остатков крыльца. Зато именно в том месте, где должна бы помещаться Капелла Франков! Видимо, при разбивке собора ее фундамент заложили, а потом поменяли решение. Как мыслился сход с Голгофы, еще предстоит понять, но уже очевидно, что четкое целеполагание и последовательность в проведении наблюдений за строительными работами могут привести к важ-

ным научным открытиям. Изначальный замысел патриарха становится яснее.

Южная монастырская зона. Работы внутри монастыря с самого начала были сосредоточены в южной зоне. Этому есть несколько объяснений. В Иерусалиме южная сторона храма в Средние века служила “паломническим фасадом”: ее не просто видел каждый – именно она выступала в качестве символа храма Гроба Господня на многих изображениях. Как организована южная зона в Ново-Иерусалимском монастыре? На планах XIX в. она показана свободной от застройки: серия больших пожаров 1760-х годов привела к тому, что ее полностью очистили. Однако по документам XVII–XVIII вв. она представляется совсем по-другому (и, кстати, гораздо более походит на Иерусалим, где храм Воскресения со всех сторон окружен городской застройкой). Здесь располагался двор патриарха

1

2

3

4

5,а

5,б

Рис. 6. Находки в зоне двора патриарха Никона: 1 – печной набор бело-синих изразцов (1656–1666 гг.?) (цветная вклейка № 1); 2 – поливная керамика центральноевропейского стиля, XVII в.; 3 – реконструкция раппорта керамического пола (после 1656 г.) (цветная вклейка № 2); 4 – кованый предмет с остатками лужения (XVII в.); 5 – золотой дукат Матиаша Корвина (1440–1490): а – аверс; б – реверс.

Никона и первые деревянные храмы монастыря, Воскресенский собор и Трехсвятительская церковь; стояли палаты и дворцы для приема царственных особ; корпус келий. Эти здания находились в сложном хроно-топографическом соотношении, не для всех известны точные даты, места, не говоря уже о формах.

Из сооружений эпохи Никона важно было найти его двор на берегу очень поздно засыпанного пруда, служившего ориентиром. Край пруда удалось засечь легко, но следы двора обнаружились гораздо дальше к юго-западу, чем предполагалось; он плотно прилегал к ограде, и каменная стена 1690-х годов, вероятно, разрушила часть палат. В 2011 г.

Рис. 4 к ст. Глазуновой

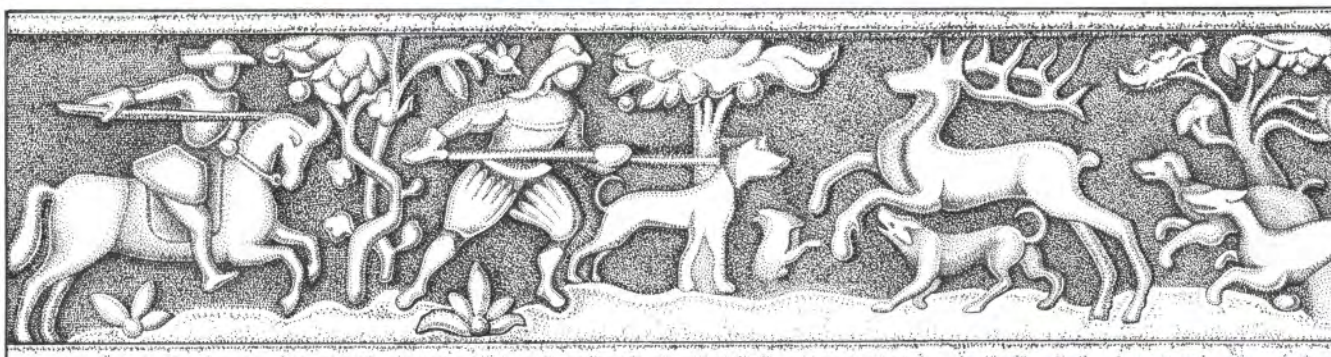

Рис. 66 к ст. Беляева

была открыта часть деревянной постройки № 6, в которой отложились серии неиспользованных однотипных архитектурных и печных изразцов, в том числе бело-синие эмалевые с редким фризом, изображающим конную охоту явно по европейским прототипам (рис. 6, 1); посуда (рис. 6, 2), поливные плитки пола (рис. 6, 3) и другие изделия (см. статью О.Н. Глазуновой). Среди последних есть и неординарные: тонко кованый, декоративно обработанный и частично покрытый лужением предмет – ювелирный инструмент (определение Н.В. Ениосовой) (рис. 6, 4). Золотой дукат (рис. 6, 5, а, б) короля Венгрии Матиаша Корвина (1440–1490) – прототип русских “угорских золотых” с их особыми функциями, не определяемыми ценой металла (безусловно, признак статуса хозяина), напоминающий об итальянских “денежниках” великих князей Московских. Один из них, Аристотель Фиораванти, служил королю Венгрии. Также стоит вспомнить и о том, что дорогие монеты не были чужды сакральному пространству: они входили в состав votивных даров иконам (так, в XVI в. в Свияжске воевода князь Д.И. Немой приложил к храмовому образу Рождества Богородицы “золотой большой”: см. Извлечение..., 2002. С. 345). Ясно, что на дворе Никона работали мастера высокой квалификации, хранилась их продукция (монастырь вел учет и более дешевых вещей, чем плитки пола).

В нескольких десятках метров западнее двора патриарха открыт такой неординарный объект, как комплекс для литья колоколов первого этапа строительства (1656–1666 гг.). В верхних слоях он читался как большая яма (4.6 м в диаметре), заполненная строительным мусором, содержащим рельефные полихромные изразцы середины XVII в., сбитые при обрушении шатра Ротонды Гроба Господня в 1720-е годы (рис. 7, 1). Ниже открылись контуры круглого в плане сооружения: две концентрические кирпичные кладки (внутренний диаметр большой – 3.8 м, внешний диаметр малой – 2.16 м), плотно забитые песком и кирпичным боем. Засыпка перекрыла слой горения, лежавший на полу “подиума” (толщиной в четыре ряда кирпича). Общая глубина сооружения от уровня строительства до пола составляла около 2.5 м, сохранность внутреннего кольца – около 0.4 м, внешнего – около 1.5 м (Воронова (Тихова), в печати). Сотрудникам экспедиции, археологу О.А. Вороновой и архитектору А.В. Яганову, принадлежит главная роль в изучении и атрибуции этого редкого сооружения (рис. 7, 2).

В основании внутренняя кладка имела четыре горизонтальных канала для нагнетания воздуха, а в центре кругов – строго вертикальное отверстие от шеста со следами горелого дерева. Внутренний ци-

линдр служил цоколем формовочного болвана для колокола, в его завалах были собраны подтесанные кирпичи от сужавшегося кверху ложного свода. С востока к круглому сооружению примыкал кирпичный квадратный (2.2 × 2.2 м) колодец глубиной 2.6 м, от которого к востоку отходила сводчатая арка, заполненная слоем угля и обожженной глины по прослойке прокаленного песка, – край топочной камеры, которую предстоит доследовать. В яме и вокруг нее также были собраны выплески бронзы и два фрагмента колоколов, один из которых – с неотполированной поверхностью (анализ состава металла производится).

Аналоги таких комплексов известны в Европе, в том числе в Литве (Каунас), Германии (Кельн), Италии и в других странах, в XI–XVII вв., а технологию подробно описали в соответствующих руководствах уже в средние века. Типология печей и технология литья менялись мало, так что по устройству яма не отличается от западных прототипов, но она могла быть устроена как мастерами из Центральной Европы, так и местными металлургами: Московская Русь, по меньшей мере с конца XV в., усвоила ренессансную традицию литья из бронзы пушек и колоколов, с которой ее познакомили итальянские мастера. При археологических раскопках в России открытое инженерно-производственное сооружение на данный момент уникально (хотя сведения о существовании подобных комплексов в других монастырях, например в Саввино-Сторожевском, есть) и будет музеефицировано.

Таким образом, в эпоху Никона южная парадная половина монастыря представляла собой не тихий, пустынный угол, а огромный деловой двор, опытную стройплощадку, в которую были вписаны и собственное жилище патриарха, и собор, еще далекий от завершения, хотя часть престолов его уже была освящена.

В XVIII в. жизнь южной половины монастыря резко поменялась: она была полностью застроена дворцами для царей, цариц и их свиты. От дворцов осталось множество фундаментов, заглубленные в материк каменные сводчатые погреба и мощные булыжником дворы, обгоревшие деревянные полы, развалы печей, небольшие подполья (см. статью Д.Ю. Бадеева, П.Е. Русакова, Е.В. Майоровой). Так продолжалось до 1762 г., когда деревянные здания погибли при пожаре. Сравнение видов монастыря XIX в., где южная часть абсолютно пуста и занята садами, с чрезвычайно насыщенными планами раскопов – показательно. Археологизированные архитектурные объекты XVII–XVIII вв. заполняют южную зону практически без промежутков и требуют широких раскрытий площадями, исключая

1

2

Рис. 7. Раскопки бронзолитейного комплекса: 1 – серия изразцовых кронштейнов 1650–1660-х годов из засыпки (1720-е годы) на месте формовочной ямы (цветная вклейка № 2); 2 – вид формовочной ямы (2011 г.).

фрагментарную разборку сооружений (методика их исследования, музеефикации и/или реконструкции требует особого разбора) (рис. 8).

Интересны элементы благоустройства XVII–XIX вв. – сложная система крытых кирпичных дренажей; дважды перестроенная подземная сис-

тема водостоков, отводивших дождевую и грунтовую воду из рва подземной ц. Константина и Елены, – но их изучение только начато. Среди охранных задач, поставленных перед экспедицией, оказалось изъятие для последующего перезахоронения погребений конца XVII – начала XX в.,

Рис. 6а

Рис. 7а

Рис. 7б

Рис. 8. Раскопки на месте западной части Большого дворца (середина XVIII в.) (2009 г., вид с юга).

продиктованное инженерной необходимостью. Процесс сопровождался фиксацией и необходимыми экспертизами. Знакомство с погребениями архимандритов монастыря, в том числе известного церковного книжника Германа, выявило различия в погребальных обрядах XVII и XVIII вв. (этот материал стоит того, чтобы излагать его в полном объеме).

Изразцы и бытовая керамика – две основные в количественном отношении категории находок – помогают раскрыть особенности процесса строительства Нового Иерусалима. Давно и хорошо известна роль Нового Иерусалима как источника самостоятельного архитектурного направления второй половины XVII в., где многое основано на новейшей и достаточно сложной “редакции” технологий цветной эмалевой рельефной терракоты, унаследованной Москвой и Ярославлем. Тем не менее и эту область археология пополняет новыми данными. Теперь мы можем судить о количественном соотношении в продукции изразцового производства западных и старомосковских версий. В работе явно принимало участие значительное число русских ремесленников, и мастера из России не были просто учениками, а работали самостоятельно, воспроизводя технологии и систему декора, которыми владели до “истринского проекта”. Особенно это заметно на печных изразцах, среди которых есть и западные, и местные. Предпринятая топографическая раскладка показывает, что уже открыто 27 развалов печей (из них 12 – с основаниями), среди

которых 9 принадлежат эпохе Никона. Это самые разные виды – от “старомодных” красноглиняных до сложных и дорогих полихромных эмалевых, со всеми промежуточными вариантами основы и глазури (см. статью О.Н. Глазуновой).

Видимо, такой большой замысел, как Новый Иерусалим, осуществляли обычным московским методом, собрав доступных мастеров, чьи навыки и вкусы, зачастую вполне архаичные, оказали влияние на процесс. Производство изразцов на месте очевидно: о нем известно по письменным источникам; о нем свидетельствуют находки зон концентрации производственного брака, сделанные в ходе ремонтно-реставрационных работ XX в.; угол глиняного штампа для оттиска лицевой пластины красноглиняного изразца с широкой рамкой, найденный в 2009 г. Самих изразцов такого архаичного типа найдено немного – около 30, причем они не от печей с перемышками (“готического” типа) – румпы у них не коробчатые, а отступающие. Готические печи к 1650-м годам окончательно исчезли, но лицевые пластины сохраняли привычный облик (для их замены требовалось изготовить новые штампы, да и покупатели могли сохранять привязанность к определенным сюжетам) – важное для уточнения общероссийской хронологии изразцов наблюдение. (Как исключение встречен настоящий коробчатый красный изразец – целая форма с изображением барсов и фрагмент с растительным орнаментом.)

Однако декоративная особенность Нового Иерусалима, конечно, заключается не столько в печных, сколько в архитектурных изразцах, которые для него целенаправленно производили, почти не прибегая к обычной на Руси практике украшения фасадов печными изразцами. От археологического исследования трудно ожидать дополнений к сведениям, получаемым при реставрационных работах, ведь порталы, наличники, фризy, керамические иконостасы и пояса надписей изучают и реконструируют уже более 150 лет, в них учтены, казалось бы, уже все варианты. Но сборы из слоев и материал из ям, в которые ссыпали снятые при ремонте 1720-х годов изразцы, оказались информативными. Удалось доказать включение в изначальное оформление интерьера настоящих керамических икон (найден край изображения Христа Пантократора с аббревиатурой и нимбом; ряд отсутствующих сейчас в соборе символических композиций, таких как изображения Святого Духа в виде голубя и необычно крупных образов Небесных сил; части сложных составных панно и детали классических барочных форм). Совместная с реставраторами работа привела к включению одного из неизвестных ранее изразцов в доказательную базу для реконструкции декора утраченного в XVIII в. шатра кувуклии.

Конечно, даже обилие целых форм (за три года работы их собрано более 500, в том числе 483 “лицевых”, 30 кронштейнов большого барабана и др.) наше представление о декорации Воскресенского собора коренным образом не поменяло, но обогатило и продолжает корректировать.

Свою лепту в понимание вкусов создателей Нового Иерусалима внес даже такой массовый, на первый взгляд не имеющий никакого отношения к истории сакральных пространств, материал, как бытовая керамика. В зоне палат Никона абсолютно преобладает (а западнее, вблизи “Мраморного дворца”, дает около 40%) столовая посуда, повторяющая формы и декор керамики Речи Посполитой, но сделанная из местной глины (в служебных постройках обнаруживаются почти исключительно кухонные горшки) (Glazunova, 2012. Р. 140–143). Это свидетельство проникновения в хозяйственно-бытовую сферу польско-литовской моды, хорошо известной по источникам XVII в. Подобных находок можно ожидать, по крайней мере там, где проживали мастера из западнорусских земель, например, в Мещанской слободе Москвы (рис. 6, 2).

Интересно, что производство изразцов в Новом Иерусалиме сохранил европейский флер и много десятилетий спустя. Только здесь обнаруживаются поливные одноцветные (свинцово-серых, голубоватых и других необычных оттенков) рельефные

изразцы, выполненные на сюжеты из книги “Символа и Емблемата” (в России она появилась в первые годы XVIII в., но европейские издания могли быть доступны и раньше). В рельефе воспроизводится даже номер сюжета, взятого с картинки этой энциклопедии аллегорий. Продукцию связывают со шведскими пленными: специально присланные в монастырь в ходе Северной войны, они нашли здесь подготовленную почву (помощников, заказчиков, материалы) для новых изделий ставшего уже традиционным ремесла. Это важный эпизод в копилке фактов, которые со временем помогут вернее оценить вклад шведов в русскую, особенно провинциальную материальную культуру первой трети XVIII в., которому до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Предлагаемая количественная оценка технологических и художественных импульсов (соотношение необычных для слоя русского монастыря находок; вероятная численность привлеченных иноземных мастеров; объемы использованного импортированного сырья) способна по-новому осветить историю ранних эпизодов модернизации России. Важно, что эксперимент не прервался ни с изгнанием и смертью своего инициатора, ни с переносом центра развития страны на берег Финского залива. Очаг “модернизации на церковный лад” незаметно, но эффективно развивался в заданных рамках, представляя ту модель, которая (в сослагательном наклонении) осуществилась бы в стране без рывка Петровских преобразований.

Другие виды находок дополняют картину исследований. Обильные, удачно распределяющиеся по слоям монеты позволяют строить точно датированную стратиграфию. В южной зоне это в основном монеты ручной чеканки (преобладает XVII в.) и раннего имперского периода (первая треть XVIII в.), что объясняется историей участка. Находки предметов личного благочестия помогают понять, что уносили с собой из монастыря паломники в качестве благословений: это медальоны-иконки со сценой Воскресения и Богородицей Иерусалимской и крестики (в том числе резной перламутровый, возможно, палестинский). Среди потерянных есть иконки-энколпии (двусторонняя подвеска с изображением святого воина) и створка литого складня.

Находки, не имеющие отношения к истории монастыря. На северо-восточном краю холма, на глубине 1–1.5 м, четко зафиксирован культурный слой конца бронзового – начала железного века с фрагментами текстильной керамики и сверлиной от каменного топора. Нельзя исключить, что с этим поселением связан бронзовый цельнолитой кинжал I тыс. до н.э. с антеннообразным навершием, происходящий из переотложенного слоя XVIII–XIX вв.

(возможно, самая северная и единственная в лесной зоне находка). Кроме того, обнаружены две подвески финно-угорского типа XI в. н.э. (одна – в слое, перекрытом строительными остатками XVII–XVIII вв.) и двухпрутный витой браслет. (Этим вещам планируется посвятить специальную публикацию.)

В заключение хочется отметить, что Ново-Иерусалимской экспедицией накоплен опыт системных исследований больших архитектурных ансамблей в сотрудничестве с реставраторами, инженерами, учеными-естественниками. Установлен контакт с коллегами из Литвы и Германии. Возрос интерес молодых ученых к археологии позднего средневековья и ранней Российской империи, ранним промышленным технологиям, монастырской и, как сказали бы в XIX в., художественной археологии, музеефикации объектов. Можно говорить о складывании новой группы специалистов по археологии Московского государства, которой предстоит довести начатые исследования до конца.

Работы продолжаются: в начале 2012 г. было открыто первое кладбище братии у деревянной теплой ц. Воскресения Христова “с трапезою и келарнею и служнею” – к юго-западу от собора. Именно при ее освящении в 1657 г. царь Алексей Михайлович впервые назвал обитель “Новым Иерусалимом”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А.* Гроб Господень и реликвии Святой Земли // Христианские реликвии в Московском Кремле: каталог выставки. М., 2000.
- Беляев Л.А.* Гроб Господень: археология и история // ПЭ. 2006а. Т. XIII.
- Беляев Л.А.* Гроба Господня храм в Иерусалиме // ПЭ. 2006б. Т. XIII.
- Беляев Л.А.* Иерусалим видимый и невидимый: о типологии визуальных отражений Святой Земли в древнерусской культуре // Новые иерусалимы. Иератопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009.
- Воронова (Тихова) О.А.* Комплекс для литья колоколов XVII в. в Ново-Иерусалимском монастыре // Давидовские чтения. В печати.
- Востоchnохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
- Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.
- Зеленская Г.М.* Новый Иерусалим. Образы дольного и горнего. М., 2008.
- Извлечение из писцовой и межевой книги г. Свияжска и Свияжского уезда окольного Н.В. Борисова и Д.А. Кикина с товарищами: г. Свияжск // Города России XVI в.: Материалы писцовых описаний / Подгот. изд. Е.Б. Французова. М., 2002.
- Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
- Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”. М., 2002.
- Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”. М., 2005.
- Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”. М., 2011.
- Новые иерусалимы. Иератопия и иконография сакральных пространств / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009.
- Biddle M.* The Tomb of Christ. Thrupp; Stroud (Gloucestershire), 1999.
- Glazunova O.N.* Lithuanian's roots in the pottery of the Western suburbs of Moscow of the 17th and 18th centuries // Archaeologia Baltica. T. 16. Klaipeda, 2012.
- Krüger J.* Die Grabeskirche zu Jerusalem: Geschichte-Gestalt-Bedeutung. Regensburg, 2000.

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИГРАФИЯ И КОНСТРУКЦИИ ОГРАДЫ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2013 г. М.А. Капитонова

Институт археологии РАН, Москва (mariya-kapitonova@yandex.ru)

Ключевые слова: монастырские ограды, башни, субструкции, фундаменты, строительная техника, архитектурно-археологическая стратиграфия, Я.Г. Бухвостов.

The article gives data on the foundations of the stone enclosure wall (walls and eight towers) and the adjacent structures, dating mainly to 1690 – 1694 and constructed by the well-known Russian architect Ya.G. Bukhvostov around the Voskresensky (Resurrection) New Jerusalem monastery. The author uses the data on the foundations and related strata as a basis for stratigraphic research of the occupation layer of the monastery as a whole.

Основная цель исследования – характеристика комплекса каменной ограды 1690-х годов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и демонстрация возможностей, которые открываются благодаря перекрестному анализу данных об утраченных частях, кладках, следах строительства и стратиграфии. Выводы основаны на предварительной обработке материалов, полученных в 2009–2011 гг. при стационарных раскопках, шурфовке и наблюдениях в разных точках периметра (рис. 1) и сопоставленных с генеральными планами архитекторов Г. Бартенева, М.Ф. Казакова, И.С. Кузнецова XVIII – начала XX в. (Беляев, 2010; 2011; 2012; ЦГИА СССР. Ф. 835. Оп. 1. Ед. хр. 464. Л. 1–4. Арх. № 34 342–34 345; Альбом Казакова. Арх. № 25 176; РГАДА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 77).

Комплекс монастыря занимает высокий холм в излучине р. Истра (Московская обл., Истринский р-он). Его каменная ограда со времени создания кардинально не менялась, а планиграфия в большей части сохранилась до наших дней. Структура монастырского комплекса была определена патриархом Никоном изначально, а его последователи, достраивая монастырь после смерти основателя, следовали в застройке его логике (Леонид (Кавелин), 1876. С. 146–153). Архитектурный ансамбль монастыря формируют два объекта: в центре – собор Воскресения Господня, по границе – массивная каменная ограда с комплексом пристроек. Здания между ними ориентированы на эти доминанты:

комплекс Трапезных палат выстроен параллельно западной части, линия Дворца “царевны Татьяны Михайловны” с двумя братскими корпусами ориентирована почти параллельно северной части монастырской ограды; утраченные здания южной части также следовали направлению монастырских стен. Главный символ ансамбля, конечно, собор, но и роль ограды отнюдь не второстепенна: она определяет не только планировку, но и символику, в том числе через названия башен (Дамасская, Гефсиманская, Сионская названы по воротам Иерусалима, Давидов дом имеет иерусалимские коннотации).

Из источников, в том числе монастырской описи 1669 г., известно, что до каменной ограды была деревянная, чуть ли не большего периметра (960 м, т.е. около 440 саженей): “Круг монастыря с трех сторон осыпной вал, невысок, мелким диким камнем, и с четвертую сторону от Истры реки самородная земля без вала, и по тому валу аи самороду рублен город деревянный в две стены, а по нем восемь башен с шатрами... Да с наружную сторону кругом города копан ров, а во рву по одну сторону с трех сторон к валу прислонен лес для осыпи, и землю осыпан, с наружную сторону кладено дерном” (цит. по: Леонид (Кавелин), 1876. С. 149–153). Каменная ограда возведена в 1690–1694 гг. под руководством Я.Г. Бухвостова “по Указу Великих Государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича”. Тогда же построены примыкающие к ней караульни (вос-

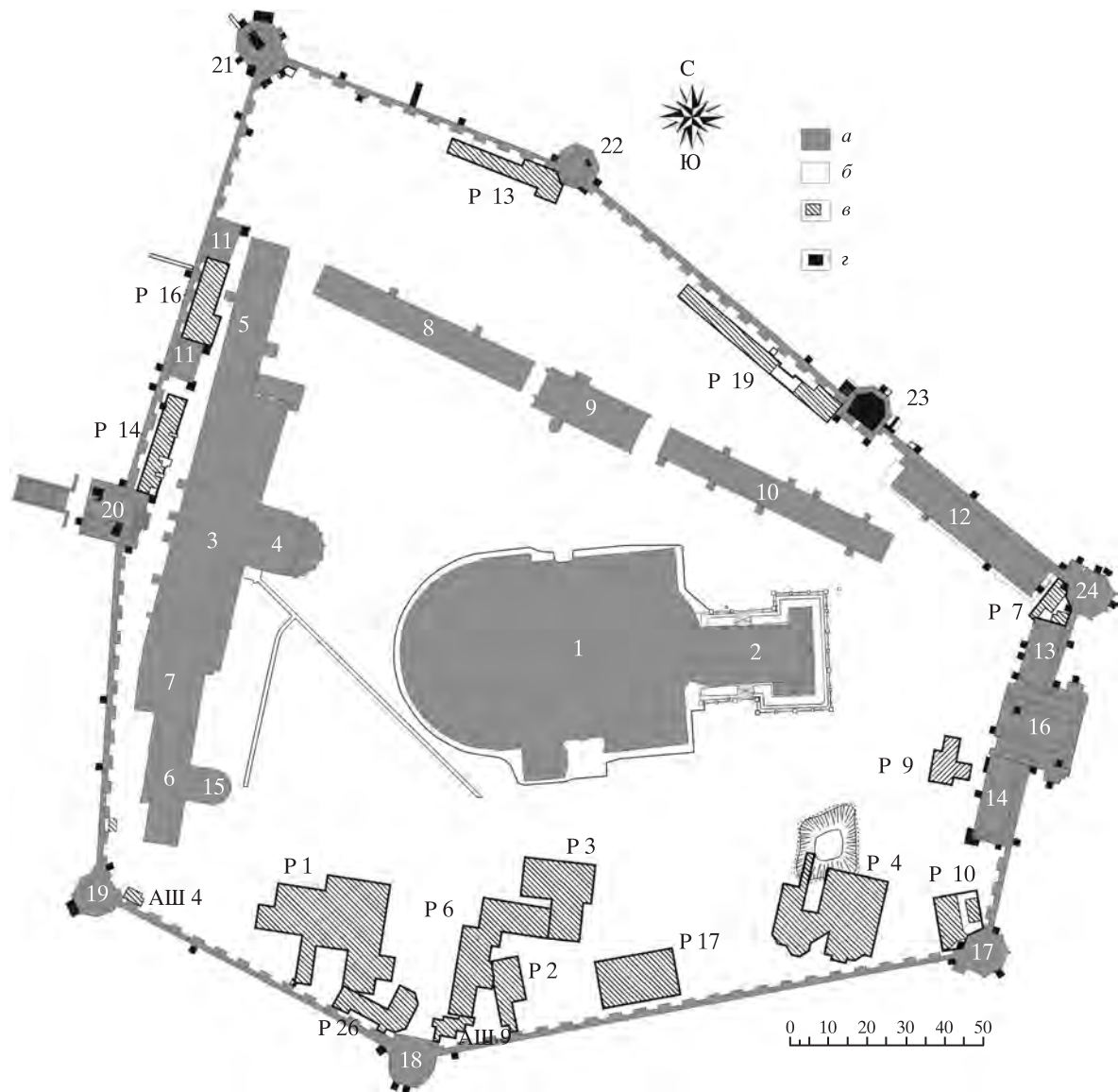

Рис. 1. Территория Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. 1 – Воскресенский собор (1658–1685 гг.); 2 – подземная ц. Константина и Елены (1680–1690 гг.); 3 – Трапезные палаты (1686–1692 гг.); 4 – ц. Рождества Христова (1686–1692 гг.); 5 – бывший Дворец “царевны Татьяны Михайловны” (конец 1680 – начало 1690-х годов), позднее – Палаты архимандрита; 6 – Больничные палаты (1698 г.); 7 – палаты “Монастырских детенышей” (1690-е годы, перестроены в 1770-х); 8 – Западный братский корпус (конец XVII в.); 9 – “Татьянины палаты” (на фундаментах помещений 1660-х годов); 10 – Восточный братский корпус (конец XVII в.); 11 – Квасные палаты (конец XVII в.); 12 – Солодовые и Кузнечные палаты (1690 – 1694 гг.), с начала XX в. – просфорня, баня, иконно-книжная лавка; 13 – Караульная и Колодничья палаты (1690–1697 гг.); 14 – Наместничьи палаты (бывшие Патриаршие, 1690–1697 гг.); 15 – ц. Трех святителей (1698 г.). Башни: 16 – Входная с надвратной ц. Входа в Иерусалим; 17 – Гефсиманская; 18 – Сионская; 19 – Давидов дом; 20 – Елизаветинская; 21 – Иноплеменничья; 22 – Варуха; 23 – Ефремова с водосточным спуском; 24 – Дамасская. Условные обозначения: *a* – существующие строения; *b* – исследования 1982, 1995 гг.; *v* – раскопы и шурфы 2009–2011 гг.; *z* – археологические наблюдения 2009–2011 гг.

точная, западная) и палаты (Наместничьи, Солодовые и Кузнечные, Квасные). С возведением в 1694–1697 гг. над Святыми воротами ц. Входа в Иерусалим ограда обрела законченный облик.

В 1982–1983 гг., при первых археологических работах в монастыре, Ю.Л. Лихтер в одном из шурфов расчистила белокаменную кладку крыльца у

Иноплеменничьей башни (под острым углом к ее стене), открыв слои конца XVII и XVIII – начала XIX в. и выступающие части фундамента, сложенного из четырех рядов больших валунов. По ее мнению, открылось и место монастырских подвалов, пристроенных к западному пряслу между Елизаветинской и Иноплеменничьей башнями (шурф с внутренней стороны западной стены севернее

Елизаветинских ворот; см. Лихтер, 1984. С. 1–3). В 1995 г. Е.Л. Хворостова (1995. С. 3–80), заложив в ходе предпроектных работ девять шурфов (у Иноплеменничьей, Ефремовой, Елизаветинской башен и северной стены), сделала много наблюдений. Согласно им, современный уровень поверхности монастыря значительно превышает дневную поверхность периода строительства. Особенно мощны подсыпки у Ефремовой башни (сnivelирован овраг, на который она выходила). В юго-западной части монастыря подсыпки середины XVII в. также значительны. Вдоль западной стены внутри монастыря сохранились остатки вала никоновского времени, облицованного небольшими валунами и булыжником, причем западная стена 1690-х годов поставлена по его наружному обрезу. Выходившую на склон внешнюю часть фундамента 1690-х годов по мере выкладки подсыпали песком, а в материк заглубляли лишь сваи и нижние ряды. Лицевая кладка белокаменного цоколя сейчас практически закрыта землей. Иноплеменничья башня в нижней части с наружной стороны первоначально имела расширение кладки, выполненное в белом камне, которое выступало выше уровня дневной поверхности (впоследствии переложено и засыпано кирпичным щебнем). Остатки показанного на планах XVIII в. полукруглого крыльца не обнаружены, но установлено, что значительная часть цоколя была перекрыта землей, а уровень порога дверного проема располагался ниже. Ефремова башня имела в нижней части расширение, делавшее ее четырехугольной в плане, его фасад был (не первоначально?) облицован белым камнем, откосами. Такой откос обнаружен и у северной стены на примыкании к башне с запада (вероятно, также северная стена и примыкание к башне с востока). В нижнем ярусе Ефремовой башни имелись засыпанные помещения (судя по архивным данным, ранее в башне был колодец). У наружного фасада Ефремовой башни имелась подпорная стенка, по верху которой шел настил для обхода.

Таким образом, значительный объем сведений об ограде был собран в 1980–1990-х годах, но охарактеризовать ее полностью, реконструировать исходный рельеф холма, понять назначение утраченных частей и оценить стратиграфию мешал фрагментарный характер работ. Кроме того, собранный материал не был опубликован. В то же время каменная ограда, имея точную дату и будучи связана через строительные слои и уровни кладок со всей толщей прилегающего культурного слоя, является естественной точкой отсчета, устойчивым репером для стратиграфии всего монастыря.

Комплекс ограды состоит из восьми конических башен и Святых врат, соединенных пряслами. К тем и другим изнутри и снаружи примыкали пристройки. Периметр каменной стены – более 900 м (432 сажени – 921.888 м) при наружной высоте – до 9 м (4 сажени 7 вершков – 8.85 м). Все башни разделены перекрытиями на этажи: нижние использовались для хозяйственных нужд, верхние – как кельи. Башни разного размера и сечения (круглые, восьмигранные, с восьмигранным основанием и круглым верхним ярусом; см Краткое историческое описание..., 1862. С. 38–40; Леонид (Кавелин), 1876. С. 153–158; Токмаков, 1905. С. 2–30).

Фундаменты прясел и башен перевязаны. У прясел они состоят из двух или трех рядов белокаменных блоков, положенных на валунную забутовку глубиной 40–60 см на известковом растворе (данные геологических шурфов (ШГ) 2009 г.; археологических шурфов (АШ) 4, 5/2009; шурфов наблюдения (ШН) 36, 43, 47, 59, 62, 66/2011; раскопов (Р) 7, 10, 13, 19/2011). Раствор местами вымыт, и сцепление валунов утрачено; фиксируются следы вычинки верхнего белокаменного ряда.

Глубина заложения прясел колеблется от 60 до 650(!) см, даже в одном прясле; вблизи башен Елизаветинской и Иноплеменничьей прясло заложено на глубину 0.80–1 м, а в центре между ними – более чем на 3 м (здесь к пряслу пристроены подвалы Квасных палат). Самый глубокий фундамент, около 6.5 м, зафиксирован в месте стыка северных прясел с Ефремовой башней, имеющей соответствующую глубину основания. Но у большинства прясел подошва фундамента лежит на предельно малой глубине и остается в насыпи, нигде не уходя в материк, что вполне объяснимо с инженерной точки зрения: башни работают как контрфорсы, придавая устойчивости конструкции, в то время как прясла, испытывая температурные колебания, должны сохранять известную подвижность.

Фундаменты башен тоже лежат на разной глубине и сложены неодинаково. Основания угловых башен (Дамасской, Гефсиманской, Иноплеменничьей) имеют сложную конструкцию: фундаменты граней, выходящих внутрь монастыря, – вертикального заложения, а граней, смотрящих наружу, – ступенчатого.

Северо-восточная угловая башня – Дамасская (ШГ 13–15, 26, 62, 82, 92/2009 г., Р 7/2011) (рис. 2, 1) – имеет глубину основания с внутренней стороны до 0.8 м, с внешней – до 1 м. Фундамент сложен из белокаменных блоков, под которыми

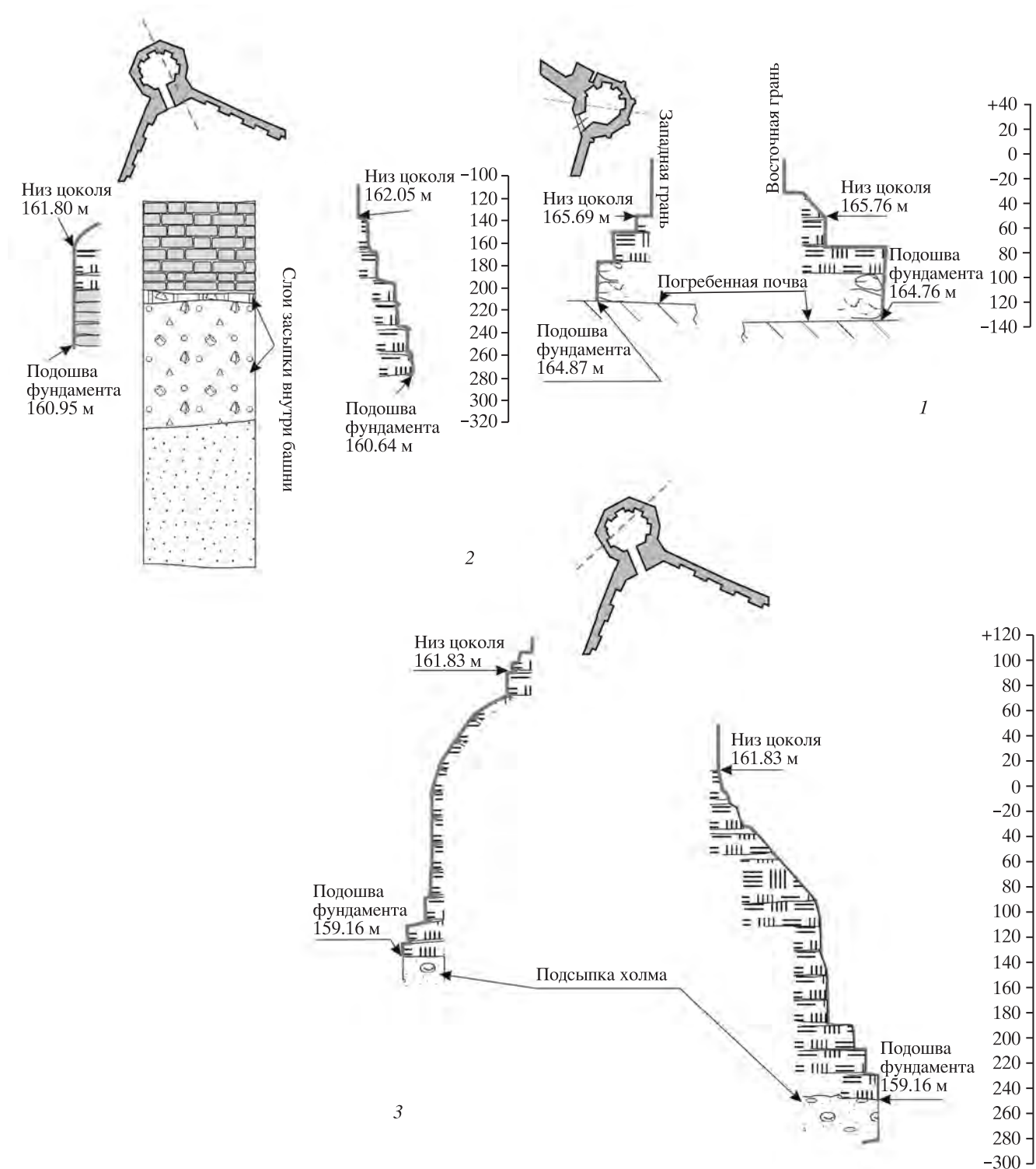

Рис. 2. Профили фундаментов угловых башен: 1 – Дамасской; 2, 3 – Иноплеменничьей.

зафиксирован ряд крупных валунов. Вынос ступенчатого расширения фундамента от плоскости стены составляет 0.4–0.6 м. Верхняя часть фундамента усилена кладкой цоколя-панциря, сложенного из блоков, скрепленных цементным раствором. Стра-

тиграфия отложений вокруг башни показывает под слоями XVIII–XIX вв. насыпной грунт – мешаную коричневую супесь с примесью кирпичной крошки и извести, содержащую фрагменты керамики и изразцов второй половины XVII в. Ниже лежит

слой дерново-подзолистой погребенной почвы – поверхность монастырского холма до начала строительства (в почве обнаружены находки эпохи финальной бронзы – кремневые отщепы, лепная керамика). Подошва фундаментов внутренних граней прорезает этот слой, а внешних – достигает или несколько не доходит до него.

Юго-восточная угловая башня – Гефсиманская (ШГ 6, 8, 10, 12/2009, Р 10/2011) – имеет глубину заложения граней внутри монастырских стен до 1.2 м, внешних – около 1.7 (рис. 3, 2). Фундамент стоит в песчаной подсыпке с прослойками извести, дерна и супеси. Слои XVIII и XIX вв. начинаются выше подсыпки. Под южными гранями башни прослежен мощный (до 50 см) горизонт битого кирпича XVII в.; в нем, а также в подсыпке найдены фрагменты изразцов (производственный брак!) и керамики XVII в. Структура кладки аналогична кладке фундамента Дамасской башни. Весь фундамент лежит в насыпном слое, не достигая уровня погребенной почвы, ближе всего к ней (50 см) восточная грань, дальше всего (около 120 см) – южная; в погребенной почве находок нет.

Юго-западная угловая башня – Давидов дом (ШГ 17, 52, 53/2009, ШН 38/2011) – глубина заложения фундамента внутри монастырских стен колеблется от 1.3 до 2.3 м, с внешней стороны подошва фиксировалась на глубине от 2.15 до 2.5 м (рис. 3, 1). Башня полностью “сидит” в песчаном насыпном грунте: изнутри ее подошва не достигает погребенной почвы всего на 12 см, снаружи она значительно ниже. Первоначально башня была проездной, позднее ворота заложили, перебрав и часть фундамента. Кладка фундамента аналогична описанным выше, но северо-восточная грань, имея глубину заложения 2.5 м, полностью сложена из белокаменных блоков на известковом растворе без бутовой основы.

Северо-западная угловая башня – Иноплеменничья (ШГ 25, 58, 55/2009, ШН 39, 40–42, 71, 72, 83, 84/2011) – имеет самый мощный среди угловых башен фундамент – до 2.5 м (рис. 2, 2, 3). Вероятно, это связано с наибольшим расширением в этой части монастырского холма. Башня стоит в песчаной подсыпке, исходная дневная поверхность залегает глубоко (более 3 м). Исследования внутри башни показали, что фундамент заложен на глубину около 3.2 м, а пространство между стенами забутовано кирпичным боем с известью мощностью около 1.2 м (ШН 71/2011). Признаки забутовки отмечены снаружи, в песчаной подсыпке у северной грани башни (ШН 72/2011). Фундамент с одной ступенью в нижней части зафиксирован у северо-западной грани башни; фундаменты северо-восточной и юго-

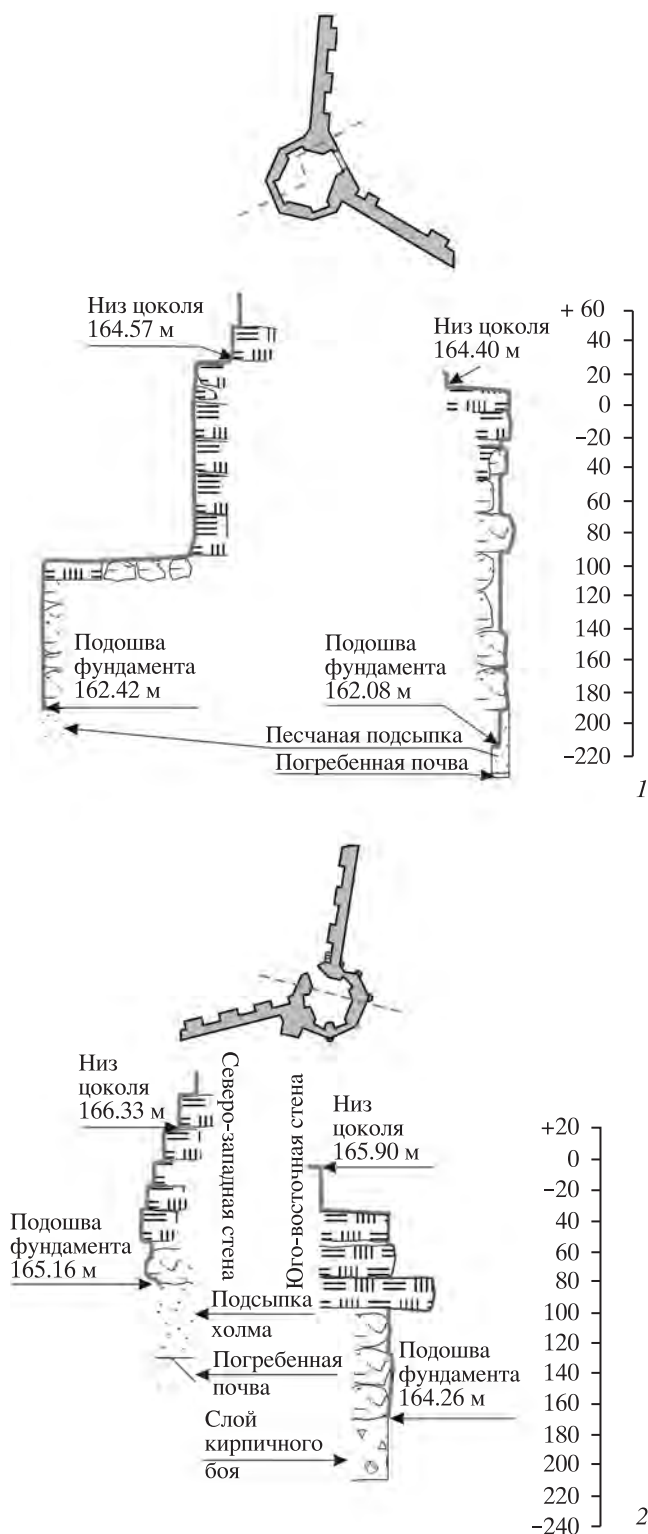

Рис. 3. Профили фундаментов угловых башен: 1 – Давидов дом; 2 – Гефсиманская.

западной стен – ступенчатые. Кладка сформирована из белокаменных блоков, положенных на слой валунов в известковом растворе за исключением (как и у башни Давидов дом) самого глубокого фун-

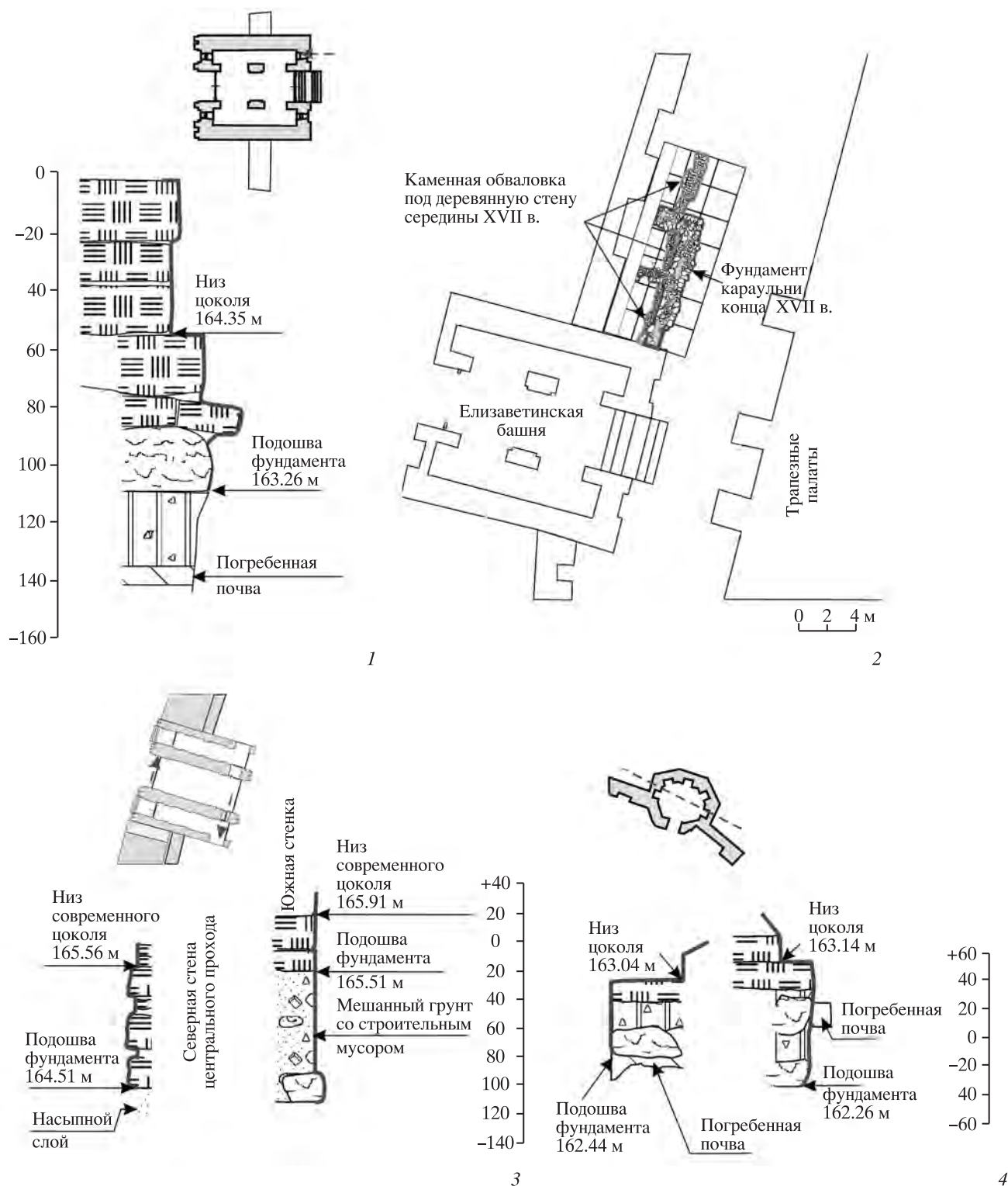

Рис. 4. Профили фундаментов проходных башен и башни Варуха: 1 – Елизаветинской; 2 – Караульные палаты у Елизаветинской башни; 3 – Входной башни с надвратной церковью; 4 – Варуха.

дамента у северо-восточной грани (2.6 м), которая сложена только из белого камня. У южной стены башни отмечены остатки белокаменного крыльца на бутовом основании.

Кроме того, три угловые и Входная башни имеют контрфорсы XVIII в., показанные на планах Г. Бартенев и М.Ф. Казакова. Фундамент контрфорсов Дамасской башни сложен только из неровно выло-

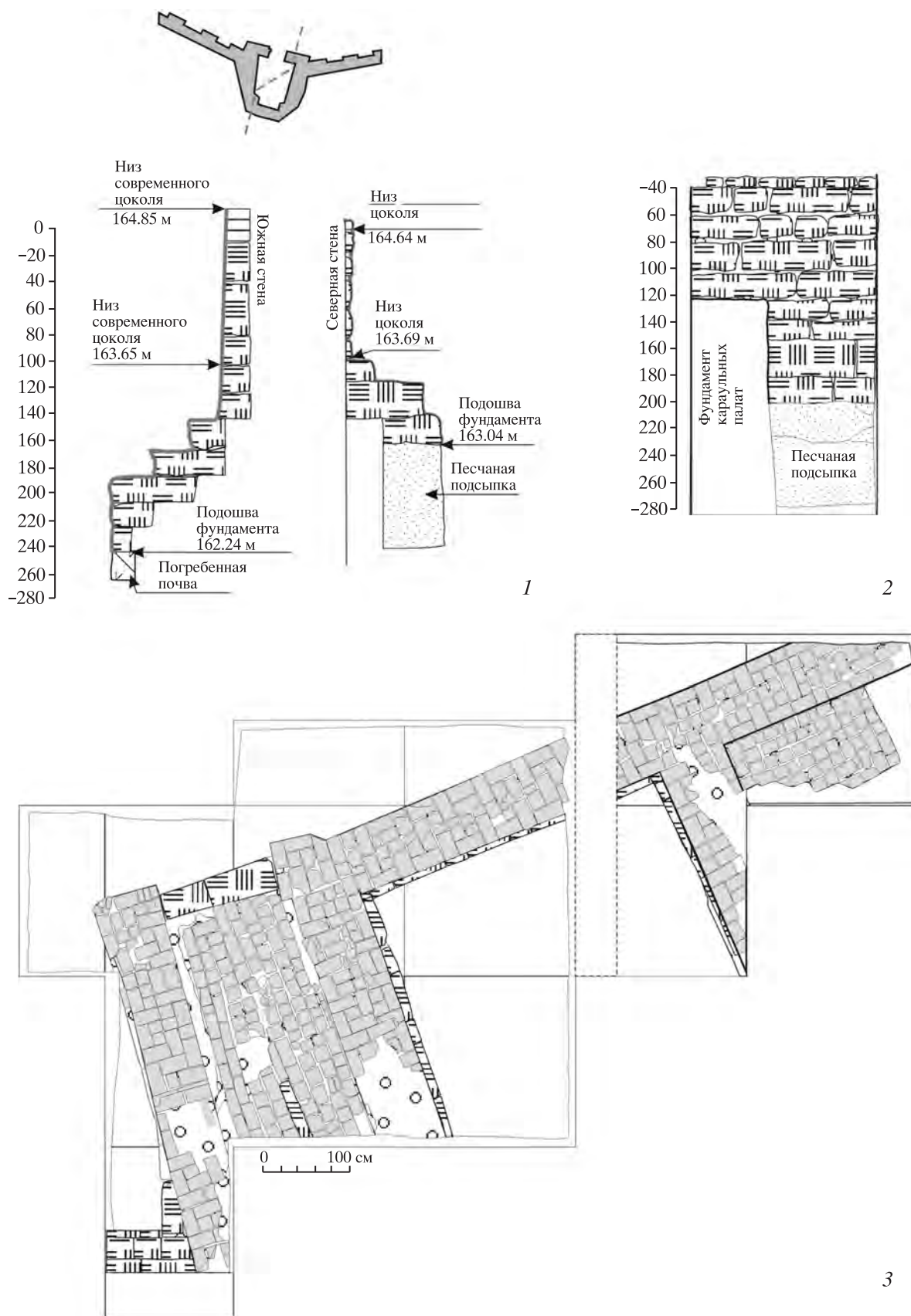

Рис. 5. Сионская башня. 1 – профили фундаментов; 2 – место сопряжения фундаментов башни и Караульных палат; 3 – кладки пристройки к башне.

женных рядов разномерных белокаменных блоков на известковом растворе, Гефсиманской – из пяти-семи рядов одноразмерных блоков, под которыми лежит слой битого кирпича и белого камня мощностью до 50 см. Общая мощность фундаментов контрфорсов достигает 0.8–1.4 м.

Четыре башни ограды были проходными, башни Святые Врата с ц. Входа в Иерусалим с востока и Елизаветинская с запада – действующие, проходы в Ефремовой и Сионской заложены.

Входная башня со Святыми Вратами поставлена на фундамент вертикального заложения глубиной 1–1.1 м (ШГ 39, 65, 73, 74, 98, 100/2009). Основа фундаментной кладки сформирована бутовым камнем в песчаной подсыпке с кирпичным боем, только верхние два-три ряда фундамента северной и южной стен сложены из белого камня (рис. 4, 3). Отмечены слои ремонтно-реставрационных работ XX в. и песчаная подсыпка. Как и у угловых башен здесь с севера и юга стоят контрфорсы.

Елизаветинская башня открывает выход из монастыря в Гефсиманский сад. Ее стены имеют неглубокий вертикальный фундамент (восточная – 80 см, западная – от 130–160 см; ШГ 16, 21, 60/2009, ПН 48, 54, 55/2011). Фундамент заглублен в песчаную подсыпку; кладка состоит из двух рядов стандартных белокаменных блоков, лежащих на бутовом валунном основании (рис. 4, 1, 2). Дневная поверхность изначального холма ближе всего к подошве фундамента восточной стены (на 30 см ниже); отмечено падение уровня погребенной почвы с востока на запад.

Фундамент южной Сионской башни (рис. 5, 1, 2) с внутренней стороны ограды достигает 1 м, с внешней – 1.9–2.5; кладка выложена только белокаменными блоками, скрепленными известковым раствором (ШГ 23, 28, 78, АШ 9/2009). Параллельные друг другу северная и южная стены имеют ступенчатый, а западная и восточная – вертикальный фундаменты. Башня стоит в насыпном грунте, фундамент не доходит до материка. В наземной части южной стены башни имеется широкая арка проездных ворот, заложённая кирпичом; нижняя граница арки зафиксирована на глубине 1.5 см от современной дневной поверхности, и на том же уровне – первоначальный цокольный уровень.

Самый глубокий фундамент – у Ефремовой башни (около 7 м). Он вертикальный (ШГ 64, 71, 84, 99, 102, 112, 111/2009, Р19/2011), сложен из белокаменных блоков на известковом растворе (рис. 6, 1). Основой фундамента служит бутовый слой, состоящий из булыжника в известковом растворе. Исследование фундамента Ефремовой башни вы-

явило три подземных сооружения, о которых прежде только упоминалось. Два из них располагались к востоку и западу от башни – это пристроенные помещения со сводами (размеры изнутри – 3.5×4 м), опирающимися на прясла, в которых отмечены прямоугольные бойницы (рис. 6, 2). В щеке башни – сводчатый проход, ведущий в центральное помещение цокольного уровня. Судя по характеру кладки, сооружения появились одновременно с башней и пряслами, а потому датируются 1690-и годами. Третье сооружение, приложенное к фундаменту башни у юго-восточного угла на глубине 3 м, имело форму короба, выложенного из белокаменных блоков. Зондаж позволил определить толщину стены – около 50 см. Внутреннее пространство было заполнено грунтом со строительным мусором. Полностью форму сооружения и его назначение предстоит выяснить.

Башня Варуха (восточнее Ефремовой; ШГ 72, 97/2009, Р13, ПН 58, 70/2011) имеет неглубокий вертикальный фундамент; западная стена заглублена в песчаную засыпку на 0.6 м, восточная – на 0.8 м (рис. 4, 4). Кладка не отличается от фундамента крепостной стены: два ряда разномерных белокаменных блоков, под ними – ряд валунов. У южной стены отмечено основание позднего крыльца из кирпича на цементном растворе.

Таким образом, исследования стен и башен показали, что их фундаменты заложены в ту подсыпку, с помощью которой были выровнены края монастырского холма. В нем встречаются плотные слои строительного мусора, добавленного преднамеренно. Точками опоры всей конструкции служат башни на мощных фундаментах, сложенные в основном из белокаменных блоков. Заложение фундаментов рассчитано по рельефу, сформированному ранее при строительстве деревянной ограды, с небольшими досыпками. Кладки фундаментов книзу расширены для увеличения устойчивости.

Первые пристройки закладывали сразу, вместе со стенами и башнями 1690-х годов, но есть и более поздние. Сохранившихся три: к Святым вратам с севера и юга примыкают Наместничьи и Караульные палаты; вдоль прясла между Ефремовой и Дамасской башнями располагаются Солодовые и Кузнечные. Здание Квасных палат сохранилось частично. Не менее пяти строений утрачено – из них открыты фундаменты Караульных палат 1690-х годов у Сионской и Елизаветинской башен.

Южные Караульные палаты (площадь около 60 м²) примыкали к южной стене (рис. 5, 2, 3); фундамент их западной стены перевязан с фундаментом северной грани Сионской башни (АШ 9/2009, Р6/2010). Исследованы западное, центральное и

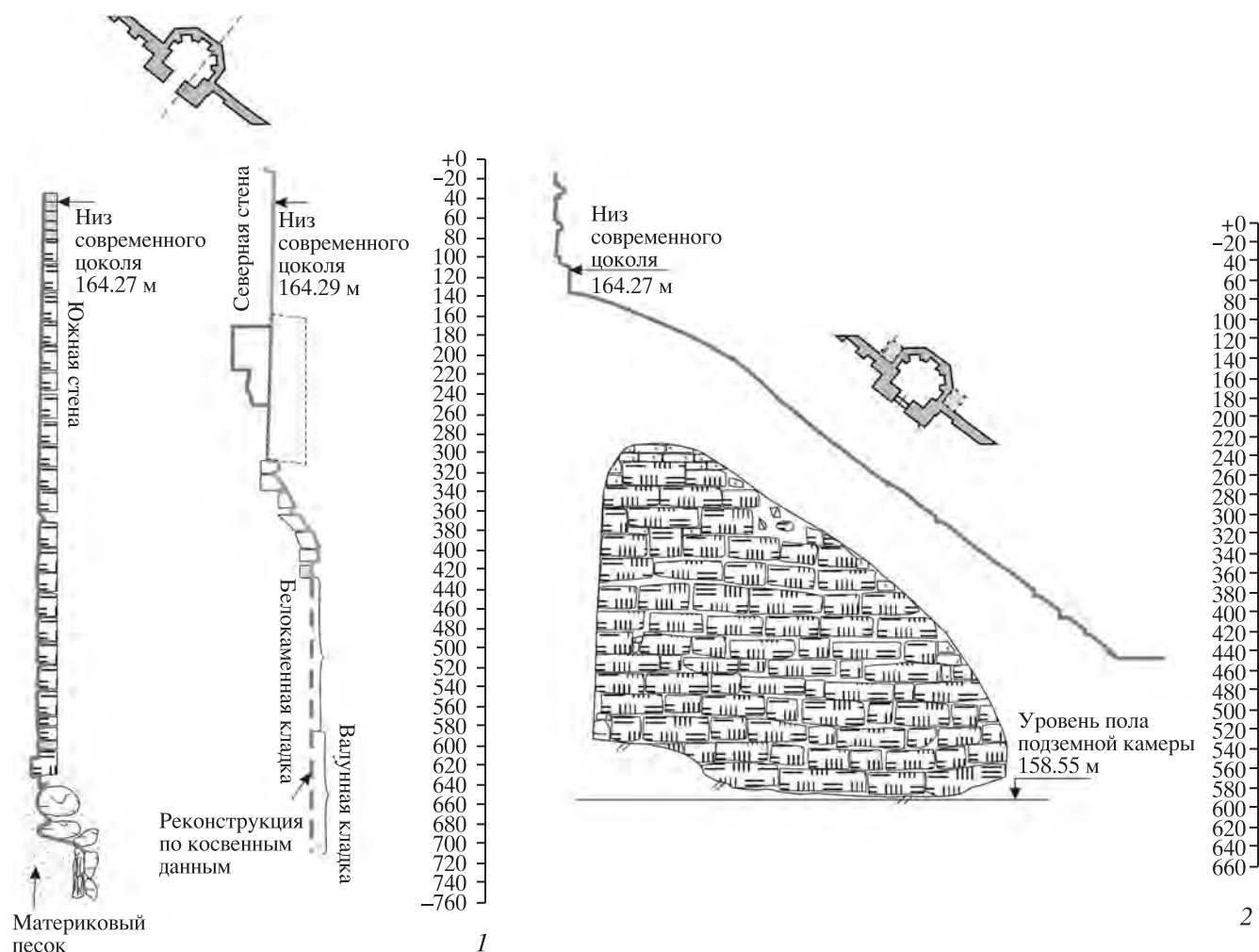

Рис. 6. Ефремова башня. 1 – профили фундаментов; 2 – внутренний фас западной стены подземного помещения башни.

часть восточного помещения постройки. Фундамент (глубина – 70–75 см) сложен из белокаменных блоков. Сохранились нижние ряды кирпичной стены и кладка кирпичного пола (большемерный кирпич $29\text{--}31 \times 15 \times 7.5\text{--}8$ см, целый и половинки на известковом растворе) в западном и восточном помещениях; центральное помещение имело деревянный пол. Судя по материалу заполнения, пристройку разобрали до середины XVIII в.

Западные караульные палаты примыкали с севера к Елизаветинской башне. Их фундамент (глубина – около 50 см, сохранность частичная; Р 14, ШН 48/2011) сложен из крупных булыжников (рис. 4, 2). Длина здания по линии С–Ю – 7.6 м, ширина – до 1.6. Культурные напластования, связанные с постройкой, переотложены при реставрационных работах XX в. Караульни показаны на плане Г. Бартенева (1769 г.), но на плане М.Ф. Казакова их нет – видимо, были разобраны во второй половине XVIII в.

Под фундаментами Караульных палат расчищено около 28 м обваловки под деревянную ограду (высота – 85–90 см) с булыжной выкладкой. Стратиграфические разрезы показали, что моделирование рельефа путем подсыпки было сделано сразу, перед строительством первой (“никоновской”) ограды. Вдоль южной стены монастыря ее сохранилась достаточно, чтобы проследить линию.

К пристройкам конца XVII в. относятся Квасные палаты. Между двумя сохранившимися частями этого строения (Р 16/2011) открыты два подвальных помещения. Западной стеной им служит фундамент прясла, сложенный здесь из белокаменных блоков (глубина – 3 м). Скорее всего, для устройства погребов использовали естественное резкое падение рельефа на запад. Возможно, на этом месте и раньше были погреба (упомянуты в описи 1669 г., см. Леонид (Кавелин), 1876. С. 152), позже перестроенные в камне.

Сохранившиеся палаты у Въездной башни исследованы частично. Удалось установить, что фундаменты обеих палат с фундаментами прясел. Глубина заложения Караульных палат – не более 50 см (ШН 34/2011), Наместничьих – 60–80 (ШН 32, 33/2011). План строений со временем менялся. С запада на Наместничьи палаты (согласно плану Г. Бартенева) опиралась каменная лестница, ведущая на гульбище, опоясывающее ц. Входа в Иерусалим: на прясле у стыка с башней сохранились следы ее крепления, но археологически (Р 9/2011) она не прослеживается, так как была уничтожена в XIX в. подвалом “домика наместника” – небольшой пристройки, дожившей до 1941 г.

Между Наместничьими палатами и юго-восточной башней открыт фундамент южной пристройки, закрывающей вход в Гефсиманскую (Р 10/2011). Она была разобрана в начале XX в., но есть на всех исторических генеральных планах начиная с плана 1769 г. В южной точке ее фундамент подходит к пряслу между Гефсиманской и Сионской башнями; он имеет бутовую основу – булыжник, кирпичный и белокаменный бой в известковом растворе, а выше – два ряда белокаменных блоков на известии и кирпичная кладка, сохранилось до трех рядов. Ширина фундамента – 1.2 м, глубина заложения – около 0.5 м. Первоначальная дневная поверхность зафиксирована под подошвой фундамента. Фундаменты пристройки, палат и стены не перевязаны друг с другом, но прорезают слои, относящиеся к строительству ограды. Отложения, связанные с жизнью пристройки, уничтожены перекопами XX в. (собраны в основном керамика и печные изразцы XVIII–XIX вв.).

К существующим Караульным палатам с севера была сделана “перемычка”, соединяющая их с Солдовыми и Кузнечными (существовала до 1941 г.), закрывавшая вход в Дамасскую башню. Их фундамент был выявлен в 2011 г. (Р 7) и по конфигурации совпал с чертежом Г. Бартенева. Фундамент – из булыжника, кирпичного и белокаменного боя, в верхней части – следы известии, но в нижней в качестве “связки” использована глина. Ширина фундамента – 1.9 м, глубина – около 0.4; он врезан в ранние слои, но не доходит до материка. Во внутренней части пристройки выявлены два уровня погребенной почвы, разделенные песчаной прослойкой. Верхний слой содержит материал XVII–XIX вв. (керамика, монеты и т.д.), в нижнем обнаружены только фрагменты лепной керамики раннего железного века.

Не все поздние объекты, относящиеся к комплексу ограды, удалось идентифицировать. В некоторых случаях их сохранность слишком плоха. Так, у западного прясла, между башнями Давидов дом

и Елизаветинская, на плане Г. Бартенева обозначена хозяйственная постройка. В 2009 г. здесь были обнаружены (АШ 5) следы двух разновременных пристроек, не перевязанных с фундаментом стены: белокаменной полубутовой кладки (З–В – 99 см, С–Ю – 72) и бутовой кладки (битый кирпич на известковом растворе) глубиной 40 см, у которой обозначилась только северная грань; можно понять, что она шла параллельно линии ограды.

Многие открытые сооружения не прослеживаются по письменным источникам. Так, у южного прясла, возле башни Давидов дом в 2009 г. были обнаружены (АШ 4) остатки двух примыкавших к ограде пристроек. Сооружение 1 приложено к валунам фундамента стены и, следовательно, было построено позднее стены (кладка длиной 3 м с севера на юг, шириной – 0.76 м, в два ряда кирпича – 30.5–32 × 14.5–16 × 7–8 см, пролитых сверху известковым раствором на белокаменном основании толщиной в два блока; общая глубина – 0.6 м). Сооружение 2 – фундамент двух стен, северной и восточной; северная длиной 4.72 м при ширине 0.84, восточная – 1.52 × 0.7 м; северная стенка прорезана сооружением 1 – видимо, оно более раннее. Постройка имела булыжный бутовый фундамент (глубина – 0.5 м), пролитый раствором, содержащим битый кирпич. В восточной части читаются контуры белокаменных блоков, ранее лежавших на известковом растворе. Блоки образуют панцирь, забутованный булыжником вперемешку с кирпичным боем и известковым раствором. Сооружение не связано с кладкой стены монастыря и даже стоит от него на некотором расстоянии.

Подошва фундамента обоих сооружений находится на одном уровне, но характер их кладки – разный, также как уровень начала чистовой кладки стены. Все обнаруженные строения и объекты демонтированы практически до одного уровня. Примечательно, что промежуток между фундаментами сооружений и пряслами забит целыми формами и крупными фрагментами печных изразцов конца XVII в. Таким образом, известно существование двух пристроек в этой части ограды (1694–1769 гг.). Все сооружения заложены в песчаную подсыпку; уровень первоначальной поверхности – на 0.64 м ниже подошвы фундаментов.

Раскопки у северных прясел дали информацию о пристенных постройках XIX в.: между башнями Иноплеменничьей и Варуха – остатки монастырской оранжереи (Р 13/2011) – двух сменявших друг друга оранжерей XIX – начала XX в. (при сооружении поздней ранняя была демонтирована, а поздняя после 1914 г. была разобрана), внутри которых собрано более 1000 фрагментов цветочных горшков.

Под фундаментами оранжерей изучены напластования XVII и XVIII вв., лишь частично нарушенные фундаментами построек. Важно отмеченное резкое падение материка с востока на запад, в большую яму, в овраг или по крутому склону холма. Фиксируется и песчаная подсыпка, моделировавшая рельеф холма и перекрытая отложениями строительства каменной ограды.

Вдоль северного прясла между башнями в 2011 г. была исследована еще одна пристройка XIX в. – “сарай на столбах” (Р 19). Существует его фотография конца XIX – начала XX в., однако от самого фундамента остался только небольшой фрагмент – каменный столб размером 120 × 120 см и примыкающий к нему ленточный фундамент сложной (в плане) формы, протяженностью 6.4 м и шириной от 0.64 до 1 м. Фундамент – бутовый – слой валунов и кирпичного боя, пролитый известковым раствором; выше шла кирпичная кладка (кирпич размером 28 × 16 см, сохранились следы). Фундамент заглублен в напластования XVIII–XIX вв., но его подошва отделена от погребенной почвы слоем извести. Обнаружена также подпольная часть неизвестной наземной постройки второй половины XVII в. (датируется по собранному материалу), засыпка которой перекрыта слоем строительства каменной ограды.

Исследование сооружений каменной ограды дало новые сведения об истории строительства монастыря. Выяснено, что перед началом застройки монастырской территории площадку расширили, подсыпав края холма, тем самым задав границы территории, обозначенные первой деревянной оградой и, отчасти, планировку монастыря. Скорее всего, это сделали после того, как были определены места и размеры частей главного сооружения – собора Воскресения Господня, его колокольни и подземной ц. Константина и Елены. В 1690-х годах деревянную стену заменили на каменную, но новая ограда почти точно следовала прежнему периметру. Стены и башни ставили в насыпной грунт, учтя это в конструкции фундаментов и некоторых пристроек.

Комплекс каменной ограды в конце XVII в. был задуман и реализован в духе определенной концепции: например, было оставлено необычно много выходов из монастыря – восточный, западный, северный, южный и юго-западный. Большие ворота (у Святых врат, Сионской и Елизаветинских башен) сопровождалась постройками для охраны и обслуживания. Вдоль прясел были пристроены поме-

щения, предназначенные под хозяйственные (для хранения и складирования) и производственные нужды. Самой жизнью обители были продиктованы изменения облика ограды: проездные башни были закрыты, ворота – заложены, караульные палаты и “лишние” строения (особенно на юге и западе) – разобраны. В XIX в. кое-где у прясел появились новые хозяйственные пристройки (оранжерея, “сарай на столбах”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Отчет об Охранных научно-исследовательских археологических работах, направленных на обеспечение сохранности объектов археологического наследия и сопровождающих геологические и архитектурные исследования в рамках выполнения проектных работ по сохранению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря в 2009 г. // ИА РАН. 2010.
- Беляев Л.А. Отчет об Охранных научно-исследовательских археологических работах, направленных на обеспечение сохранности объектов археологического наследия и сопровождающих геологические и архитектурные исследования в рамках выполнения проектных работ по сохранению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря в 2010 г. // ИА РАН. 2011.
- Беляев Л.А. Отчет об Охранных научно-исследовательских археологических работах, направленных на обеспечение сохранности объектов археологического наследия и сопровождающих геологические и архитектурные исследования в рамках выполнения проектных работ по сохранению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря в 2011 г. // ИА РАН. 2012.
- Краткое историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1862.
- Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
- Лихтер Ю.Л. Ново-Иерусалимский монастырь. Отчет по археологическим раскопкам // Научно-технический архив треста “Мособлстройреставрации”. № 388-84. М., 1984.
- Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание г. Воскресенска (Звенигородского уезда Московской губ.) и его окрестностей. М., 1905.
- Хворостова Е.Л. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на территории Ново-Иерусалимского монастыря в 1995 г. // Научный архив ИА РАН.

ФУНДАМЕНТЫ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2013 г. О.А. Воронова

Институт археологии РАН, Москва (vol.to@mail.ru)

Ключевые слова: архитектура XVII в., строительные материалы, история технологии, ленточные фундаменты, литургические устройства.

The article presents the preliminary results of the 2009 – 2011 archaeological investigations of the foundations of the Resurrection cathedral in New Jerusalem monastery. Among the characteristic features are the strip foundations, the use of piles in the lower parts of the setting, and the variety of techniques used for laying the foundations in different areas of the cathedral. On the whole, the Resurrection cathedral conforms to the technical standards of the time and demonstrates quite ordinary building techniques.

В ходе археологических исследований фундаментов Воскресенского собора (более 30 шурфов) были выявлены некоторые строительные особенности, позволяющие лучше понять, какие задачи ставили перед собой мастера XVII в. и как они их решали. Целью работ 2009–2012 гг. в соборе были анализ стратиграфии и изучение подземных частей здания: конструкций фундаментов, конфигураций их рвов, стыков кладок под стенами разных компартиментов и пр. Все, перечисленное выше, не входило в инициативную программу работ экспедиции Института археологии РАН, являясь частью общей системы обследования, прежде всего инженерного и геологического, с целью укрепления здания.

Тем не менее удалось поставить и частично решить ряд важных для археологии собора и общей истории русского строительства вопросов. Так, стратиграфические наблюдения должны были окончательно снять вопросы о том, какой была структура дневной поверхности к моменту строительства и где размещались фундаментные рвы – в материковых или насыпных слоях (несмотря на изученные архивные материалы, у сотрудников экспедиции оставались на этот счет сомнения). Необходимо было научиться уверенно отличать кладки первоначального заложения (1650-х годов) от укрепляющих и ремонтных (особенно от прикладок первой половины XVIII в., которые, как считалось, потребовались для укрепления собора после обрушения шатра). Наконец, желательно было получить материал для сравнения технологии кладок Нового Иерусалима с “типовым” фундаментом Московской земли середины XVII в.: охарактеризовать их как

ординарные или особенные, сделанные небрежно или с особой тщательностью, отвечающие сложности и новизне общей историко-топографической архитектурной задаче или не соответствующие ей.

На сегодняшний день материала для создания исчерпывающей картограммы устройства всех подземных конструкций еще недостаточно, так как исследования продолжаются, однако можно начать реконструкцию начального этапа строительства, понять приемы разбивки плана и особенности работ при закладке фундаментов собора.

Прежде всего, следует отметить, что разница между современной поверхностью во всей зоне собора и дневной поверхностью на момент строительства составляет 60–70 см, а в алтарной зоне – до 160; при этом никаких подсыпок ниже горизонта закладки фундамента собора нет. Напротив, в профилях всех шурфов ясно фиксируется слой погребенного дерна (8–15 см), который прорезают фундаментные траншеи, явно выкопанные с дневной поверхности 1650-х годов. Ниже фундаментные траншеи заглублялись в материковый песок. Изъятый при этом грунт не вывозился за территорию стройки, но и не разравнивался вокруг собора, а использовался в качестве подсыпки внутри него: бутовая часть фундамента укладывалась с уровня дневной поверхности, затем выкладывали белокаменные тесаные блоки и досыпали 15–20 см грунта внутри периметра стен таким образом, что белокаменная часть фундамента также оказывалась под землей. Основная масса полученного грунта была уложена в качестве подсыпки для подъема уровня

Рис. 1. Западный профиль шурфа 22/2009 Воскресенского собора.

алтарной части над остальным пространством. В разрезах алтарной части прослеживается подсыпка материкового песка, перемешанного с темно-серой гумусированной супесью, общей мощностью 60–70 см. При этом она перекрывает тонкую прослойку строительного мусора, лежащую прямо на поверхности погребенного дерна. Отметим, что во всех фундаментных рвах кладка велась заподлицо, упираясь в края траншей без зазора (рис. 1).

Фундаменты периметров внешних стен не всегда перевязаны с внутренними конструкциями. Так, алтарная часть и пилоны крестовой части поставлены на одну фундаментную ленту (ее ширина в крестовой части – 2 м, в алтаре под синтроном – около 3,6), не связанную с восточной стеной. Фундаменты четырех пилонов крестовой части связаны между собой общей лентой, но северо-западный пилон не перевязан с северной линией столбов (вероятно, с южной линией пилоны также не были связаны). Этому есть объяснение. В объемно-пространственной композиции собора соединено несколько разновеликих частей: несущая шатер ротонда с венцом палаток в нижнем ярусе; крестовая часть с мощными пилонами, на которых покоится центральный купол; небольшие приделы в заалтарном обходе, перекрытые небольшими главками; ряд других компартиментов внутри этой основной композиции. При такой сложной структуре необходимо учитывать разницу в нагрузке и неизбежную неравномерность усадки разных частей собора.

Тем не менее одной из характерных черт Воскресенского собора является стремление достичь в конструкции фундаментов предельной жесткости. Так, западную стену ротонды (полуциркулярную в плане) соединяют с фундаментной лентой опор

центральной части ротонды (циркулярной в плане) белокаменные “ребра” на бутовых основаниях. В крестовой части также прослежена сетка перевязанных фундаментов: крестовая и алтарная части поставлены на общую ленту, а восточная пара пилонов крестовой части перевязана с юго-западным пилоном Успенского придела (шурфы 22, 29/2009); симметричный ему юго-восточный пилон связан лентой с северо-западным пилоном придела Иоанна Предтечи (шурф 33/2011). Северные пилоны также поставлены на одну ленту (шурфы 29/2009, 3, 8/2011) (рис. 2).

Рассмотрим подробнее конструкции фундамента некоторых частей собора, их строительные материалы и технические особенности. В восточной части собора три придела заалтарного обхода (Лонгина Сотника, Разделения риз, Поругания Господня) поставлены на мощную фундаментную платформу шириной 5,7 м (!), которая и образует основание восточной стены собора (участки I–III/2011). Она сложена в полубутовой технике кладки: пространство внутри периметра фундаментов стен приделов (с востока это фундамент апсиды, с запада – основания под преграды и перегородки между приделами) заполнено очень плотным бутом. В алтарном пространстве это известковая подушка с небольшим содержанием битого кирпича, в которую поставлены основания престолов. В предалтарных пространствах бутовый фундамент сложен из мелкого булыжника, сверху обильно пролитого известковым раствором с песком и небольшим содержанием битого кирпича (рис. 3).

Фундамент крестовой и алтарной частей образует одну замкнутую ленту, однако на разных участках он имеет разные характеристики. Фундамент исследовался несколькими шурфами внутри и снаружи своей линии. Так, у северной стены внутри алтарной части (шурф 37/2011) его глубина – более 1,7 м, а верхняя часть сложена из двух рядов гладкотесаных белокаменных блоков (44×20×? см, 20×16×?), ниже которых лежат четыре выравнивающих ряда кирпича (?×16×7 см), еще ниже – три ряда белокаменных блоков (48×24×? см, 24×24×?) на плотной известковой подушке толщиной более 0,2 м. Вынос фундамента в уровне подушки составляет 0,9 м, в уровне белокаменной кладки – 0,4. У юго-восточного пилона внутри алтарной части (шурф 38/2011) фундамент близок по габариту (глубина – более 1,7 м, вынос от плоскости стены – 0,9), но материал разный: верх сложен из двух рядов гладкотесаных белокаменных блоков (34×34×? см, 48×24×?), под которыми идет бутовая часть из крупных булыжников (40×30 см, 30×30). Северо-

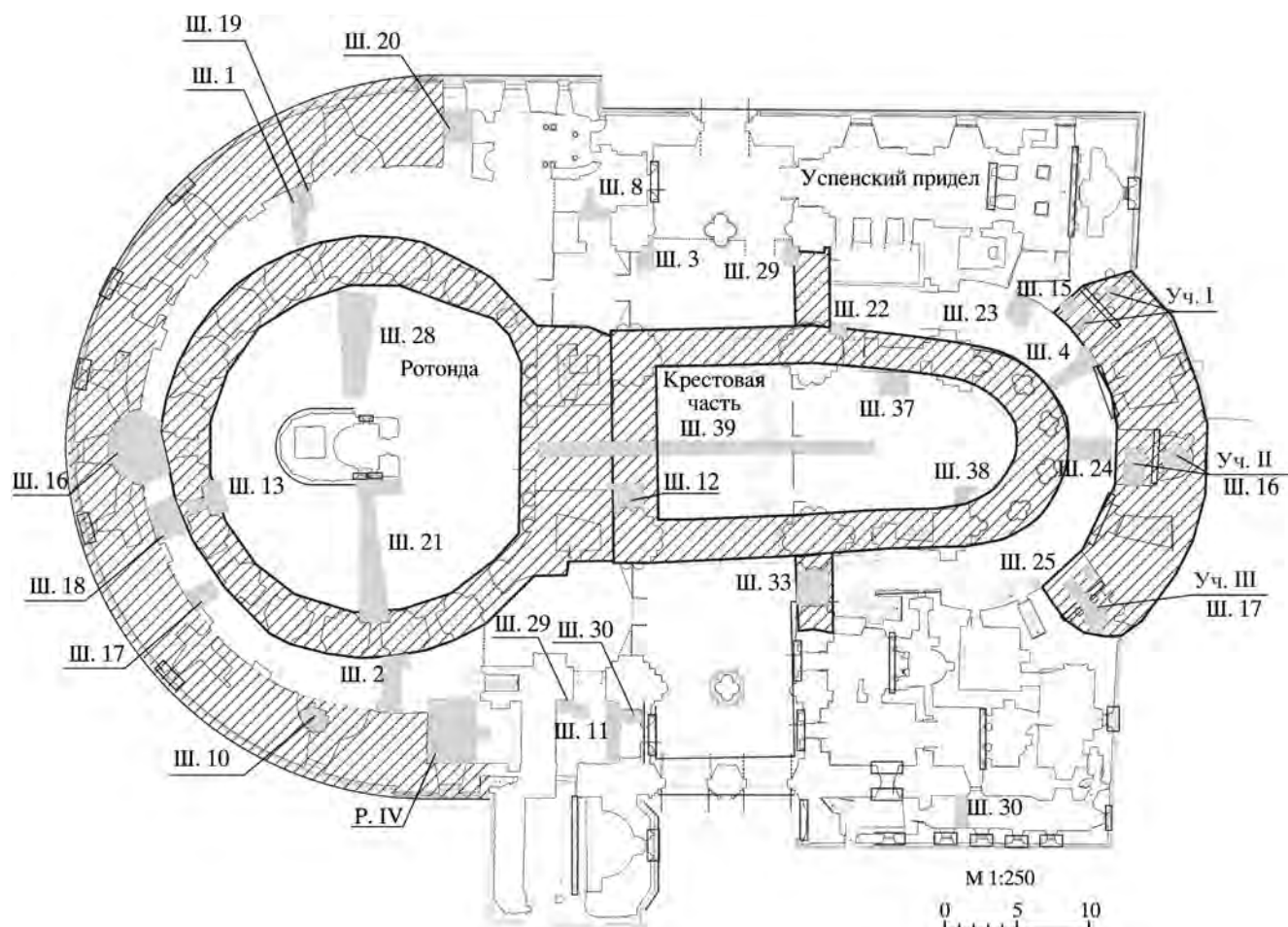

Рис. 2. Схема расположения шурфов и фундаментных лент в Воскресенском соборе.

восточный пилон крестовой части и алтарная стена имеют единый фундамент (его глубина на этом участке – более 1.4 м, вынос – 0.4): верх сложен из одного ряда гладкотесаных белокаменных блоков (62×36×? см), ниже идет бутовая часть, состоящая

из крупных булыжников, причем фундамент книзу сужается, и булыжники – более мелкие (шурф 22/2009). В профиле здесь хорошо читается известковая прослойка горизонта строительства, подходящая к верху бутовой части, а выше лежит подсыпка изытого при рытье фундаментных траншей песка и темно-серой супеси, которой соответствует еще один уровень фундамента – гладкотесаный белокаменный.

Лента фундамента между западной парой столбов крестовой части сложена из крупного булыжника размером 50×50×? см, 40×40×? (шурф 39/2011), ее ширина – 2 м, глубина – более 0.6.

Наиболее интересным оказался фундамент восточной стены алтарной части (шурфы 24/2009, 4/2011), где наблюдается значительный, более 1 м, вынос бутовой части фундамента от плоскости стены и верхней белокаменной тесаной части фундаментной кладки. Возможно, это след перепланировки, “сдвига” линий цоколя и будущих стен по сравнительно широкой платформе фундамента

Рис. 3. Бутовая кладка фундамента в приделе Разделения Риз (шурф 16/2011). Вид с северо-запада.

в процессе строительства, при котором восточная стена была передвинута немного западнее – типовой прием в практике московского строительства XVI в., особенно в памятниках шатровой, конструктивно более сложной архитектуры (ц. Вознесения в Коломенском, храм в с. Остров). Однако собор Нового Иерусалима изначально был распланирован гораздо точнее, и такие сдвиги здесь – необычное явление (других подвижек не наблюдается; вынос фундамента, если он есть, колеблется от 20 до 40 см). Благодаря тому, что верх бутовой части остался открытым, стало возможно увидеть такую техническую деталь, как свая, хотя небольшая площадь исследования недостаточна для анализа системы размещения свайного поля (необходимость сохранять кладки, не повредив зданию, не позволяла расширять шурфы, а подчас и углубляться до подошвы фундамента).

На участке кладки со сваями между юго-восточным пилоном крестовой части и северо-западным столбом придела Иоанна Предтечи (шурф 33/2011) фундаментная стяжка образована булыжником в четыре слоя с кирпичным боем и проливкой известковым раствором общей глубиной 1.2 м. В зону раскрытия попали девять свай, прослеженных по полостям, оставленным истлевшими сваями. Отчетливые контуры круглых в разрезе отверстий зафиксированы и на материке. Отверстия от свай открывались в уровне нижней проливки, из чего следует, что их оголовки выступали над дном фундаментного рва на 0.2–0.25 м. Сваи забивались регулярно, на расстоянии примерно 0.4 м друг от друга, в несколько рядов (нами зафиксировано два). Диаметр отверстий варьирует в пределах 8–19 см. Точно сказать, насколько глубоко они были забиты, сложно, но самый глубокий замер полости – 1.24 м. Вывод оголовков свай в подошву и даже нижнюю часть фундамента – обычный прием в практике московского строительства, позволявший не только уплотнить грунт под фундаментом, но и армировать низ кладки (рис. 4; 5).

Фундамент западной стены (ротонда) исследован несколькими шурфами изнутри собора, но дать его общую характеристику трудно: существенно различаются и глубина заложения (от 0.6 до 1.4 м), и сама техника. Местами открывался бут, состоявший из слоев кирпичного боя, пролитого известью (шурф 17/2009), или из крупного известнякового боя с небольшим количеством кирпичного (шурф 18/2009); местами добавлены два ряда гладкотесаных блоков известняка (30×20×? см, 20×20×?), а нижняя часть равномерно заполнена бутом, состоявшим из кирпичного боя и белого камня (шурф 19/2009), или

Рис. 4. Полости от свай в материке шурфа 33/2011. Вид с запада.

слоями булыжника и кирпичного боя, пролитыми известковым раствором.

Фундаменты в палатках в толще западной стены ротонды не исследовались, но можно предположить, что их закладывали аналогично приделам заалтарного обхода: широким котлованом с плотной забутовкой внутри периметров фундаментов стен, о чем свидетельствует фундаментная бутовая белокаменная кладка, зафиксированная на всю ширину западной стены (шурф 16/2009).

На двух участках западной стены (шурфы 1, 2/2011) были выявлены фундаментные прикладки, очевидно соответствующие читающимся прикладкам стены, относящиеся к ремонтным работам XVIII в. (под руководством И.Ф. Мичурина; подробнее см. Бугаева и др., 1988. С. 28–33). В ходе археологического надзора не было возможности исследовать эти прикладки вглубь, удалось лишь

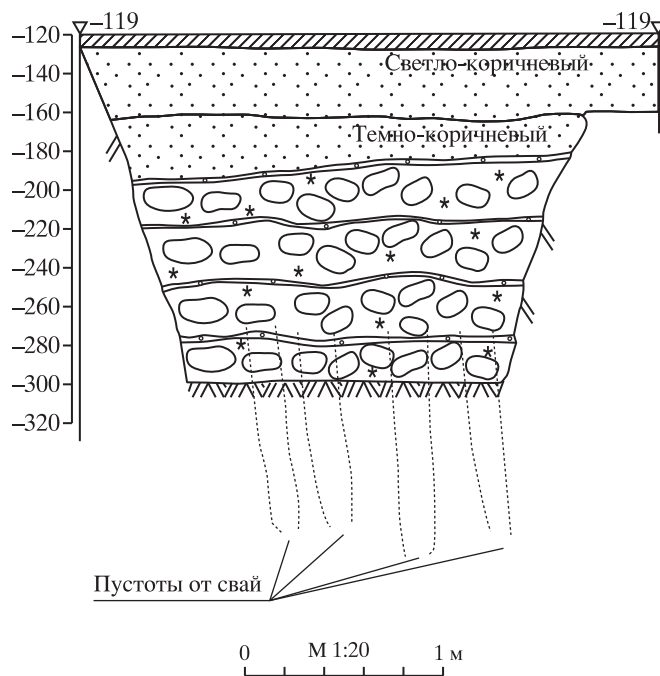

Рис. 5. Разрез шурфа 33/2011 с полостями свай.

Рис. 6. Прикладка стены и фундамента второй половины XVIII в. Вид с юга (шурф 1/2011).

установить, что их верхняя часть отличается меньшей тщательностью исполнения, использованы нецелые белокаменные блоки или даже их обломки. Так, в первоначальном фундаменте блоки имели размер в среднем $40 \times 24 \times ?$ см и были уложены в три ряда на розовом цемяночном растворе (размеры блоков нижнего ряда – $20 \times 10 \times ?$), а в прикладке XVIII в. это один ряд блоков размером $30 \times 15 \times ?$ см либо обломки блоков, лежащие на белом известковом растворе. Неудивительно, что в ремонтной прикладке использовался материал, полученный при разборке здания (ЦГИА СССР. Дела правительствующего Сената. Кн. 7686. Л. 1060) (рис. 6).

Других следов ремонта фундаментов выявлено не было. Более того, и прокопов середины XVIII в., нарушающих ранние слои, также не встречено. Такие следы должны были остаться в результате “обкопки” фундаментов, сделанной после обрушения шатра с целью диагностики их состояния архитекторами Д.В. Ухтомским и А.П. Евлашевым в 1749 г. (см. Троицкий, 1926). (Вероятно, в ходе работ мы просто не попали на эти участки.)

Фундаментная лента внутренних опор ротонды исследована как внутри, так и снаружи контура. Она достаточно однородна по всей длине (глубина – более 1.1 м), верх сложен из одного ряда гладкотесаных блоков известняка ($30 \times 18 \times ?$ см, $38 \times 20 \times ?$), затем идет бут, состоящий из крупного булыжника (его габариты в среднем – $30 \times 20 \times ?$ см, но встречаются и более мелкие булыжники) с известковой проливкой с включением кирпичного боя. Все пилоны были поставлены на одну ленту, шириной значительно превосходящую ширину первоначальных столбов (более 4 м), поэтому после наращивания толщины наземной части опор в ходе реставрации И.Ф. Мичурина ширины изна-

чального фундамента оказалось достаточно и для расширенных опор.

Эта циркулярная в плане фундаментная лента перевязана особыми отрезками фундаментов с западной стеной ротонды, а радиальными ребрами – с основанием кувуклии в центре ротонды. Жесткость конструкции и связь с фундаментом западной стены обусловлены особенно значительной нагрузкой, которая передавалась на опоры от распора шатра ротонды.

Экстраполируя (отчасти вынужденно) на все сооружение наблюдения, сделанные в разных частях собора, можно прийти к следующим выводам. Главная конструктивная особенность фундаментов Воскресенского собора – система ленточных перевязок в центре здания (ротонда, крестовая и алтарная части) и, наоборот, не связанные с ними кладки в периферийных зонах северной, западной и южной стен. С технико-технологической точки зрения фундамент характеризуется применением разных по типу заполнения (слоистое, бутовое, полубутовое) рвов и закладок (ленточные и широкий котлован) и традиционным использованием деревянных свай под подошвой и в нижних частях.

Становится очевидным, что уже закладывая фундаменты, строители должны были располагать если не проектом, то, по крайней мере, ментальным трехмерным образом и сравнительно детализированным инженерным “портретом” всего здания. Они учитывали множество условий (несущую способность грунта; нагрузку, оказываемую на ту или иную часть основания верхними частями сооружения; осадочные швы и т.д.), чтобы при строительстве подземной части собора избежать ошибок, которые могли бы привести к его разрушению. К середине XVII в. строительное дело Руси прошло долгий путь развития, в арсенале зодчих было большое количество приемов, и они умели применять их в зависимости от строительного контекста.

Пока трудно судить, как далеко ушли московские мастера от византийской ремесленной традиции и насколько уверенно чувствовали себя в конструктивной системе Нового времени, с которой познакомились еще в конце XV в. В изученных фундаментных кладках не видно следов очередной “прививки” западных технологий к стволу русской строительной техники XVII в., но не ощущается и твердого усвоения “итальянского наследия” XV–XVI вв.: использованы более или менее традиционные приемы, мало отличающие кладки Нового Иерусалима от фундаментов далеко не столь сложных сооружений эпохи первых

Романовых (например, каменных частей царского двора в Коломенском) или даже уступающие им (фундаменты Казанского собора на Красной площади в Москве гораздо совершеннее в инженерном отношении).

В то же время возведение огромного по размерам Воскресенского собора с его сложной и многочастной объемно-пространственной композицией требовало не только неординарных, порой экспериментальных церковно-топографических и художественных решений, но в первую очередь преодоления сложных инженерных задач. Нельзя исключить, что ординарные по типу, хотя и явно

продуманные основания стали одной из конструктивных причин раннего обрушения шатра ротонды собора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тэффер Л.Э., Чернышев М.Б.* Работы И.Ф. Мичурина по восстановлению Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Архитектурное наследство. Т. 35. М., 1988.
- Троицкий В.И.* К истории зодчества на Истре. М., 1926 // Архив треста "Мособлстройреставрация". Инв. № 545-78.

СТАРЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ ДВОРЕЦ И КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2009–2011 гг.

© 2013 г. Д.Ю. Бадеев, П.Е. Русаков, Е.В. Майорова

Институт археологии РАН, Москва (denisbadeev@mail.ru)

Ключевые слова: архитектура XVII–XVIII вв., печные изразцы, керамика, ленточно-столбовой фундамент.

The authors publish the results of archaeological investigations in the southwestern area of New Jerusalem monastery, where the remains of foundations and heating constructions from the 17th – 18th cc. have been discovered. We have established that the construction works in the area were conducted in three stages.

В юго-западной части Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (раскоп 1, 2009–2011 гг.) исследованы остатки нескольких построек второй половины XVII – XVIII в. (рис. 1), представленные фундаментами стен и печей, обгорелыми остатками их деревянных конструкций и пр. (рис. 2). Фундаменты некоторых печей могли относиться к последовательно сменявшимся друг друга отопительным сооружениям в рамках одной и той же постройки, стены которой не сохранились или не попали в раскоп. Кроме того, собрана коллекция красноглиняных изразцов и керамических материалов, тесно связанных с историей бытования построек. Исходя из сопоставления полученных материалов с планом 1762 г., на котором обозначено несколько существовавших к тому времени строений (что существенно помогает интерпретировать архитектурные материалы), были выделены две постройки, частично попадающие в раскоп 1 (рис. 3). Постройка 1 представляет остатки Старого деревянного дворца, постройка 2 соотносится нами с Каменными палатами (названия даны по плану 1762 г.). История этих построек неразрывно связана с историей монастыря.

Наиболее ранние археологические объекты, относящиеся к середине XVII – началу XVIII в., зафиксированы в северной части раскопа. Прежде всего, это фундаменты последовательно сменявших друг друга печей в северной части (на плане 1762 г. их нет). Они могли принадлежать постройкам (вероятно, деревянным), стоявшим на месте возведенных в начале XVIII в. Каменных палат. Такая постройка обозначена, например, на чертеже Воскресенского

Ново-Иерусалимского монастыря с окрестностями конца XVII в. (РГАДА. Ф. 1209. Вотчинная записка. № 19 192). Фундаменты этих печей расположены попарно (объекты 49, 81 и 59, 36, 60). В каждой паре один из фундаментов прорезает другой. Конструкции нижележащих фундаментов сходны друг с другом, конструкции вышележащих – тоже. Это позволяет предположить, что печи располагались внутри близких по размеру, пространственной ориентировке и внутренней планировке построек, последовательно сменявших друг друга.

На участке 5 расположены остатки фундамента наиболее ранней печи, внутри сохранившей следы булыжной отмостки (ее подстилает яма, не имеющая четкой датировки из-за отсутствия материала в заполнении). Ее прорезает фундамент печи, вымощенный кирпичом, ориентированным по линии С–Ю. Аналогичный фундамент встречен на участке 6, причем его прорезает конструкция пола более поздней постройки, сгоревшей в пожаре. Этот комплекс объектов перекрывает фундамент самой поздней печи, по ориентировке, конструкции и габаритам сходный с фундаментами печей в Каменных палатах первой половины XVIII в.

К объектам, синхронным печам, можно отнести следы плетня, зафиксированные на участках раскопа 1 в 2010–2011 гг. (рис. 2). Плетень располагался к югу от предполагаемой деревянной постройки середины XVII – начала XVIII в. и был сориентирован по сторонам света, разграничивая территорию между постройкой и монастырской стеной никоновского времени (ее остатки, в виде булыжной

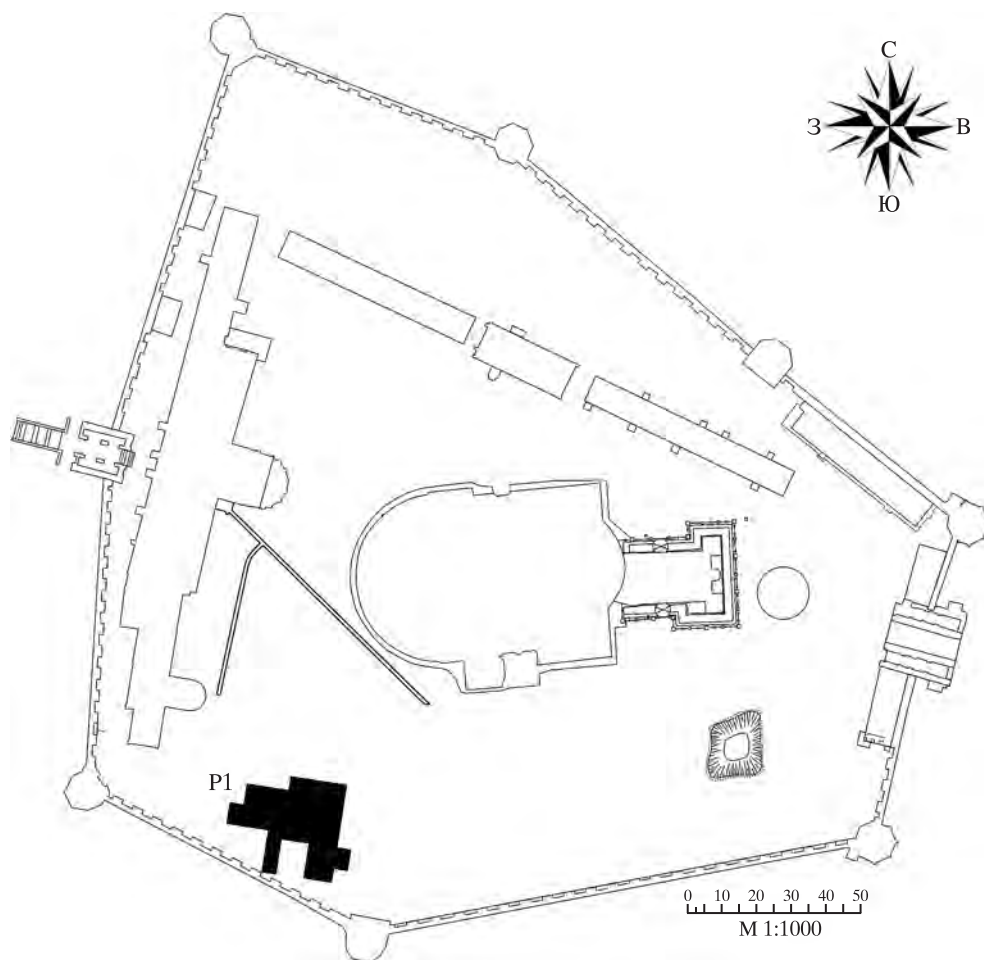

Рис. 1. Схема расположения раскопа 1 на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

выкладки склона, зафиксированы в южной части раскопа 1 в 2010 г.).

К описанным выше печам объекта 36 относится практически полный набор терракотовых ковровых изразцов, включая лицевые (68 экз.), вогнутые (для оформления углов) (4 экз.), поясные (6 экз.) и городок (1 экз.). Лицевые изразцы представлены 12 орнаментальными композициями, вписанными в растительно-архитектурную рамку. Рамки – одинаковые, зеркально симметричные относительно вертикальной оси, их части расположены вдоль правой и левой кромок лицевой пластины. При соединении двух изразцов середина вертикальной части рамки образует колонну или вазу, стоящую на растительных завитках. Сверху ваза прорастает секировидными побегами. Центральные композиции состоят из цветочной чашечки-вазы. Всего имеется 12 клейм, которые образуют зеркало печи, соединяясь попарно. Поясные изразцы составляют фриз из птиц; их характерная особенность – высокий рельеф и проработанность мелких деталей (перышки

на крыльях, лапы, плоды и др.). Венчает печь ряд городков в виде ягод-шишечек.

Это не единственный печной набор, собранный на данной территории и характерный для ранней истории монастыря. С объектами (ямами), которые по стратиграфии и керамическому материалу датированы временем до строительства Каменных палат, связано еще несколько наборов. Самый ранний из них – комплект широкорамочных изразцов с изображением льва. Аналогичные изразцы известны в Москве (Розенфельдт, 1968. С. 117. Табл. 20, 8), но местной особенностью является полное отсутствие в наборе перемычек: даже угловые изразцы оформлены просто соединением двух лицевых пластин без дополнительно украшающих угол элементов.

К этому же времени относятся полихромные изразцы, часть которых можно представить как единый комплекс. Рисунок лицевых имеет два варианта орнамента и три варианта сочетания цветов поливы. Центральную часть раппорта образуют крупные цветы двух разных типов, заключенные в

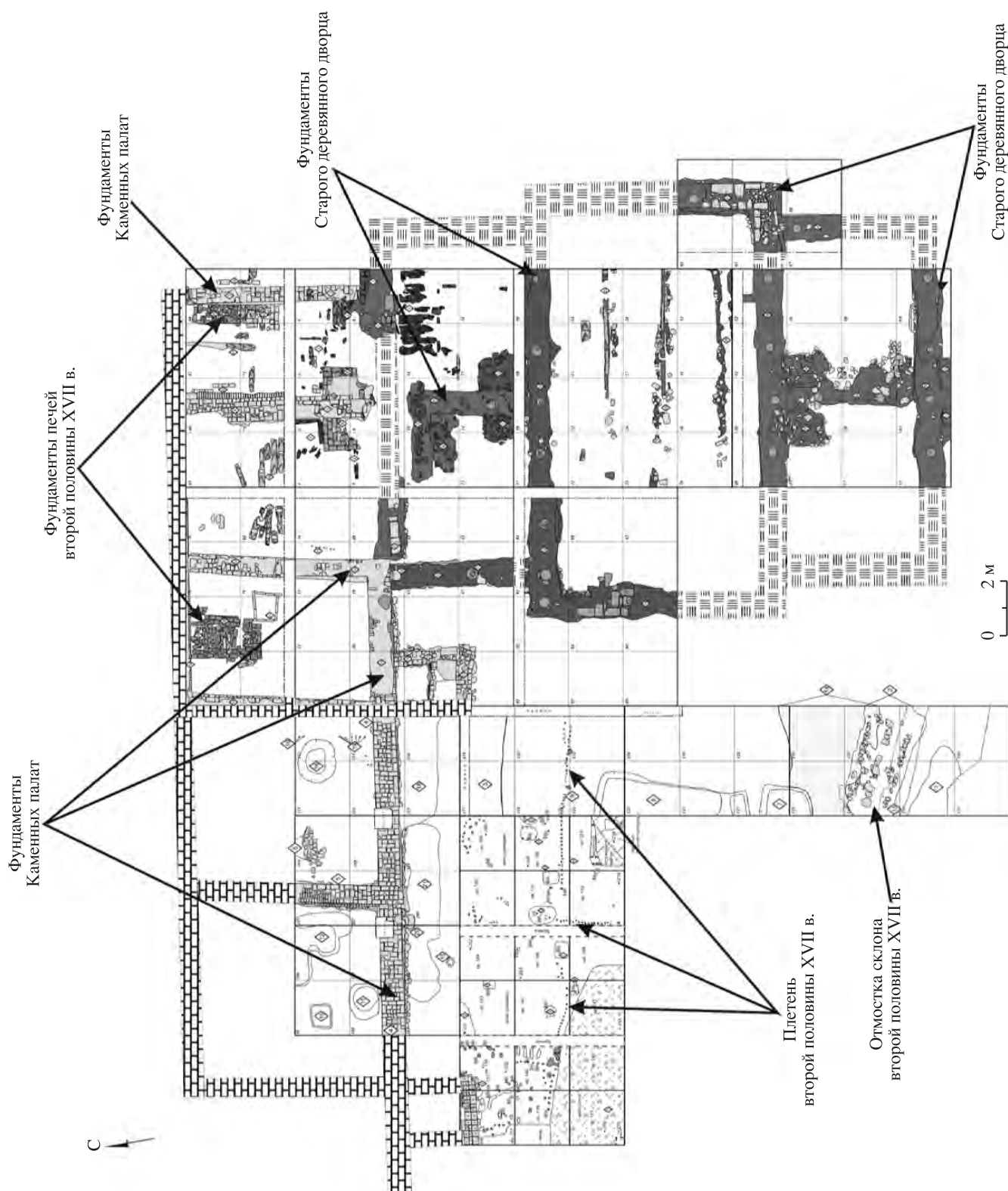

Рис. 2. Сводный архитектурный план построек 1, 2.

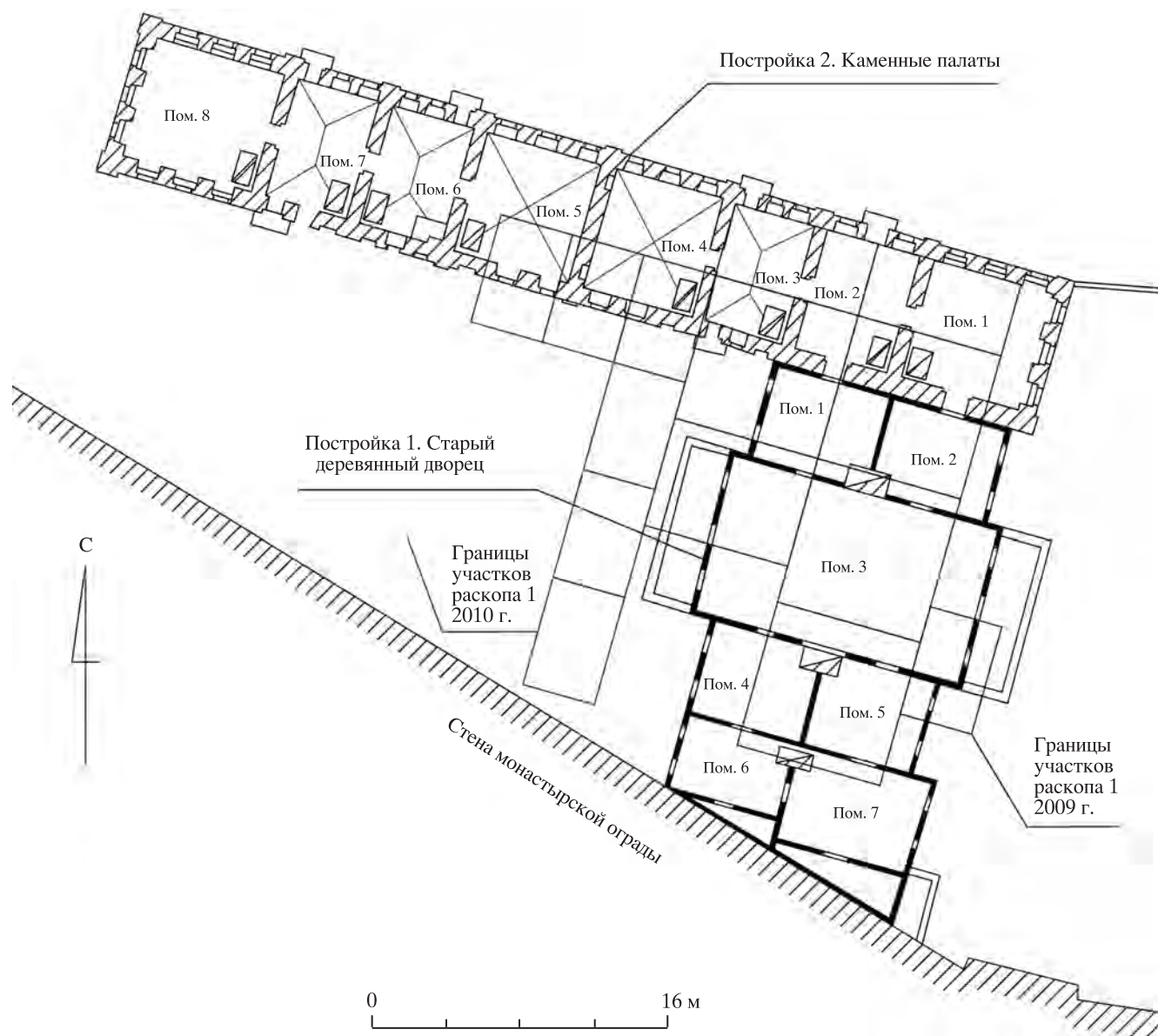

Рис. 3. Схема раскопа 1 и построек 1, 2 на плане 1762 г.

розетку сложной формы, образованную широкими трехчастными лентами. Розетки соединяются только верхними и нижними углами, не соприкасаясь боковыми сторонами. Сверху и снизу розетка заключена в рамку, в центре которой – стилизованный цветок лилии. Зеркало печи образуют ряды изразцов, расположенные со смещением относительно друг друга. Между несколькими рядами лицевых изразцов шел карнизный пояс, деливший печь на две, немного отличающиеся части.

Поясные изразцы несут ленту стилизованного растительного орнамента, раппорт которого состоит из двух широких округлых листьев, между ними на заднем плане виден такой же лист с пятью горошинами, расположенными по его вертикальной оси.

Низ печи оформлен арочными изразцами и ножками. Остальные изразцы, в том числе муравленые, представлены в одном экземпляре.

Для керамики Ново-Иерусалимского монастыря середины – второй половины XVII в. характерно использование красноглиняных формовочных масс в основном с примесью мелкого песка в тесте (37.5% от всего количества¹). Одна из местных особенностей – длительное существование ряда технологических и морфологических традиций, характерных

¹ Для классификации были использованы базовые принципы группировки керамики, разработанные В.Ю. Ковалем (1999. С. 123–130; 2004. С. 21–39) и дополненные с учетом местных особенностей.

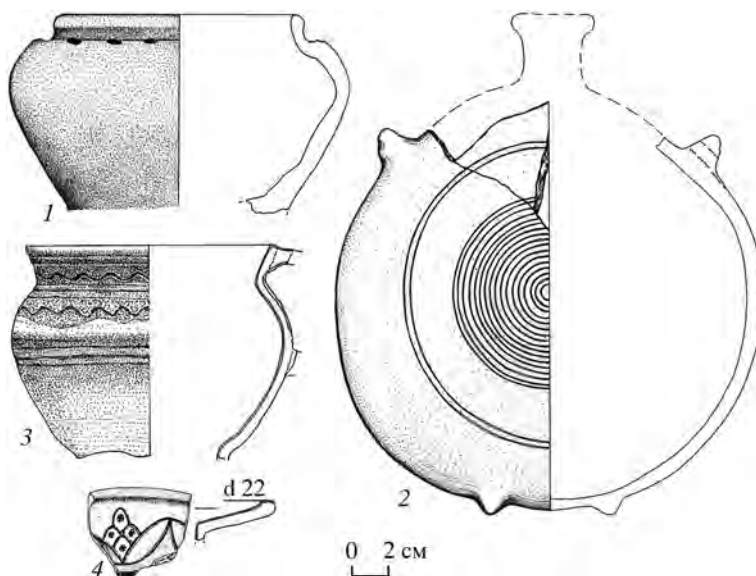

Рис. 4. Керамика XVII в.: 1 – красноглиняный горшок с примесью песка в тесте; 2 – чернолощенная фляга без примесей в тесте; 3 – красноглиняный горшок с зеленой поливой поверх белого ангоба; 4 – красноглиняная тарелка с зеленой поливой поверх белого ангоба (с врезным орнаментом).

для московского региона (например, продолжается использование дресвы как отошителя глины, хотя она составляет не более 3–4%)². Еще один такой признак – резкое ребро на плечике (рис. 4, 1). Керамика подобной профилировки встречается в первой половине XVII в. и в Дмитрове (Панченко, 2008. С. 276–284), но в нашем случае она продолжает существовать вплоть до первой трети XVIII в.

Среди столовой посуды наиболее распространена чернолощенная (26.9%) и поливная (19.9%). Наибольшей популярностью в это время пользуются чернолощенные кувшины и фляги (рис. 4, 2).

Одна из отличительных черт местной керамики XVII в. – обилие посуды с поливой. Преобладает красноглиняная керамика с прозрачной поливой зеленого цвета, положенной поверх белого ангоба, составляющая 65% и более от всего разнообразия поливной керамики этого времени. Часто такие горшки украшались по шейке и плечу орнаментом в виде чередующихся линий и волны, а тарелки и миски – врезным орнаментом (рис. 4, 3, 4).

На смену деревянной постройке к началу XVIII в. приходят конструкции Каменных палат (постройка 2), существовавшие до пожара 1762 г. Остатки палат расположены в северной части раскопа. Они представлены фундаментами стен и печей; конструкциями крыльца; ямой в одном из помещений, связанной с подпольем и с фрагментами сгоревших

деревянных конструкций пола в западной части постройки (рис. 2). К южной стене в западной части Каменных палат примыкает фундамент постройки 1 (Старый деревянный дворец), возведенный в 1749 г.

Конструкция фундаментов полностью выявлена не по всей протяженности, но на сегодняшний день остается неизученной лишь восточная часть постройки. Фундаменты стен ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением к востоку, т.е. на магнитный север. Уровень обнаружения фундаментов постройки 2 в различных частях раскопа в целом сходный – от –75 до –115 см. Все фундаменты книзу сужаются. Высота фундаментов стен, в целом, составляет около 70 см, нижняя их часть сложена из крупного булыжника (до 30 см в поперечнике). После укладки в нижнюю часть фундаментного рва булыжник был скреплен известковым раствором; мощность этого слоя – до 40–45 см.

Выше шло несколько рядов кирпичной кладки. В фундаменте южной стены сохранилось два ряда кирпичей, положенных на ложок. В фундаменте западной стены помещения 3 кладка уложена в четыре ряда, из них нижний – на ложок. В восточной стене (перегородки) два нижних ряда положены на ложок тычком наружу, а выше – на постель. В фундаменте северной стены помещений 1–3 прослежено до четырех рядов кладки, из которых один – на ложок, и в конструкции остальных фундаментов фиксируется аналогичная система. Принцип кладки верхних рядов везде сходен – это чередование

² Для сравнения в Москве дресву перестают добавлять уже к концу XV в. (Чернов, 1991. С. 20–33).

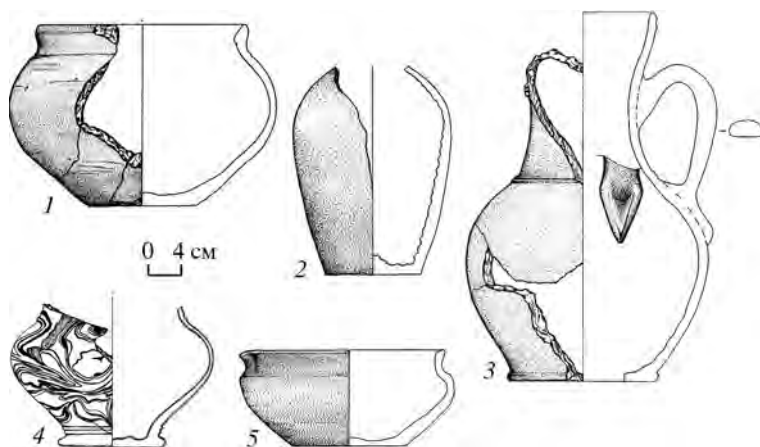

Рис. 5. Керамика XVIII в.: 1 – белоглиняный горшок с примесью песка в тесте; 2 – красноглиняная бутылка без примесей в тесте; 3 – красноглиняный кувшин с примесью песка в тесте; 4 – красноглиняный кувшин с мраморовидной росписью; 5 – красноглиняный горшок с примесью песка в тесте.

тычка и ложка (верстовая система). Верхние ряды кладок фундаментов перегородок практически везде, где они выявлены целиком, сильно смещены относительно нижних (в основном на запад). Поскольку фундаменты стен перегородок не строго перпендикулярны южной и северной стенам здания, а отклонены на несколько градусов, то, возможно, смещение верхнего ряда кирпичей (и самой стены) было призвано выправить ошибку разбивки.

Кроме фундаментов зафиксированы остатки отопительных сооружений – основания печей. В южной части помещений 1 и 2 изучены два таких фундамента. Печи стояли симметрично друг другу, имели сходные габариты (1,2 × 1,4 м). Их основания образованы кладкой шириной в два кирпича (около 35 см), идущей по периметру, и внутри заполнены грунтом, изобилующим кирпичным боем. Эти фундаменты зафиксированы на одном уровне с разделяющей их стеной перегородки между помещениями 1 и 2 и приложены к тому ярусу кладки стены, который уже смещен к западу относительно перегородки.

С этими печами связана обширная серия изразцов с рельефами на сюжеты из издания XVIII в. “Символа и Емблемата” (Эмблемы и символы, 2000). Для соотнесения сюжета с девизом на изразцах ставили соответствующий номер рисунка (по книге). Их технические особенности – высокий рельеф и графичность исполнения. Персонажи одеты в платье европейского кроя, выполнены в реалистической манере. Часть сюжетов не находит аналогий в книге, но художественное единство исполнения не оставляет сомнений в их принадлежности одной группе. Для изразцов печей, соотносимых с Каменными палатами, характерно покрытие непрозрачной бирюзовой поливой, однако другие

найденные в монастыре экземпляры с подобными изображениями бывают и полихромными, и без поливы.

В помещении 2 исследована подпольная яма, занимавшая его северную часть. Она четко вписана во внутреннее помещение и соответствует ему по пространственной ориентировке. Яма не распространяется на южную часть помещения, что тоже логично, так как там расположена печь. Уровень, с которого выкопана яма, соответствует времени до разрушения постройки 2. Таким образом, яма представляет собой остатки погреба или подполья в помещении 2. Она заполнена прослойками строительного мусора с большим количеством извести, но на дне ее нет следов крупного пожара, а из плана 1762 г. следует, что к этому времени помещения 1 и 2 уже погибли в пожаре. Следовательно, яма была заполнена раньше, чем помещения прекратили свое существование, тем более, что следы пожара (обгорелые бревна) фиксируются непосредственно над ней. Подполье было засыпано к середине XVIII в., что, вероятно, связано с изменением характера использования помещения. Стоит отметить, что засыпка подпола относится к моменту создания Старого деревянного дворца.

Яма обильно заполнена датирующим материалом: монетами первой трети XVIII в., многочисленными обломками голландских курительных трубок. Очень яркое и керамическое комплекс. Для этого периода характерно улучшение качества глины. Так, на 12% увеличивается количество красноглиняной и белоглиняной керамики без примесей. Появляется фарфор и фаянс, при этом доля чернолощеной и поливной керамики немного сокращается – на 4% в сравнении с предыдущим периодом. Одна из местных особенностей – применение белого ангоба

на красноглиняной керамике (в это время в других регионах, например, в Москве ангобирование уже ушло в прошлое).

Комплекс показывает, что для первой половины XVIII в. характерно большое разнообразие форм и способов украшения посуды. Горшки стали более приземистыми, у некоторых из них появился слив. В качестве столовой посуды используются не только миски и кувшины, но и керамические бутылки (рис. 5, 2). На столовой посуде (кувшинах, мисках, тарелках и небольших крышечках), а также на вазонах появляется подглазурная роспись. При этом она делится на две группы. Первая представлена симметричными волнами, завитками, стилизованными цветочками или фруктами. Вторая сделана широкими мазками разноцветного ангоба (так называемая мраморовидная роспись) (рис. 5, 4). Региональная особенность этой техники заключается в ее использовании на сосудах из красной глины (в Москве и других регионах такая роспись служит украшением белоглиняной посуды). Еще одной особенностью является то, что не вся посуда, имевшая подобную роспись, покрывалась поливой.

Другое новшество этого времени – применение бирюзовой непрозрачной поливы, аналогичной изразцовой, но при значительно меньшей толщине покрывающего слоя.

Сооружение Старого деревянного дворца (постройка 1) (рис. 3) связано с визитом в монастырь императрицы Елизаветы Петровны в сентябре 1749 г. Она, великий князь Петр Федорович, великая княгиня Екатерина Алексеевна и множество высших государственных и придворных чинов несколько дней прожили в обители, отпраздновав здесь именины императрицы. В монастыре сохранилось описание этого события, из которого следует, что Елизавета Петровна со свитой располагались в государевом новопостроенном (специально по случаю приезда императрицы) деревянном одноэтажном дворце с каменными службами, который находился на лужайке в юго-западной части (Крючкова, 2009).

Остатки этой постройки расположены на участках 1–4, 7, 8 в виде фундаментов стен и печей (рис. 2). Постройке соответствует слой 2 раскопа 1, сформировавшегося в процессе возведения и разрушения дворца. Для удобства описания мы пронумеровали помещения. В раскоп 1 полностью попадает помещение 1 и частично – помещения 2–5. Помещения 6 и 7 попадают в раскоп только северными стенами (рис. 3). Фундаменты стен везде ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением к востоку. Фундаменты постройки 1 выявлены на уровне от –100 до –120 см (за исклю-

чением небольших по протяженности отрезков на участках 7 и 8, где сохранились остатки белокаменной кладки цоколя: на участке 7 – один уровень камня, на участке 8 – два).

Благодаря двум разрезам (в восточной части участка 2 и в южной части участка 4, где сохранность фундаментов позволила сделать это без существенных потерь архитектурных элементов) удалось зафиксировать конструкцию фундаментов стен. Они обладали рядом характерных особенностей. Сначала был выкопан ров шириной 80–100 см (наиболее широкая часть рва, до 140 см, зафиксирована на участках 7 и 8) при глубине 70–100 см. Затем в нем на определенном расстоянии друг от друга были вертикально размещены деревянные столбы диаметром 20–35 см. Каким образом столбы были вертикально зафиксированы, на основании материалов раскопа сказать трудно: вероятно, их придавили с боков валунами и крупными обломками белокаменных блоков (в одном случае удалось зафиксировать мелкую, глубиной 20 см, ямку под такой столб, сделанную в дне фундаментного рва; ее диаметр совпадал с диаметром отверстия от столба в фундаменте). После установки вертикальных бревен нижняя часть фундаментного рва была залита известковым раствором, а далее ров был заполнен кирпичным боем, белокаменным щебнем и булыжником также с проливкой раствором.

На поверхность ленточного фундамента были уложены белокаменные блоки, размеры которых, судя по сохранившимся экземплярам и следам от них, сильно варьировались при стандарте, близком к 70 × 40 × 30 см. Кладка скреплялась известковым раствором. Прослежено до двух ее ярусов, но, возможно, в конструкции стен их было больше. К сожалению, отрезки сохранившейся белокаменной кладки коротки, и трудно судить о перевязке, но можно заметить, что снаружи в кладке чередовались торцы и боковые грани камней. Упорядоченность кладки, возможно, свидетельствует о том, что в этом уровне конструкция уже располагалась выше дневной поверхности. Однако когда кладка скрыта под землей, необходимость в строгой упорядоченности пропадает.

На участке 3 от этой кладки осталось только два блока, одна из сторон которых носит следы профильной тески и обращена внутрь помещения 1, что позволяет предполагать их вторичное использование. Возможно, они были взяты из иной постройки (например, из Ротонды: в современной Ротонде блоки с похожим профилем есть) или просто забракованы строителями и использованы позже в кладке нового фундамента. Прослеженные на участке 8 два ряда кладки сохранили заполнение

между внутренними и внешними блоками – белокаменный щебень, залитый известковым раствором. Промежутки различны, но не превышают 60 см. Таким образом, белокаменные блоки представляли цоколь деревянной постройки.

Деревянные столбы, которые были установлены при постройке фундамента, служили основой деревянной же конструкции: к ним с помощью скоб и гвоздей крепили нижний венец постройки. Всего выявлено 23 места их расположения. Во всех случаях, когда фиксировался угол фундамента, соответствующий углу стены помещения в постройке 1, в его конструкции присутствовал такой столб. Диаметр столбов не превышал 22 см, сами они имели плохую сохранность или не сохранились вовсе. Скорее всего, для столбов применялись хвойные породы дерева (ель, сосна), о чем свидетельствуют остатки смолы. Подобные столбовые (свайные) фундаменты с легкими стенами (деревянными, щитовыми, каркасными) используют под дома без подвалов с XVIII в. и до наших дней (Балашова, 2002). Необычно, но объяснимо, совмещение ленточного и столбового фундаментов: первый служил основой белокаменного цоколя дворца, второй – фундаментом под внешние и внутренние деревянные стены.

Помещения постройки 1 можно разделить на два типа: жилые комнаты, схожие по размеру (6.2×5.5 м) с печами (помещения 1, 2, 4–7), и зал (помещение 1) размером 14.7×8.4 м без отопительной системы. Из-за размеров зал имел некоторые конструктивные особенности: три линии бревен (читались в виде полос древесного тлена, четко зафиксированных только на участке 2) располагались в направлении В–З вдоль помещения 3. Устройство этой конструкции постройки 1 предполагало небольшие (до 20 см) продольные углубления (“канавки”) в нижележащем грунте. Они имели пологие стенки и узкое дно, повторявшее, по-видимому, контуры бревен. В них были заглублены, симметрично друг другу, камни неправильной формы шириной более 30 см, служившие опорой для положенных на них сверху бревен. Всего зафиксировано восемь пар таких камней, лежащих вдоль средней и северной канавок. Конструкции в южной канавке имели очень плохую сохранность и фиксировались скорее планиграфически и стратиграфически, чем по каменным и деревянным конструкциям. Все канавки расположены на равном расстоянии друг от друга – около 2.2 см; таково же расстояние от крайней с севера канавки до северной стены помещения 3. Канавки делят внутреннее пространство помещения 3 постройки 1 на четыре примерно равных части. Возможно, это остатки конструкции для лаг пола. Скорее всего,

именно здесь “при тихой итальянской инструментальной и вокальной музыке” вечером второго дня пребывания императрицы Елизаветы Петровны (5 сентября – день ее именин) состоялся бал, “который продолжался без танцев часа до первого по полуночи” (Крючкова, 2009).

Отопление помещений дворца, судя по плану 1762 г., сосредоточено в трех местах. Печи связывают попарно помещения 1 и 2, 4 и 5, 6 и 7. В раскоп попали два из трех узлов отопления. Их основания имели небольшую (до 30 см) мощность (уровень их фиксации в среднем выше уровня фиксации фундаментов стен постройки 1 на 20 см). Это скопления булыжника (редко кирпичного боя и белокаменного щебня), залитые известковым раствором. Основания печей расположены попарно и при этом везде разделены фундаментами стен постройки 1, причем между ними, в фундаментах стен, есть следы деревянных столбов, следовательно, в стенах не было проемов для размещения печей, выходивших в оба помещения. Таким образом, в постройке 1 было не три, а шесть печей, и располагались они попарно в соседних помещениях через стену друг от друга. Вероятно, печи имели сходные размеры, основания же под них по площади больше, чем сами отопительные сооружения.

Место входа в Старый деревянный дворец проследить не удалось. Вероятно, парадный вход был в центре восточного фасада и выходил в самое крупное помещение постройки 1. Важно, что с северной стороны на плане 1762 г. показаны два проема в стенах Старого деревянного дворца строго напротив аналогичных сквозных проемов в стенах помещений 1 и 2 Каменных палат (постройка 2). Это может означать, что дворец, по крайней мере, проектировали в момент, когда помещения постройки 2 были еще целы.

Постройка 1, вероятно, сильно пострадала в результате пожара 1762 г., после чего деревянные конструкции и часть белокаменных блоков цоколя были демонтированы. Низ фундаментов, т.е. кирпичный бой и щебень, залитые известковым раствором, в большинстве случаев остались нетронутыми (там, где их все же выбрали, образовались рвы, заполненные грунтом с материалом XIX в.).

С печами в постройке 1 связано несколько развалов гладких полихромных расписных изразцов, оставшихся при разборке сооружения. Все они происходят из одинаковых печных наборов, что говорит об одновременности оформления внутреннего пространства помещения.

Роспись изразцов принадлежит к стилю рококо, вошедшему в моду во Франции во второй четверти

XVIII в. К середине века он распространился и в России. Его излюбленные мотивы – трельяж (косая сетка, украшенная мелкими розетками) и раковина в форме веерообразно, причудливо извивающихся лепестков. Эти формы господствуют на лицевых, поясных и карнизных изразцах, а также на городках, колонках и полуколонках. Помимо них перемычки украшены бегущей волной и рисунком из перемежающихся косых полос. На изразцах из Нового Иерусалима мотив “косой сетки” заключен в причудливо изгибающуюся рамку-розетку, причем на всех изразцах середина пластины – пустая, а общий рисунок создается четырьмя объединенными в рамку полурозетками (при соединении изразцов вертикальные полурозетки соединялись по принципу коврового узора). Печь середины XVIII в. с такими изразцами сохранялась в северной трапезной Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря до 1941 г. Легко составить полное представление о ее аналогах в Старом деревянном дворце. При относительной простоте и повторяемости рисунка на изразцах архитектура самих печей сложна и включает колонки, полуколонки, карнизные элементы.

Керамика из слоев, связанных со временем существования постройки 1, представляет очень сложный для анализа комплекс материалов. Для этого времени мы не имеем больших ям, дающих статистически достоверную выборку материала. Керамика собрана в слое, который содержит большой процент переложного материала. Тем не менее статистика указывает на некоторые особенности керамического набора второй половины XVIII в. К ним относится преобладание горшков шарообразной формы без шейки с венчиком, образованным валиком, полученным путем заворота чернового края глины наружу. Поливная керамика не только зеленого и бирюзового цвета – активно применяется бесцветная и желтая полива. При этом в 20–30% случаях полива кладется без ангоба, что говорит об упрощении технологии. Среди столовой посуды возрастает доля фаянсов, частично вытесняющих красноглиняную поливную посуду. Чаше встречаются привычные нам тарелки и чашки, а также почти исчезнувшие из обихода супницы и соусницы.

Таким образом, в результате исследований прослежены три строительных этапа: первый связан со становлением монастыря в середине XVII в. и с возведением в нем жилых построек (следы отопительных конструкций зафиксированы в северной части раскопа 1); второй – с возведением Каменных палат в начале XVIII в. (их фундамент выявлен также в северной части раскопа 1), просуществовавших с некоторыми изменениями до 1762 г.; третий – с постройкой в 1749 г. Старого деревянного дворца (фундаменты в западной части раскопа 1). Это здание сосуществовало с 1749 по 1762 г. с Каменными палатами. После пожара 1762 г. обе постройки разобрали и на их месте возникла садово-парковая зона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балашова И.Б.* Жилая архитектура Вологды XVIII – первой половины XIX в. // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002.
- Коваль В.Ю.* Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999.
- Коваль В.Ю.* Исследование керамического материала // Средневековое поселение Настасьино. М., 2004 (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 2).
- Крючкова М.А.* Императрица Елизавета Петровна и Новый Иерусалим // Московский журнал. № 10. М., 2009.
- Панченко К.Ю.* Археологические исследования в подмонастырской слободке города Дмитрова и керамические комплексы XVI–XVII вв. // Археология Подмосковья. М., 2008 (Матер. науч. семинара; Вып. 4).
- Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство в XII–XVIII вв. М., 1968 (САИ; Е1-39).
- Чернов С.З.* К хронологии московской керамики конца XV – XVI в. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.
- Эмблемы и символы. М., 2000 (Репринтное издание книги “Символа и Емблемата”. Амстердам, 1705).

ИЗРАЗЦЫ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА: ПЛАНИГРАФИЯ, СТАТИСТИКА, АТРИБУЦИЯ

© 2013 г. О.Н. Глазунова

Институт археологии РАН, Москва (olga-glazunova2007@yandex.ru)

Ключевые слова: *изразцовое производство, декоративное искусство, архитектурная облицовка, культурные связи, иконография орнамента, художественная терракота.*

The article gives a general topographic and stratigraphic overview of the architectural ceramic tiles from the 17th c. that were found in New Jerusalem monastery in 2009–2011, and gives statistical data and attributions. The assemblage includes hundreds of intact specimens. The tiles were manufactured in the monastery by Russian and Central European craftsmen. Special tiles were made for the Resurrection cathedral, where they were used for the inner and outer walls, the iconostases and the didactic and memorial inscriptions. Dozens of complete tile assemblages for stoves have also been found. They date to the middle of the 17th – the beginning of the 19th cc., thus indicating a widespread development of the tile manufacture. Many of the tile types have not been encountered previously (among them the fragment of the ceramic icon of Christ Pantocrator).

Пожалуй, нет книги или статьи про Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь – от классических трудов архимандрита Леонида (Кавелина) (1867; 1876) и до современных изданий (Новый Иерусалим, 2010), в которых не был бы затронут уникальный многоцветный керамический декор ансамбля. Особенно верно это для обобщающих исследований по русским изразцам начиная с работы И.Е. Забелина (1853) и заканчивая работами С.И. Барановой (2006; 2011). Восстановление монастыря после Великой Отечественной войны усилило этот интерес, который сохраняется до сих пор (Зеленская, 2002а). Однако в перечисленных изданиях речь всегда идет о декоре, уцелевшем и зафиксированном *in situ* на фасадах и в интерьере собора. Находки, сделанные при археологических раскопках в монастыре, до сих пор не привлекали особого внимания, тем более не изучались изразцы печей Нового Иерусалима.

Материал, полученный в ходе работ 2009–2011 гг. Ново-Иерусалимской археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством Л.А. Беляева, требует анализа, в статье приводятся только самые общие сведения: предварительные общие подсчеты, распределение по слоям и сооружениям. Обычно к планиграфии изразцов не прибегают, поскольку обнаружить большое количество комплексов можно только при системном вскрытии широкой площадью жилой застройки, а для памятников XVII в. такие случаи единичны (возможный

пример – изразцовые печи деревянного дворца в Коломенском, обнаруженные в ходе раскопок 1930 и 2000-х годов, планиметрическая раскладка которых, по сообщению Л.А. Беляева, сейчас готовится к публикации).

Но в культурном слое Воскресенского монастыря изразцов так много, что они вполне сопоставимы с самым массовым материалом. В 2009–2011 гг. с изученной площади (около 3755 м²) учтено 75 494 фр. керамики и 53 250 изразцов (30 948 – архитектурных и 22 302 – печных).

Подразделение изразцов на архитектурные и печные – условно и не только потому, что печь – тоже род архитектурного сооружения. Просто фасады и печи в России XVII в. украшали, кроме особых случаев, одними и теми же изразцами (Хворостова, Шейченко, 2010. С. 180–200), но Новый Иерусалим – особый случай. Здесь для декорации больших объемов (архитектурных элементов фасадов, интерьеров, иконостасов) обжигали крупные изразцы с необычными по форме и очень большими трубчатыми румпами, причем один раппорт часто составляли из нескольких элементов, изошренным образом соединяя их, вставляя друг в друга и т.д. Для печей применяли традиционные наборы изразцов обычных размеров, причем в больших архитектурных формах их, как правило, изначально не использовали (другое дело – при ремонтах и

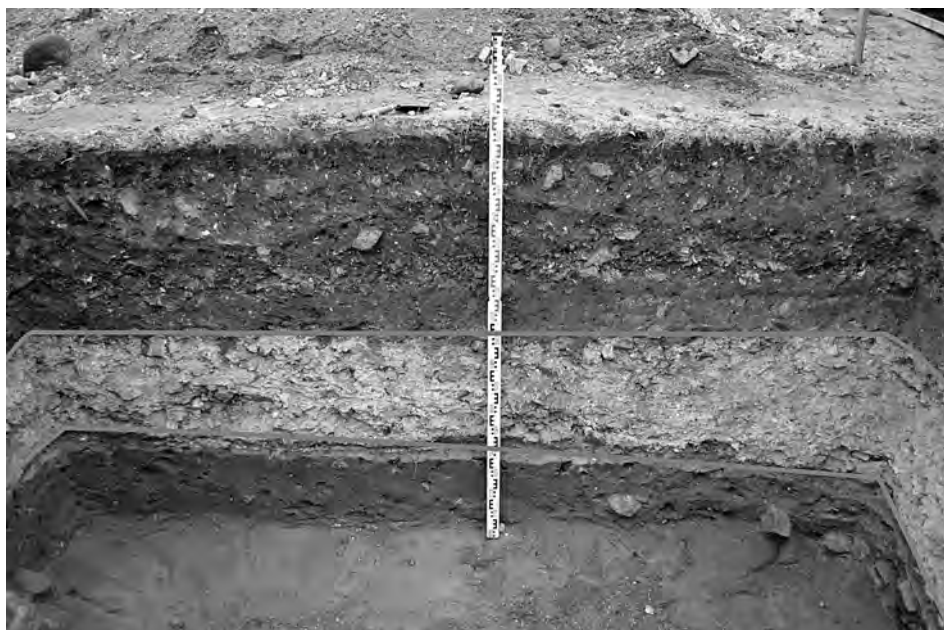

Рис. 1. Профиль южного борта раскопа 17. Выделен известковый слой, содержащий обломки архитектурных изразцов.

заменах). Так что в Новом Иерусалиме отдельные экземпляры можно довольно уверенно относить к тому или иному классу. Эти группы находок будут рассмотрены по отдельности.

Архитектурные изразцы распределены в слое неравномерно: сосредоточены в южной части; в северной, отгороженной от собора линией братских корпусов и “дворцом Татьяны Михайловны”, и между западной частью ограды и двухэтажным зданием музея их почти нет (единичные обломки в слое балласта). Стратиграфическое деление не менее значимо: слой строительства (особенно проливки извести поверх песчаной выравнивающей подсыпки вдоль стен) включает мало обломков архитектурных изразцов – они попали сюда как отходы ранних строительных работ (рис. 1). Зато ремонтные прослойки, залегающие выше, содержат гораздо больше архитектурных изразцов. Отдельные, но схожие по составу прослойки, включают обломки архитектурных изразцов, кирпича, черепицы, известь и маркируют все этапы развития монастыря и его собора. Далее изразцы концентрируются в подсыпках склонов монастырского холма. Наконец, огромную долю (особенно целых форм) архитектурных изразцов дали два крупных комплекса, связанных с изразцовой отделкой интерьера собора.

Первый комплекс (раскоп 6, яма 4) – заполнение верхней части круглой “колокольной ямы”, расположенной между Воскресенским собором и линией южной ограды (30 м севернее Сионской башни). Засыпка ямы включала крупные обломки архитектурных изразцов, причем один слой состоял только

из них (рис. 2). Изразцовые румпы забиты известковым раствором, следовательно, изразцы побывали в кладке. При камеральной обработке большую часть обломков лицевых частей удалось подобрать и склеить до полных форм, а иногда и полных композиций, состоящих из нескольких изразцов. Ясно, что в заполнение ямы остатки архитектурного декора собора попали одновременно (после обрушения шатра в 1720-х годах?).

Комплекс включает 234 ед. (предварительный подсчет), образующих 57 архитектурных форм. Одни представлены единицами (композиция тимпана для большого окна), другие – десятками (кронштейны, архитектурный фриз центрального барабана собора), как правило же, каждая форма представлена несколькими экземплярами (наличники окон, повторяющиеся детали пояса алтарной части собора – фриза “Павлинье око”, цветочный пояс барабана подземной церкви и др.). Большинство форм имеет аналоги только во внешнем декоре Воскресенского собора, но некоторые использовались и снаружи, и во внутреннем убранстве. Чисто интерьерных изразцов почти нет (так, нет ни одного обломка керамических иконостасов или надписи). Важно, что комплекс содержит исключительно части первоначального убранства собора XVII в., ранее не подвергавшиеся переделкам (оказалось, например, что рисунок реставрационных изразцов большого барабана заметно отличается от рисунка изразцов, найденных в яме).

Большой интерес представляет сооружение 6 (раскоп 4, расположенный между Гефсиманской

Рис. 2. Профиль ямы 4 раскопа 6. Выделен плотный слой битого кирпича и обломков архитектурных изразцов, перекрытый слоем извести.

и Сионской башнями, на южном берегу бывшего монастырского пруда, в 4 м от южной стены), непосредственно относившееся ко времени патриарха Никона. Следов этого наземного деревянного строения почти не сохранилось, зато залегавший неглубоко под дерном кирпичный развал предельно насыщен обломками архитектурных и печных изразцов, заготовками к ним, разнотипными поливными плитками пола (134 фр.), стопками поливной и неполивной посуды, керамическими лампадками, курильницами, керамическими грузилами. Вещи лежали компактными группами, по категориям, так что удалось выбрать отдельно развал плиток пола, отдельно набор керамических кружек и т.п.

Помимо готовых, качественных и, зачастую, целых изделий здесь собраны: 1) еще неотбракованные, но явно некондиционные экземпляры (с трещинами, в том числе расходящимися, в которые залилась полива, с дефектами поливы и т.д.); 2) опытные образцы со следами проб, в частности, с проведенными по контуру рисунка бороздками (способ разделения цветных полив, известный в Европе для керамики; в Новом Иерусалиме применялся для букв изразцовых надписей)¹; 3) изразцы, использовавшиеся для добора композиций, т.е. фрагменты со следами пропилов и отпиленные части; 4) отформованные и прошедшие первый обжиг заготовки изразцов (47 ед.), иногда уже покрытые ангобом, но без поливы. Все найденные в соору-

жении 6 изразцы – с чистыми румпами, без следов строительных растворов.

Архитектурные изразцы комплекса (3404 фр., 249 полных экз. – подсчет предварительный) включают 61 форму, некоторые из них представлены множеством одинаковых экземпляров: 24 малых “замковых камня” архивольтов, полный комплект заготовок-розеток без поливы (возможно, для фриза барабана подземной церкви), но встречаются и ранее неизвестные. Крупный (47 × 44 см) изразцовый подзор с изображением голубя, сидящего на гирлянде из фруктов, сходен с подзором фриза Павлинье око (размер композиции из трех изразцов – 52,2 × 60,6 см), но несколько меньше его и выполнен в одном монолитном изразце (рис. 3). Аналогичные гирлянды с фруктами характерны для архитектурных изразцов Нового Иерусалима; сюжет с птицей на фруктовой гирлянде заполняет клеймо из четырех изразцов московского производства в Иосифо-Волоцком монастыре и на колокольне ц. Козмы и Дамиана в Садовниках (1689 г.; см. Баранова, 2011. С. 278), но изображение голубя неизвестно.

Технологически комплекс однороден: основа всех архитектурных изразцов Нового Иерусалима – красножгущаяся глина с примесью крупного песка, дресвы и шамота, обычно покрытая под поливу белым ангобом; на обратной стороне часто видны следы грубой ткани. Единственное исключение – небольшой фрагмент изразца без ангоба из очень светлой, почти белой глины, с непривычной золотисто-коричневой поливой – видимо, часть волнистых волос и перьев крыльев ангела (рис. 4). Их прочерченные волны разительно отличаются по проработке от изображений небесных сил в изразцах Нового Иерусалима, где волосы даны высокорельефными завитками.

¹ Выделять экспериментальные серии непросто, все, что делалось в монастыре, было в какой-то степени инновацией, и сюда мы относим те экземпляры, которые явно признаны неудачными.

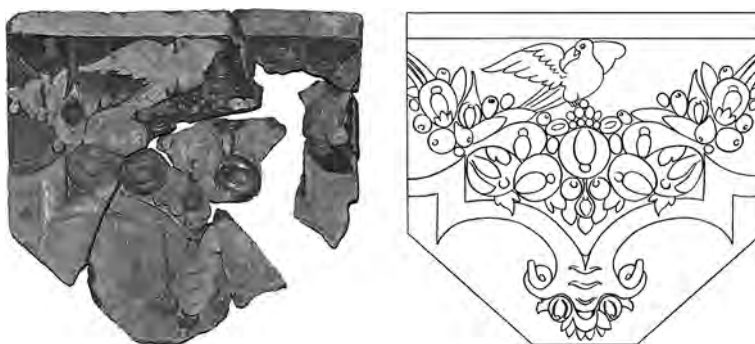

Рис. 3. Архитектурный изразец-подзор, не встречающийся в исторически известном декоре собора.

Рис. 4. Фрагмент архитектурного изразца из белой глины, нехарактерного для Нового Иерусалима.

Фрагмент больше напоминает изразцовые иконы Старицы и Дмитровского кремля XVI в., возможно, его привезли как образец; менее вероятно, чтобы старые иконы собирались использовать повторно.

Состав комплекса сооружения 6 позволяет с высокой степенью достоверности определить его как склад для хранения подобранных серий изразцов, плиток пола, посуды, а также заготовок, прошедших первый обжиг.

Из фрагментов, встреченных внутри Воскресенского собора, интересны отличающиеся от основной массы по оттенкам поливы – видимо, они принадлежат периоду реставрации И.Ф. Мичурина (1731–1749 гг.), когда часть изразцов заменили копиями (Гришин, 2002).

Чрезвычайно важны обломки керамической иконы без поливы, ведь в монастыре керамических икон нет, хотя несколько фрагментов из фондов Музея “Новый Иерусалим”, также без поливы, могли быть частями керамической иконы. В московский период такие иконы делал Степан Полубес – мастер, чье имя связано с первым строительным периодом Нового Иерусалима. Конечно, нельзя исключать того, что иконы могли попасть сюда из Москвы. Но не менее логично видеть в них случайно сохранившиеся, единичные свидетельства экспериментов первого периода.

В насыпях на склонах монастырского холма много изразцового боя – он использован вместе с кирпичным и черепичным боем как армирующая добавка (в подсыпках под южной стеной и баш-

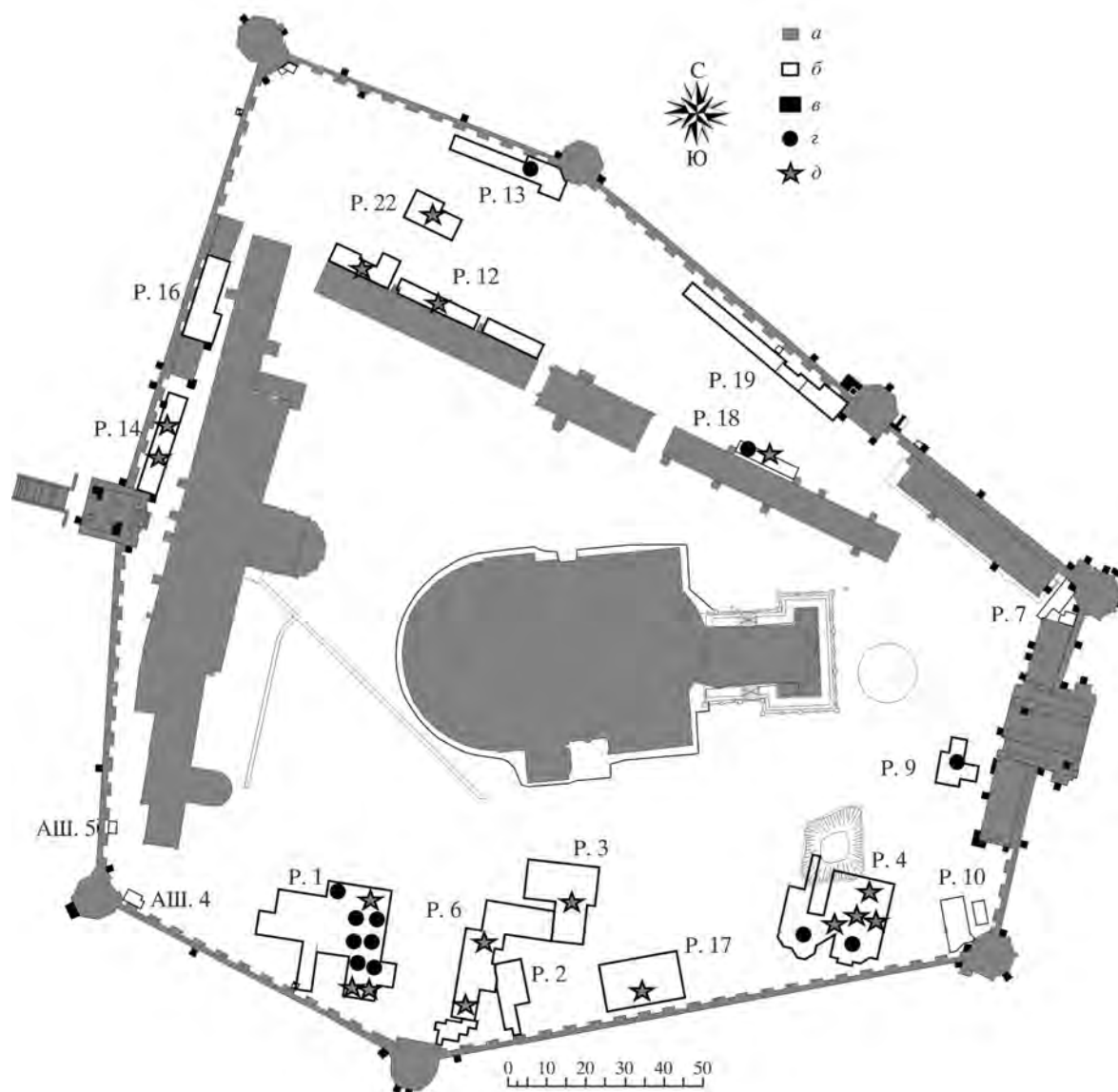

Рис. 5. Сводный план территории Ново-Иерусалимского монастыря. Условные обозначения: *а* – существующие строения; *б* – территории раскопов и шурфов 2009–2011 гг.; *в* – участки археологического сопровождения 2009–2011 гг.; *г* – основания печей; *д* – развалы комплексов печных изразцов.

ниями, а также на восточном склоне встречаются в основном заготовки без поливы; подсыпку северного склона, наоборот, составляют бытовавшие изразцы). Отдельные фрагменты архитектурных изразцов найдены и вдали от стен монастыря, у Скита, Силоамской купели, у подножия северного склона. На восточном пологом склоне, к северу от въезда, основную часть раскопа 11 заняла яма 1, забитая изразцами и архитектурными деталями. В их числе оказался фрагмент архитектурной колонки (?) с надписью вязью, которую можно прочесть как обозначение года (от сотворения мира; в переводе – 1691). Интересно, что два фрагмента изразца из этой ямы склеились с фрагментами, найденными

внутри монастыря: буква храмовой надписи и изразец от печи в сине-белой гамме, происходящей из хозяйственного сооружения раскопа 4.

В кипучей деятельности Никона нашлось место и организации производства печных изразцов. По свидетельствам современников, их делали для монастыря, на продажу и в качестве подарков, поэтому они встречаются по всей территории монастыря и в окрестностях. Как в слое, так и в заполнении ям и сооружений они распределены равномернее и логичнее, чем архитектурные. Печные изразцы делятся на несколько хронологических групп: первая маркирует время строительства патриарха

Никона (1658–1666 гг.); вторая – период достройки (1679–1698 гг.); третья относится к первой половине XVIII в. (после 1709 г.); четвертая – ко второй половине XVIII в.; в пятую объединены изразцы XIX–XX вв. Всего найдено 12 печных оснований и 27 развалов комплектов печных изразцов (рис. 5).

Выделяется комплекс горелых узкорамочных изразцов из раскопа 17 у южной стены монастыря, между Сионской и Гефсиманской башнями. Сооружение, к которому они принадлежали, не попало в пределы раскопа, но размещалось неподалеку. Среди изразцов представлены лицевые, близкие оформлению нижней части столбов в соборе; оригинальные городки-полусолнышки с вырезанными треугольными лучиками; узкие изразцы-рамки, обрамляющие филенки (вытянутые прямые, а также Г- и Т-образные архитектурные обломы). Аналоги не известны ни нам, ни С.И. Барановой – возможно, это переходный тип, использовавшийся как в крупных печах, так и для облицовки архитектурных объектов (рис. 6).

Высокая концентрация (1358 фр.) печных изразцов и заготовок к ним наблюдается в раскопе 4, в уже описанном хозяйственном сооружении. Здесь преобладают узкорамочные муравленные изразцы и заготовки к ним (от общего количества изразцов в сооружении 47.3% – готовых изделий и 5.7 – заготовок без поливы). Изразцы этого вида отмечены и в других местах монастыря (преимущественно в южной части), но больше всего их именно на раскопе 4, где на некоторых участках встречались изразцы только (!) этого вида или заготовки к ним (соотношение готовых изделий и заготовок – 2 : 1). Внутри вида различаются два типа лицевых и три типа карнизных изразцов, но только один тип городка и арки, а также не имеющий аналогов шестиугольный изразец с отдельными дополнительными треугольниками, предназначенными, по-видимому, для обрамления лицевых изразцов. Вероятно, в помещении хранилось несколько заготовленных комплектов одного печного набора, и один такой же комплект был выполнен в полихромном варианте.

Вторая по численности группа изразцов (21.2% готовых и 3.2 заготовок) – рельефные полихромные ковровые в стиле “кафли” из Копыси, Орши и Витебска. Цветовую гамму определяют белые рельефные эмали на кобальтовом фоне с мелкими бирюзовыми и желтыми деталями. Скорее всего, это два комплекта полных печных наборов, так как встречены два варианта арок и городков, а кроме того, три варианта валиков, четыре – лицевых изразцов (точнее, по два вида двух вариантов, так как изразцы ковровые) и три варианта фризовых (один из них состоит из трех соединяющихся в одно частей с изображением сце-

ны загонной охоты на оленя). Правда, есть только по одному варианту ножки и карниза, но ножки даже у разных печей часто одинаковые, да и наборы могли дойти до нас не целиком. Изразцы этого типа в других раскопах почти не встречаются, все исключения – единичные экземпляры, из перекопов или перемещенного балластного слоя.

Далее следуют рельефные изразцы от набора печи (13.6 %), выполненные в западноевропейской манере. Выделяются два типа сложных зеркал – нижнее и верхнее: одно с трехрядным раппортом из 7 и второе с двухрядным раппортом из 12 изразцов; изразцы фигурного оформления углов; 7 вариантов фризовых изразцов с различными птицами; 1 вариант валика; переходный карниз; сложный карниз, оформляющий низ печи, и верхний карниз. По-видимому, печь – двухъярусная, на низком цоколе без ножек и арок-подзоров (что типично для наборов в Белоруссии). Все изразцы – без поливы и без ангоба, но вряд ли это заготовки: в монастыре найдено два подобных печных набора, причем один из них – с нагаром и при печном основании (раскоп 1). Некоторые формы, в частности, карниз, использованы как архитектурные в декоре собора (в восьмигранной часовенке, расположенной в южной части собора на плоской кровле галереи), но в варианте с полихромной поливой. Обломки полихромных изразцов аналогичного печного набора найдены при раскопках в Коломенском (Баранова, 2011. С. 185).

Оставшиеся 8.7% составляют ковровые муравленные изразцы с изображением розетки. Видимо, их распространение относится ко второму строительному периоду. Немногочисленные в раскопе 4 такие изразцы в большом количестве найдены в заполнении ямы 4 (раскоп 6). Помимо двух видов лицевых изразцов, в комплексе были фризовые, три вида карнизных, арка и ножка печи.

Завершая обзор материалов раскопа 4 (и вместе с тем изразцов первого периода), отметим, что, несмотря на раннюю дату слоя, здесь найдено всего три фрагмента “московских красных”, т.е. рельефных широкорамочных изразцов (больше всего изразцов с изображением льва (20 экз.) собрано в южной части раскопа 1, рядом с Сионской башней).

Характерная черта второго периода – господство изразцов, рельеф которых рассчитан под полихромную эмаль. Тем не менее довольно много заготовок этого типа было покрыто не ею, а зеленой поливой.

Излюбленными, наиболее часто встречающимися во второй период можно признать два печных набора. В состав одного входят два вида ковровых изразцов с центральным цветком и фигурной рамкой в виде лент (тип, сохраняющий принцип коврового

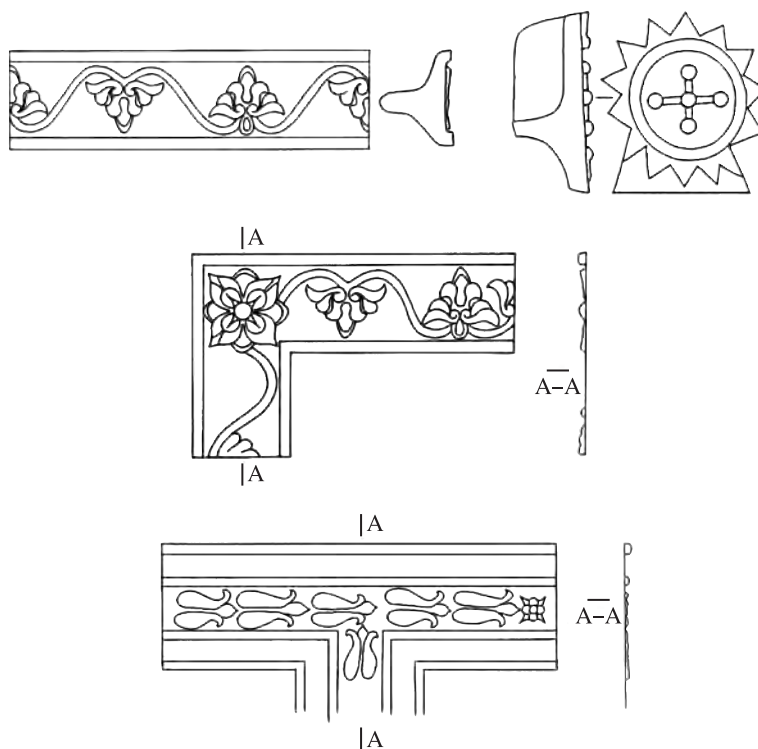

Рис. 6. Комплекс горелых узорамоочных изразцов переходного типа.

узора) и третий (от второго яруса?) с изображением “турецких огурцов”; три варианта карнизов, в том числе один обратный; как минимум один вид фриза. На основе сравнения деталей орнамента выявлено не менее двух вариантов деревянных форм, с которых штамповали лицевые изразцы одной и той же изобразительной композиции для печей этого вида. Варианты отличаются разной проработкой деталей (в одном ленте сплошные, в другом – трехчастные и т.п.).

Печи с подобными изразцами стояли в Старом государевом дворце (раскоп 1; облицована полихромными изразцами) и в разобранной постройке на месте современного Восточного братского корпуса (раскоп 18; после ее разрушения в культурный слой отложилась значительная часть, если не полный набор изразцов, склеено 92 экз.). Изразцы этой печи не имели поливы, хотя часть их в короне, фризе, переходном карнизе, а также некоторые лицевые пластины покрыты белым ангобом. Таким образом, печи этого набора во второй строительный период встречены и в южной, и в северной частях монастыря (рис. 7).

Основа композиции другого набора изразцов его лицевой части – изображение цветка. Набор представлен тремя видами лицевых изразцов, фризом и валиком, но карнизы, ножки и городки выполнены не специально для него. Они – типовые и приме-

нимы в разных наборах. Сохранились остатки двух таких печей: одна стояла в сооружении у южной стены собора, погибшем при пожаре (раскоп 3). Другая известна по проекту реставрации “Татьянинных палат” Е.Г. Ефремова (ее изразцы собраны в 1989–1990 гг.). Помимо этих двух отдельных комплектов печей (оба полихромные) найдено много обломков изразцов (полихромных, муравленых и заготовок).

Нужно отметить, что 4/5 всех рельефных полихромных изразцов монастыря принадлежат трем печным наборам, включая комплект с изображением розетки.

Особняком стоит комплект для печи, найденной возле Западного братского корпуса (раскоп 12; печь погибла в пожаре; собраны все элементы; раппорт зеркала состоял из пяти изразцов). Практически идентичный комплект изразцов происходит из Михайловской церкви Немецкой слободы (Москва) и датируется 1680–1690-ми годами (МГОМЗ; Баранова 2011. С. 27; Маслих, 1976. Табл. 176). Печи в Ново-Иерусалимском монастыре делал в 1692 г. тяглец Мещанской слободы Балашов Ивашко Яковлев сын (Леонид (Кавелин), 1867. С. 400). Возможно, найденная возле Западного братского корпуса печь сделана им.

К третьему периоду относятся в основном расписные гладкие изразцы. О том, что их делали в мона-

стыре, говорят бракованные экземпляры: слипшиеся изразцы, лицевые части с испорченной поливой и пр. Их производство связывают с пленными шведами Кристианом и Яном Флегнерами, присланными Петром I в монастырь с целью наладить изготовление гладких изразцов голландского типа (Леонид (Кавелин), 1876. С. 85; Сергеенко, 1993. С. 59).

В яме 20 (раскоп 6) на участке “Мраморного дворца” второй половины XVIII в. и в близлежащих слоях отмечена группа рельефно-расписных изразцов, видимо, оставшихся от стоявшей здесь ранее постройки. Среди них встречен редкий композиционный тип, связанный с пасхальной символикой европейского извода (агнец, несущий хоругвь с крестом; Маслих, 1983. Табл. 111). К этому набору мы относим и карнизные изразцы с арматурами (знамена и пушки) – символами победы. Используя три варианта фона (белый, голубой или синий), мастер добивался цветового эффекта почти не прибегая к росписи. Однако к тому же комплексу принадлежат лицевые и карнизные изразцы другого классического типа, переходного от рельефных к расписным, – с овальными медальонами.

Одно из помещений Западного братского корпуса отапливалось в XVIII в. печью с мраморовидными изразцами (остатки набора попали в раскоп 12): они красноглиняные, покрыты цветными ангобами и поливами поверх слоя белого ангоба. Мраморовидные изразцы известны по раскопкам в Царицыно (Медведев и др., 2008. С. 123), но на других памятниках Москвы встречаются редко.

В 1710–1730-е годы в монастырских мастерских изготавливали уникальный, встречающийся только в Новом Иерусалиме тип изразцов с рельефными аллегорическими изображениями на сюжеты (в основном) из книги “Эмблемы и символы” (2000) (рис. 8). Интересно, что на изразце ставили номер, соответствующий номеру сюжета в книге, вероятно, чтобы зрителю легче было соотносить изображение с его описанием. “Эмблематы” делятся по стилю на две группы, из которых одна преобладает. Ее изразцы отличает более высокий и плавный рельеф, изображения на них даны укрупненно, полива обычно одноцветная, бирюзовая, но есть и варианты с белым фоном и синими (реже цветными) фигурками, а также неполивные. Они встречены по всей территории; частые сюжеты – охота на оленя; на медведя (таков сюжет на лицевых изразцах печных наборов Старого государева дворца); победа Апполона над грифоном-пифоном; рука, держащая лошадь, и др. Фризы с охотой на оленя и птицей, сидящей на жерле пушки, использованы при починке двойного окна Голгофы, но расположены хаотично, некоторые – даже вверх ногами. Другая группа

1

2

Рис. 7. Раскоп 18: 1 – печные изразцы в культурном слое возле Восточного братского корпуса; 2 – печь из набора печных изразцов (реконструкция).

эмблемат – с плоским рельефом, но множеством мелких деталей; сами фигурки выполнены гораздо мельче. Среди встреченных изразцов этой группы нет поливных, и стиль резьбы ее не предполагал: глазурь исказила бы мелкие детали. Таких изразцов найдено гораздо меньше, в основном – в северной части монастыря (раскоп 13).

Интересно, что распространенные во второй трети XVIII в. на всей территории России гладкие

Рис. 8. Изразец с сюжетом “Коронесса, стрелой пронзенная” (Эмблемы и символы, 2000. № 450).

расписные эмблематы в Ново-Иерусалимском монастыре не найдены. Изразцы такого типа из Нового Иерусалима упомянуты И.И. Сергеевко (1993. С. 60), но автор не причислил их к эмблематам, а позже эта серия с церковными сюжетами была интерпретирована как поздняя облицовка престола в приделе Архистратига Михаила (Зеленская, 2002б. С. 191).

В четвертый период в монастыре было множество печей с изразцами в стиле рококо: при раскопках найдено шесть оснований этих печей и, соответственно, шесть изразцовых комплексов. Они стояли в Новом государевом дворце (попарно в соседних помещениях с общей системой топки), а в Северных трапезных палатах разобраны только в 1960-х годах (!) и сейчас сложены в запасниках музея. Второй половиной XVIII в. датируется и комплект из северной части монастыря – гладкие расписные изразцы, покрытые цветами и листьями на Х-образной выгнутой основе (Баранова, 2011. С. 329). Большая часть таких изразцов найдена на раскопе 22 и, видимо, маркирует невыявленную пока постройку. Часть изразцов попала в балластные слои возле обоих Братских корпусов. Другой оригинальный комплект сочетает качественные и сложные формы с грубым, небрежным рисунком. В подвальном помещении архимандричьих покоев (при въезде в монастырь) обнаружена печь XIX в., облицованная гладкими изразцами с контурной рамкой; такая же печь стояла, видимо, в доме мельника на берегу Истры (раскоп 20). Упомянем и несколько обломков привозных (голландских) плиток с пейзажной сценкой в круглой рамке и виньетками в углах, применявшихся для облицовки стен (раскоп 12, слои середины XVIII в.). Кафли с таким рисунком производили в Утрехте и Амстердаме и импортировали во многие страны.

Распределение изразцов по территории монастыря убеждает, что раньше других печи появились в ее юго-восточной части, а затем застройка развивалась на север и запад. В районе Братских корпусов, в Старом и Новом государевых дворцах есть следы замены одних печей другими (в ряде случаев на старом печном основании). То, что в северной части монастыря крайне мало архитектурных изразцов, говорит о том, что она была почти сразу отделена от центрального ансамбля линией строений.

Дальнейшая работа должна быть направлена на уточнение атрибуций, технологический и художественный анализ комплекса, она обещает важные культурно-исторические результаты.

Выражаю благодарность хранителю фонда изразцов Музея “Новый Иерусалим” Л.М. Чернениловой за постоянные научные консультации и С.И. Барановой за ее постоянные научные консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова С.И. Москва изразцовая. М., 2006.
- Баранова С.И. Русский изразец, М., 2011.
- Беляев Л.А. Московские печные изразцы до начала XVIII в. (опыт археологической систематизации) // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 5. Ч. 1. М., 1993.
- Гришин В.П. История изучения и реставрации изразцового убранства Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения. М., 2002.
- Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России. СПб., 1853.
- Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002а.
- Зеленская Г.М. Реставрационные и научно-исследовательские работы в Воскресенском соборе во второй половине 1990-х годов // Никоновские чтения. М., 2002б.
- Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1867.
- Леонид (Кавелин), архимандрит. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре с 1656 по 1759 г. // Вестн. Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. № 11, 12. М., 1876.
- Маслих С.А. Русское изразцовое искусство в XV–XIX вв. М., 1976.
- Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1983.
- Медведев П.В., Еришов И.Н., Кренке Н.А. и др. Исследование погребов на усадьбе Кантемиров // Археология парка “Царицыно”: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008 гг. / Автор-сост. Н.А. Кренке. М., 2008.
- Новый Иерусалим: Альбом-антология. М., 2010.
- Сергеевко И.И. Об изразцах с иероглифическими фигурами и эмблематами и о московском мастере Яне Флегнере // Коломенское: Матер. и исследов. Вып. 5. Ч. 1. М., 1993.
- Хворостова Е.Л., Шейченко Е.Н. Рельефные поливные одноцветные (муравленые) фасадные изразцы XVII века // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь, 2010.
- Эмблемы и символы. М., 2000 (Репринтное издание книги “Символа и Емблемата”. Амстердам, 1705).

ПОГРЕБЕНИЯ КОЙСУГСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ МАЙКОПСКО-НОВОСВОБОДНЕНСКОЙ ОБЩНОСТИ

© 2013 г. В.С. Яценко

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
(yatsenko_vs@rambler.ru)*

Ключевые слова: *Нижний Дон, Койсугский курганный могильник, погребальный обряд, майкопско-новосвободненская культурная общность, энеолит, эпоха ранней бронзы.*

The article is devoted to a group of burials at Koysug kurgan cemetery. Analysis of the Koysug cemetery complex and of the existing publications lead us to the conclusion that the group of burials belongs to the northern (Kumo-Manych) province of the Maikop-Novosvobodnaya community. Even though the burial rite is uniform, there are certain distinctions within the groups. The reasons for that are difficult to define due to the small number of the assemblages and the local character of the phenomenon. It is practically impossible to define the chronological disparity of the burials. Only the burials in kurgan 5 can be dated within the time frame from the end of the 41st to the middle of the 37th cc. BC. The differences are in the extent of conformity with the Maikop burial rite. It is possible that the use of the Maikop burial tradition served to emphasize the high social status of the buried.

Койсугский курганный могильник расположен на левом берегу р. Койсуг (левый приток Дона) (рис. 1). Полевое исследование могильника проводилось в период с 1966 по 1971 и в 1974 г. археологической экспедицией Ростовского государственного университета под руководством В.Е. Максименко (1973а).

Из общего числа разновременных погребений могильника в особую группу выделены погр. 18, 24, 32 кургана 5 и погр. 24 кургана “Радутка”. В связи с появлением новых материалов и работ по проблемам археологии раннего бронзового века Предкавказья (Кореневский, 2004; 2008; Шишлина, 2007) необходимо вновь поставить вопрос о культурной принадлежности этой группы погребений.

Погребение 18 кургана 5 (Максименко, 1969) – впускное в центральную часть кургана (рис. 2, 1–4). Яма подпрямоугольная в плане, со скругленными углами, ориентирована длинной стороной по линии ВСВ–ЗЮЗ, по всему периметру – уступы-запечки шириной от 0.3 до 0.7 м. Размеры основной ямы – 2.9 × 2 м, меньшей (внутренней) – 1.75 × 0.9 м. Глубина от уступов до дна ямы – 0.8 м в восточной части и 0.5 в западной. На запечках сохранились остатки деревянных плах и камышового настила от перекрытия.

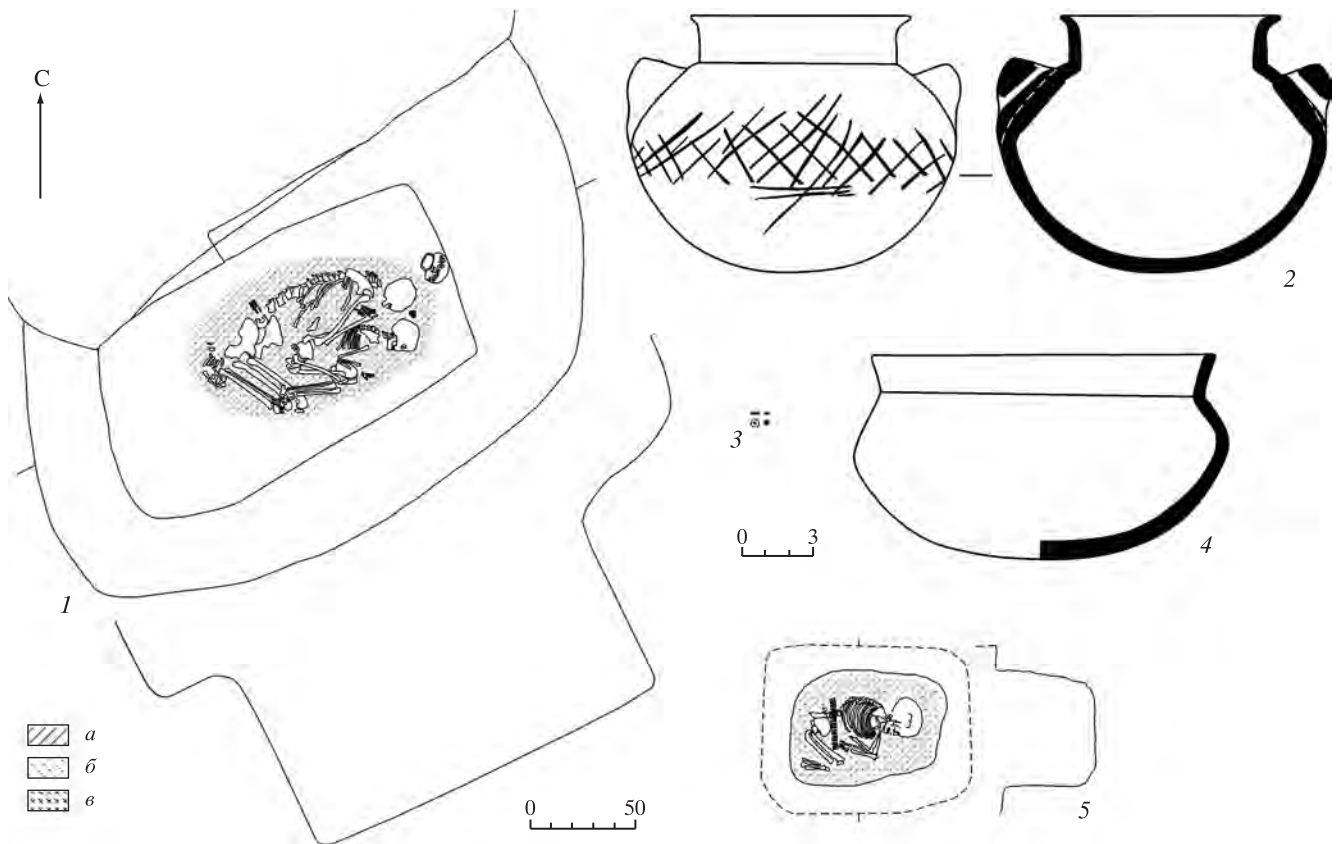
Погребение парное (взрослый и подросток), костяки лежали скорченно на левом боку, головой на

восток-северо-восток (рис. 2, 1). Кости рук согнуты в локтях, кисти – у головы. Черепа костяков деформированы. Стопы костяка подростка лежали на коленных суставах взрослого.

На дне ямы под костяками прослежена “земляная подсыпка” толщиной 15–20 см, состоящая из смеси гумуса, охры, углей и мела. Интенсивная посыпка охрой отмечена под костями стоп и кистями рук.

У восточной стенки могильной ямы напротив черепа взрослого человека стоял глиняный сосуд (рис. 2, 2) серого цвета с невысоким вертикальным горлом, венчиком, отогнутым наружу, переход в тулово ярко выражен, дно сосуда округлое (устойчив). В верхней части тулова имеются два налета в виде конусообразных “ушек” с вертикальными сквозными отверстиями. По тулову нанесен проложенный сетчатый орнамент. Поверхность местами залощена. Тесто плотное, в изломе светло-коричневого цвета, с примесью большого количества песка и дресвы мелкого и среднего размера, немного мелкой истолченной ракушки (?), а также небольших белых вкраплений. Высота сосуда – 10.6 см, диаметр по венчику – 9.2, по горлу – 8.2, наибольший – 13.8.

Второй сосуд (рис. 2, 4) находился под костями предплечья правой руки и коленного сустава правой ноги подростка. Сосуд представляет собой глубокую миску с раструбным венчиком, переход в

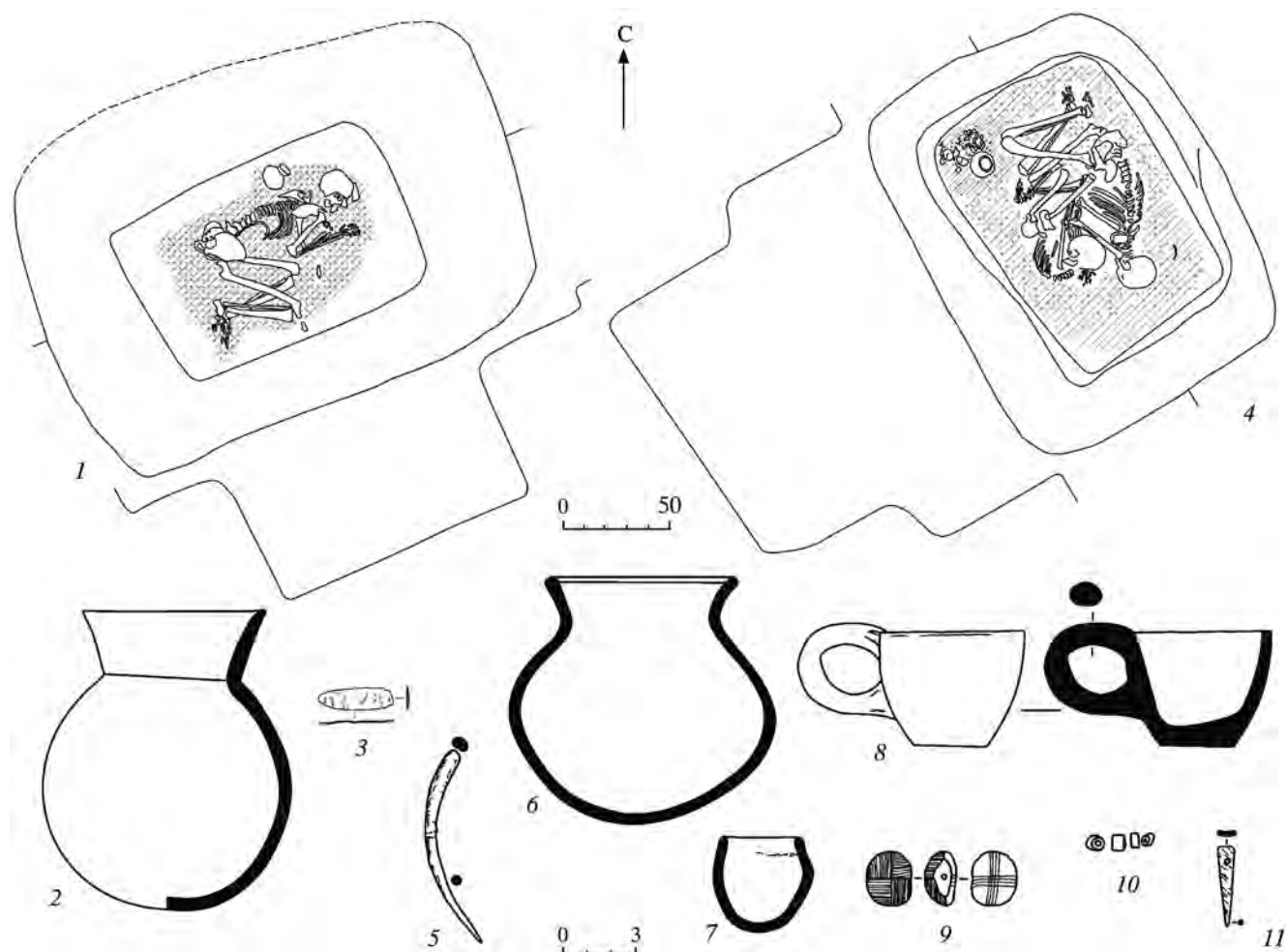

Рис. 3. Койсугский курганный могильник. Погр. 24 кургана 5 (1–3) и 24 кургана “Радутка” (4–11). 1, 4 – планы погребений; 2, 6–8 – керамические сосуды; 3 – металлическая пластина; 5, 11 – костяные амулеты-подвески; 9 – каменная (?) печать-амулет; 10 – каменные (?) и костяная (?) цилиндрические бусины (5, 9–11 – по: Максименко, 1973б).

За спиной скелета стоял сосуд (рис. 3, 2) с высоким раструбным горлом, переход в тулово ярко выражен, с округлым слегка примятым дном (устойчив). Поверхность имеет зеркальное лощение. Цвет светло-коричневый, тесто в изломе темно-серое, в примеси редки белые включения извести или мела (?), присутствует большое количество следов от выгоревшей волокнистой органики. Высота сосуда – 12.4 см, диаметр по венчику – 7.5, по переходу от горла к венчику – 5.6, наибольший – 10.4. Перед костями предплечья лежала медная или бронзовая кованая пластинка (рис. 3, 3) размерами 3.2×0.9 см в виде миниатюрного “ножа” (?) с черенком.

Погребение 32 кургана 5 (Максименко, 1969) – впускное в центральную часть кургана (рис. 2, 3, 5). Подпрямоугольная в плане яма со скругленными углами была ориентирована длинной стороной по линии 3–В, имела по всему периметру уступы-запечки шириной 0.15–0.2 м. Контур большей ямы

размерами 1×0.9 м прослеживался плохо. Размеры меньшей ямы – 0.5×0.7 м. Глубина от уступов до дна ямы – 0.5 м. На запечках сохранились остатки перекрытия из деревянных бревен.

Костяк ребенка лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Кости рук согнуты в локтях, кисти – у пояса, локти вывернуты от туловища. Под костяком на дне ямы обнаружена тонкая подстилка, включавшая в себя немного охры, мела и угольки.

В области поясницы сохранились остатки пояса из огромного количества перламутрового бисера (рис. 2, 3). Диаметр бисера – 0.2–0.35 см, отверстие – 0.1, толщина – 0.05–0.07.

Погребение 24 кургана “Радутка” (Максименко, 1970) – впускное в центральную часть кургана (?) (рис. 3, 4–11). Яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами была ориентирована длинной стороной по линии ССЗ–ЮЮВ, имела по

периметру уступы-заплечики шириной 0.15–0.4 м. Размеры большей ямы – 1.8×1.4 м, меньшей – 1.38×1 . Глубина от уступов до дна ямы – 0.6 м. На уступах сохранились остатки обгоревших плашек и камышового перекрытия. В заполнении ямы выявлены угольки и фрагмент керамики серого цвета с большой примесью ракушки в тесте.

Погребение парное (взрослый и подросток), костяки лежали скорченно, обращены друг к другу (рис. 3, 4). Взрослый – на левом боку, головой на юг, кости рук согнуты в локтях, кисти у головы. Подросток – на правом боку, головой на юго-восток, череп лежал на костях рук взрослого, кости рук вытянуты к тазу взрослого, кисти – у собственных колен. В области таза кости обоих скелетов обуглены. На дне могильной ямы зафиксированы остатки обгоревшей подстилки, густо посыпанной охрой.

Между восточной стеной и костяками в районе черепа взрослого человека лежала проколка-амулет (рис. 3, 5) из отполированного клыка животного (кабана?) или из его части. По центру имелось сквозное отверстие. Длина амулета – 8.5 см, толщина тупого конца – 0.5×0.6 , диаметр отверстия – 0.15–0.25.

В северо-северо-западном углу могильной ямы около коленного сустава правой ноги взрослого погребенного обнаружен комплекс вещей, сложенных компактно на кучке крупного речного песка:

1) лепной круглодонный сосуд (неустойчив) (рис. 3, 6) с отогнутым наружу венчиком, переход в тулово слабовыражен, плавный. На поверхности наблюдаются следы расчесов зубчатым штампом или следы от заглаживания травой. Цвет поверхности неоднороден: от светло-охристого до черного. В изломе тесто черного цвета, с примесью большого количества дресвы, наблюдается немного следов от выгоревшей органики и незначительное количество ракушек, встречаются белые вкрапления. Высота сосуда – 10.1 см, диаметр по венчику – 7.9, по переходу от горла к венчику – 6.5, наибольший – 11;

2) миниатюрный лепной круглодонный сосуд (устойчив) (рис. 3, 7) со слегка выделенным горлом, венчик прямой. Внутри сосуда лежал кусок охры. На изломе тесто сосуда темное с примесью ракушки и мелкого песка. Поверхность темного (серо-черного) цвета, залощена. Высота сосуда – 3.8 см, диаметр по венчику – 3.4, наибольший – 4.1;

3) лепной сосуд открытого типа в форме кружки с плоским дном и большой петлевидной ручкой (рис. 3, 8), овальной в сечении, немного выступающей над устьем. Поверхность светло-коричневого цвета, залощена. Тесто плотное, в изломе черное, с примесью крупного и мелкого песка и дресвы,

встречаются следы от выгоревшей волокнистой органики. Высота сосуда – 5 см, диаметр по венчику – 5.7, диаметр дна – 3, толщина ручки – 1–1.4;

4) крупная каменная (?) бусина (рис. 3, 9) темно-коричневого, почти черного цвета. Форма полусферическая, ближе к нижнему плоскому основанию параллельно ему – сквозное отверстие. Нижняя уплощенная сторона украшена крестовидным врезным орнаментом, состоящим из параллельных линий (по четыре), пересекающихся в центре. Обратная сторона (выпуклая) разделена линиями на четыре сектора, каждый из которых заштрихован параллельными врезными линиями, штрихи каждого сектора перпендикулярны штрихам следующего сектора. Диаметр бусины – 2.2 см;

5) три цилиндрические бусины черного цвета из гешира и одна белая из зуба (?) (рис. 3, 10), высота – 0.4 см, внешний диаметр бусины – 0.6, диаметр отверстия – 0.2;

6) амулет-подвеска (рис. 3, 11) треугольной формы из полированной кости. Длина – 3.3 см, ширина основания – 0.78, толщина – 0.3, диаметр отверстия – 0.15;

7) плоская галька размерами $0.9 \times 2.5 \times 7$ см;

8) кости животных: 12 астрагалов, 5 бараньих коленных чашечек (у некоторых плоские основания затерты), 2 бабки крупных животных, 3 позвонка рыб из породы осетровых.

Все четыре комплекса имеют следующие общие признаки погребальной обрядности: форма погребального сооружения (яма с уступами-заплечиками); поза погребенного (скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти у лица); в инвентаре – круглодонные сосуды, имеющие лощеную поверхность. Общность обряда позволила предшественникам исследователям рассматривать эти погребения в рамках единой группы, но соглашаясь в определении ее культурной принадлежности нет.

Впервые материалы погребений рассмотрены В.Е. Максименко (1973б). Автор отнес их к концу III или началу II тыс. до н.э. и отметил, что комплексы находят сходство с памятниками майкопской и кеми-обинской культур (относительно последней замечено, что некоторые исследователи усматривают в ней элементы майкопской культуры).

В.Я. Кияшко при исследовании памятников энеолита и раннего бронзового века на Нижнем Дону выделил VI группу энеолитических погребений и отметил, что погребения из Койсугского могильника наиболее выразительны для этой группы (1974. С. 114–116). Анализ погребений привел

автора к выводу, что комплексы данной группы оставлены пришлым кочевым населением с развитым скотоводством (Кияшко, 1974. С. 148). Они продолжают дальнейшее развитие “южной” линии в истории племен Подонья. В.Я. Кияшко отметил возможность связи погребений VI типа и V группы¹, но характер этой связи не был ясен. При этом исследователь только частично согласен с выводами В.Е. Максименко о сравнении койсугских погребений с памятниками майкопской культуры, так как черты общности в обряде и инвентаре сочетаются со многими отличиями. Керамика, по мнению В.Я. Кияшко, при самом общем сравнении напоминает майкопскую, но в деталях ее отличия существенны. Автор, как и В.Е. Максименко, обращает внимание на возможное сходство сосудов из койсугских погребений с керамикой кеми-обинской культуры (Кияшко, 1974. С. 148).

Отметим и монографию В.Я. Кияшко (1994), посвященную энеолитическим памятникам Нижнего Дона, в основе которой лежит диссертационное исследование, дополненное новыми материалами раскопок на период 1990-х годов. В этой работе автор объединил ранние курганные комплексы в четыре группы, к IV группе отнесены материалы рассматриваемых койсугских погребений. Отмечено, что погребения этого типа распространены почти без изменений от Молдовы до Прикубанья, проникая в Волго-Донское междуречье, и практически не имеют отражения в культурных слоях поселений, для Дона несомненен их скоротечный пришлый характер (Кияшко, 1994. С. 77, 80).

Соотнесение рассматриваемых погребений с памятниками кеми-обинской культуры проблематично. Ставя вопрос о возможном сходстве данных погребений с обозначенными памятниками, исследователи опираются на монографию, в которой рассматриваются две группы погребений, нетипичных для культур Северного Крыма; в одной из них отмечено наличие керамики, близкой к трипольской или майкопской (Щепинский, Черепанова, 1969. С. 57–61). Но, несмотря на возможное сходство керамики с материалами майкопской культуры, группа погребений Северного Присивашья имеет мало общих черт с койсугскими погребениями (Щепинский, Черепанова, 1969. С. 58, 59. Рис. 17, 18). К ним можно отнести подпрямоугольную в плане форму, восточную или северо-восточную ориентировку, согнутость рук в локтях при расположении кистей у лица и наличие круглодонной керамики.

Необходимо подчеркнуть, что среди присивашских захоронений нет ни одного погребения, которое сочетало бы в себе все эти признаки. У групп погребений, рассмотренных А.А. Щепинским и Е.Н. Черепановой, наблюдается гораздо больше черт, нехарактерных для группы койсугских захоронений: наличие округлых в плане могильных ям, отсутствие уступов-заплечиков для подпрямоугольных ям, наличие западной и северной ориентировок, в большинстве случаев положение рук, отличное от положения “согнуто в локте кистями у лица”, скудность погребального инвентаря, в керамике – низкий венчик, отсутствие ярко выраженного перехода от венчика к тулову, присутствие орнамента в виде ложных жемчужин или оттисков шнура и т.д.

В современной литературе высказывается аргументированное сомнение по поводу обоснованности выделения кеми-обинской культуры, отмечается размытость признаков культуры, беспочвенность расширения ее ареала и еще большей нечеткости критериев отнесения комплексов к этой культуре. Например, Г.Н. Тощев (2007. С. 59–93) рассматривает погребения Крыма, имеющие признаки памятников кеми-обинской культуры в их “классическом” виде, в рамках проблемы “ящичных” захоронений и соотносит эту немногочисленную группу памятников с ямными племенами, которые, проникнув в предгорья Крыма, вобрали определенные элементы местных энеолитических племен и контактировали с культурами Кавказа. Сходство же группы “ящичных” погребений (Тощев, 2007. Рис. 25–37, 40–42) с койсугскими захоронениями заключается в преобладании ориентации погребенных головой в восточный сектор, наличии позы скорченно на левом боку, с согнутыми в локтях руками и кистями – у лицевой части черепа. Однако поза и ориентация погребенных нестабильны. В существенном количестве зафиксированы комплексы с позой умерших на спине и на боку, с иными положением рук и ориентировкой. Инвентарь “ящичных” захоронений представлен, как правило, плоскодонной керамикой и другими категориями вещей (металлическими ножами, шильями, браслетами, топором, теслом, долотом, двурогой вилкой; костяной булавкой; каменными топорами, булавой; кремневыми отщепами и пластинами), нехарактерными для погребений Койсугского могильника. К отличительным чертам можно добавить использование орнаментированных плит в погребальной конструкции и возможную причастность группы населения, оставившей “ящичные” захоронения, к созданию и использованию каменных изваяний.

¹ V группа погребений соотнесена с материалами Константиновского поселения (керамика III группы) и майкопских погребений Северного Кавказа (Кияшко, 1974. С. 104–114, 146, 147).

Относительно группы кочевого населения, двигавшегося “с запада (украинские степи) на юго-восток”, не совсем ясно, какие конкретно погребения помимо собственно койсугских и других нижнедонских, выделенных в VI группу по классификации 1974 г., имел в виду В.Я. Кияшко, говоря об их распространении почти без изменений от Молдовы до Прикубанья (1994. С. 80). Возможно, имелись в виду погребения, которые впоследствии были объединены Ю.Я. Рассамакиным (Rassamakin, 2004) в вариант С III группы. По наиболее характерным погребениям на р. Самара и Молочная он предложил выделять их в памятники животиловско-волчанского типа. Отмечено, что эта группа содержит в себе, с одной стороны, трипольские, а с другой – майкопско-новосвободненские элементы. Группа погребений III варианта С включает в себя рассматриваемые койсугские захоронения, но, несмотря на общность в элементах обряда: формы могильной ямы, позы, ориентировки (Rassamakin, 2004. Т. I. С. 57, 59. Abb. 48, 49), инвентарь погребений по своим характеристикам – наличие уникальных украшений, округлодонность сосуда с “ушками” с вертикальными сквозными отверстиями, отличие морфологии и орнаментации сосудов (Rassamakin, 2004. Т. I. С. 127, 129. Abb. 102, 103) – выглядит достаточно обособленно. Явные различия в инвентаре позволяют усомниться в правомерности отнесения погребений Койсугского курганного могильника к памятникам животиловско-волчанского типа.

Материалы рассматриваемых койсугских захоронений имеют наибольшее сходство с памятниками основного ареала майкопско-новосвободненской общности. Так, для погребений майкопской культуры характерны могильные ямы подпрямоугольной в плане формы, простые ямы (без обустройства деревом или камнем) и сложные. Среди сложных выделяются варианты, в которых присутствуют могилы с деревянной рамой; с рамой, срубом; с каменными обкладками (Кореневский, 2004. С. 17). По всей видимости, яма с уступами-заплечиками – это воплощение той же идеи, что и обкладка по контуру ямы или стен погребальной ямы камнями, деревом в условиях дефицита последнего, что, собственно, и характерно для левобережья Нижнего Дона. Поза погребенных скорченно на левом боку, с положением рук, согнутых в локтях, кистями у лицевой части черепа, или рук, вытянутых кистями к коленям, также характерна для погребений майкопско-новосвободненской общности. Расположение погребального инвентаря в могиле компактно по углам – еще одна черта обряда, говорящая о близости с памятниками майкопской культуры (Кореневский, 2004. С. 19).

В инвентаре погребений Койсугского могильника также прослеживаются черты сходства с материалами памятников майкопско-новосвободненской общности. В керамике (Кореневский, 2004. С. 22) – это наличие сосудов с лощеной поверхностью, доходящей до зеркального блеска; в тесте наблюдаются искусственные минеральные (дресва, песок) и органические добавки, неорнаментированные сосуды или орнаментация в виде пролощенной сетки. Морфология сосудов также находит аналогии в майкопской керамике. Практически все сосуды из койсугских погребений по морфологии укладываются в схему, разработанную С.Н. Кореневским (2004. С. 23–35), отраженную в каталоге форм майкопской керамики.

Сосуд из погр. 18 кургана 5 сопоставим с посудой отдела 4–2 (сосуды с двумя вертикальными ручками, группа ДВР-1). Наиболее тождественные примеры формы сосуда (с вертикальным горлом, край венчика которого отогнут наружу, переход в тулово ярко выражен, тулово шаровидно-уплощенное, дно округлое, наличие ушек-ручек с вертикальным отверстием, расположение ручек на тулове ниже горла) имеются в комплексах майкопской культуры Дагестана: кенотаф Большого Миатлинского кургана; оградка Великентского катакомбного могильника 1983 (Магомедов, 1991. С. 17, 22. Рис. 3, 6)². Миска из погр. 18 кургана 5, по всей видимости, выполнена по стандартам признаков керамики отдела 1–3 (сосуды без ручек с шаровидно-уплощенным туловом, круглым дном, круговые, группа ШУ-2), но не имеет точных аналогий среди керамики, относимой к этой группе. Сосуд из погр. 24 кургана 5 относится к отделу 1–2 (сосуды без ручек с круглым или уплощенным дном, шаровидные, круговые, группа ШС-4). Сосуд из погр. 24 кургана “Радутка” можно соотнести с керамикой отдела 2–1 (сосуды без ручек с округлым туловом, округлым или уплощенным дном, лепные, группа ЛО-4). Это соотнесение достаточно условно, так как по форме он отдаленно напоминает майкопскую керамику группы ЛО-4, но по совокупности признаков (S-видный профиль венчика, горло средней величины, округлость тулова и дна, а также насыщенность теста сосудов минеральными примесями) близок к ней. Миниатюрные сосуды отмечены в отделе 2–1 (сосуды без ручек с округлым туловом, округлым или уплощенным дном, лепные, группа ЛО-1), однако они имеют S-видный профиль венчика, а венчик миниатюрного сосуда из кургана “Радутка” слабо выражен и скорее имеет прямой или наклон-

² Р.Г. Магомедов в числе параллелей серии сосудов с ушками-ручками Дагестана упоминает и койсугский сосуд.

ненный вовнутрь вид, характерный для группы керамики ЛО-2.

Среди другого инвентаря погребений Койсугского могильника, схожего с материалами майкопских древностей, можно отметить цилиндрические бусы из зуба и гешира (Кореневский, 2004. С. 47), костяную проколку-амулет со сквозным отверстием в середине корпуса, именно последнее сближает ее с подобными, но металлическими вещами погребений майкопско-новосвободненской общности (Кореневский, 2004. С. 47, 216. Рис. 90, 28–30), а также наличие переднеазиатского импорта (по-видимому, к нему относятся крупная каменная бусина или печать-амулет). Подобная по морфологии и орнаментации печать (амулет) найдена в материалах убейдской культуры (Антонова, 1984. С. 181. Рис. 23, 10).

Отличительные от собственно майкопских элементы погребального обряда койсугских захоронений (наличие восточной ориентировки, преобладание положения умерших на левом боку, поясные наборы из бисера и наличие примеси в небольшом количестве толченой ракушки в тесте сосудов погр. 18 кургана 5 и 24 кургана “Радутка”) фиксируют присутствие немайкопского компонента. По всей видимости, эти черты – результат влияния местных энеолитических степных культур. Возможно, этот компонент связан как раз с памятниками животноводско-волчанского типа или “ящичными” захоронениями Крыма, элементы обряда которых (ориентация погребенных головой в восточный сектор и поза скорченно на левом боку) сближают их с койсугскими захоронениями.

Такое смешение черт погребальной обрядности майкопских и степных племен характерно для памятников северной, кумо-манычской периферии майкопско-новосвободненской общности (Кореневский, 2008. С. 76). При сравнении койсугских погребений с захоронениями указанной периферии (Кореневский, 2004. С. 93–96) наблюдается наличие нехарактерных для основного ареала майкопской культуры элементов: восточная ориентировка, сочетающаяся с позой скорченно на боку (погр. 13 кургана 16 и погр. 11 кургана 17 могильника Восточный Маныч, Левый Берег III 1966; погр. 12 кургана 2 могильника Шарахалсун 6; погр. 15 кургана 1 могильника Зунда-Толга (Шишлина, 2007. С. 42, 43, 46, 47, 52, 53. Рис. 15, 17, 19); погр. 185 кургана 2 могильника Ипатово 3 (Кореневский и др., 2007. С. 69, 70, 199. Рис. 59)); поза погребенного скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти у лица (погр. 2 кургана 1 могильника Чограйский VI; погр. 7 кургана 5, Шарахалсун 6; погр. 20 кургана 4 могильника Эвдык; погр. 16 кургана 1, Зунда-Толга (Шишлина, 2007. С. 45–48, 52, 53. Рис. 17–19);

погр. 183 кургана 2, Ипатово 3 (Кореневский и др., 2007. С. 65, 66, 196. Рис. 56)); восточная ориентировка с сочетанием позы погребенного скорченно на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти у лица (погр. 16 кургана 5 могильника Мухин II (Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., 2002. С. 44, 93. Рис. 32); погр. 14 кургана 1, Зунда-Толга (Шишлина, 2007. С. 52, 53. Рис. 19)); а также поясные наборы из бус и бисера (погр. 13 кургана 14 могильника Манджикины I; погр. 16, 19, 22 кургана 4, Эвдык (Шишлина, 2007. С. 44, 47, 49, 54–56. Рис. 16, 18, 21)).

Среди керамики также наблюдаются общие черты: круглодонность сосудов, высокое раструбное горло, ярко выраженный переход от венчика к тулову, сетчатый пролощенный орнамент (могильники Восточный Маныч, Левый Берег III 1966, Шарахалсун 6 (Шишлина, 2007. С. 43, 46. Рис. 15, 17); Ипатово 3 (Кореневский и др., 2007. С. 207. Рис. 67)). Сосуд с пролощенным орнаментом из погр. 18 кургана 5 Койсугского могильника имеет наибольшее сходство по форме (за исключением ушек-ручек) с сосудами из погр. 17 кургана 2, Шарахалсун 6 (Шишлина, 2007. С. 46. Рис. 17, 11) и погр. 195 кургана 2, Ипатово 3 (Кореневский и др., 2007. С. 207. Рис. 67, 3). Относительно наличия примеси толченой ракушки в тесте сосудов койсугских погр. 18 кургана 5 и 24 кургана “Радутка” следует пояснить, что этот компонент нетипичен для майкопской керамики (Кореневский, 2004. С. 23). Примесь его в тесте сосудов могла появиться непреднамеренно вследствие использования в качестве компонента примеси дробленой породы камня известняка-ракушечника. Косвенно это подтверждается малым или даже единичным количеством наблюдаемых фрагментов ракушек в сосудах койсугских погребений. Но даже если примесь ракушки предполагалась древними мастерами, то она, скорее всего, – свидетельство синтеза майкопской и степной технологий производства керамики. Возможно, здесь наблюдается некое подражание майкопской керамике с применением в исключительных случаях старых традиционных методов степной культуры, тем более что сосуды с явной примесью толченых раковин происходят из парных погребений. Конечно, более аргументированное объяснение возможно только при анализе с помощью микроисследований состава керамики из койсугских курганов и сравнении полученных данных с особенностями технологии изготовления майкопской керамики (как периферии, так и основного ареала памятников майкопско-новосвободненской общности).

Еще одна аналогия, дополняющая сходство инвентаря погребений койсугских курганов и захоронений северной периферии майкопско-новосво-

бодненской общности, – это изогнутая костяная проколка-амулет со сквозным отверстием в средней части из погр. 11 кургана 5 могильника Эвдык (Шишлина, 2007. С. 54, 55. Рис. 20, 6).

Таким образом, рассматриваемые погребения Койсугского курганного могильника можно с полной уверенностью отнести к погребениям северной, кумо-манычской периферии майкопско-новосвободненской общности.

Несмотря на общность погребального обряда рассматриваемых майкопских комплексов Койсугского могильника, между погребениями кургана 5 и кургана “Радутка” наблюдается ряд важных отличий. Так, для первых характерны ориентировка погребенных головой на восток-северо-восток или восток; наличие гумусной прослойки под костяками умерших, имеющей в своем составе охру, мел и угольки; в инвентаре – наличие у погребенных поясов из перламутрового бисера; расположение сопроводительного инвентаря разрозненно друг от друга и относительно погребенного в области верхней части скелета (у черепа, за спиной или перед грудной клеткой). Для погребения из кургана “Радутка” характерны южная или юго-восточная ориентировка погребенного; присутствие огня в обряде, отразившегося на костях погребенных; расположение сопроводительного инвентаря компактно в углу погребальной ямы в ногах погребенных. Еще одно различие наблюдается в положении костяков в парных комплексах: в погребении кургана 5 положение подростка аналогично положению взрослого человека, а в погребении кургана “Радутка” положение костяка подростка существенно отличается от положения костяка взрослого погребенного.

В совокупности эти различия не позволяют считать их случайными или незначительными отклонениями от нормы погребального обряда в рамках группы, погребение кургана “Радутка” выглядит обособленно в сравнении с тремя комплексами кургана 5. Что скрывается за этими различиями в погребальном обряде, пока сказать сложно из-за незначительной выборки комплексов и локальности явления. Но все же необходимо попытаться рассмотреть возможные причины этих различий.

К сожалению, погребения Койсугского могильника не имеют радиоуглеродных дат, поэтому установить достоверно их синхронность или асинхронность невозможно. В качестве хронологического индикатора для захоронений кургана 5 предположительно может выступить сосуд с пролощенным орнаментом в виде сетки. Аналогии этому сосуду имеются в погр. 17 кургана 2, Шарахалсун 6 (BP 5190±70 Cal. 4066–3942 BC) (Шишлина, 2007. С. 46, 381. Рис. 17, 11. Табл. 2); погр. 11 кургана 17, Вос-

точный Маныч, Левый Берег III 1966 (BP 5095±45 Cal. 3877–3804 BC) (Шишлина, 2007. С. 43, 381. Рис. 15, 13. Табл. 2); погр. 1 кургана 1 могильника Кудахурт (BP 4930±60 Cal. 3773–3650 BC) (Кореневский и др., 2008. С. 132, 147. Табл. 1. Рис. 8, 1). Объединяют эти сосуды общность признаков морфологии (вертикальное горло, край венчика отогнут наружу, переход к тулову ярко выражен) и наличие пролощенного сетчатого орнамента. Среди датированных методом радиоуглеродного анализа погребений есть еще один комплекс – погр. 195 кургана 2, Ипатово 3 (BP 4610±140 Cal. 3516–3256 BC; BP 4410±170 Cal. 3350–2881 BC) (Кореневский и др., 2007. С. 207. Рис. 67, 3; Кореневский, 2008. С. 86. Табл. 2а), в котором был обнаружен сосуд с аналогичным орнаментом, но отличным по морфологии оформлением горла и венчика. Расхождение дат и малое количество коллагена в образцах ипатовского погребения не позволяют полностью доверять данной датировке, тем более что сосуд из этого захоронения отличен по форме от койсугского и не может быть принят в качестве аналогии для датирования. Следовательно, погребения кургана 5 Койсугского курганного могильника, по всей видимости, можно датировать в рамках конца 41 – середины 37 в. до н.э. Хронологических индикаторов в погребении из кургана “Радутка” нет.

Сравнение признаков майкопских погребений Койсугского могильника с признаками локальных вариантов основного ареала майкопско-новосвободненской общности, выделенных С.Н. Кореневским (2004. С. 49–63), не позволяет говорить о различных источниках влияний или миграций. Особенности погребального обряда (положение погребенного скорченно на боку), наличие в инвентаре круглодонных сосудов с шаровидно-уплощенным и шаровидным туловом; сосуда с ушками-ручками; пролощенного орнамента на керамике; передне-азиатских импортов; а также особенности, различающие погребения между собой (южная ориентировка погребенного; присутствие огня в обряде или угольков в могиле; расположение сопроводительного инвентаря компактно в углу погребальной ямы), позволяют сопоставить все рассматриваемые погребения с псекупским вариантом майкопско-новосвободненской общности (Кореневский, 2004. С. 53, 54). Ряд обозначенных выше признаков характерен и для галюгаевско-серегинского варианта. С.Н. Кореневский (2004. С. 53) отмечает сходство керамики этих двух вариантов, но преобладание круглодонных сосудов с шаровидно-уплощенным туловом и наличие пролощенного орнамента и, возможно, импортных вещей – диагностирующие признаки псекупского варианта.

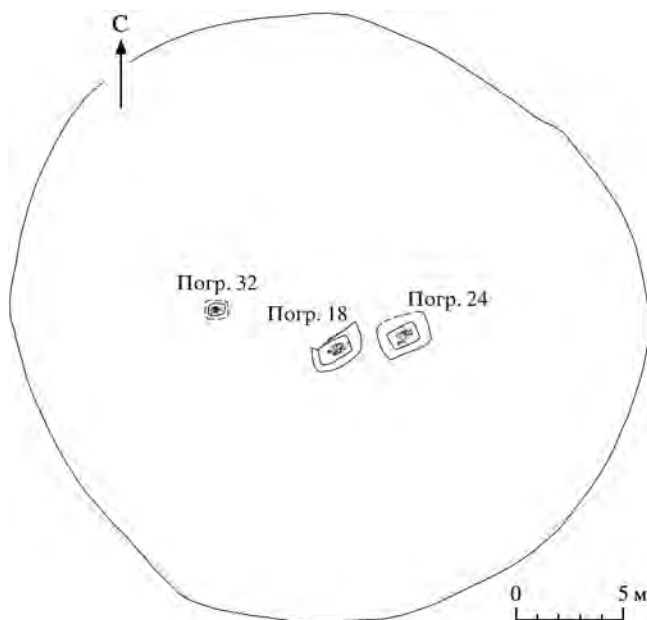

Рис. 4. Койсугский курганный могильник. Курган 5. Ситуационный план.

В различиях погребений Койсугского могильника, скорее всего, наблюдается разница в степени соответствия погребальному обряду майкопско-новосвободненской общности. Так, в погребении кургана “Радутка” в наибольшей степени сохраняются черты майкопского обряда, а в кургане 5, по всей видимости, наблюдается сильное влияние компонента иной культуры. Возможно, совершение обряда в майкопской традиции подчеркивает высокий социальный статус погребенных. Косвенно это подтверждается, во-первых, наличием трех культовых украшений в погребении, включая амулет-печать импортного происхождения; во-вторых, в инвентаре, который компактно сложен в углу погребальной ямы, присутствуют кости животных, описанные выше, представляющие собой явно не остатки тризны или напутственной пищи покойным. В-третьих, отметим территориальную обособленность (рис. 1) погребения кургана “Радутка”. В противопоставление этому остальные майкопские погребения Койсугского могильника, имевшие относительно скудный сопроводительный инвентарь, расположены в одном кургане 5 (рис. 4), который, возможно, представлял собой родоплеменной могильник.

Подчеркнем условность и гипотетичность выводов о причинах различий внутри группы, так как они сделаны на очень небольшой выборке и локальной территории в рамках одного могильника. Насколько они правомерны, покажут будущие исследования.

Выражаю благодарность С.Н. Корневскому за консультацию по радиоуглеродным датировкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии (Опыт реконструкции мировосприятия). М., 1984.
- Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. Ростов н/Д., 2002.
- Кияшко В.Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов, 1994.
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.
- Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. М., 2008.
- Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хацриков А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. М., 2008.
- Корневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М., 2007.
- Максименко В.Е. Отчет о работах второго отряда археологической экспедиции в Азовском и Константиновском р-нах Ростовской обл. в 1968 г. // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 3876.
- Максименко В.Е. Отчет о раскопках в Константиновском и Азовском р-нах Ростовской обл. в 1969 г. // Архив ИА РАН. 1970. Р-1. № 3873.
- Максименко В.Е. Некоторые итоги исследования Койсугского курганного могильника // Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д., 1973а.
- Максименко В.Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // СА. 1973б. № 1.
- Магомедов Р.Г. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
- Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.
- Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165. М., 2007.
- Щетинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V–I тыс. до н.э. Симферополь, 1969.
- Rassamakin Ju.Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jst. v. Chr. Mainz, 2004. Т. I, II (Archäologie in Eurasien; Bd. 17).

КУЛЬТОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ШАЙТАНСКОМ ОЗЕРЕ ПОД ЕКАТЕРИНБУРГОМ (по материалам раскопок 2009–2010 гг.)

© 2013 г. О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург
(Olga.Korochkova@usu.ru)*

Ключевые слова: культовый памятник, первые металлурги, Среднее Зауралье, сейминско-турбинский феномен, коптяковская культура.

The article gives the results of the 2009–2011 excavations at Shaitanskoye Ozero II, a Bronze Age cult site in the Middle Trans-Urals. The site is a shrine, the territory of which has yielded a large number of bronze and stone items of Seima-Turbino and post-Seima appearance, and Koptyakovo-type pottery. The shore area in question was the territory where the earliest metallurgists and warriors carried out their rites and cult practices.

Статья продолжает серию оперативных публикаций, освещающих результаты новых раскопок культового памятника эпохи бронзы Шайтанское Озеро II в окрестностях пос. Нейво-Рудянка Свердловской обл. (Сериков и др., 2008; 2009; Корочкова, Стефанов, 2010; Korochkova et al., 2010).

В 2004–2007 гг. объект исследовался Ю.Б. Сериковым, с 2008 г. – авторами статьи. Поскольку стационарное изучение памятника и обработка полученных материалов не завершены, полагаем преждевременным говорить о всесторонней и глубокой оценке данного, вне всякого сомнения, экстраординарного археологического объекта – эта работа впереди. Каждый из прошедших полевых сезонов приносил неожиданные открытия, эффектные находки, добавлял новые вопросы к обширному списку уже сформированных, намечал новые сюжеты и повороты в осмыслении комплекса. В предлагаемой публикации анонсированы некоторые итоги раскопок 2009–2010 гг.

Подобно множеству других озерных памятников Среднего Зауралья, Шайтанское Озеро II относится к сложному виду объектов археологического наследия и представляет собой комплекс разновременных и разнотипных археологических памятников, образующих единое пространство культурного слоя. Полученные в результате проведенных исследований материалы дают основание утверждать, что на ограниченном участке побережья озера люди селились или останавливались с той или иной целью на непродолжительный срок в мезолите, неолите, энеолите, в эпоху бронзы, раннем

железном веке, в один из периодов средневековья и в новое время. Интересующий в первую очередь культовый комплекс эпохи бронзы, с ярким и многочисленным инвентарем сейминско-турбинского (СТ) и постсейминского облика, был организован на площадке, на 10–20 м удаленной относительно мест сосредоточения культурных остатков других археологических периодов в глубину берега.

Специфику культового памятника эпохи бронзы определяет необычайно высокая концентрация в маломощном (из-за близости скальных пород) культурном слое предметов из камня и металла – меди и бронзы. После раскопок 2009–2010 гг. (вскрыто 236 м²) количество последних достигло 182, а изделий из камня – превысило 2000. Как и прежде, на исследованной площади остатки жилых и хозяйственных построек не выявлены, но обнаружены два погребения и несколько своеобразных “тайников”, устроенных в мелких углублениях и вмещающих от 1 до 3–4 бронзовых предметов.

Массовый материал – почти все обломки глиняной посуды и большая часть каменных предметов, а также лом металлических изделий и литейные отходы (слитки, сплески, литниковые наплывы и пр.) – тяготеет к верхней половине суглинистого горизонта, приблизительно маркируя уровень древней поверхности культового памятника. Приуроченные к ней артефакты рассредоточены в пределах раскопанной площади, образуя более или менее компактные скопления в рыхлом грунте между отдельными глыбами и валунами. О способах сокрытия крупных, в большинстве своем целых бронзовых

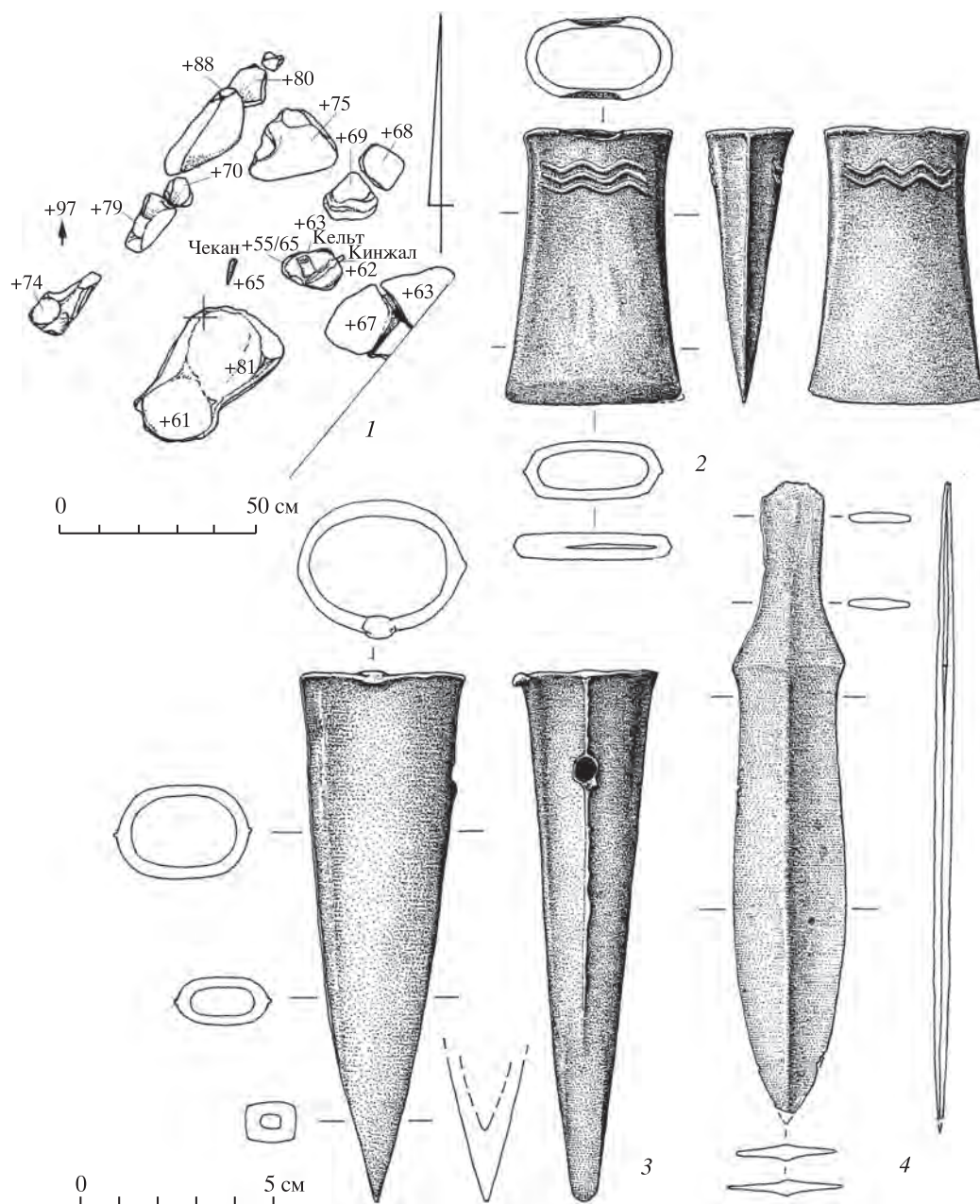

Рис. 1. Шайтанское Озеро II. Расположение находок на уч. К/8, 9. 1 – деталь плана раскопа; 2–4 – изделия из бронзы.

предметов дает представление ситуация, зафиксированная во врезке на границе раскопов 2006 и 2008 гг. (рис. 1, 1). Здесь на участке площадью 2.4 м² обнаружено несколько фрагментов керамики коптяковского типа, отщепы, каменный наконечник стрелы треугольной формы и три бронзовых изделия. Для “захоронения” металлических предметов на свободном от камней “пятачке” были вырыты две маленькие ямки глубиной не более 30 см от древней поверхности. Расстояние между ними составляло всего 20 см. В одно углубление был положен массивный втульчатый чекан, на дно другого –

бронзовые кельт и нож-кинжал. Вырытые в толще суглинка и заполненные им же оба микроуглубления не “читались” на зачищенной поверхности, их выдавала чуть более рыхлая структура заполняющего грунта. Кроме того, ямка с кельтом и ножом была перекрыта небольшим (30 × 21 × 10 см) плоским валуном. Нужно заметить, что за время работы авторов на памятнике, т.е. с 2008 г., это второй случай, когда углубление с положенными на дно вещами перекрывалось камнем.

Объект культового комплекса выявлен на уч. Н/12.13 (рис. 2). Он представлял собой овальную

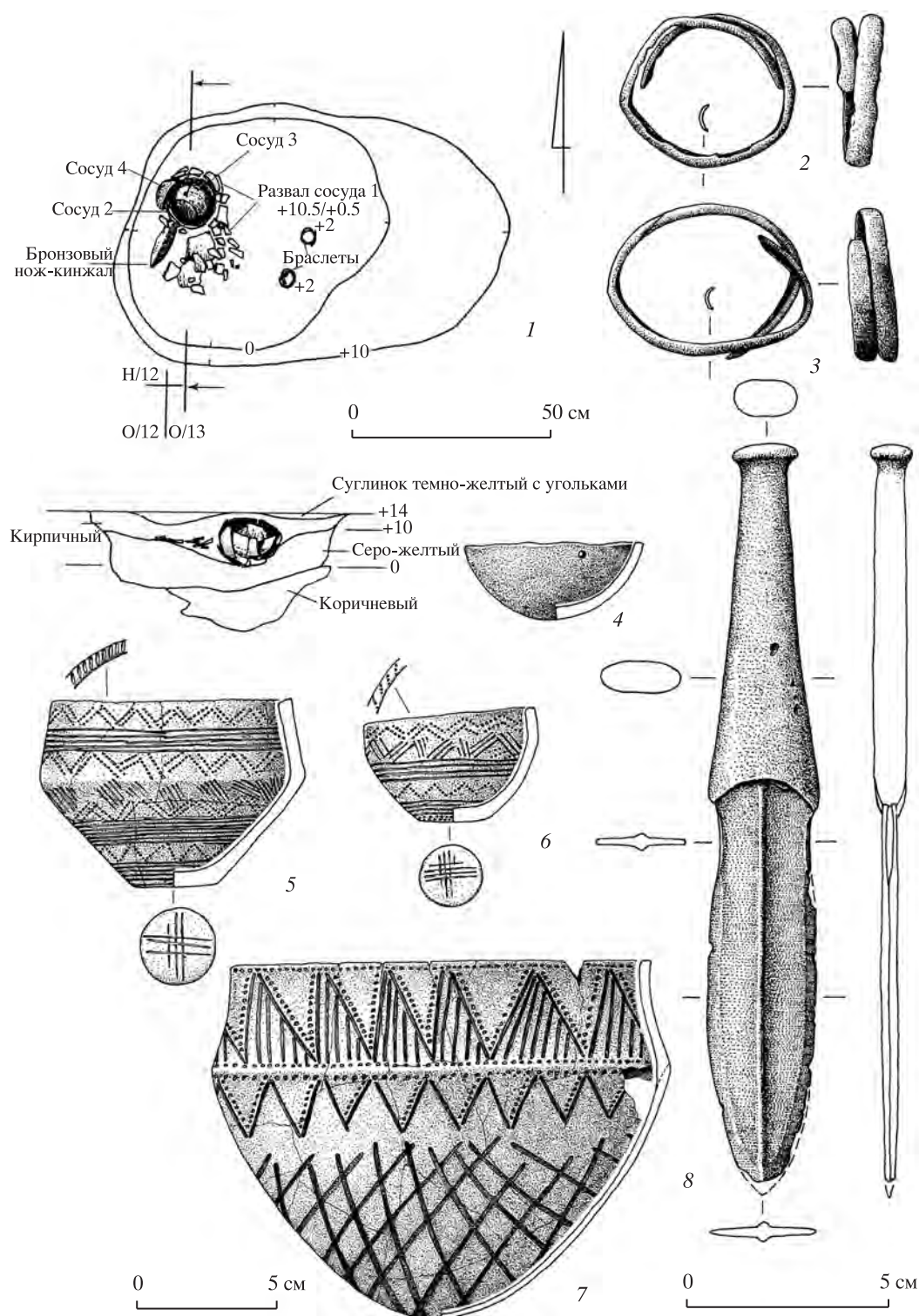

Рис. 2. Шайтанское Озеро II. Яма в кв. Н/12, 13. 1 – план и разрез; 2, 3, 8 – изделия из бронзы; 4–7 – глиняные сосуды.

в плане яму размерами 100×50 – 65 см, ориентированную по оси 3–В, через 10 см резко сужавшуюся в западной половине до 70×55 см. Около восточной стенки углубления на 2 см выше дна лежали два бронзовых желобчатых браслета (рис. 2, 2, 3).

Около западной стенки ямы расчищен оригинально составленный комплект из четырех сосудов (рис. 2, 4–7): в маленький сосудик с плоским дном № 2 (рис. 2, 5) был помещен вверх дном еще меньший сосудик № 3 (рис. 2, 6), миниатюрная круглодонная

чашечка № 4 (рис. 2, 4) была прислонена к боковине сосуда № 2, после чего все три емкости были накрыты округлодонным, очень тонкостенным в нижней половине (2 мм) сосудом № 1 (рис. 2, 7), со временем развалившимся. Под керамическими сосудами находился бронзовый нож-кинжал (рис. 2, 8) со следами органического футляра (береста, кожа?). Судя по глубинным отметкам фрагментов сосуда 1, осевших по западной стенке ямы, можно предположить, что горшки были поставлены на перекрытие углубления. Заполнение ямы представляло собой суглинок кирпичного цвета в западной половине и светло-серый в верхнем горизонте. Под напластованиями, содержащими артефакты бронзового века, зафиксирована линза суглинка коричневого цвета, в которой обнаружен фрагмент энеолитического сосуда. В непосредственной близости от данного углубления, но чуть выше, найдены два каменных наконечника стрел.

Интересный в плане содержимого “тайник” был обнаружен в щели между крупными гранитными глыбами в западной части раскопа: здесь оказались сокрыты каменная плитка и пять сколов с нее. Данная находка примечательна тем, что из этого камня были изготовлены несколько скребков и орудий на пластинах, найденных в разных местах исследованной части памятника.

Замечательным событием сезона 2010 г. стало открытие двух погребений. Возможность обнаружения погребений на площади культового памятника не исключалась, поскольку был прецедент – в раскопе 2007 г. Ю.Б. Сериковым было выявлено захоронение кремированных останков младенца. Кроме этой небольшой кучки костей, окруженной гранитными валунами, мелкие кальцинированные косточки изредка попадались в других квадратах того раскопа, но нигде не образовывали заметных скоплений. Первым признаком того, что в раскоп 2010 г. попали два захоронения, как раз и явились мелкие обожженные косточки, найденные в юго-восточной части раскопа, обращенной в сторону озера, уже в поддерновом слое. Как вскоре выяснилось, кремированные останки человека залегали на глубине всего 15–20 см от современной поверхности.

Погребение 1 (рис. 3). Кальцинированные кости залегали полосой, вытянутой по линии СЗ–ЮВ на 140 см при ширине 10–15 см в северо-западной оконечности, до 50 см в средней части и 18 см около юго-восточного края. Толщина костеносного слоя – от 2–3 до 5 см. В основном косточки очень мелкие – от 0.5 до 3–4 см, редко – крупнее. Цвет – белый, иногда с зеленоватым или голубоватым оттенком, сломы – прямые и ступенчатые,

трещиноватость – поперечная. Все это указывает на высокий температурный режим кремационного костра (закключение антрополога Д.И. Ражева). Костный материал залегал хаотично только на первый взгляд; наиболее крупные обломки сосредоточены в центральной части скопления, мелкие фрагменты черепа приурочены к его юго-восточному краю. Расположение элементов скелета анатомически соответствует положению тела человека в позе адорации. Среди костей в разных местах скопления найдены три обломка сосуда коптяковского облика, кремневый отщеп, в головной части погребения расчищен цельнолитой бронзовый кинжал с орнаментированной рукоятью. Он лежал плашмя чуть ниже – на 3–4 см – костеносного слоя, клинок был обращен в противоположную от озера сторону. На клинке сохранились остатки какого-то футляра из органического материала. На другом конце погребения в 30 см от костей и немного выше найден каменный наконечник стрелы треугольной формы.

Вероятно, для совершения захоронения в этом месте была подготовлена (снят дерн?) небольшая площадка размерами приблизительно 1.5–1.6 × 0.5 м, со всех сторон и снизу ограниченная гранитными глыбами и валунами. О том что трупосожжение производилось здесь же, можно судить по наличию мелких угольков между костями и пятну прокала ярко-кирпичного цвета, толщиной 3–6 см в центральной части погребения под костями. Умерший, по-видимому, лежал на специальном деревянном помосте, от которого, естественно, следы не сохранились.

Костные останки человека, обнаруженные в погр. 1, с большой долей вероятности могут принадлежать одному человеку – мужчине, умершему в возрасте 35–50 лет.

Вблизи погр. 1 (в 0.6–0.9 м от крайних с северной стороны костей) зафиксированы контуры грабительского шурфа прямоугольной в плане формы, размерами 0.4 × 0.5 м, глубиной до 0.4.

Погребение 2 (рис. 4) находилось в 3.6 м к юго-юго-западу от первого. Его сохранность несколько лучше: кости тоже сильно обожжены, но среди них немало сравнительно крупных и соединяющихся фрагментов, позволяющих идентифицировать отдельные части скелета. Костный материал залегал на глубине 25–30 см от современной поверхности, при этом следы углубления не обнаружены: погр. 2, подобно первому, было наземным. Вероятно, для совершения захоронения было выбрано естественное понижение между камнями; умерший находился на каком-то помосте в вытянутом положении на спине, головой в сторону озера. Свидетельством того, что кремация проводилась на месте, являются

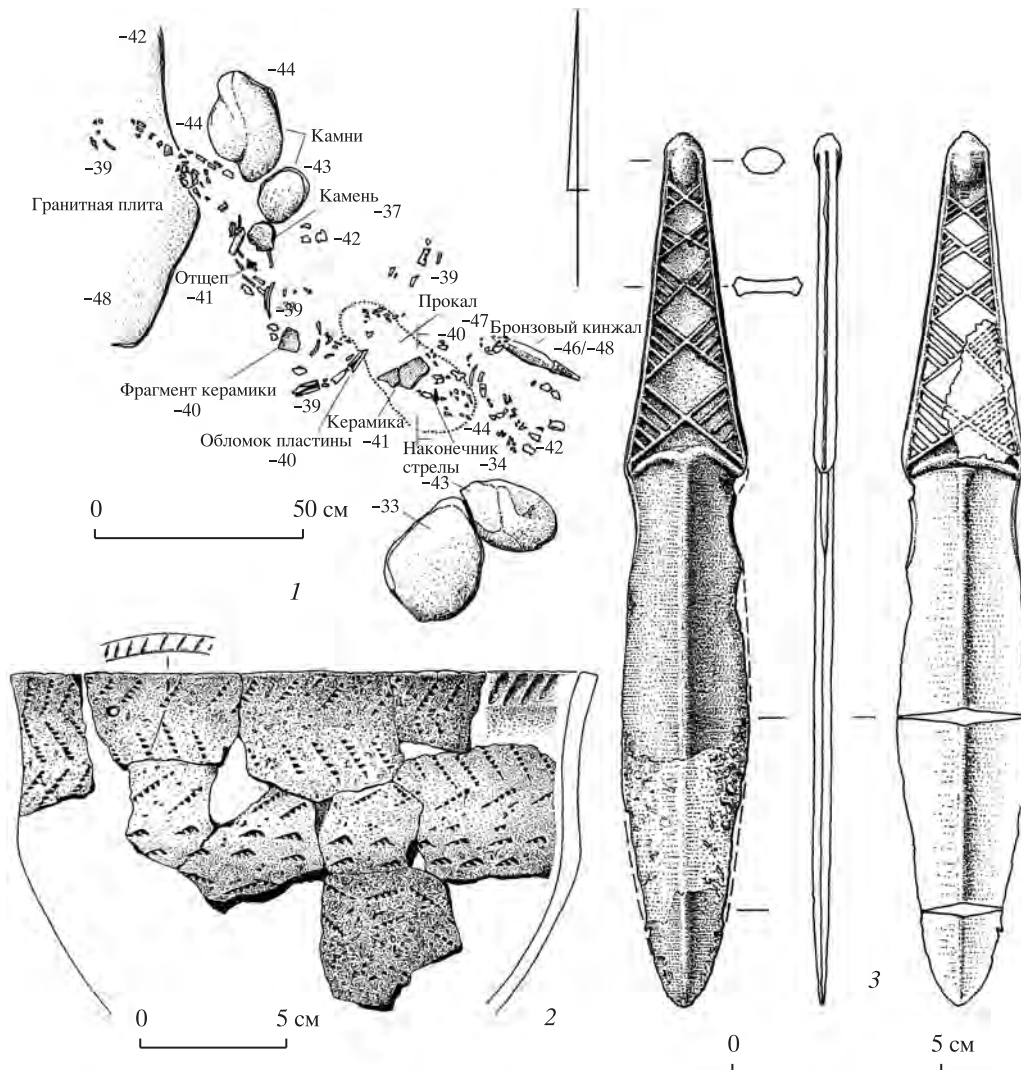

Рис. 3. Шайтанское Озеро II. Погребение 1. 1 – план; 2 – бронзовый кинжал; 3 – глиняный сосуд, фрагменты которого находились среди костей.

анатомически правильное расположение костей, а также пятна прокалов и углистые полосы под остатками костяка. Кости черепа залегали компактной кучкой в юго-восточном секторе погребальной площадки, в 10 см справа (к северу) от нее находился обломок нижней челюсти. Длинные кости нижних конечностей размещались в 0.55 м от черепа и двумя параллельными рядами тянулись на 0.8 м в северо-западном направлении. Берцовые кости плотно прилегали друг к другу, как будто ноги умершего были связаны. Пространство между черепом и бедренными костями занимали мелкие фрагменты ребер, позвонки и обломки костей верхних конечностей. Общая длина костеносной полосы – 164, ширина – от 12–15 до 30, толщина – до 5 см. Отдельные косточки, находившиеся в стороне от основного массива, могли быть перемещены корнями деревьев.

Костные останки человека, обнаруженные в погр. 2, с большой долей вероятности принадлежат одному человеку – мужчине, умершему в возрасте 35–50 лет. Этот индивидуум был крупнее человека из погр. 1.

При обустройстве данного погребального объекта с поверхности, вероятно, были убраны и положены рядом некоторые камни. Находки в погребении не обнаружены, но с левой (южной) стороны от костяка найдены два обломка коптяковского сосуда. Заметим, что обломки этого же сосуда ранее были найдены в других местах раскопа. Из этого не следует, что в погребении изначально не было вещей. Дело в том, что в непосредственной близости от черепа выявлен еще один грабительский шурф – овальная в плане ямка, около 0.3×0.4 м, в заполнении которой кроме битого бутылочного

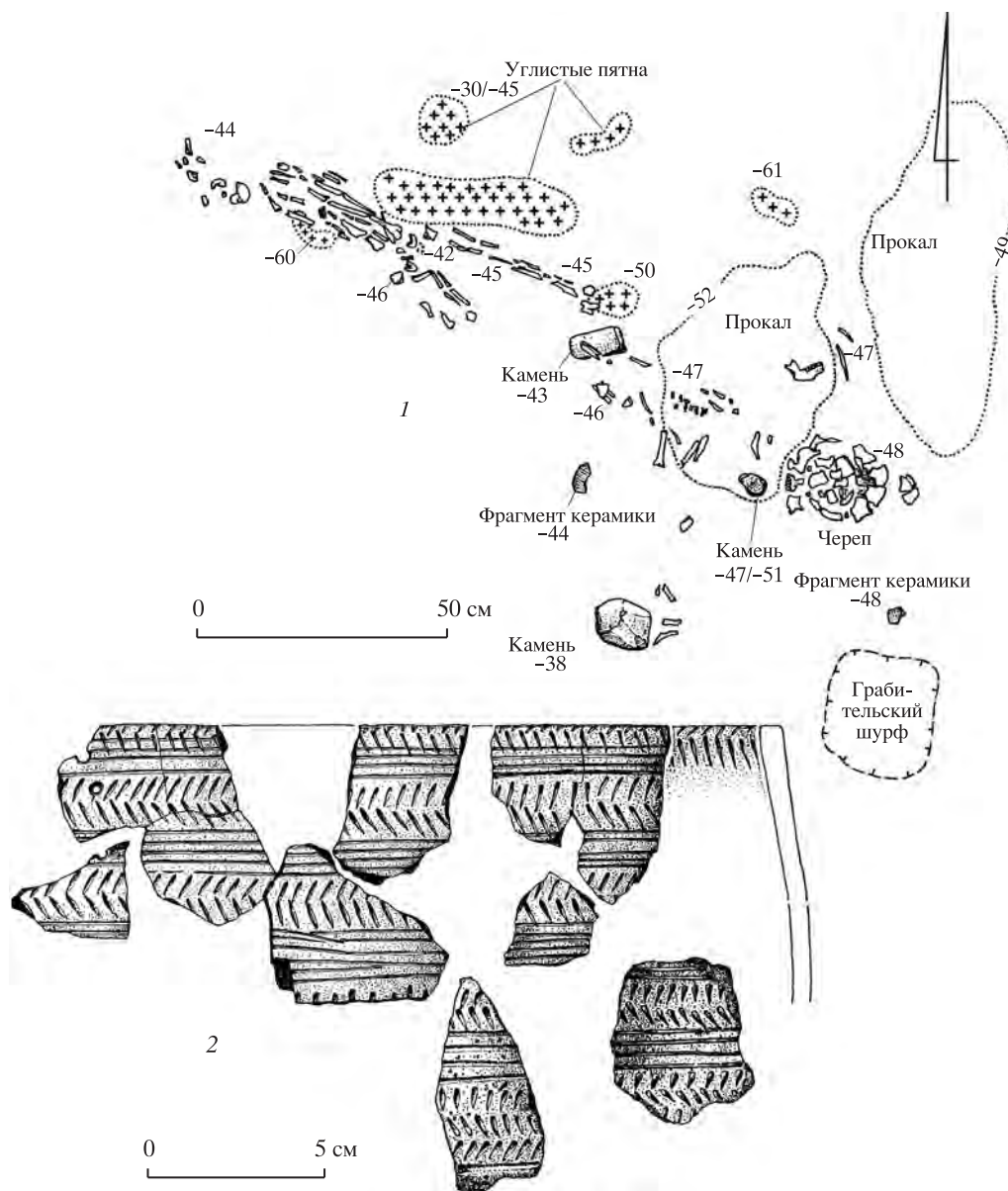

Рис. 4. Шайтанское Озеро II. Погребение 2. 1 – план; 2 – глиняный сосуд, два обломка которого найдены около погребения.

стекла присутствовал мелкий фрагмент окисла меди, возможно, отломившийся при извлечении какого-то крупного (?) предмета. После совершения похоронных ритуалов погребения закладывались дерном или засыпались, иначе невозможно объяснить локализацию и сохранность антропологических остатков.

Таким образом, на территории культового памятника Шайтанское Озеро II выявлены уже три наземных погребения по обряду кремации. До этого были известны 3-4 детских захоронения, тоже по обряду трупосожжения, с коптяковскими материалами, но в ямах, на поселении Палатки I (Викторова, 2001) под Екатеринбургом.

В результате проведенных в 2009–2010 гг. раскопок существенно пополнилась коллекция коптяковского инвентаря. Найдено более двух десятков изделий из бронзы. Общее количество бронзовых предметов, обнаруженных на Шайтанском Озере II, составляет 182 ед. Собрание каменных изделий, связанных с функционированием культового комплекса, пополнилось тремя десятками наконечников стрел, в том числе одним черешковым (за период с 2006 г. всего получено более 160 наконечников, из них только 3 с черешком), скребками, ножами, орудиями на крупных пластинах и др. Недалеко от погребений впервые попался фрагмент кальцинированного костяного изделия с просверленным

отверстием, подобного тем, какие были найдены в Канинской пещере, могильнике Сатыга XVI, погребении литейщика Сайгатино VI (Канивец, 1964. Рис. 18, 1–3; Кокшаров, Чемякин, 1991. Рис. 3–5; Сатыга XVI..., 2011. Рис. 6.6, 14–16, 19, 20).

В составе полученного керамического материала имеются обломки сосудов, известных по прежним раскопкам, и новых емкостей. С учетом последних данный комплекс насчитывает уже свыше 60 сосудов. Шайтанозерскую коптяковскую керамику отличает ярко выраженный синкретический облик за счет сопряженности разнотипных компонентов; в ней распознаются явные и неявные элементы, черты, присущие гончарству местных постэнеолитических племен, раннеалакульских, и оригинальные. К тому же не следует забывать, что она использовалась при отправлении каких-то обрядов, ритуалов и является культовой по назначению. Сосуды, пополнившие коллекцию Шайтанского Озера II, подтверждают ту характеристику, которая была представлена в последней (Корочкова, Стефанов, 2010. С. 136, 137) публикации, поэтому в данной статье представлены лишь иллюстрации (рис. 2, 4–7; 3, 2; 4, 2; 5).

Металлокомплекс дополнили следующие предметы: втульчатый чекан, четыре кинжала, нож-пилка, кельт, два браслета, в том числе разомкнутый, игла, изделие из тонкой бронзовой ленты, обломки двух кельтов и двух втульчатых орудий, отходы металлопроизводства и лом (8 ед.).

Чекан (рис. 1, 3) представляет собой втульчатое орудие клиновидной формы длиной 138 мм, постепенно сужающееся к узкому и острому поперечному лезвию шириной 7 мм. Втулка овально-подпрямоугольная в сечении, размерами 34 × 20 мм, глубиной 120. На боковой грани в верхней части корпуса есть отверстие. Кельт (рис. 1, 2) длиной 72 мм, с овальной втулкой размерами 22 × 37,5, овально-шестигранной в сечении без четко выраженной фаски, украшен тремя волнистыми линиями с одной стороны и двумя – с другой. Глубина втулки – 56 мм. На боковых гранях орнамент отсутствует.

Нож-кинжал (рис. 1, 4) – длиной 167 мм, шириной 29, двулезвийный, с выделенным черенком, отделенным от клинка четким перекрестием, слабо выраженным перехватом и продольным ребром по клинку. Наибольшее расширение клинка приходится на нижнюю треть. Нож-кинжал (рис. 3, 3) – цельнолитой, двулезвийный с продольным ребром и перехватом на клинке; рукоять украшена рельефным орнаментом из соприкасающихся вершинами разноштрихованных треугольников. Основание рукояти – дуговидное, утолщенное, окончание двояковыпуклое. Общая длина изделия – 213 мм,

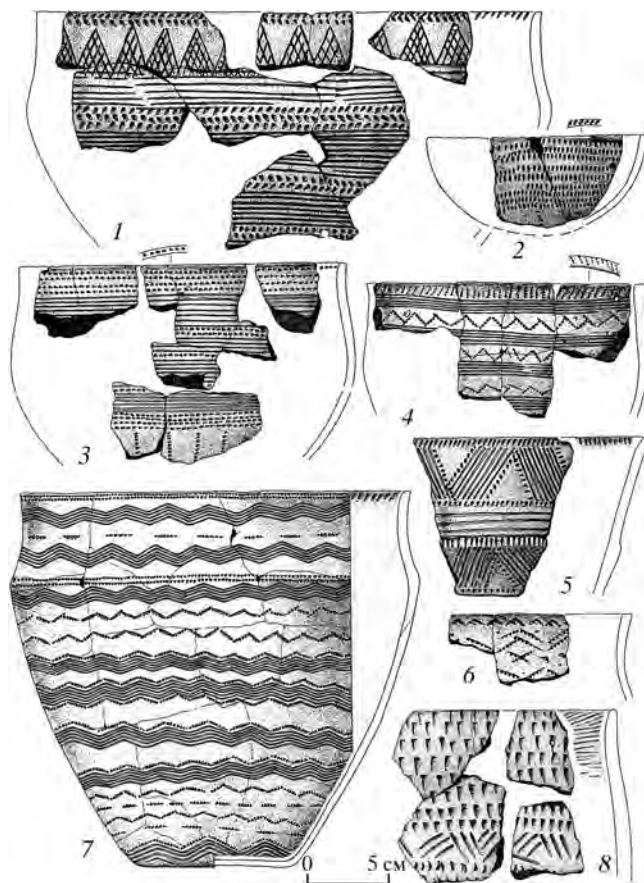

Рис. 5. Шайтанское Озеро II. Керамика.

длина рукояти – 81, ширина клинка – 31. Наибольшее расширение приходится на середину клинка. Нож-кинжал (рис. 6, 19) – двулезвийный с прилитой рукоятью. Длина изделия – 197 мм, ширина – 24–27. Клинок оформлен продольным ребром-нервюрой, наибольшее расширение приходится на его нижнюю треть, около черенка – плавный перехват, режущие края сохранили следы заточки. Рукоять массивная, толщиной до 9 мм, отделена от клинка горизонтальным бордюром. Окончание рукояти оформлено выпуклым навершием с тремя выступами. Нож-кинжал (рис. 2, 8) – двулезвийный с прилитой рукоятью. Длина изделия – 186 мм, ширина – 22–27. Клинок оформлен продольным ребром-нервюрой, наибольшее расширение приходится на его середину, ближе к рукояти – плавный протяженный перехват, режущие края сохранили следы заточки. Рукоять массивная, шириной 8 мм, отделена от клинка арочным бордюром. На обратной стороне в месте соединения рукояти и клинка заметны следы литейного брака. Окончание рукояти оформлено грибовидным навершием.

Нож-пилка (рис. 6, 5) – длиной 83 мм, ширина лезвия – 11–17, толщина полотна не превышает

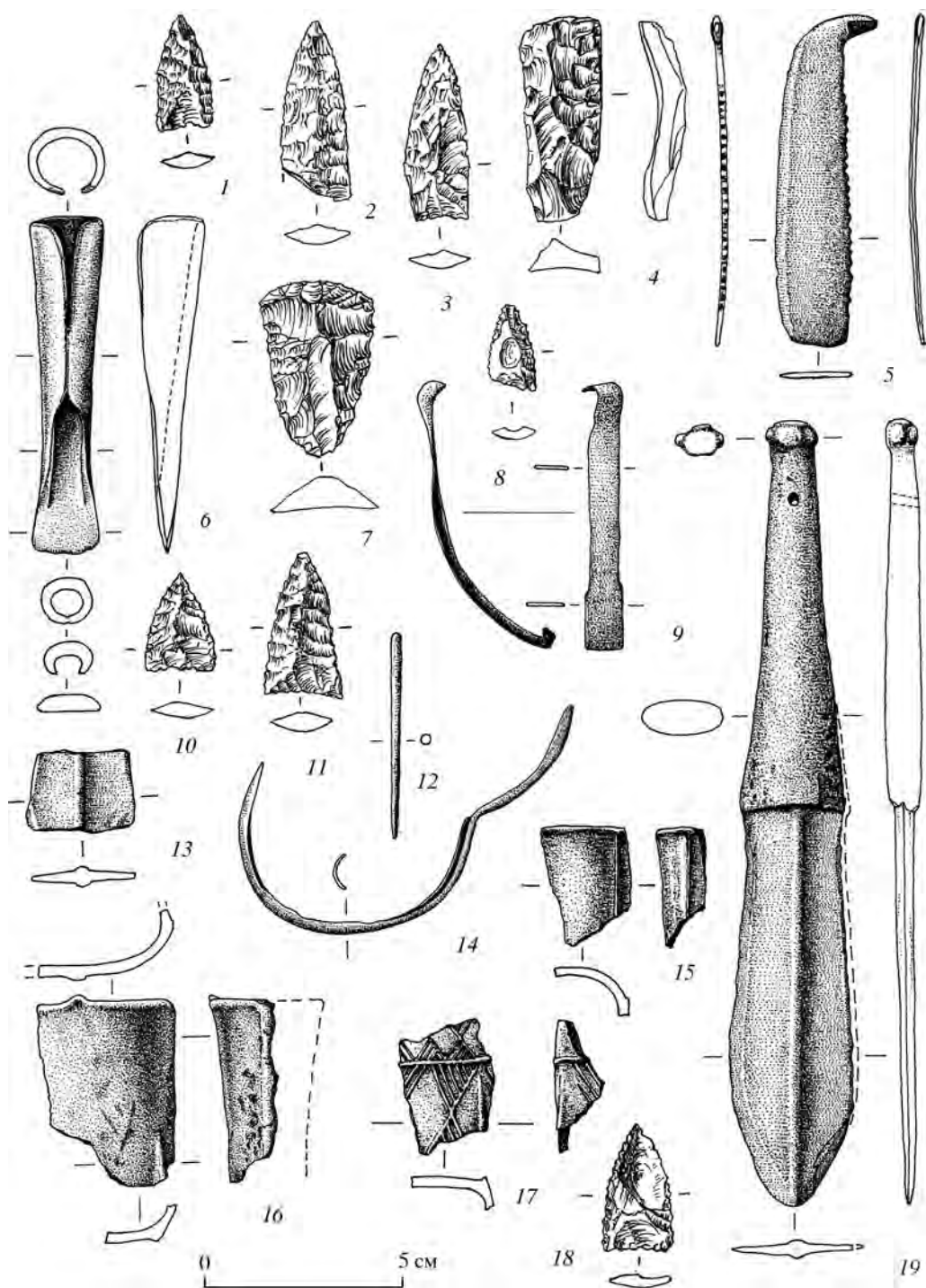

Рис. 6. Шайтанское Озеро II. Инвентарь. 1–4, 7, 8, 10, 11, 18 – камень; остальное – бронза.

2 мм. Нож с клювовидным окончанием, имеет по продольной оси мелкозубчатый край с одной стороны и хорошо проработанное лезвие с другой. Браслеты (рис. 2, 2, 3) выполнены из тонкого металлического листа шириной 5–6 мм, с загнутыми внутрь краями (желобчатые), заостренными концами, свернуты в полтора оборота. Диаметр одного

изделия – 33–40 мм, другого – 32–40. Оба предмета деформированы. Разомкнутый браслет (рис. 6, 14) представлял собой пластину шириной до 9 мм, желобчатую в сечении, с заостренными концами. Игла (рис. 6, 12) длиной 51 мм сделана из круглого в сечении прута диаметром до 2 мм. Верхняя часть чуть утолщена, нижняя представляет заточенное

острие. Деформированное изделие – из бронзовой узкой пластины шириной 7–9 мм, длиной 67. Края пластины загнуты в одну сторону и снабжены узкими отверстиями. Одно – на узком конце и два – на широком (рис. 6, 9).

Изделия из камня представлены целыми и сломанными наконечниками стрел, заготовками бифасов, отщепами и пластинами (рис. 6, 1–4, 7, 8, 10, 11, 18). Некоторые предметы несут следы термического воздействия. Наконечники стрел представлены следующими типами: треугольной формы с выемкой в основании; подтреугольные удлинённые с прямым основанием; вытянутой треугольной формы с усечённым или слабовыраженным основанием.

Новые материалы, безусловно, многое добавили к характеристике памятника. Сейчас с большей определенностью можно говорить о том, что на его территории совершались обрядовые действия, связанные с производственной магией, погребальные и поминальные церемонии, и, что вполне вероятно, приносились посвященные жертвы. Об организации сакрализованного пространства можно судить по планиграфии находок и отдельных объектов. Не исключено, что в некотором удалении от культовой площадки проживали люди, охранявшие и поддерживавшие священный статус данного места.

В предыдущих публикациях не раз проводились параллели между Шайтанским Озером II и ведущими памятниками сейминско-турбинского (СТ) типа (Турбино, Сейма, Решное, Ростовка и др.). Соответствий много, одни явственны, другие не столь очевидны, однако есть и отличия. К примеру, шайтаноозерское святилище расположено на берегу озера, а не крупной магистральной реки, как большинство сейминско-турбинских мемориалов-жертвенников. Наличие на его территории нескольких кремнированных захоронений также указывает на известную специфичность. На Шайтанском Озере II найдено очень много керамики, тогда как в памятниках западной части СТ-ареала она либо практически отсутствует (Турбино), либо представлена крайне малыми сериями (Решное, Усть-Ветлуга). Характерная особенность исследуемого комплекса – большое количество цветного лома и литейных отходов: до 60% от общего собрания металлических предметов. Остатки литейного производства еще зафиксированы, пожалуй, только на Турбино, но и там они единичны. Специфичен шайтаноозерский комплекс: наряду с “классическими” СТ-вещами, такими как двулезвийные пластинчатые ножи, ножи-скребки, ножи-пилки, безушковые кельты (правда, все миниатюрные), он включает изделия самусьско-кижировского и евразийского типов, а

также оригинальные, например втульчатые чеканы, литые кинжалы с пластинчатым клинком и орнаментированной рукоятью с кольцевым навершием. Каменный инвентарь с побережья Шайтанского озера имеет прямые аналогии в материалах Турбино, Сеймы и других СТ-памятников, но в его составе очень мало черешковых наконечников стрел (3 из более чем 160 экз.), отсутствуют изделия из нефрита.

Главная особенность шайтаноозерской керамической коллекции – это сочетание архаичных и новационных черт. Архаичными признаками являются круглое дно, сплошная орнаментация, мотивы из взаимопроникающих зон, чередование вертикальных и горизонтальных бордюров и др. Новационные черты обязаны своим происхождением связям со степными соседями и проявляются в геометрических узорах, наличии ребра, раскрытой форме устья, орнаментах, нанесенных протянутой гребенкой. Разнокультурные признаки нередко присутствуют на одном сосуде: округлое дно сочетается с ребром-уступом, профилированной шейкой, типичным петровско-алакульским орнаментом и т.д. Еще один интересный штрих – орнаменты на керамике прямо соответствуют декору кельтов и кинжалов.

Насколько соответствует шайтаноозерский керамический набор комплексу коптяковской культуры, сейчас сказать сложно. Дело в том, что до недавнего времени в литературе существовало иное представление о коптяковской керамике, основанное на типологии К.В. Сальникова. Между тем исследователю в свое время пришлось работать с материалами многослойных памятников, поэтому выделение керамического типа произошло отчасти искусственно. Допускаем, что в составе так называемых коптяковских комплексов была керамика, подобная шайтаноозерской, но она отнесена к более раннему энеолитическому периоду. О том что коптяковская посуда представлена, по крайней мере, еще одной группой сосудов, для которых характерны округлое дно и прочерченная орнаментация, свидетельствуют помимо древностей Среднего Зауралья памятники Тюменского Притоболья (Викторова, 1999; Стефанов, Корочкова, 2000; Зах, Иванов, 2006). В настоящее время шайтаноозерская керамическая коллекция – самая внушительная и показательная, так как представлена преимущественно целыми формами. Это позволяет считать ее своего рода эталонным собранием. При этом, впрочем, нельзя забывать об особом – культовом – характере коллекции: некоторые из сосудов явно не предназначались для использования в бытовых целях.

Многочисленные признаки лесостепных/степных культур в керамике и металлокомплексе коптяковской культуры указывают на приоритетность южного вектора внешних связей. Есть основания полагать, что в процессах взаимодействия коптяковского и петровского/раннеалакульского населения инициативная роль принадлежала именно последним. Представителей южных групп населения, вероятнее всего, интересовали рудные источники, технологические достижения и продукция среднеуральских литейщиков. Коптяковский металл свидетельствует о включении горно-лесного Зауралья в состав производственных центров Евразийской (Западноазиатской) металлургической провинции и характеризует промежуточный этап между сейминско-турбинской и самусьско-кижировской стадиями. Зауральские мастера, по-видимому, поставляли металл и в таежную зону Западной Сибири, где известны бронзы постсейминского облика.

В статье затронуты только некоторые темы, которые возникают в связи с продолжающимся исследованием Шайтанского Озера II. Каждый полевой сезон приносит новые исследовательские сюжеты, не стал исключением 2011 г.: инвентарный комплекс пополнился еще десятком металлических предметов (долото со свернутой втулкой см. на рис. 6, б; отходы металлопроизводства), почти двумя десятками каменных наконечников стрел, большим количеством скребков, ножей, пластин, заготовок, новыми сосудами. Кроме того, в раскопе, охватившем восточную периферию памятника, обнаружено, по крайней мере, еще четыре погребения, относящихся, судя по материалу, к энеолиту. Если исходить из того, что в керамическом комплексе коптяковской культуры присутствует много архаичных черт, а одна из групп посуды вообще больше соответствует стандартам энеолитической эпохи, не исключено, что и эти погребения имеют отношение к культовому комплексу. Сомнения на этот счет помогут разрешить данные радиоуглеродного датирования и тщательный анализ полевых материалов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00405а. Раскопки памятника Шайтанское Озеро II в 2010 г. осуществлены при поддержке гранта РГНФ № 10-01-18021е, в 2011 г. при поддержке гранта РФФИ № 11-06-10010-к.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Викторова В.Д.* Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье: Третьи Берсовские чтения. Екатеринбург, 1999.
- Викторова В.Д.* Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.
- Зах В.А., Иванов С.Н.* Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // ВИАЭ. 2006. № 7.
- Канивец В.И.* Канинская пещера. М., 1964.
- Кокишаров С.Ф., Чемякин Ю.П.* Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культовый памятник на Шайтанском озере (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4.
- Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Екатеринбург; Сургут, 2011 (Матер. и исслед. по археологии таежного Приобья).
- Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. 1. М., 2008.
- Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. 2009. № 3.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.
- Korochkova O.N., Kuzminykh S.V., Serikov Y.B., Stefanov V.I.* Metals from the ritual site of Shaitanskoye Ozero II (Sverdlovsk Oblast, Russia) // Trabajos de Prehistoria. 2010. № 67 (2).

НОВЫЙ СИНКРЕТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК НА ЗАПАДЕ АНДРОНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

© 2013 г. В.В. Ткачев, С.М. Умрихин, О.Ф. Бытковский

*Орский гуманитарно-технологический институт
(vit-tkachev@yandex.ru)*

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, Уральско-Мугоджарский регион, кожумбердынская культурная группа.*

The article publishes the materials from a newly discovered Late Bronze Age burial site in the southern spurs of the Ural Mountains. The specific features of the stone and earthen structures above the graves, the structure of the graves themselves, the use of both inhumation and cremation and the pottery assemblage indicate that the burials combine features of Alakul and Fyodorovo cultures. The site conforms to the standards of the Kozhumberdy cultural group; however, the pottery reveals influence of the Srubna culture, and anthropological data confirms the assumption. It appears that the specific organizational features of the mining-and-metallurgical works stimulated trade and barter activities in the region and thus contributed to more active contacts between cultures in the Urals-Mugodzhary region.

Краеугольный камень андроновской проблематики – вопрос соотношения алакульского и федоровского компонентов. Обычно он решается в рамках эволюционной концепции либо с позиции параллельного существования родственных культурных образований, пребывающих в перманентном взаимодействии, следствием чего является формирование синкретических типов памятников. Грандиозный корпус источников, находящийся в распоряжении исследователей, по-прежнему оставляет почву для двоякого толкования смешанных памятников, которые воспринимаются или как переходные от алакульских к федоровским, или как результат взаимодействия синхронных археологических культур. Настоящая работа имеет целью введение в научный оборот нового погребального памятника, материалы которого, по мнению авторов, способствуют решению указанной проблемы.

В 1996 и 2004 гг. отрядом Орской археологической экспедиции под руководством О.Ф. Бытковского при участии В.В. Ткачева были проведены охранные раскопки могильника Казачья Губерля I. Могильник находится в Гайском р-не Оренбургской обл., в 1 км восточнее пос. Губерля (среди местного населения бытует название Казачья Губерля). Памятник расположен на окаймленной с южной стороны невысокими горами площадке надпойменной террасы левобережья р. Губерля (правый приток р. Урал). Территория могильника ежегодно распа-

хивается, вследствие чего большая часть насыпей сильно разрушена. В 1992 г. было зафиксировано 13 каменно-земляных курганов и каменных оград с невысокой земляной насыпью внутри. Некрополь слегка вытянут с запада-северо-запада на восток-юго-восток. В результате работы отряда исследовано четыре объекта: № 2, 3–5 (рис. 1, 1). К эпохе поздней бронзы относятся ограды № 2, 4 и 5 (погр. 1–4), публикации которых и посвящена предлагаемая статья.

Курган 2 диаметром 9 и высотой 0.4 м располагался на северо-восточной периферии могильника и представлял собой сильно распаханную насыпь с выступавшими на поверхность камнями (до 0.05 м) различных размеров (рис. 1, 1–3). Раскопки велись вручную с оставлением двух перпендикулярных бровок. Стратиграфия: насыпь – серо-черная супесь мощностью 0.4 м; погребенная почва серого цвета с включением мелкого щебня, мощностью 0.15 м; материк – желто-коричневый суглинок на уровне –0.55 м (рис. 1, 3). После снятия насыпи на уровне погребенной почвы выявлены остатки каменной конструкции в виде широкого (до 2.15 м) кольца диаметром около 6 м, расположенного вокруг могильной ямы. Северная половина каменного сооружения подверглась наиболее сильному разрушению. Массивные камни располагались в основании первоначальной насыпи (диаметр 8 м) и покоились на уровне погребенной почвы. В южной половине

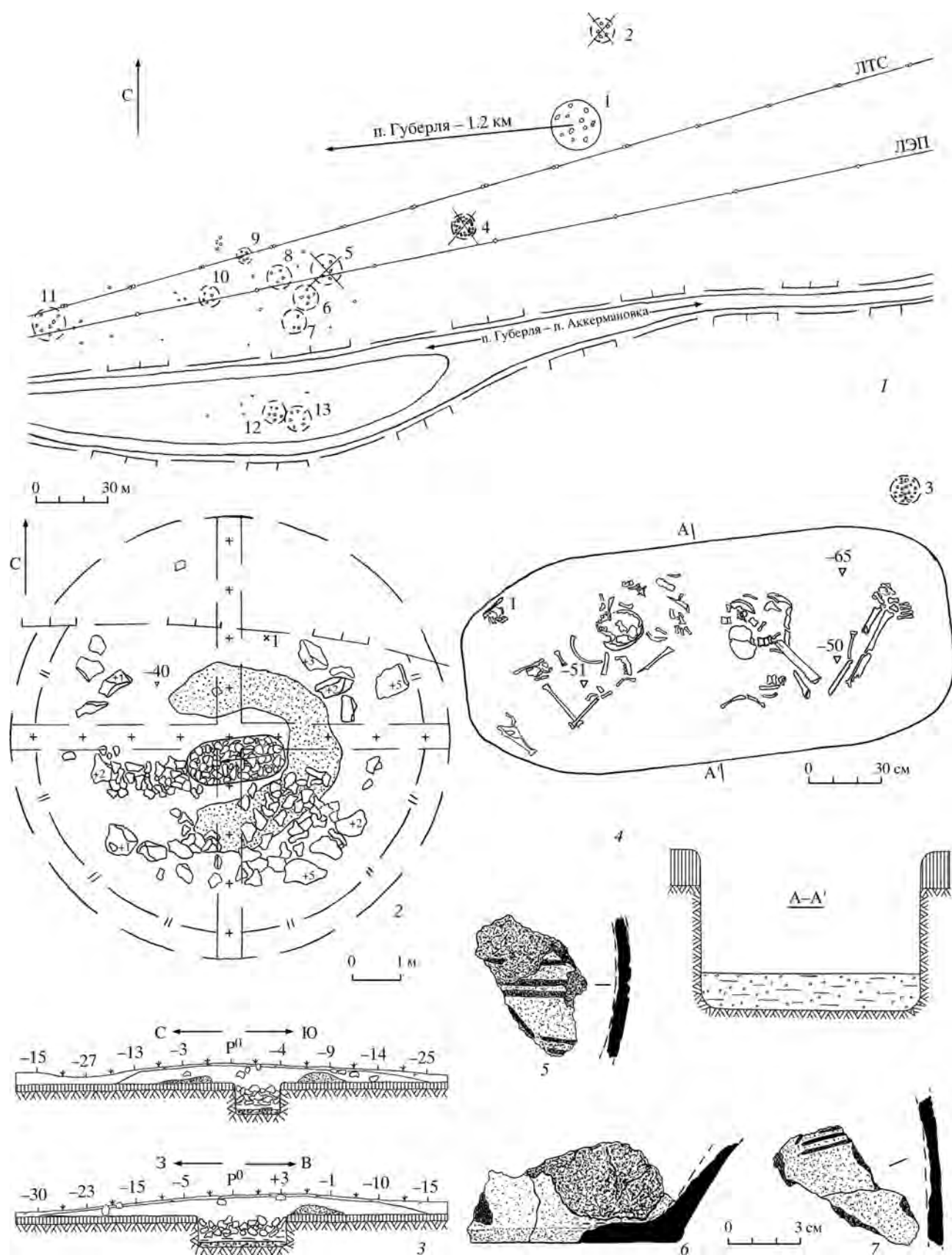

Рис. 1. Могильник Казачья Губерля I. 1 – план могильника; 2–7 – курган 2: 2 – план (1 – трубчатая кость овцы, –27); 3 – профили бровок; 4 – план и разрез погребения (1 – фрагменты керамики, –65); 5–7 – фрагменты сосуда.

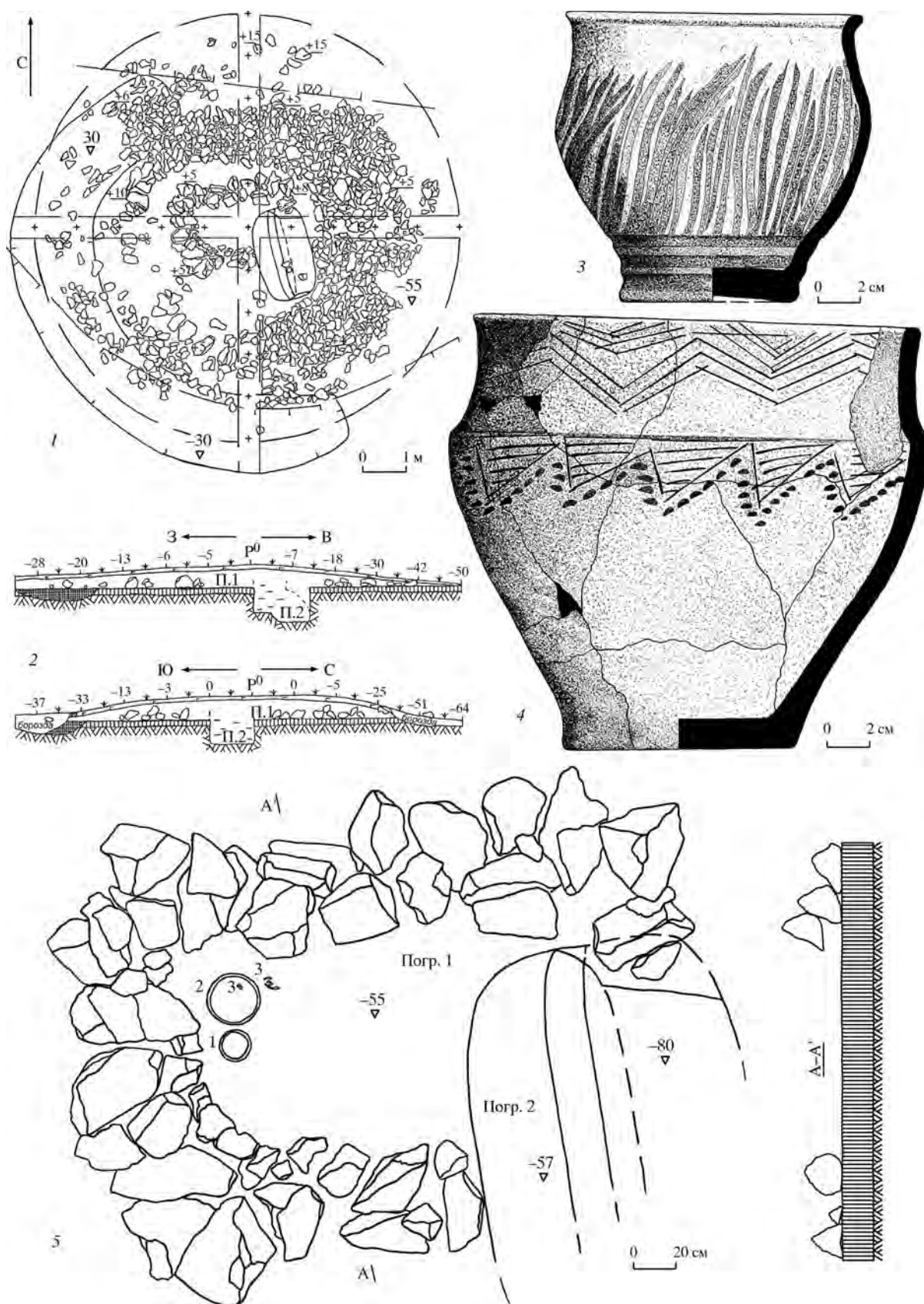

Рис. 2. Моги́льник Каза́чья Губе́рля I, курган 4. 1 – надмоги́льная ка́менная конст­рукция и планиграфия; 2 – профи́ли бровок; 3–5 – погр. 1: 3 – сосу́д 1; 4 – сосу́д 2; 5 – план и разрез (1 – сосу́д 1, –65; 2 – сосу́д 2, –55; 3 – кальциниро́ванные ко́сти че́ловека).

нетронутые распашкой камни лежали на поверхности выброса. В центре кургана выявлен могильный выкид, лежавший полукольцом, имевшим разрыв с запада от могильной ямы. Его мощность – до 0.2 м, ширина – до 1.1 м. В северо-восточном секторе на уровне погребенной почвы (–0.27 м) обнаружен фрагмент трубчатой кости овцы (рис. 1, 2).

Могильная яма подовальной в плане формы (2 × 0.9 м), ориентированная по линии ЗЮЗ–ВЗВ, выявлена в центре кургана. Яма забутована камнями на глубину 0.4 м. Засыпь представлена черным гумусом. Непосредственно глубина могилы составляла 0.65 м, дно ямы подсыпано черно-серым гумусированным грунтом мощностью 0.15 м. На подсыпке на глубине 0.5 м обнаружен костяк взрослого человека, лежавшего в позе адорации на правом боку, головой на запад-юго-запад. Большая часть костей была смещена, нетронутыми оказались лишь кости ног и таза (рис. 1, 4).

В западном углу ямы справа от костяка на дне обнаружены фрагменты плоскодонного сосуда (днища и тулова), украшенного врезным орнаментом в виде горизонтальных и косых линий (рис. 1, 5–7). Толщина стенок – 0.6, дна – 0.8 см. В глине примесь песка и дресвы. Поверхность темно-коричневого и серо-черного цветов, имеет следы лощения.

Курган 4 диаметром 10 и высотой 0.55 м размещался в северо-восточной части могильника и представлял собой земляную насыпь с выступающими на поверхность до 0.15 м камнями (рис. 1, 1; 2, 1, 2). Также подверглся распашкам, в результате чего наиболее сильно пострадала юго-западная часть надмогильного сооружения. Раскопки велись вручную с оставлением двух перпендикулярных бровок. Стратиграфия: насыпь – серо-черная супесь мощностью 0.55 м; погребенная почва серого цвета мощностью 0.15 м; материк – желто-коричневый суглинок на уровне –0.7 м (рис. 2, 2).

Под насыпью в ходе работ выявлена мощная ограда из камней различной величины, которые лежали на погребенной почве в 2–3 слоя. Наибольшая ширина кольца – 2.5, внешний диаметр составлял 8 м. В западной половине кургана в 3.75 м юго-западнее центра, по краю выявлен ров (в форме полумесяца в плане) шириной до 2 м, протяженностью 28 и глубиной порядка 0.4. В центре кургана на уровне погребенной почвы обнаружена основная могила 1, относящаяся к эпохе поздней бронзы (рис. 2, 1). Второе впускное погребение было совершено в раннем железном веке (рис. 2, 5).

Погр. 1 (основное) подпрямоугольной в плане формы ориентировано по линии ЗЮЗ–ВЮВ. По периметру было обложено камнями в 2–3 слоя,

образуя цисту шириной 2.2 м, длиной 2.85. Сохранившаяся высота – до 0.3 м. Юго-восточный угол конструкции разрушен более поздним впускным захоронением эпохи ранних кочевников. Около западной стенки на погребенной почве обнаружено два сосуда. Внутри более крупного и рядом с ним найдены мелкие кальцинированные кости человека (рис. 2, 5).

Сосуд 1 (рис. 2, 3) представлял собой плавно профилированный горшок на поддоне кубкообразной формы с отогнутым наружу венчиком. Дно слегка вогнуто вовнутрь на 0.3 см. Придонная часть украшена тремя горизонтальными каннелюрами. Поверхность сосуда, за исключением шейки, покрыта вертикальными дугообразными глубокими желобками. Высота сосуда – 13.5 см, диаметр тулова – 14.8, дна – 8.7, венчика – 13.9. Толщина дна – 1.3 см, стенок – 0.5–0.7. Поверхность черно-коричневая, в изломе черная. В тесте примесь крупнозернистого песка.

Сосуд 2 (рис. 2, 4) горшечной формы с выраженной придонной частью, уступчатым плечом и прямой шейкой. Сосуд украшен врезным орнаментом. В верхней части шейки нанесен трехрядный зигзаг. Пространство между зигзагом и венчиком заполнено многократно повторяющимися углами, образующими направленные вершинами вниз треугольники без основания. В двух случаях основание прочерчено короткой незаконченной линией, в одном – отмечена горизонтальная штриховка внутреннего пространства, на одном участке орнаментация отсутствует. Ниже уступчика по верхней части тулова прочерчен ряд косых треугольников вершинами вниз. Треугольники заполнены горизонтальной штриховкой, за исключением одного. Нижняя часть треугольников обрамлена наколами, образующими своеобразную “бахрому”. Высота сосуда – 20 см, диаметр тулова – 22.7, дна – 11, венчика – 21. Толщина дна – 1.4 см, стенок – 0.9–1. Поверхность серо-коричневого цвета со следами лощения, в изломе черепок черный. В тесте примесь песка, шамота и дресвы.

Курган 5 диаметром 10 и высотой 0.12 м располагался в центральной части могильника и представлял собой сильно распаханную насыпь с выступавшими на поверхность камнями средних размеров (рис. 1, 1; 3, 1). Раскопки велись вручную с оставлением двух перпендикулярных бровок. Стратиграфия: насыпь – серо-черная супесь мощностью 0.35 м; погребенная почва серого цвета с включением мелкого щебня, мощностью 0.15 м; материк – желто-коричневый суглинок на уровне –0.65 м (рис. 3, 3).

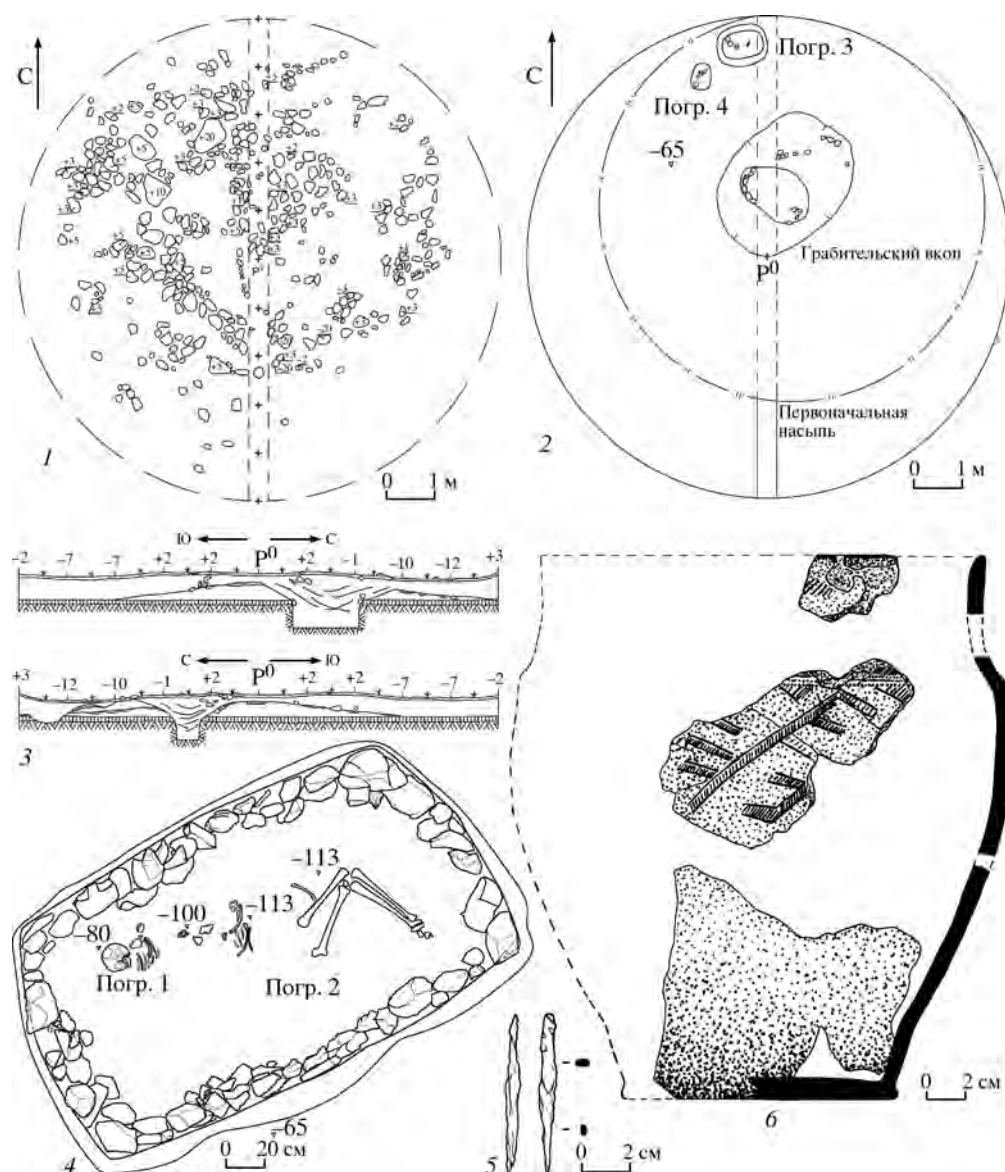

Рис. 3. Могильник Казачья Губерля I, курган 5. 1 – надмогильная каменная конструкция; 2 – планиграфия; 3 – профили бровок; 4 – план погр. 1 и 2; 5, 6 – засыпь погр. 2: 5 – бронзовая проколка; 6 – сосуд (реконструкция).

Под насыпью в ходе работ выявлен разброс камней средних размеров, представлявший собой разрушенную пашней ограду. Камни лежали немного выше уровня погребенной почвы на небольшой насыпи. Общий внешний диаметр конструкции первоначально составлял не более 7-8 м, ровики отсутствовали. В центре каменной конструкции обнаружена основная могила (погр. 2) с дополнительным захоронением в эту же яму ребенка (погр. 1). Их перекрывала воронка грабительской ямы. К северу-северо-западу от центральной ямы располагались еще два детских погребения, также относящихся к эпохе поздней бронзы (рис. 3, 2).

Погр. 1 (впускное) было совершено в засыпи основной могилы 2. В северо-западном углу ямы на

глубине -0.8 м от нулевого репера был расчищен скелет ребенка, лежавший скорченно на правом боку головой на запад (рис. 3, 4).

Погр. 2 (основное) располагалось в центре подкурганной площадки (рис. 3, 2). Оно было совершено в яме прямоугольной формы размерами 2.2×0.8 м с закругленными углами, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Стенки могильной ямы по периметру были обложены колотым камнем в несколько рядов, образуя цистовую кладку. На дне могилы на глубине 1.13 м, судя по сохранившимся *in situ* костям ног, скорченно на левом боку головой на юго-запад лежал скелет человека зрелого возраста. Верхняя часть костяка разрушена (рис. 3, 4). В заполнении могилы в переотложенном состоянии

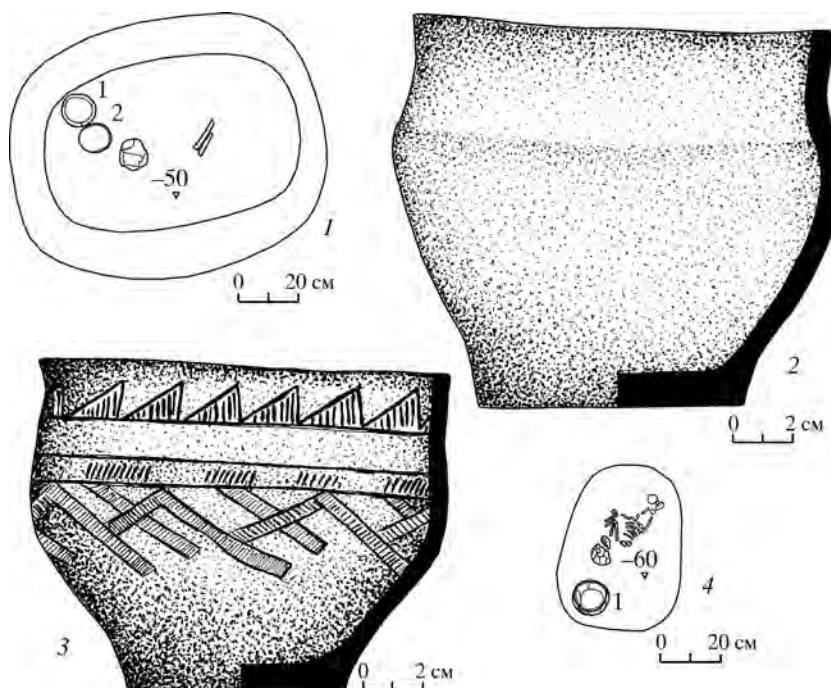

Рис. 4. Могильник Казачья Губерля I, курган 5. 1 – план погр. 3 (1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2); 2 – сосуд 1 из погр. 3; 3 – сосуд из погр. 4; 4 – план погр. 4 (1 – сосуд).

обнаружены фрагменты глиняного сосуда и бронзовая проколка.

Сосуд (рис. 3, 6) представлял собой массивный горшок с выделенной придонной частью, плавным профилем тулова, уступчатым плечом и высокой прямой шейкой с округлым срезом венчика. В месте сочленения тулова с шейкой сосуд украшен тремя горизонтальными линиями, нанесенными оттисками гребенчатого штампа. Верхняя часть тулова покрыта орнаментальным бордюром в виде сложного меандрового рисунка, образованного заштрихованными лентами, выполненного прочерчиванием и отпечатками гладкого штампа по косой сетке, и пояса дискретно расположенных обращенных вершинами вниз равнобедренных треугольников без оснований, заштрихованных параллельно одной из сторон. Под венчиком и в нижней части шейки размещались ряды врезных треугольников с наклонной штриховкой, лишенных основания и одной из сторон. Высота сосуда – 28.5 см, диаметр дна – 14, тулова – 26, венчика – 23.2. Поверхность серо-коричневого цвета со следами лощения, в изломе черепок черный. В тесте примесь песка, шамота и дресвы. Бронзовая четырехгранная уплощенная проколка имела длину 3.6 см (рис. 3, 5).

Погр. 3 (впускное) выявлено в северной поле кургана (рис. 3, 2). Широотно ориентированная могильная яма размерами 1 × 0.8 м с наклонными внутрь стенками имела подпрямоугольную форму

с сильно закругленными углами. На дне могилы на глубине 0.5 м расчищены фрагменты черепа и нижних конечностей ребенка. Судя по сохранившимся исходное положение черепной коробке и бедренным костям, погребенный покоился в скорченном положении на левом боку головой на запад. В изголовье в северо-западном углу могилы были установлены два глиняных сосуда (рис. 4, 1). Один из них практически полностью разрушился, поэтому составить представление о морфологических характеристиках и орнаментации не удалось. Второй сосуд (рис. 4, 2) представлял собой неорнаментированный плоскодонный горшок с небольшой закраиной у дна, уступчатым плечом, вогнутой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком с прямым срезом. Поверхность сосуда серо-коричневого цвета со следами лощения. В формовочной массе примесь песка, шамота и дресвы. Высота сосуда – 13.3 см, диаметр дна – 8.9, тулова – 14.9, венчика – 14.

Погр. 4 (впускное) локализовалось на северной периферии подкурганной площадки (рис. 3, 2). Оно было совершено в подпрямоугольной могильной яме размерами 0.5 × 0.3 м с сильно закругленными углами, имевшей меридиональную ориентировку. На дне могилы на глубине –0.5 м от нуля в позе адорации на левом боку головой на юго-запад лежал скелет ребенка младенческого возраста (рис. 4, 4). В изголовье в юго-западном углу стоял плоскодонный плавнопрофилированный горшок с отогнутым

наружу венчиком (рис. 4, 3). Верхняя часть тулова орнаментирована заштрихованными лентами, образующими меандровидный рисунок, нанесенный по косой сетке. При переходе от тулова к шейке размещается орнаментальный бордюр в виде двух горизонтальных линий, пространство между которыми заполнено дискретными наклонными насечками. Нижняя часть шейки лишена орнамента, под венчиком сосуд декорирован наклонными треугольниками с горизонтальной штриховкой. Орнамент выполнен прочерчиванием и оттисками гладкого штампа. Поверхность сосуда серо-коричневого цвета залощена. В формовочной массе примесь песка, шамота и дресвы. Высота сосуда – 11,1 см, диаметр дна – 7,2, тулова – 13,9, венчика – 13,7.

Таким образом, исследованные комплексы бронзового века в могильнике Казачья Губерля I демонстрируют близость основных признаков погребального обряда и типологическую сопоставимость инвентаря из публикуемых захоронений, что служит основанием для их синхронизации. Наиболее отчетливо это проявляется в конструктивных деталях надмогильных сооружений. Их объединяет наличие грунтовых насыпей и присутствие подкурганых конструкций, представленных округлыми в плане монументальными оградами из рваного камня (рис. 1, 2; 2, 1; 3, 1). Не менее показательны в этом смысле морфологические характеристики и метрические параметры могильных ям, особенно внутри внутреннего убранства усыпальниц. Особо следует отметить наличие конструкций из уложенного в несколько рядов колотого камня, образующего цистовую кладку по контуру погребальной камеры (рис. 2, 5; 3, 4).

Наиболее близкие соответствия конструкции могильных ям и надмогильных сооружений обнаруживают в памятниках кожумбердынского типа, относящегося к алакульской линии развития. Их отличительная особенность – присутствие федоровского компонента. В соответствии с принятой для этого круга памятников датировкой они могут быть отнесены к XVI–XIV вв. до н.э. (Кузьмина, 1994. С. 46, 47; 2008. С. 250–268). Наиболее отчетливо федоровские черты проявлены в своеобразной строительной технике, использовавшейся в погребальной архитектуре, которая позволяла сооружать монументальные циклопические каменные конструкции посредством сухой многослойной кладки (цисты). Они дополнялись грунтовыми элементами. Их постепенное руинирование и приводило к формированию современного облика надмогильных сооружений, за которыми закрепилось наименование “курганы”. Аналогичные объекты известны практически на всех памятниках Южного Зауралья

и сопредельных районов Северо-Западного Казахстана, в которых отмечены федоровские компоненты (Кузьмина, 2008. Рис. 52; 53; 57, 1, 2; 58; Стефанов, Корочкова, 2006. Рис. 33, 3, 6, 8; 34, 1; 36, 1; Усманова, 2005. Рис. 18, 1; 33, 1; Ткачев, 2009. Рис. 6, 1, 3).

Стереотипны формы грунтовых могильных ям и их широтные ориентировки. Весьма специфической была конструкция усыпальницы в кургане 4. Здесь отсутствовала яма, а погребальная камера прямоугольной формы представляла собой сооруженную на древней поверхности цисту (рис. 2, 5). Экстраординарный характер этой усыпальницы дополняется особым способом обращения с останками погребенного. В отличие от остальных захоронений, произведенных по вполне каноничному для кожумбердынских памятников ритуалу, в соответствии с которым погребения совершались по обряду ингумации в скорченном положении на боку, в обсуждаемом комплексе зафиксирована кремация. Это обстоятельство вызывает особый интерес, поскольку трупосожжение, обычно совершенное на стороне (как и в данном случае), традиционно признается диагностирующим признаком федоровского обряда в Южном Зауралье (Сальников, 1967. С. 281; Кузьмина, 2008. С. 170).

Указанные наблюдения хорошо согласуются с обликом инвентаря захоронений. К сожалению, сколько-нибудь выразительные металлические изделия, способные выступить в качестве культурно-хронологических индикаторов, не обнаружены. Единственная четырехгранная бронзовая проковка, найденная в кургане 4 (рис. 3, 5), абсолютно нейтральна в этом плане, так как аналогичные изделия имели чрезвычайно широкое распространение в различных культурах эпохи палеометалла. Наиболее информативную категорию инвентаря составляет керамика. Глиняные сосуды демонстрируют гармоничное сочетание алакульских и федоровских гончарных традиций, что всецело вписывается в стандарты керамического производства кожумбердынской культурной группы. С точки зрения морфологии следует обратить внимание на присутствие в коллекции сосудов с плавным профилем (рис. 2, 3; 4, 3) и уступчатым плечом (рис. 2, 4; 3, 6; 4, 2). Смешанный характер керамического комплекса проявляется также в орнаментации и технике ее нанесения. Особенно отчетливо это прослеживается в использовании характерной для федоровской традиции косой сетки при построении сложных геометрических фигур, в том числе меандров (рис. 3, 6; 4, 3), а также типичных для алакульского керамического производства врезной техники нанесения орнамента, оттисков гладкого штампа, особой

зональности в размещении орнаментальных бордюров, предполагавшей наличие лишенной декора зоны в нижней части шейки (рис. 2, 4; 4, 3).

Отдельно следует отметить комплекс кургана 4. Нетривиальный облик погребальных конструкций дополняется нетипичным способом захоронения (кремация). В памятниках кожумбердынской культурной группы случаи кремации отмечены в единичных случаях. Два погребения с кальцинированными останками обнаружены в оградах 53 и 56 могильника Тасты-Бутак I в бассейне р. Ор (Сорокин, 1962. С. 26, 28. Табл. XXXIII, XXXVI). Такое же количество погребений с кремацией зафиксировано в курганах 1 и 14 могильника Хабарное I на правом берегу р. Урал (Федорова-Давыдова, 1959. С. 2, 9). Еще одна кремация, также совершенная на стороне, отмечена в кургане 15 могильника Ушкаттинский I, исследованном экспедицией ОГТИ в Восточном Оренбуржье. Причем в этом комплексе кальцинированные кости были помещены на дно погребальной камеры, представлявшей собой “классическую” цисту. На западной периферии андроновского ареала в срубно-алакульских памятниках известна представительная серия погребений с трупосожжениями (Погромное, Герасимовка I, Мечет-Сай), которым посвящена специальная работа Э.А. Федоровой-Давыдовой (1973), где обоснован тезис о федоровских истоках этого обряда. В этом же районе недавно исследована еще одна кремация в кургане 12 могильника Восточно-Курайли I (правобережье р. Илек) на территории Актюбинской обл. (Умрихин, 2007. С. 131. Рис. 3). В контексте культурных взаимодействий небезынтересно отметить шесть случаев кремации, зафиксированных в курганных могильниках срубной культуры у с. Свердлово в Приуралье. Хотя автор раскопок этих памятников настаивает на срубном происхождении этого обряда (Халяпин, 1998. С. 66, 69).

Экстраординарный характер обсуждаемого захоронения в кургане 4 оттеняется весьма специфическими морфологическими характеристиками керамики и ее нестандартной орнаментацией. Кубкообразный плавнопрофилированный сосуд (рис. 2, 5) по форме в наибольшей степени соответствует стандартам федоровских керамических традиций. Однако совершенно аномальна для федоровского гончарства орнаментация тулова сосуда глубокими вертикальными желобками. Такой декор вообще неизвестен на андроновской посуде. Самая близкая и почти эксклюзивная аналогия такому приему декорирования поверхности сосуда — орнамент, отмеченный на сосуде закрытой баночной формы из

погр. 6 кургана 6 упоминавшегося выше IV Свердловского могильника срубной культуры (Халяпин, 1998. Рис. 12, 7). В этом плане вряд ли можно считать совпадением, что второй сосуд сочетает в себе черты алакульской и срубной керамических традиций (рис. 2, 4). Промежуточный между ребром и уступом характер сочленения тулова и шейки этого сосуда типичен для срубно-алакульских глиняных емкостей. Нарочитая небрежность нанесенных прочерчиванием геометрических элементов, их асимметричность, горизонтальная штриховка обрамленных “бахромой” из ямочных вдавлений треугольников вполне вписываются в стереотипы срубного орнаментального стиля. В то время как тщательное лощение внешней поверхности сосуда и наличие неорнаментированной зоны в нижней части шейки могут быть отнесены к стандартам алакульского гончарства.

Таким образом, материалы могильника Казачья Губерля I демонстрируют присутствие разнотипных элементов, появление которых, вероятно, имело различную природу. Гармоничное сочетание в обряде и вещевых комплексах алакульских и федоровских элементов определяется принадлежностью публикуемых комплексов к кожумбердынской культурной группе. В то же время их отличительная особенность — присутствие в керамике реплик срубной культуры. Срубные черты исследователи отмечали и в других погребальных памятниках кожумбердынской культурной группы Уральско-Мугоджарского региона. В частности, присутствие признаков срубной культуры фиксировалось в андроновских могильниках Киргильда I и II, Урал-сай, Ново-Аккермановский, Тасты-Бутак I, Ишкиновка I–III и др. (Грязнов, 1927. С. 195; Подгаецкий, 1940. С. 81; Сорокин, 1962. С. 120, 121; Ткачев, 2005). Примечательно, что наличие срубных элементов в материальной культуре кожумбердынской культурной группы получило подтверждение в антропологических материалах. Так, например, в могильнике Тасты-Бутак I на территории Актюбинской обл. была выделена серия черепов так называемого средиземноморского типа, связываемого с носителями срубной культуры (Гинзбург, 1962. С. 196–198). В последние годы появились новые данные, развивающие и конкретизирующие эти положения, поскольку в Южном Зауралье обосновано присутствие южноевропеоидного населения алакульской культуры, испытывавшего влияние гиперморфных европеоидов, находящихся аналогии в краниологических сериях из срубных памятников Башкирии (Китов, 2011. С. 22).

Изложенные выше наблюдения имеют, по всей видимости, вполне рациональное объяснение.

В позднем бронзовом веке ареал памятников кожумбердынского облика совпадал с территориальными пределами Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, игравшего заметную роль в Евразийской металлургической провинции (Ткачев, 2010; 2011). Активные взаимные контакты кожумбердынского и срубно-алакульского населения, сосредоточенного в бассейне р. Илек и верховьях р. Урал, вероятно, в значительной мере были обусловлены особенностями организации горного промысла и металлургии. Производственная специализация кожумбердынского населения, сохранявшего монополию на эксплуатацию сырьевых ресурсов Уральско-Мугоджарского региона, видимо, стимулировала торгово-обменную деятельность, отражением чего и является синкретизм материальной культуры.

Материалы публикации были представлены С.М. Умрихиным на научной конференции молодых ученых “Новые материалы и методы археологического исследования”, проходившей 15–17 марта 2011 г. в ИА РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак I в Актюбинской обл.) // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л., 1962 (МИА; № 120).
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки / С.И. Руденко. Л., 1927 (Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик; Вып. 11; Сер. Казакстанская).
- Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.
- Подгаецкий Г.В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. М.; Л., 1940 (МИА; № 1).
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л., 1962 (МИА; № 120).
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.
- Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микро-района в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005.
- Ткачев В.В. Шаншарский археологический микрорайон эпохи поздней бронзы в Актюбинском Приуралье // Уфимский археолог. вестн. Вып. 9. Уфа, 2009.
- Ткачев В.В. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2010. Т. 12 (34). № 2.
- Ткачев В.В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2.
- Умрихин С.М. Культурная и хронологическая позиция курганов позднего бронзового века могильника Восточно-Курайли I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург, 2007.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005.
- Федорова-Давыдова Э.А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1929.
- Федорова-Давыдова Э.А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998.

ГОРОДИЩЕ ДЬЯКОВА ТИПА КРУГЛИЦА НА МОСКВЕ-РЕКЕ

© 2013 г. Н.А. Кренке, С.Н. Чаукин

Институт археологии РАН, Москва (nkrenke@mail.ru)

Ключевые слова: *городища дякова типа, клад, умбоновидные привески, зооморфные украшения, костяные стрелы.*

The article publishes the materials from the 1956–1957 excavations at Kruglitsa, a Dyakovo-type site on the river Moskva, and substantiates the chronological frame of the site's existence from the 5th c. BC to the 3^d (4th) c. AD. The authors note that the period of intensive activities at the site came to an end in the 1st–2nd cc. AD, which is the time when the hoard of bronze ornaments was deposited.

Городище Круглица (Прикашиков курган, Долгий бугор, Дурниха) настолько хорошо выражено в рельефе правого берега Москвы-реки (рис. 1), что было одним из первых археологических памятников Подмоскovie, попавшим на страницы научных изданий еще в начале XIX в. (Калайдович, 1823. С. 60). Городище занимает выступающий в пойму мыс коренного берега между д. Михайловская слобода и д. Дурниха (Раменский р-н) в 12 км ниже по течению от устья р. Пахра. Единственные значительные раскопки (вскрыто 221 м²) были проведены под руководством археолога Л.И. Пимакина в 1956 и 1957 гг. (Пимакин, 1956; 1957). К сожалению, автором исследований не была подготовлена публикация и материалы, имеющие большое научное значение, оставались малоизвестными. Лишь небольшое число вещей из Круглицы вошло в публикации (Розенфельдт, 1982; Смирнов, 1974; Сыроватко, 2003). Коллекция из раскопок Круглицы хранится в Раменском краеведческом музее и Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» (бывший Московский областной краеведческий музей). Часть вещей была утрачена, некоторые известны лишь по фотографиям и рисункам из архивов указанных музеев. Авторы настоящей работы вводят коллекцию в научный оборот, насколько это возможно полно в формате статьи. Истории раскопок городища посвящена отдельная работа (Кренке, Чаукин, 2012). В 2010 и 2011 гг. было проведено дополнительное обследование памятника, снят топографический план, зачищены обнажения культурного слоя.

На плане 1956 г. хорошо видно, что городище с запада отделяется от поля невысоким дугообразным валом и рвом, сильно оплывшими. С юга оно ограничено оврагом. В настоящее время к памятни-

ку вплотную подступили дачные участки и рельеф укреплений в западной части сильно искажен. На топографических планах 1956 и 1970 гг. вал можно наблюдать целиком в отличие от современного плана 2011 г., когда значительная его часть оказалась на территории дачного участка и сnivelирована (рис. 2). Площадка имеет «яйцевидную» форму, понижается в восточной части на 3 м по сравнению с западной. Над поймой ее высота составляет 15–18 м. План 1956 г. зафиксировал окопы 1941 г., которые разрезали вал и восточный край городища. Северный и восточный край площадки городища были изрыты крупными ямами, в которых встречались фрагменты дяковской керамики.

К оборонительным укреплениям относятся также двухуровневые эскарпы, опоясывающие памятник с северной, восточной и южной сторон. Эскарпы удалось более четко зафиксировать лишь при последней съемке памятника. Еще один важный и информативный элемент городища – это его склоны, которые содержат культурные напластования. С севера склон городища наиболее крутой и высокий, спускается к пойме в сторону узкой и длинной заболоченной старицы, которая отстоит от городища на 132 м. Этот склон был поврежден в результате выравнивания строительной площадки на севере от городища.

В траншее 1956 г., которая пересекала северную бровку городища, были зафиксированы столбовые ямы и канавка оборонительного частокола, возведенного на раннем этапе жизни поселения, который шел по периметру площадки (рис. 3). Видимо была еще и внешняя линия укреплений (частокол?), которая шла по внешней бровке эскарпа 1 и смыкалась с валом. Общая длина этих двух линий укреплений превышала 600 погонных м, а площадь поселения (верхняя пло-

Рис. 1. Вид на городище Круглица с юга (фото из отчета Л.И. Пимакина 1956 г.).

щадка + эскарп) была не менее 3000 м², т.е. городище Круглица было сложным в инженерном отношении укреплением. К сожалению, ничего не известно о глубине рва с напольной стороны, который уже в 1950-е годы почти совершенно заплыл, а сейчас находится на спланированной частной территории.

В 1956–1957 гг. Л.И. Пимакин впервые в археологии Подмоскovie зафиксировал систему наземных построек в ранних слоях городища дякова типа. Он выделил четыре комплекса остатков строений в центре городища (обозначены буквами А–Г) и пятый (Д) – на северном краю, связанный с укреплениями (рис. 3). Подобное разделение предполагается не совсем верным. Вероятно, в границах раскопа присутствуют две постройки типа длинных домов, которые располагаются в комплексах “А–В” и “Б–Г”. Состоят данные постройки из двух помещений, разделенных между собой тамбуром. Внутри одного из помещений располагается глинобитный очаг с бортиком (уч. 70 раскопа, на рис. 3 обозначен буквой Ж). Кроме того, возможно, в комплексах “А–Г” присутствуют фрагменты более поздних построек с ориентировкой С–Ю. Очевидна многократная перестройка стен длинных домов, этим объясняется столь частое расположение угольных прослоек на одном уровне вблизи предполагаемых стен построек.

Аналогичные комплексы выявлены при раскопках городищ Дьяково и Настасьино. Логически можно предполагать, что более широкие канавки оставлены более древними постройками, а более узкие – это следы построек, которые возводились позднее на уже накопившемся культурном слое и, соответственно, на материке оставили более узкий след (это наблюдение было достоверно доказано при раскопках Дьякова городища). Вероятно, постройки, возводившиеся в период накопления верхней части нижнего культурного слоя, вообще не оставили следов в материке. Глубина канавок стен построек – не более 40 см, и, следовательно, когда накопилось около 0.5 м культурного слоя, дно канавок уже не задевало материк. Исходя из сводного чертежа, можно думать, что постройки возводились примерно на одних и тех же местах, но их ориентировка менялась.

Таким образом, постройки нижнего слоя представляли собой многокамерные “длинные дома” шириной около 4 м. В средней части помещений находились отопительные устройства. Был расчищен очаг с глиняным бортиком и еще несколько открытых очагов без бортиков, описанных в тексте отчета, но не зафиксированных графически. Л.И. Пимакин предполагал, что жилища могли иметь срубную конструкцию. Теперь, имея результаты раскопок построек на городище Дьяково, можно смело утверждать, что конструкции были столбовыми. Просто канавки при раскопках 1950-х годов не удалось расчистить правильным образом, чтобы увидеть следы столбов.

В 2011 г. была сделана зачистка обнажения в северной части склона. Установлено, что слой имел здесь мощность около 2 м и не производил впечатления перемешанного. Вероятно, накоплению здесь культурного слоя способствовала стена, шедшая по краю эскарпа. Прослежена стратиграфия, близкая к той, что описана Л.И. Пимакиным на верхней площадке (таблица).

Сравнительная характеристика культурного слоя на верхней площадке и северном склоне городища Круглица

Верхняя площадка (по Л.И. Пимакину)	Северный склон (зачистка 2011 г.)
0–40 см. Черный культурный слой, гумус (верхний горизонт)	0–70 см. Однородная сильногумусированная темно-серая супесь
40–70 см. Серый слой с золой и угольками (средний горизонт)	70–90 см. Светло-серая золистая супесь
70–120 см. Серо-коричневый слой суглинистый с золой и угольками и угольными прослойками (нижний горизонт)	90–190 см. Свита чередующихся прослоек углистой серой супеси и бурого суглинка с примесью органики
120–130 см. Серо-желтый глинистый слой	190–220 см. Ярко-бурый суглинок с серыми линзами-заплавами культурного слоя

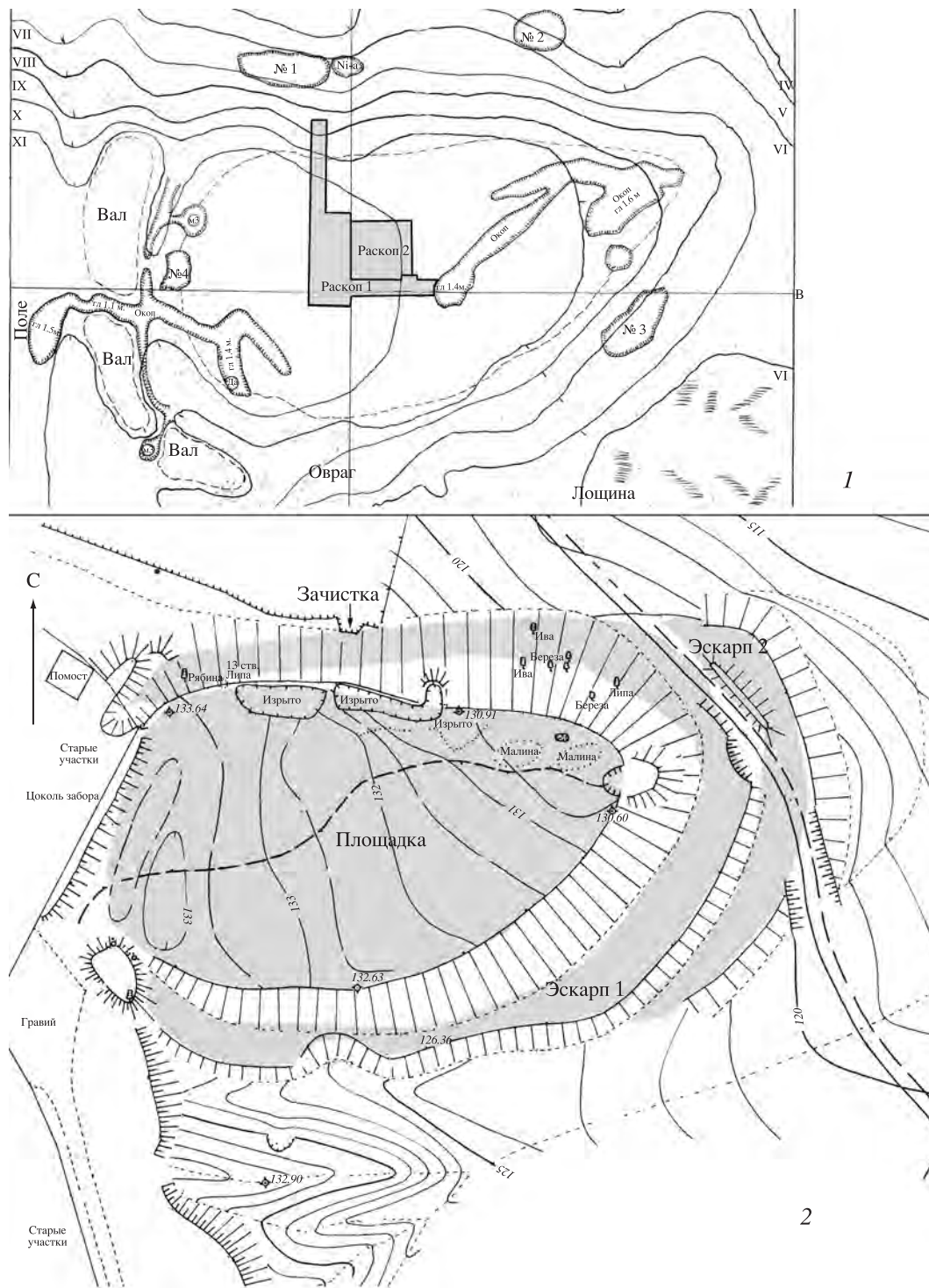

Рис. 2. Планы городища Круглица. 1 – полуинструментальный план, снятый Л.И. Пимакиным в 1956 г., с нанесенным на него раскопом 1956 (раскоп 1) и 1957 (раскоп 2) гг.; 2 – инструментальный план, снятый В.В. Петровым в 2011 г. Сплошные горизонталы проведены через 1 м.

Характер нижнего слоя полностью идентичен отложениям на городище Дьяково. Видимо, бурая тонкослоистая органика накапливалась в результате специфической деятельности, которую люди вели на городищах дьякова типа.

Палеоботанические данные указывают на то, что в составе этих прослоев имеются остатки растительных тканей, в большом количестве пыльца культурных злаков (Кренке, 2011. С. 29).

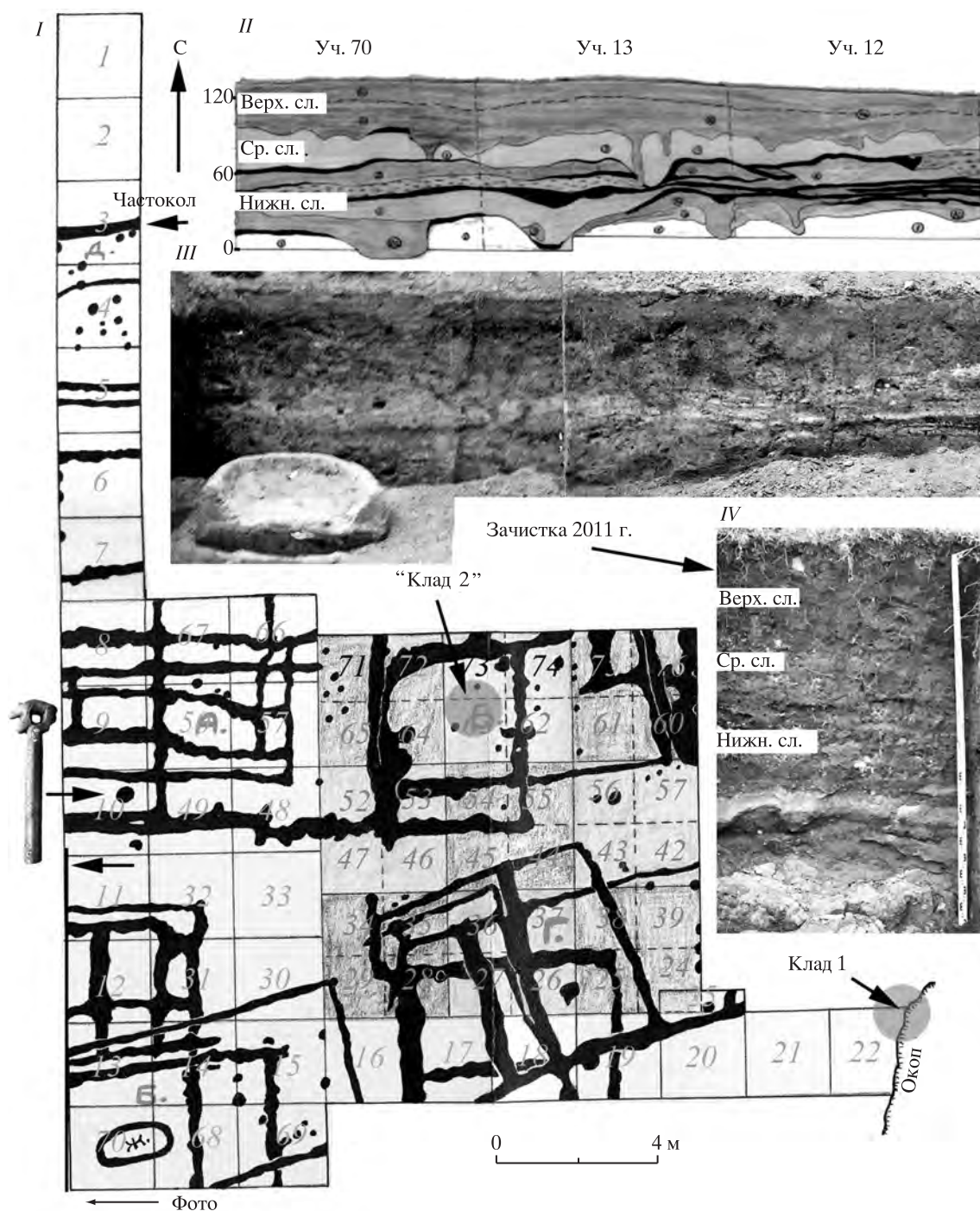

Рис. 3. Сводный план следов построек на материке на городище Круглица в раскопах 1956 и 1957 гг. (I); профиль культурного слоя по западной стенке раскопа, очаг на уч. 70 (II, III); зачистка 2011 г. обнажения культурного слоя у северной подошвы городища (IV). I–III – из отчетов Л.И. Пимакина.

Описание находок. Всего коллекция из раскопок 1956–1957 гг., судя по описям, насчитывала около 380 индивидуальных находок и 10 тыс. фрагментов керамики. Основная масса материалов относится к раннедьяковскому времени, что следует из преобладания костяных изделий (238, что составляет 63%)

в наборе индивидуальных находок и текстильной керамики (50.6%)¹ в керамическом комплексе.

¹ Подсчет проведен музейными сотрудниками под руководством В.В. Сидорова по основной части коллекции керамики (8494 фрагментов), хранящейся в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» в г. Истра.

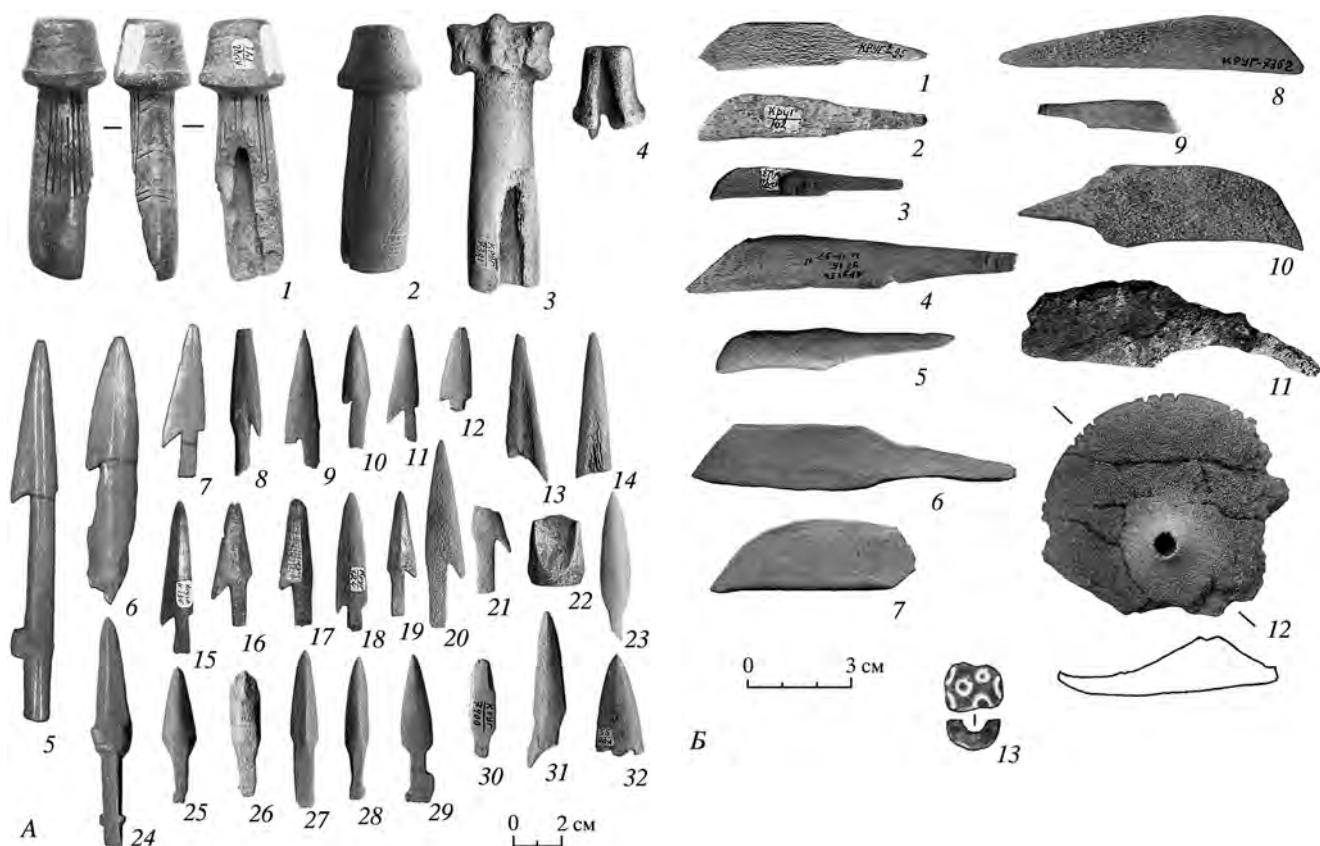

Рис. 4. Городище Круглица. А – костяные рукояти (1–4), гарпуны (5, 6) и стрелы (7–32) из раскопок городища Круглица. Фонды Раменского музея (1, 5, 6) и музея “Новый Иерусалим”; Б – костяные и железный (11) ножи, роговой грузик (12), стеклянная бусина (13, утрачена) V–III вв. до н.э. Фонды музея “Новый Иерусалим”; В – костяной предмет с зооморфным навершием. Фонды Раменского музея; Г – бронзовое навершие из Подчеремского клада (по: Городцов, 1937).

Определено соотношение групп керамики (число фрагментов и процент от общего числа) в коллекции из раскопок городища Круглица в коллекции Историко-архитектурного и художественного музея “Новый Иерусалим”: неолитическая ямочно-гребенчатая – 4 (0.05); керамика эпохи бронзы – 14 (0.16); текстильная – 4301 (50.65); грубая гладкостенная – 3691 (43.45); рогожная – 2 (0.02); заглаженная / подлощенная – 181 (2.13); позднесред-

невековая круговая – 300 (3.53); фаянс – 1 (0.01); всего – 8494 (100).

По хронологическим периодам коллекция распределяется следующим образом.

Эпоха неолита и бронзы. На контакте культурного слоя и материка найдены несколько фрагментов керамики, относящихся к эпохам, предшествовавшим железному веку. В коллекции имеются два фрагмента венчика и две стенки неолитического горшка

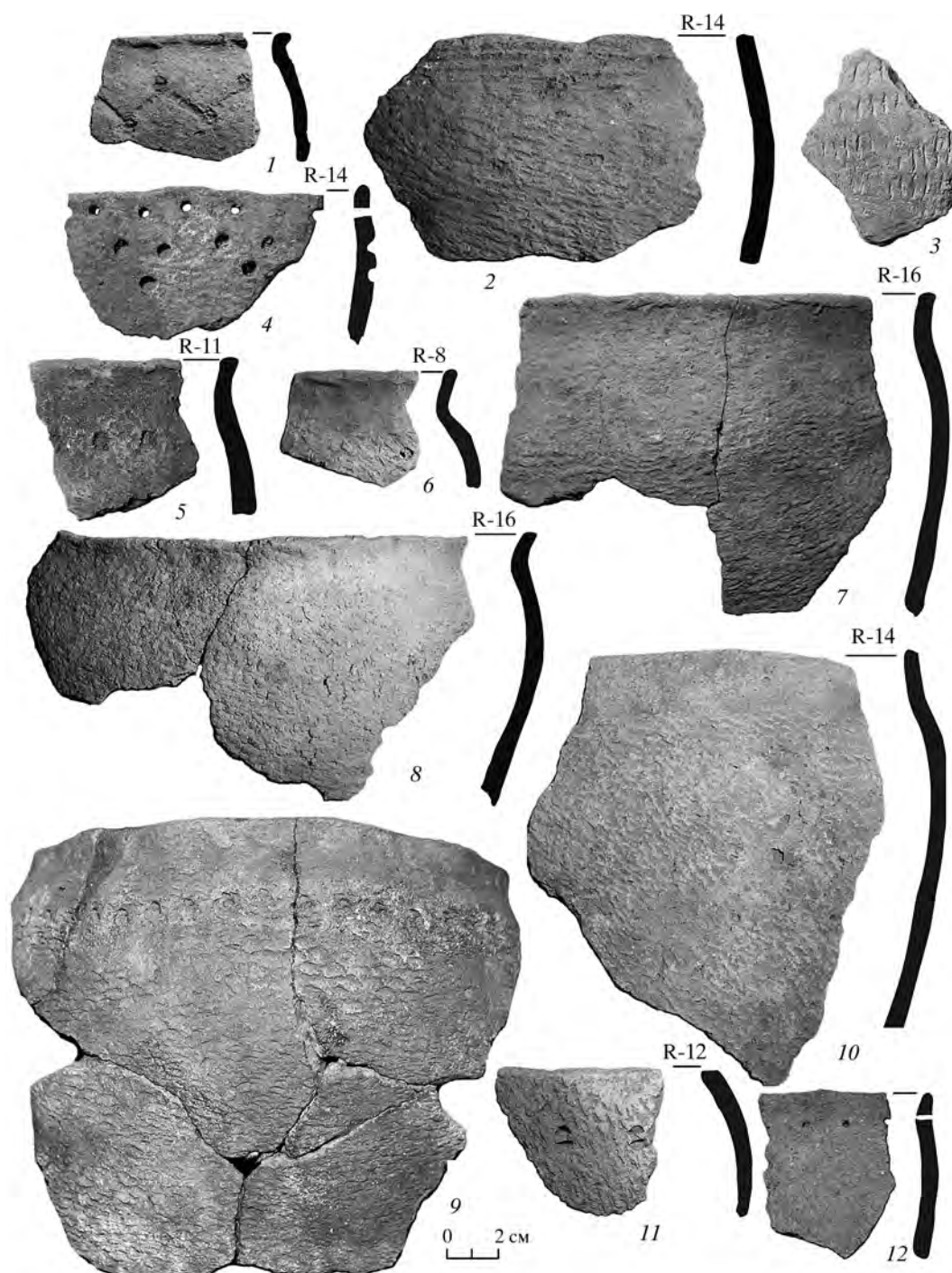

Рис. 5. Текстильная керамика VI–III вв. до н.э. из раскопок городища Круглица. Фонды музея “Новый Иерусалим”.

с ямочно-гребенчатым орнаментом. О находках керамики фатьяновского типа известно из дневника Л.И. Пимакина 1957 г.: “19 сентября. На кв. VI в северо-западном углу в куче земли, оставшейся от разборки бровок в коричневой земле, т.е., видимо, в самом нижнем горизонте на грани с материком нашел несколько обломков тонкостенной чаши,

похожей на фатьяновскую (Трусово). Она была по небрежности раскопщиков разбита лопатой и даже не подобрана. Думаю, что это из северной бровки этого квадрата”. В описи находок из раскопа 1956 г. под № 64 значится “обломок каменного топора”; кремневая пластина со следами отжима (№ 50), осколок кремня со следами обработки (№ 145/1956)

в материке под жертвенником. В сохранившейся части коллекции имеется несколько фрагментов керамики бронзового века, культурная атрибуция которых затруднена (можно быть уверенными, что они не относятся к фатьяновской культуре).

Раннедьяковский комплекс. К начальному периоду железного века можно отнести два костяных (роговых?) грузика. Один из них (№ 25 по полевой описи 1957 г.) залегал в переотложенном состоянии в основании верхнего слоя (рис. 4Б, 12). Диаметр диска – около 8 см, по краям центрального отверстия (диаметр – 6,5 см) имеются следы потертостей от нитей. Зубчики-нарезки по периметру диска имеют четкий ритм: четыре группы, по три нарезки в каждой, расположены через одинаковые промежутки. Всего на окружности диска, видимо, было восемь групп нарезок. Данная находка вошла в классификацию, разработанную К.А. Смирновым, отнесена им к типу 12г (1974. С. 92). Имеются аналогии на городищах Щербинском, Старшем Каширском (Городцов, 1933. Рис. 7; Сидоров, 2002. Рис. 27), Полеском, погосте Красно (Сыроватко, 2009. Рис. 95, 113), Мутенковском (Сидоров, 2004. Рис. 11), Корыстовском (Сидоров, 2005. Рис. 3). Второй костяной грузик совсем плоский, найден был в нижнем слое (раскоп 1956 г., № 100). В сохранившейся части коллекции лишь несколько фрагментов керамики могут соответствовать по времени костяному грузику: фрагмент со “стежковой” фактурой текстильных отпечатков (рис. 5, 3) и фрагменты с орнаментацией или расчесами, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 5, 1, 2). При этом надо отметить, что сочетание розеток и гребенчатого штампа (рис. 5, 1) – очень редкое “переходное” явление. Предположительно такая керамика может датироваться около рубежа VI–V вв. до н.э.

Основная масса находок, происходящих из нижнего слоя городища, относится к “классическому” раннедьяковскому периоду (V–III вв. до н.э.). Наиболее массовая категория индивидуальных находок – костяные проколки и их обломки (90 шт.). Серия костяных стрел (вместе с заготовками) насчитывала 40 экз., из них 26 сохранились (рис. 4А). Среди них наиболее многочисленную группу составляют одношипные стрелы с уступом или скосом на противоположной шипу стороне (рис. 4А, 7–21). Их найдено не менее 15. Среди этих стрел нет экземпляров удлинённых пропорций с треугольным сечением пера. Все образцы относятся к наиболее “классическому” варианту с треугольным пером средней длины линзовидного или ромбического сечения, они идентичны стрелам из нижнего слоя Дьякова городища и могут быть отнесены к V–III вв. до н.э. (Кренке, 2011. С. 47. Рис. 83). Стра-

тиграфическое положение стрел данного типа на городище Круглица – средний и нижний слои.

Важный культурный хроноиндикатор – стрелы с утолщенной средней частью, вытянутым пером ромбического сечения и плоским черешком с двумя симметричными выступами по бокам, либо лопаточкой-утолщением на конце (рис. 4А, 24–28). Эти стрелы соответствуют типу 10 по К.А. Смирнову (1974), синхронны одношипным. Их ареал выходит за пределы Москворечья. Среди стрел имеется обломок редкого типа с двумя отверстиями для крепления в основании пера (рис. 4А, 32). Аналогичные экземпляры найдены в нижнем слое Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 85, № 1127–84). Также редким типом, но постоянно встречающимся в ранних слоях городищ дьякова типа (Кренке, 2011. Рис. 85, № 2523–84), является втульчатая стрела с тупым концом и тремя лопастями (рис. 4А, 22).

Помимо стрел к метательному оружию относятся два однозубых гарпуна (рис. 4А, 5, 6), один из которых с муфтой. Гарпун с муфтой был найден в нижней части верхнего слоя (возможно, переотложен), другой – в предматериковом горизонте. К.А. Смирнов обоснованно относил тип однозубых гарпунов с муфтой к ранней стадии дьяковской культуры, датировал временем не позднее IV–III вв. до н.э. (1974. С. 35). Однозубый гарпун с муфтой был найден на соседнем с городищем Круглица городище Боровский курган в слое, для которого получена радиоуглеродная дата, указывающая на IV–II вв. до н.э. (Кренке, Лопатина, 2008. С. 376. Рис. 8, 7).

Коллекция, судя по описям, насчитывала семь костяных рукояток ножей, из которых пять имели грибовидное завершение. Все они залегали в среднем и нижнем слоях, в том числе две рукояти происходили из предматерикового горизонта. Орнаментированная рукоять (рис. 4А, 1) была найдена рядом с участком, нарушенным позднесредневековым погребением, поэтому ее относительно неглубокое залегание в верхней части нижнего слоя (46 см от поверхности) – возможно, следствие переотложения. Орнамент на рукояти имеет специфические особенности: две группы вертикальных линий-бороздок, которые разделены свободными полями. Эти поля в свою очередь разделены на верхнюю и нижнюю зоны двумя ломаными горизонтальными линиями и полосами “зубчиков”. Ближайшие аналогии данному орнаменту можно увидеть на рукоятях с селища Дубровицы II (Кренке, 2011. Рис. 244, 2), Мутенковского (Сидоров, 2002. Рис. 27, 15) и Старшего Каширского городищ (Городцов, 1933. Рис. 8, 3, 4; Сидоров, Смирнов, 1999).

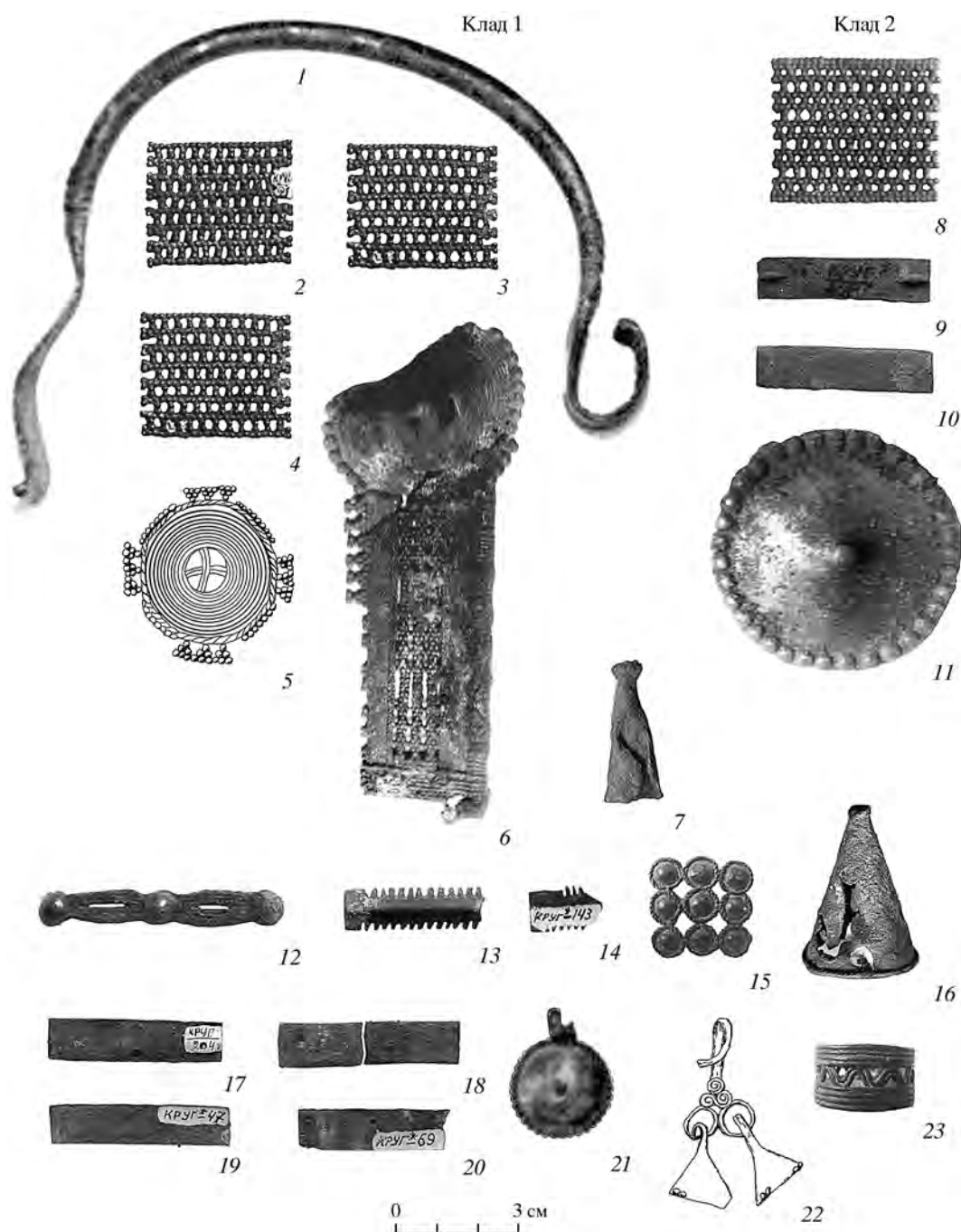

Рис. 6. Бронзовые украшения из раскопок городища Круглица. Фонды Раменского музея (15, 23) и музея "Новый Иерусалим".

Массовая серия находок из нижнего слоя – костяные ножи (15 экз.). Их форма, вероятно, подражает форме железных ножей. Спинка дугообразная или "горбатая" (рис. 4Б). На лезвиях имеются следы заполировки от работы. Идентичные по форме ножи представлены в нижнем слое Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 86) и городища Боршева (Крис, Чернай, 1980. Рис. 2). Также находят параллели в

нижнем слое Дьякова городища найденные на Круглице костяные долота (6 экз.) и струги на ребрах (2 экз.).

В основании нижнего слоя в комплексе постройки была найдена половинка глиняного орнаментированного "рогатого кирпича", подробно описанная в публикации А.С. Сыроватко (2003). Ближайшие

аналогии этой находке с городищ Мамоново и Ростиславль указывают на ее раннюю датировку.

Железные изделия нижнего слоя представлены единичными находками. Среди них имеется фрагмент ножа, форма которого не вполне ясна (рис. 4Б, 11).

В нижнем слое была также найдена стеклянная бусина синего цвета с белыми глазками (рис. 4Б, 13). На городищах дьякова типа такие бусины встречены несколько раз (Знаменское, раскопки 2005 г.; Дьяково, Щербинское, Боршева, Старшее Каширское, Мутенковское). Вероятная дата их поступления в Московецкий регион – IV–III вв. до н.э. (Кренке, 2011. С. 55).

Одна из наиболее интересных и в то же время загадочных находок из нижнего слоя – костяной стержень с навершием в виде зооморфной объемной фигурки (рис. 4В). Предмет был найден в верхней части нижнего слоя в горизонте постройки на глубине 60 см от поверхности. Форма стержня напоминает кочедык. Лицевая поверхность заполирована и орнаментирована линейными нарезками в виде шевронов или “елочки”. В навершии проделано два взаимоперпендикулярных отверстия (одно под брюхом фигурки, другое – между ее задними ногами). Безусловно, эти отверстия были функциональными, через них продевался какой-то ремень или веревка. Фигурка, по-видимому, изображает медведя. Подобные костяные стержни с зооморфными навершиями – редкая находка на городищах дьякова типа. Некоторую аналогию предмету с Круглицы составляют находки с городищ Щербинское (Дубынин, 1974. Табл. IV, 16) и Ростиславль (Тавлинцева Е.Ю. Доклад на Подмосковном семинаре 2011 г.). Объемное изображение головы медведя дважды встречено на рукоятях ножей (Старшее Каширское городище), изображение фигурки зверя целиком на предмете с городища Круглицы для городищ дьякова типа уникально. Х.И. Крис сравнивала находку из Круглицы с зеркалом, имеющим изображение медведя на конце рукояти, из скифского кургана, раскопанного в районе г. Майкоп. Тем не менее исследовательница пришла к выводу, что навершие из Круглицы – это местное изделие, созданное под воздействием среднедонских образцов скифского звериного стиля (Крис, 1981. С. 179). Отдаленная аналогия происходит из Подчеремского клада (рис. 4Г), который моложе находки из Круглицы.

Керамический комплекс нижнего слоя представлен серией текстильных и гладкостенных горшков усеченно-конической формы (рис. 5). Венчики образуют “континуитет” форм от слабоогнутых внутрь до отогнутых наружу. Максимальный диаметр приходится на плечико в верхней части сосу-

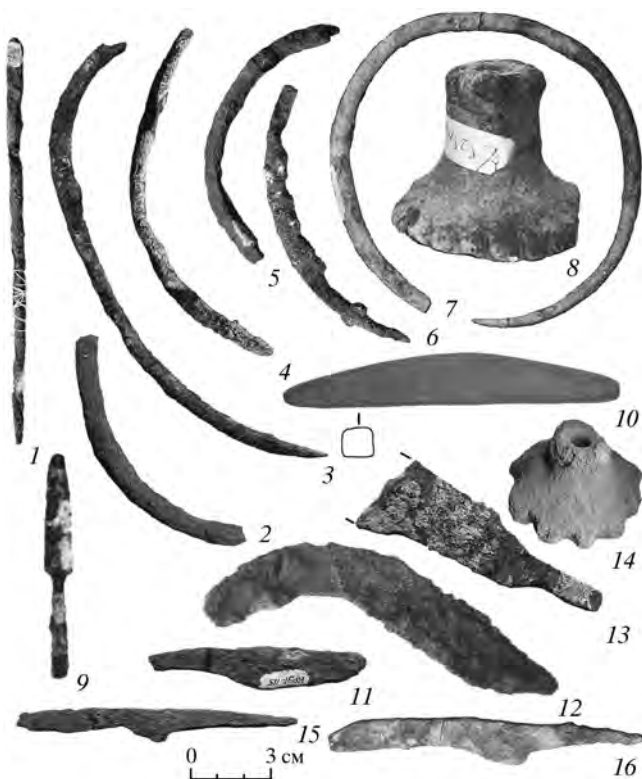

Рис. 7. Железные, глиняные и каменные предметы рубежа эр – первых веков н.э. из раскопок городища Круглицы. Фонды Раменского музея (7, 8, 16) и музея “Новый Иерусалим”.

да. Орнаменты на текстильной керамике городища Круглицы сочетают как общераспространенные в пределах Московечья типы – двудольные ямки (рис. 5, 11), ямки-розетки (рис. 5, 6, 9), круглые неглубокие ямки с плоским дном (рис. 5, 4), так и характерные для более южного региона. К последним относятся сквозные отверстия под венчиком (рис. 5, 4, 12). Подквадратные ямки (рис. 5, 5) зафиксированы также на керамике городища Капотня (Сыроватко, 2009. Рис. 87).

Позднедьяковский комплекс. Находки, относящиеся к первым векам н.э., в основном залегали в верхнем и среднем слоях городища. Наиболее яркий комплекс позднедьяковских украшений – скопление предметов на уч. 22, который примыкал к окопу 1941 г. По всей видимости, это клад, так как вещи обладают признаками стилистического единства, хотя и залегали на различных глубинах (рис. 6). Вероятно, клад был нарушен при рытье окопа. Всего на уч. 22 найдено семь предметов: два из них сохранились в коллекции, еще четыре известны по фотографиям и рисункам; один предмет известен только по тексту описи – это привеска № 43. В набор клада входили: 1) литая гривна круглого сечения с уплощенными концами и рубчиками при переходе к ним (рис. 6, 1); 2) булавка с навершием,

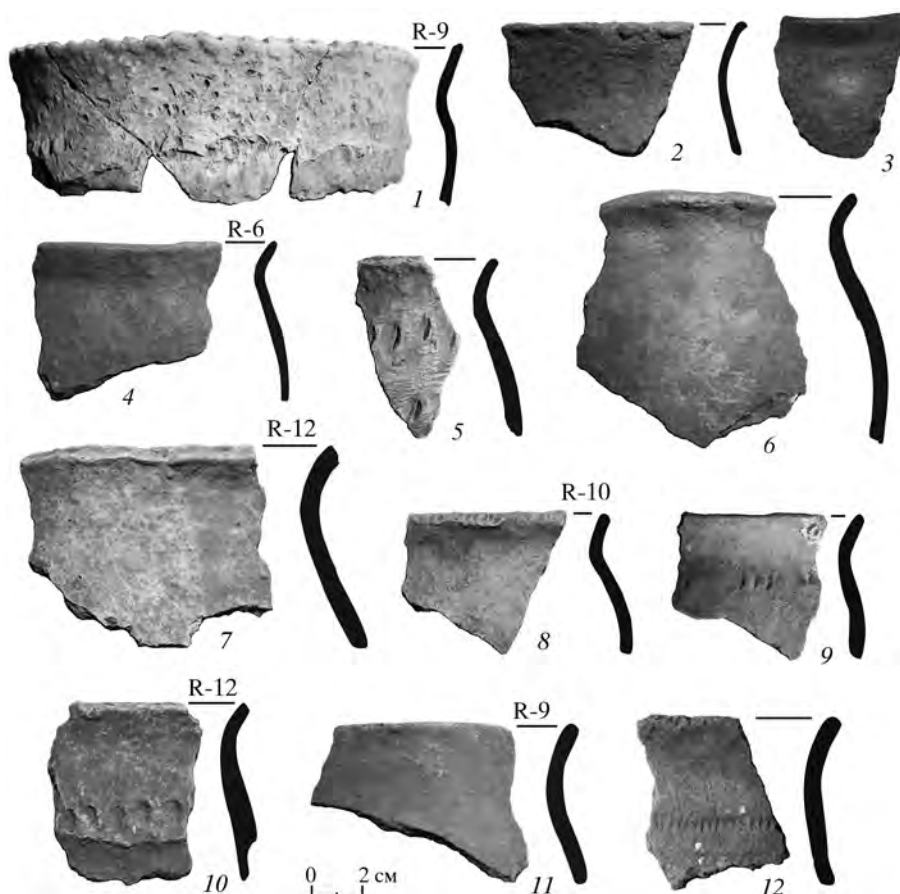

Рис. 8. Керамика первых веков н.э. гладкостенная, текстильная (1, 5) и лощеная (3, 6) из раскопок городища Круглица. Фонды музея “Новый Иерусалим”.

включавшим умбон и ажурное полотно, декорированное зернью (рис. 6, 6); 3) круглая бляшка с прорезью в центре и бордюром из зерни по периметру (рис. 6, 5); 4) три квадратные нашивные ажурные (решетчатые) зерненные бляшки (рис. 6, 2–4). Декор бляшек и булавок включает группы шариков зерни, объединенные в треугольники и Х-образные фигуры.

Ближайшие аналогии данному кладу – клады 1 и 2 с Щербинского городища² (Дубынин, 1974. Табл. 27), где найдены бляшки-решетки и гривна, а также клад с городища Подмоклово, откуда происходит близкая по орнаментике биметаллическая булавка с навершием (Успенская, 1971. Рис. 1). Фрагмент аналогичной гривны входил в состав клада с Троцкого городища (Древнее поселение в Подмоковье, 1970. Рис. 19, 1). Опорное значение для датировки клада с городища Круглица имеют аналогии

с Первым Щербинским кладом, “хроноиндикатором” которого служили умбонovidные серьги-подвески. А.Ф. Дубынин датировал щербинский клад III–IV вв. н.э. (1967. С. 104). В результате раскопок Дьякова городища 1981–1987 гг. появились основания удревнить возраст умбонovidных привесок рассматриваемого типа до I–II вв. н.э. (Кренке, 2011. С. 80). Основаниями для передатировки стали данные о стратиграфическом положении умбонovidных привесок, аналогичных украшениям щербинского клада (ниже горизонта залегания украшений с эмалью) и результаты радиоуглеродного датирования образцов из культурного слоя Дьякова городища. Таким образом, предположительная датировка клада 1 с городища Круглица – I–II вв. н.э.

Второе скопление бронзовых украшений (рис. 6, 8–11) обнаружено на границе уч. 63 и 73. Это место было нарушено поздней ямой XVII в. На дне ямы и в ее заполнении найдены четыре позднедьяковских украшения: квадратная ажурная зерненная бляшка, две продолговатые гладкие пластинки-нашивки, круглая умбонovidная бляшка с декором из крупной зерни по периметру. Это скопление украше-

² Второй Щербинский клад найден В. Кружковым в 1960-е годы после завершения раскопок городища. В 2007 г. клад приобретен у перекупщиков М.И. Гоняным и экспонируется ныне в Подольском музее.

ний лишь условно можно обозначить как “клад 2”. Зерненная ажурная нашивная бляшка тождественна украшениям, найденным на Щербинском городище, и очень близка к бляшкам из клада 1. Отличия украшения из “клада 2” заключаются в том, что оно чуть крупнее, у него больше рядов – девять, а не семь, как у бляшек из клада 1; верх и низ бляшки обрамлены каймой, состоящей из двух рядов зерни. Можно предполагать, что одновременно бытовали квадратные ажурные зерненные бляшки “простого” и “сложного” вариантов. Они, видимо, занимали определенные места в костюме. Это предположение подкрепляется доказанным фактом, что умбоновидные бляшки “простого” и “сложного” типов входили в состав одного набора украшений (Кренке и др., 2011). Гладкая умбоновидная круглая бляшка (рис. 6, 11) близка по размеру к умбоновидному навершию булавки. Точные аналогии авторам не известны. Нашивные гладкие бляшки-пластинки с ушками для пришивания на оборотной стороне (рис. 6, 8, 9) имеют аналогию в нижнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 139, № 400-82) и соответственно датируются ранее рубежа эр.

Продолговатая бляшка, состоящая из трех бляшек-скорупок, соединенных жгутиками плетенки (рис. 6, 12), стилистически близка бляшке с городища Соколова гора (Трубникова, 1960. Рис. 1, 9). Датированные аналогии авторам не известны, по стилистическим особенностям украшение можно отнести к первым векам н.э.

Нашивные двускатные бляшки с зубчатым краем (рис. 6, 13, 14) также имеют аналогии в находках из нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища и городища Соколова гора (Трубникова, 1960. Рис. 1, 11), городища Настасьино, верхняя дата которого около рубежа эр.

Нашивное украшение, состоящее из девяти соединенных в три ряда круглых бляшек-скорлупок с окантовкой плетенкой (рис. 6, 15), имеет аналогию в инвентаре могильника Усть-Белая (Башенькин, Васенина, 2004. С. 22. Рис. 13, 10), который датируется в пределах I–IV вв. н.э. Курган 2 могильника Чагода 1, в котором была найдена тождественная бляшка (Башенькин, 1995. С. 14. Рис. 5, 1), датирован автором раскопок не позднее II в. н.э.

Умбоновидная серьга с дужкой для прикрепления и обрамлением из зерни (рис. 6, 21) относится к типу 4 (по Н.А. Кренке и Е.Ю. Тавлинцевой) и датируется в пределах I–II вв. н.э. (Кренке и др., 2011. С. 144).

Конусовидные бубенчики (рис. 6, 7, 16) имеют датированные III в. н.э. аналогии в рязано-окском

могильнике Кораблино (Белоцерковская, 2007. Рис. 8, 5), но время их бытования, безусловно, шире. По публикации И.Г. Розенфельдт известен еще один бубенчик с городища Круглица (1982. Рис. 3, 10). Он имеет петлю для подвешивания на высокой прямой витой “ножке” и конус с прорезями. Этот тип бубенчиков найден на городище Дьяково в верхнем горизонте верхнего слоя (Кренке, 2011. С. 67. Рис. 144, № 88-81, 361-83), вероятная датировка – III–IV вв. н.э.

В группу наиболее поздних предметов входит типичная москворецкая серьга-подвеска с двумя пластинчатыми трапециевидными привесками, нижние углы которых украшены шариками зерни, по два в каждом углу (рис. 6, 22). Видимо, в коллекции был еще один обломок аналогичной серьги. Он известен лишь по публикации (Розенфельдт, 1982. Рис. 7, 15). Серьги данного типа были отнесены И.Г. Розенфельдт к типу V и датированы VII в. (1982. Рис. 9). Данная датировка представляется сильно омоложенной. Судя по стратиграфии Дьякова городища, на котором также найдены аналогичные украшения (Кренке, 2011. С. 64), и аналогиям из рязано-окских могильников (Заречье IV, погр. 116 А), серьги данного типа относятся ко второй половине III в. н.э. (Белоцерковская, 2007. С. 198; Белоцерковская, Ахмедов, 2009. Рис. 6, 17).

Перстень литой ажурный однозигзаговый (рис. 6, 23) выделен И.Г. Розенфельдт в тип 5 (1982. С. 95). Аналогия имеется на Троицком городище (Древнее поселение в Подмоскowie, 1970. Табл. 19, 7).

Группа железных предметов включает целое несомкнутое кольцо-заготовку с приостренными концами (рис. 7, 7), обломки аналогичных заготовок (рис. 7, 2–6), а также стержни (рис. 7, 1), два серпа (рис. 7, 12, 13), ножи (рис. 7, 11, 15, 16) и стрелу (рис. 7, 9). Аналогичная стрела найдена на городище Дьяково в нижнем горизонте верхнего слоя (Кренке, 2011. С. 56. Рис. 136, № 361-82). Кольца-заготовки также характерны именно для нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища, верхняя дата которого вряд ли выше рубежа эр. Обращает на себя внимание отсутствие среди находок такой массовой категории, как двушипные железные стрелы, которые были характерны для первых веков н.э.

Глиняных грузиков на памятнике найдено 32. Лишь у нескольких форма полностью ясна. Крупные двуплощадочные грузики (рис. 7, 8) по аналогии с находками из нижнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища могут датироваться рубежом эр или чуть ранее. Маленькие конические грузики (рис. 7, 14) типичны для позднедьяковских комплексов первых веков н.э. (Смирнов, 1971).

Глиняных бусин овальной, конической и цилиндрической форм найдено 20 экз. Важно отметить, что при большой серии находок глиняных бусин в коллекции с городища Круглица (что говорит о хорошем качестве поиска находок), в ней почти нет стеклянных бус. Такое соотношение имеет хронологическое значение. Аналогичное соотношение глиняных и стеклянных бус можно найти лишь в нижнем горизонте верхнего слоя Дьякова городища.

Единственная золотостеклянная “двойная” бусина, упомянутая в описи 1956 г. (находка № 56), была найдена почти у поверхности (пласт 0–10 см). На городище Дьяково аналогичная бусина (№ 423-83) найдена в среднем горизонте верхнего слоя на уровне “горизонта эмалей” (Кренке, Румянцева, 2008. Рис. 2) и может в данном случае датироваться III – началом IV в. н.э. Каменному “утюжку” продолговатой формы с уплощенными концами (рис. 7, 10) имеются аналогии в верхнем слое Дьякова городища.

Керамический комплекс позднедьяковского времени с городища Круглица представлен серией характерных форм: венчики отогнуты наружу и имеют дугобразную форму. Аналогии можно найти в керамике из нижнего и среднего горизонтов верхнего слоя Дьякова городища. Характерен также и набор орнаментов: отпечатки палочки, обмотанной веревочкой, на шейке горшков (рис. 8, 12), по торцу венчика (рис. 8, 2, 8); защипы с отпечатками ногтей (рис. 8, 1, 5, 9, 10). Важно подчеркнуть, что в коллекции есть фрагменты текстильных горшков, форма и орнаментация которых отличается от ранней текстильной керамики и соответствует позднедьяковской посуде (рис. 8, 1, 5). Ранее этот факт отмечался на материалах из верхнего слоя Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 205). Возможно, профилированную текстильную керамику с ногтевым орнаментом, защипами следует рассматривать как “переходную” от “раннедьяковской” к “позднедьяковской” традиции. Другая версия – в нижнем течении Москвы-реки в первых веках н.э. сохранялась “параллельная” традиция изготовления посуды с текстильными отпечатками. “Настоящей” лощеной керамики в коллекции практически нет. Есть лишь отдельные фрагменты, где подлощенность дает слабый блеск (рис. 8, 3, 6). Форма подлощенной керамики аналогична гладкостенной. Хронологическое значение имеет отсутствие на городище Круглица сосудов с высокими “воротничковыми” венчиками, отогнутыми наружу под углом, столь характерными для верхнего горизонта верхнего слоя Дьякова городища.

Подводя итог обзору материалов из раскопок городища Круглица, можно сделать следующие

выводы. Городище возникло на месте, где имелись следы человеческой деятельности в эпоху неолита и бронзового века. Возникновение собственно городища, видимо, относится к рубежу VI/V–V в. до н.э. В IV–II вв. до н.э. происходило интенсивное накопление культурного слоя, горизонты наземных построек сменяли друг друга не менее 3–4 раз. Система укреплений в несколько рядов опоясывала в это время площадку городища. Вероятно, внешний ряд укреплений проходил по эскарпу у подножия холма, в результате чего на его склонах накопился значительный по мощности культурный слой (2 м), состоящий из свиты углисто-золистых прослоек и напластований с преобладанием бурой органической составляющей. В культурном отношении население, проживавшее на городище Круглица, было очень близко к другим москворецким группам. Удалось выявить лишь некоторые своеобразные черты в орнаментации керамики.

В I в. до н.э. – I в. н.э. жизнь на поселении продолжалась, но менее интенсивно, судя по меньшему числу находок сравнительно с более ранним периодом. Финал этого этапа отмечен кладом (кладами?) и отдельными находками бронзовых украшений, составлявших типичный москворецкий женский убор I–II вв. н.э. В III – начале IV в. какая-то жизнедеятельность продолжалась на поселении, но в еще меньшем масштабе. Она фиксируется лишь по единичным находкам. После этого поселение на площадке городища заустевает. Эпохи средневековья, нового и новейшего времени оставили здесь след от неоднократных посещений и разных видов деятельности.

Авторы выражают признательность сотрудникам Историко-архитектурного и художественного музея “Новый Иерусалим” Н.И. Сафоновой, С.В. Беловой, В.В. Сидорову за помощь в работе с коллекцией, а также сотрудникам Раменского краеведческого музея. Авторы благодарят за возможность ознакомиться с материалами разных памятников: Ю.Д. Разуваева (городище Знаменка); М.И. Гоняного (Второй Щербинский клад) и Е.Ю. Тавлинцеву за консультации; А.В. Энговатову (городище Настасьино).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в молодого-шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории северо-запада Руси. СПб., 1995.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кабоже // Чагодошская земля: культура, история, люди. Вологда, 2004.

- Белоцерковская И.В.* Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. до н.э. М., 2007.
- Белоцерковская И.В., Ахмедов И.Р.* Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–IV вв. н.э. // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004. М., 2009.
- Городцов В.А.* Старшее Каширское городище // Изв. ГАИМК. Вып. 85. М.; Л., 1933.
- Городцов В.А.* Подчеремский клад // СА. 1937. № 2.
- Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1970.
- Дубынин А.Ф.* Клад Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112.
- Дубынин А.Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Калайдович К.Ф.* Письма об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлинцева Е.Ю.* Клад украшений с городища Дютково // РА. 2011. № 1.
- Кренке Н.А., Лопатина О.А.* Городище Боровский курган // Археологические памятники Подмоскowie. Вып. 4. М., 2008.
- Кренке Н.А., Румянцева О.С.* Стекланные бусы Дьякова городища // РА. 2008. № 2.
- Кренке Н.А., Чаукин С.Н.* История исследования городища Круглица в 1956 и 1957 гг. // Археология Подмоскowie. Вып. 8. М., 2012.
- Крис Х.И.* Предметы звериного стиля из дьяковских городищ // СА. 1981. № 1.
- Крис Х.И., Чернай И.Л.* Городища дьякова типа Боршева и Селецкое // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Пимакин Л.И.* Предварительный отчет об исследовательских работах, произведенных по открытому листу № 8 от 23/IV-1956 в Раменском р-не Московской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1396.
- Пимакин Л.И.* Предварительное сообщение о продолжении исследования городища “Круглица” в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2144.
- Розенфельдт И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
- Сидоров В.В.* Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. 1. Кашира, 2002.
- Сидоров В.В.* Мутенковское городище // Археология Подмоскowie. М., 2004.
- Сидоров В.В.* Корыстовское городище // Археология Подмоскowie. Вып. 2. М., 2005.
- Сидоров В.В., Смирнов К.А.* Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища // РА. 1999. № 1.
- Смирнов К.А.* К вопросу о систематизации грузиков “Дьякова типа” с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971.
- Смирнов К.А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974.
- Сыроватко А.С.* Орнаментированные “рогатые кирпичи” с дьяковских городищ Москворечья // РА. 2003. № 2.
- Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмоскowie в железном веке. М., 2009.
- Трубникова Н.В.* Городище Соколова гора под Москвой // Археологический сборник. М., 1960 (Тр. ГИМ; Вып. 37).
- Успенская А.В.* Остатки ювелирного производства на городище Подмоклово // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОМПЛЕКС КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА (Среднее Зауралье)

© 2013 г. А.Ф. Шорин, А.П. Зыков, Е.В. Вилисов

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
(shorin_af@mail.ru)*

Ключевые слова: *Среднее Зауралье, Кокшаровский холм, культовый комплекс, средневековые, батырская культура.*

The article analyzes the medieval assemblage from Koksharovsky Kholm in the Middle Trans-Urals and substantiates the assumption that it belongs to the Batyrskaya archaeological culture, which dates to the second half or the end of the 6th – the 7th – the middle of the 8th c. The Batyrskaya culture is native to the forest Trans-Urals and should probably be interpreted, together with the Lower Ob' culture, as part of the Ob'-Irtys' historical and cultural complex, in the southwest region of which it was located. The artifacts in the Batyrskaya assemblage from Koksharovsky Kholm (bronze sheath, iron knife and stem arrowhead, 2 daggers, fragments of 36 vessels) and the fact that the assemblage was found at the top of the hill allow interpreting the location both as a dwelling-site and as a ritual site.

При раскопках Кокшаровского холма в Верхне-салдинском городском округе Свердловской обл. на его вершине обнаружен комплекс находок второй половины I тыс. н.э., оставленный населением батырской археологической культуры. Памятник представляет собой земляную насыпную возвышенность диаметром до 40 м и высотой до 3.5. Этот искусственный холм возведен в качестве святилища неолитическими коллективами в V–IV тыс. до н.э. (Шорин, 2010).

Комплекс находок эпохи средневековья в раскопках 1995–2010 гг. представлен железными кинжалом, ножом и наконечником стрелы, а также фрагментами керамики не менее чем от 36 сосудов. Еще один железный меч найден на холме во время раскопок 1957–1960 гг. (Россадович и др., 1968. С. 266, 267. Рис. 5, 1). Возможно, к этому же комплексу относятся железный нож, бронзовые ножны (Рябов, 1855. С. 4, 5; Чернецов, 1957. С. 158, 159. Табл. VII, 1) и два железных меча (Баранов, 2002. С. 213, 215. Рис. 1, 4), найденные при любительских раскопках бугра или близ него. Бронзовая литая обкладка парадных ножен ножа хранится в ГИМ, нож и мечи утеряны.

Описание находок. Фото бронзовых ножен без масштаба опубликовано В.Н. Чернецовым. Приблизительная их длина – около 25–35 см (рис. 1, 2). “Ножны ... украшены ... одним, объемным, изображением зверя, расположенным сбоку около верхнего конца. В остальных частях ножны почти

не орнаментированы, за исключением гладких выпуклых поясков и арочного узора по нижнему краю. Фигура зверя, – по-видимому, соболя, – выполнена с большим мастерством в реалистической манере и лишена каких-либо орнаментальных деталей. Поверхность ножен тщательно отшлифована” (Чернецов, 1957. С. 158, 159. Табл. VII, 1)¹.

Меч из раскопок А.И. Россадович, судя по опубликованной фотографии без масштаба (Россадович и др., 1968. С. 266. Рис. 5, 1), скорее всего, – крупный кинжал с длиной клинка не более 30–35 см. Он имел плоский, слегка зауживающийся к вершине, длинный черен рукояти с отверстием и железной заклепкой в нем для крепления деревянных обкладок. Плечики клинка ромбического сечения – прямые, перпендикулярные черену. Кинжал соответствует самому позднему, третьему типу сарматских мечей и кинжалов без металлических наконечников и может датироваться второй четвертью – серединой I тыс. н.э. (Хазанов, 1971. С. 17). Металлографическое микроструктурное исследование поперечного сечения клинка и черена рукояти выявило, что они имеют одинаковую структуру заэвтектоидной закаленной стали с содержанием углерода 1.49%, со-

¹ В публикациях А.Ф. Шорина (2003. Рис. 14, 1, 2; 2007. Рис. 16, 1, 2) в отмеченных рисунках как материалы, происходящие из района д. Кокшарово, неправильно были помещены ножны и наконечники кинжала с р. Печора. Ошибка вызвана опечаткой в подписи к табл. VIII статьи В.Н. Чернецова, в которой, судя по тексту, кокшаровскими являются ножны, помещенные не под № 2, а под № 1 (1957. С. 158, 159).

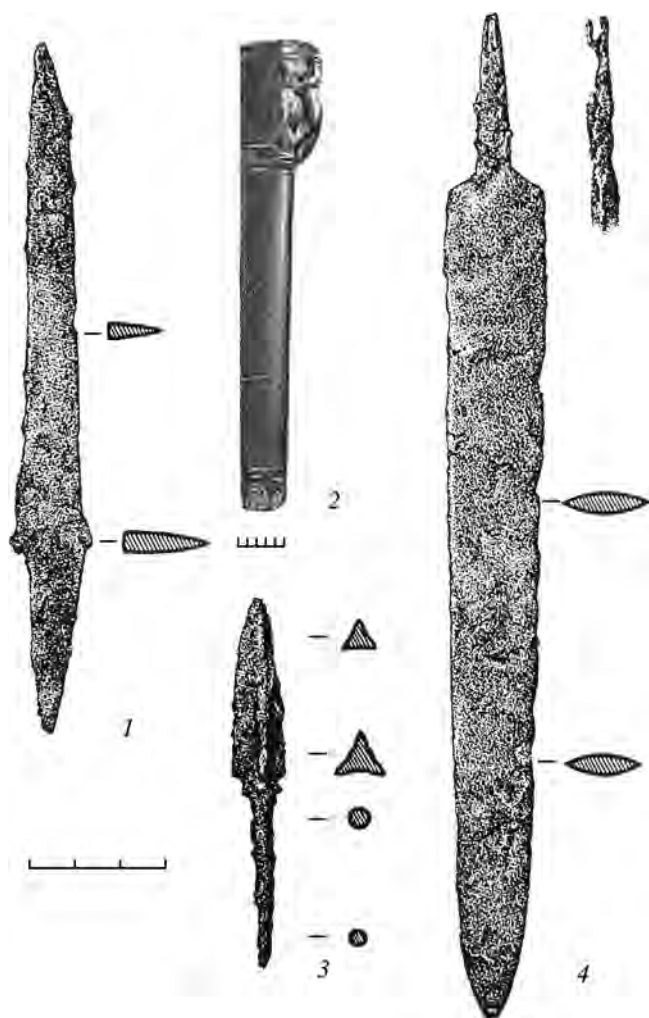

Рис. 1. Батырский культовый комплекс. 1 – нож; 2 – ножны; 3 – наконечник стрелы; 4 – кинжал. 1, 3, 4 – железо; 2 – бронза.

стоящую из вытянутых зерен перлита в окружении сетки цементита (Россадович и др., 1968. С. 266. Рис. 4, 3–5).

Это отнюдь не единственный предмет клинкового оружия, изготовленный по столь трудоемкой технологии. В составе Холмогорской коллекции таежной зоны Северо-Западной Сибири конца III – первой половины IV в. н.э. клинок одного кинжала с прямым перекрестием и кольцевым навершием, изученный металлографически, имел близкую структуру сверхвысокоуглеродистой стали с содержанием углерода около 1,2% без следов термической обработки. Микротвердость образца составляла 356 кг/мм². Единственное отличие холмогорского кинжала от кокшаровского – клинок первого имел пакетную структуру из не менее четырех одинаковых полос, сваренных кузнечной сваркой (Зыков, 1993. С. 155. Рис. 4; 5, г; Зыков, Федорова, 2001. С. 151. Табл. 1. Рис. 31).

Клинки металлографически исследованных трех длинных кавалерийских мечей второй половины II – первой трети III в. н.э. позднесарматского могильника Лебедевка VI также изготовлены из сверхвысокоуглеродистой стали с содержанием углерода 1,35–1,38% без признаков применения закалки. Микротвердость образцов – 149–161 кг/мм² (Железчиков, Порох, 1993. С. 88–92). Три точно таких же по технологии длинных меча происходят из могильников Тюм-Тюм, Усть-Брыскинского и Гремячинского азелинской культуры III–V вв. лесного Приуралья. Их клинки целиком сделаны из “заэвтектидной стали с однородной перлитной структурой, с цементитной сеткой и избыточным цементитом в виде игл, микротвердость 254 кг/кв. мм” (Терехова и др., 1997. С. 143. Рис. 4, 3).

Эта серия сверхвысокоуглеродистых мечей и кинжалов первой половины I тыс. н.э. могла быть произведена только в высокоспециализированных оружейных кузнечных мастерских крупных городских центров. Кузнецы степей Южного Урала, лесной зоны Урала и Северо-Западной Сибири в этот период такого клинкового оружия сделать бы не смогли. Это явные импорты из каких-то высокоорганизованных центров. Из каких именно, можно только предполагать: города Средней или Центральной Азии, Северного Китая?

Железный кинжал имеет длину 29,5 см без навершия и перекрестия (рис. 1, 4). Клинок ланцетовидной двулезвийной формы длиной 24,7 см, шириной до 3. Сечение его линзовидное. Плечики клинка покатые, с плавным переходом к плоскому черену рукояти. Ширина черена – до 1 см. В верхней части он имеет сквозное отверстие, в котором сохранилась шпилька из согнутой вдвое медной проволоки, при помощи которой крепились деревянные обкладки рукояти. По типологии А.М. Хазанова этот образец относится к наиболее распространенному среди сарматских мечей и кинжалов 2-му типу. Подобные изделия датированы первой половиной I тыс. (Хазанов, 1971. С. 17. Табл. X, 1–3, 5; XI, 1, 2, 4–7; XIII, 1, 2).

Универсально-хозяйственный железный нож имеет общую длину 15,4 см (рис. 1, 1), относится к типу с коленчатым уступом при переходе от спинки к короткому плоскому широкому черенку. Длина лезвия – 11,4 см, максимальная ширина в наименее сточенном месте – 1,7 см, толщина спинки – 0,45. Сечение клинка клиновидное, заточка двусторонняя. Лезвие ножа сточено, что свидетельствует о его достаточно длительном использовании. Это обычный для памятников второй половины I тыс. нож с плоским коротким череном. Во II тыс. они так же изредка встречались, но абсолютно в это

время преобладали ножи с длинными шиловидными прямоугольного сечения черенами.

Железный черешковый наконечник стрелы относится к группе трехгранно-трехлопастных, к типу наконечников с пером удлинненно-треугольной формы, до половины длины его занимает массивное трехгранное ударное острие, а нижняя расширяющаяся его часть трехлопастная с покатыми, почти прямыми плечиками. Данный экземпляр по наличию на нем хорошо выраженного упора для древка в верхней части круглого в сечении черешка относится к варианту этого типа (рис. 1, 3), так как существует и вариант удлинненно-треугольных трехгранно-трехлопастных без упора наконечников стрел, распространенных на территории Северо-Западной Сибири. Вообще, это редкая группа железных наконечников стрел. Так, А.П. Зыковым на основе анализа 1243 экз. разработана типология наконечников стрел Северо-Западной Сибири периода от начала I тыс. до XVI–XVIII вв. (2008. С. 16, 17). Среди них все учтенные трехгранно-трехлопастные наконечники, включая и кокшаровский, насчитывают 12 экз., т.е. всего лишь 0.9%. Самый ранний надежно датированный наконечник этой группы происходит из насыпи кургана 1 могильника Рёлка, в погр. 2 и 7 которого были найдены бронзовые накладки-псевдоряжки конца VI – VII вв.; остальные вещи комплекса не противоречат этой датировке (Чиндина, 1977. Рис. 3, 14; 4, 9; 6, 15). Самые поздние надежно датированные трехгранно-трехлопастные наконечники происходят из комплексов конца IX – X в.: погр. 130 и 158 могильника Усть-Балык (Семенова, 2001. С. 37, 38. Табл. 16). Все остальные известные наконечники этой группы происходят из комплексов, датированных между этими двумя хронологическими реперами, либо из комплексов, не имеющих надежной даты. Находка на Кокшаровском холме, скорее всего, близка нижнему пределу времени существования трехгранно-трехлопастных наконечников стрел.

Из 36 средневековых сосудов у 11 (30.5% от общего числа) восстанавливаются диаметр горла, форма тулова, поэтому возможна графическая реконструкция. Однако во всех случаях форма дна сосудов не ясна, хотя можно предположить, что все они имели округлую форму. Девять реконструируемых сосудов представлены горшками, два небольших, с диаметром горла 10.8–12.5 см – банки. Из горшков семь имели высокие закрытые, а два – короткие прямые шейки. Венчики их самые разнообразные: прямые с внешним и внутренним карнизами, скошенные назад, часто с карнизом.

По орнаментации можно выделить следующие типы. Тип 1 – 17 сосудов, 47.2% от общего числа

(рис. 2А)². Они украшены отпечатками шнура (веревочки). Сосуды этого типа представлены крупными горшками с диаметром горла 16.6–32.2 см. Венчики плоские и скошенные назад. Собственно сосудов, украшенных только шнуровой орнаментацией, в этом типе практически нет – только два маленьких фрагмента стенок (рис. 2А, 11, 13). Во всех остальных случаях шнуровая орнаментация сочетается с оттисками гребенчатого штампа. Последние всегда покрывали поверхность венчиков.

Внутри этого типа выделяется подтип 1А – 4 сосуда (рис. 2А, 14, 16–18). Они орнаментированы не только оттисками шнура и гребенчатого штампа, но и оттисками решетчатых фигурных штампов: ромбического или овального (по два сосуда). Горшки имеют скошенные назад венчики, один из них – венчик с большим карнизом. У двух сосудов на шейках и на их внешней поверхности имелся ряд ямочных наколов, нанесенных поверх орнамента (рис. 2А, 16, 17). Это редкий для этого типа прием орнаментации.

Тип 2 представлен 15 сосудами (41.7% от общего числа), украшенными только оттисками гребенчатых штампов (рис. 2Б, 19–34), из них 5 графически реконструируются: 3 горшковидной и 2 баночной формы. На 11 шейках сосудов этого типа выявлено 7 скошенных назад венчиков (из них 4 с заметными карнизами) и 3 прямых (из них 2 с задними карнизами). На шейках этого типа ямочная зона встречается в большинстве случаев – 8 сосудов (72.7% от 11 шеек). Гребенчатые штампы во всех случаях с 3–5 мелкими тесно поставленными зубцами. Орнамент монотонный. Состоит из горизонтальных полос прямо или наклонно поставленных гребенчатых штампов, гребенчатой “елочки”, зигзага. Столбики из горизонтально поставленных в линию гребенчатых штампов встречаются только в четырех случаях: на одном сосуде такие столбики заключены между горизонтальными полосами на его шейке; на трех остальных они в качестве фестонов завершают орнаментальные композиции. Абсолютное большинство сосудов 2-го типа имеет довольно насыщенную орнаментацию, состоящую не менее чем из четырех горизонтальных полос оттисков гребенчатого штампа. Лишь на одном низкого горла горшке имелся относительно бедный орнамент из двух горизонтальных полос наклонно поставленных оттисков гребенчатых штампов (рис. 2Б, 27).

Сосуды Кокшаровского холма 2-го типа с гребенчатой орнаментацией, особенно со скошенными назад венчиками и с ямочной зоной на шейках,

² По одному из фрагментов этого типа (рис. 2А, 9) получена дата: Ki-16391: 1320±80 BP, 1σ 640–810 AD, 2σ 560–900 AD.

А

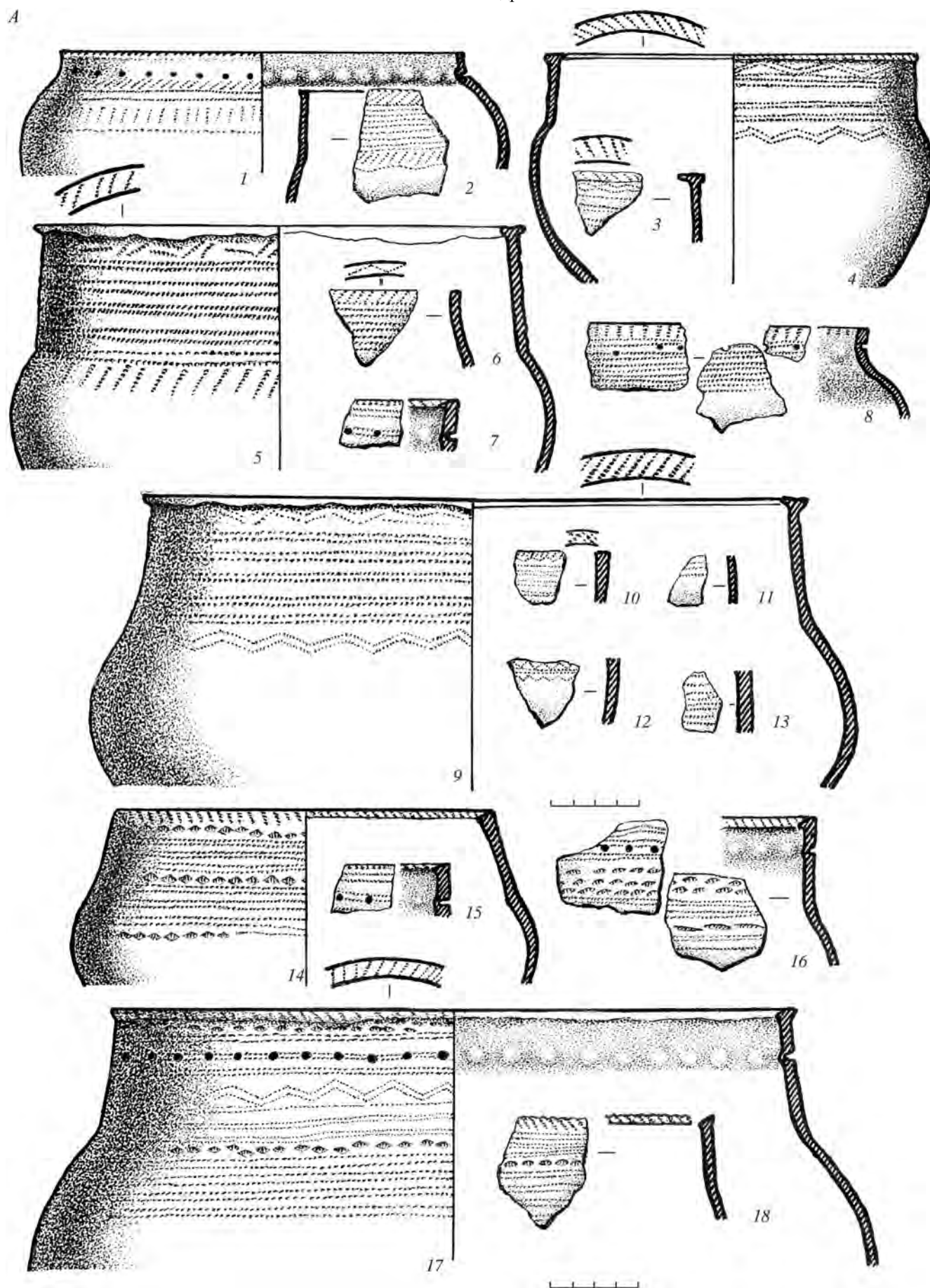

Рис. 2. Керамика батырской культуры. А – тип 1 (1–18); Б – типы 2 (19–34), 3 (35, 36) и оригинальный (37).

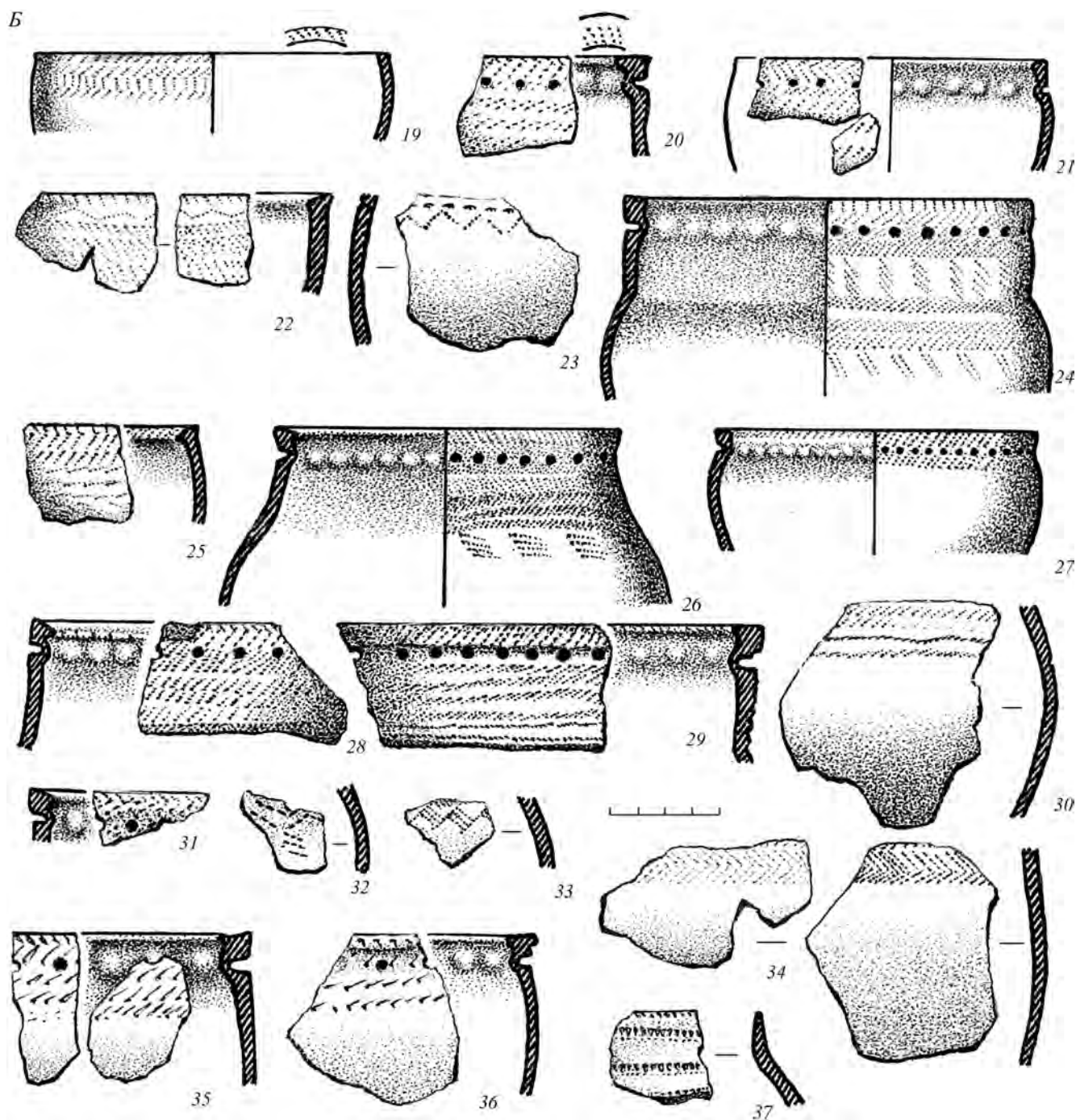

Рис. 2 (Окончание)

обнаруживают большую степень близости с некоторыми типами керамики карымского, зеленогорского и рёлкинского этапов нижнеобской культуры Северо-Западной Сибири.

Тип 3 представлен фрагментами двух сосудов (5.6% от общего числа), украшенных оттисками гладкой палочки (рис. 2Б, 35, 36). Фрагменты от сосудов, графическая реконструкция которых не-

возможна, скорее всего, имели баночную форму. Венчики плоские неорнаментированные. На одном имеется небольшое углубление, придающее венчику дуговидный профиль, на другом – внешний и внутренний карнизы. Оба сосуда имеют ямочную зону с внешней стороны шеек, причем ямки наносились уже поверх орнамента по еще сырой глине. На одном ямки на шейке чередовались с жемчу-

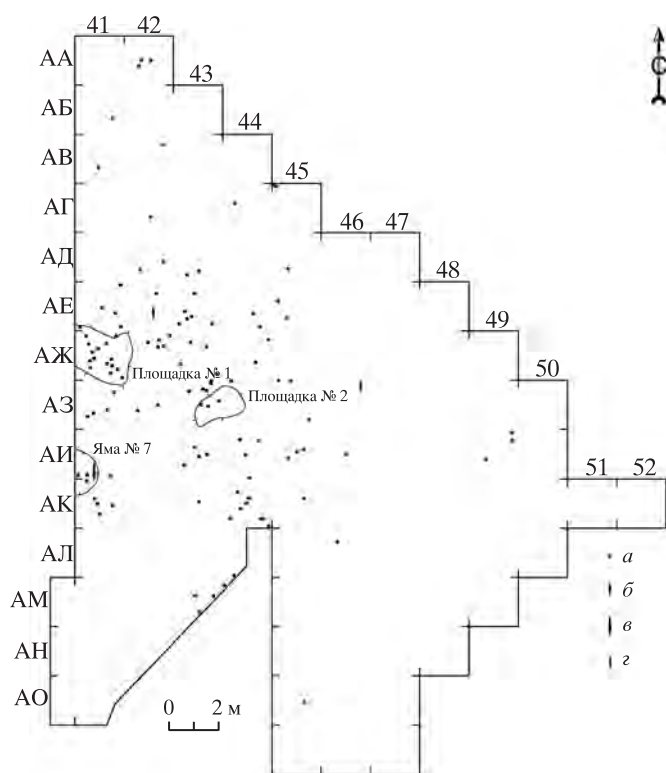

Рис. 3. Кокшаровский холм. Распределение средневековых артефактов в раскопах А.Ф. Шорина. Условные обозначения: а – фрагменты керамики батырского типа; б – наконечник стрелы; в – кинжал; г – нож.

жинами, оставленными ямкой, нанесенной с внутренней стороны шейки. Орнаментальная зона на обоих сосудах восстанавливается полностью. Она включает в себя четыре на одном сосуде (и пять на другом) горизонтальные полосы наклонных оттисков гладкой палочки. Эта зона располагалась сразу под венчиком в верхней части сосудов.

Оригинален фрагмент низкогогорлого горшка с приостренным венчиком и раздутым туловом (рис. 2Б, 37). Ямочно-жемчужная зона на шейке под венчиком отсутствует. Во всех остальных средневековых сосудах других типов Кокшаровского холма она встречалась в 59.3% случаев. На внешней поверхности сосуд орнаментирован горизонтальными линиями ровных оттисков двузубого гребенчатого штампа. Причем верхний зубец – крупный, каплевидный, а нижний – мелкий, точечковидной формы. Ровность линий оттисков, отпечатанных без сбоев через равные промежутки, заставляет предположить, что орнамент на этот горшок наносился прокаткой колесовидного орнамента, изготовленного из твердого материала (камня, керамики, кости, дерева).

Очевидно, фрагменты сосудов 1–3-го типов относятся к одному раннесредневековому керамиче-

скому комплексу. Они все близки друг к другу по форме венчиков, шеек; в тех случаях, когда удавалось реконструировать большую часть сосудов, и по раздутости тулова. Единственный отмеченный выше оригинальный фрагмент низкогогорлого горшка сильно отличается от всей остальной коллекции и по приостренному венчику, и короткой шейке, резко переходящей в раздутое тулово, и по технике орнамента. Вне всякого сомнения, этот сосуд также относится к средневековью. Единственная, но не близкая аналогия ему – низкогогорлый горшок с приостренным венчиком и раздутым туловом из сборов с поверхности горы Матаиха (Викторова, 2008. Рис. 4, 9).

Анализ планиграфии и стратиграфии залегания находок. Для полноценного анализа доступны только раскопы А.Ф. Шорина, которые охватили северные, восточные и частично центральные сегменты холма на площади около 400 м² (рис. 3). Подавляющая часть находок эпохи средневековья концентрируется в центральной части холма на площади около 70 м². К сожалению, более половины находок обнаружены в верхних переотложенных слоях и связать их с конкретными объектами невозможно. Стоит заметить, что верхние слои памятника во многих местах нарушены грабительскими ямами, шурфами и раскопами первой половины XX в. Это, несомненно, осложняет анализ распределения артефактов. Тем не менее удалось выявить ряд связей между особенностями их залегания и некоторыми объектами Кокшаровского холма.

Часть артефактов связана с небольшой насыпной площадкой, зафиксированной на уч. АЖ–А3/41–42. Это площадка (№ 1) подпрямоугольной формы размерами 2.4 × 2 м. Глинистый слой, составляющий ее, скорее всего, болотного происхождения и брался для подсыпки в прибрежной части озера, где присутствует подобная глина. В заполнении этого слоя и в непосредственной близости от площадки обнаружены фрагменты от девяти средневековых сосудов, а в 1.2 м к северо-востоку найден железный наконечник стрелы (рис. 1, 3). В 4 м к юго-востоку от площадки 1 зафиксирована небольшая площадка 2 размерами 2 × 1.1 м. Она сформирована тем же грунтом, что и первая. В ее заполнении и рядом залегали фрагменты от двух средневековых сосудов. Назначение этих насыпных площадок определить сложно. С известной долей осторожности можно предположить, что они были созданы средневековым населением и могли использоваться в культовых целях.

Возможно с периодом обитания на вершине холма средневекового населения связан еще один объект – яма 7, расположенная в 2.5 м к югу от

первой площадки. Раскопом вскрыта только восточная часть ямы. Ее размеры – $2.5 \times 1.7 \times 1.1$ м. Она подпрямоугольная в плане и разрезе, заполнена чередующимися слоями темно-серого суглинка с интенсивным включением углей и гальки и желтым переотложенным материковым песком. В яме и в 1–1.5 м от нее обнаружены железный кинжал и крупные фрагменты от четырех средневековых сосудов.

Культурная принадлежность и хронология комплекса. На керамическую посуду Среднего Урала, близкую сосудам Кокшаровского холма, впервые обратила внимание Е.М. Берс. Она отнесла ее к 2-му типу сосудов, встречающихся “на жертвенных местах и в погребениях, представленному невысокими бомбовидными сосудами с бортом или рубчиком по краю; эти сосуды покрыты по прямому горлу гребенчатыми или ложноверевочным орнаментом, обычно четко выполненным и не переходящим на шейку...” (Берс, 1951. С. 243). Здесь же Е.М. Берс дала подробное описание могильника в урочище Калмацкий Брод и опубликовала рисунки керамики и вещей, найденных при его раскопках. Она датировала могильник “сарматским временем с III в. до н.э. по II в. н.э.” (Берс, 1951. С. 213, 214. Рис. 3, 21; 6, 1–10). В 1959 г. на заседании сектора раннего железного века Института археологии АН СССР Е.М. Берс в докладе “Древнее металлургическое производство на горе Петрогром...” отнесла ряд памятников, прежде всего могильник Калмацкий Брод, к “калмацкой археологической культуре” (2004. С. 6). В другом издании Е.М. Берс называла изготовителями описываемого здесь типа керамики “калмацких людей..., живших на территории Свердловска и его окрестностей в III–V веках нашей эры... Сосуды, обнаруженные в погребениях Калмацкого Брода, так же как и обломки посуды, обнаруженные на жертвенных местах Чертова Городища, горы Матаихи, Шарташских Каменных Палаток, на скалах горы Петрогром, позволяют считать, что все эти памятники существовали одновременно” (1963. С. 103, 106, 107). К этой же группе памятников исследовательница была склонна относить комплекс так называемых нижних погребений с останками ориентированных головами к северу умерших Аятского могильника. Она его датировала IV–V вв. (Берс, 1963. С. 109. Рис. 26).

Позднее В.Д. Викторова эту группу керамики лесного Среднего Зауралья отнесла к батырскому типу (1969). Кроме находок на городище Батырь в среднем течении р. Тура небольшое количество фрагментов керамики этого типа было обнаружено на некоторых городищах и поселениях нижнего течения р. Тавда, верхнего и среднего течения

р. Тура, верхнего течения р. Исеть (Викторова, Морозов, 1993. С. 180–183. Рис. 4, 1–9, 11, 14). Но единственными памятниками с находками целых керамических сосудов батырского типа оставались грунтовые погребения могильников Калмацкий Брод и Аятский. По “стандартным, характерным для кочевников V–VI вв. наборам вещей...” из этих погребений В.Д. Викторова и В.М. Морозов датировали этим же временем существование батырского типа керамики в целом (1993. С. 181, 183. Рис. 4; 10; 12; 13). Несколько позднее эти авторы писали, что могильник Калмацкий Брод “по вещевому комплексу... датируется VI–VII вв. н.э. Памятник принадлежит населению, появившемуся в лесном Зауралье во второй половине I тыс. н.э. Культура этого населения со шнуровой орнаментацией посуды (Аятский могильник, Юдинское городище) составила важнейший компонент в формировании материального и духовного мира промансийского населения” (Викторова, Морозов, 1998а. С. 245, 246). В другой статье отмечено, что “...большая часть погребений (18) принадлежит к тому же кругу населения, от которого остался могильник Калмацкий Брод середины II тыс. н.э. (здесь явная опечатка, вероятно, следует читать “середина I тыс. н.э.” – *Авторы*) (Викторова, Морозов, 1998б. С. 60, 61). В 2006 г. В.М. Морозовым при публикации вещевых находок из “нижних” погребений Аятского могильника приведена интерпретация и датировка “не одного, а двух могильников – Аятского 1 (нижние погребения) и 2 (верхние). Они оставлены разновременными, возможно, разноэтническими группами населения, которые были в первом случае связаны с кочевым, коневодческим образом жизни (Аятский 1 могильник, VI–VII вв. н.э.), во втором – с полукочевым или оседлым (Аятский 2 могильник, XVI–XVII вв.) (Морозов, 2006. С. 7–12. Табл. 1; 2, 1–7). Но датировку В.М. Морозова можно без особых усилий сузить. Многочисленные украшения прически и костюма из бронзы и серебра из погр. 2–8 Аятского 1 могильника – височные подвески с полыми шаровидными привесками, проволочные, массивные литые гладкие круглого сечения, литые с 7 или 11 утолщениями браслеты, литая сюльгама-застежка с подвесным язычком, трехсоставные пряжки с овальными рамками, с подвижными язычками, выступающими за рамку, с прямоугольным, трапециевидным или пятиугольными подвижными приемниками, кожаный пояс с усложненными Ж-образными двухшпильковыми накладками, простыми трубчатыми пронизками, дисковидные бляхи-зеркала, деревянные ножны, скрепленные многочисленными металлическими обоймами, – имеют многочисленные аналогии в материалах конца VI – VII в. могильников ломоватовской и неволинской культур

(Голдина, 1985. Табл. III, 34; IV, 13; VI, 6, 14, 18; XI, 45–48; XIX, 10; XX, 12, 19; XXIV, 1–3; Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XXXVIII, 6, 14; 30–32; XLIII, 2; XLV, 4; Голдина, Кананин, 1989. Рис. 45, 1; 46, 23, 24, 27; 49, 45, 47; 53, 20; 54, 21–23; 67, 4–7, 18; 68, 14, 17–19, 51, 56). Правда, в вышедшей недавно статье на основании анализа женского захоронения могильника Калмацкий Брод, не разрушенного строительством, приводится иная дата керамики батырского типа – IV–V вв. (Викторова, Кернер, 2009. С. 97, 98). Но этой дате противоречит присутствие в погребальном комплексе захоронения бронзовой пряжки – ременной накладки, аналог которой в виде псевдопряжек с якорьковидной верхней частью (подтип а типа 14 по Р.Д. Голдиной) известны в памятниках агафоновской стадии конца VI – VII в. ломоватовской культуры (Голдина, 1985. С. 4, 126–128. Рис. 16, 52. Табл. XI, 29, 30; Голдина, Кананин, 1989. С. 65. Рис. 49, 36, 37) и бартымской стадии конца VI – VII в. неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990. С. 81, 92, 93. Табл. XXXI, 45). Эта единственная датирующая вещь из комплекса могильника Калмацкий Брод надежно показывает, что средневековая часть памятника не могла возникнуть ранее конца VI – VII в.

Таким образом, на восточных склонах Среднего Урала известно сейчас четыре археологических памятника, имеющих сосуды батырского типа и датирующие вещи или радиоуглеродные даты. Это могильник Калмацкий Брод, самая поздняя вещь из которого уверенно датируется концом VI – VII в.; комплекс “нижних” погребений Аятского 1 могильника, датировка которого определяется в рамках конца VI – VII в.; средневековый комплекс Кокшаровского холма, самая поздняя находка из которого (трехгранно-трехлопастной наконечник стрелы) датируется временем не ранее конца VI – VII в., что совпадает с результатом радиоуглеродного анализа керамики (начало VII – середина VIII в. н.э.). Предполагая относительно непродолжительный период складывания батырского комплекса Кокшаровского холма, найденные в нем железные кинжалы наверняка были раритетами и для выяснения его хронологии вряд ли пригодны. И, наконец, четвертый датированный памятник этого типа – могильник Исетское XIII А. Это одиночный курган диаметром до 8 м, высотой до 30 см, с одной центральной неглубокой могилой, обложенной по краям камнями. В ней расчищены три костяка, ориентированные головами на северо-запад, а также три черепа и беспорядочно разбросанные кости. Очевидно, это было “как минимум двукратное” коллективное подзахоронение в одну могилу. С могилой связаны находки фрагментов от шести сосудов и на площадке около нее – еще девяти. Все сосуды довольно

однообразны, в основном закрытые круглодонные чаши, два горшка. Венчики прямые или скошенные вовнутрь, в двух случаях – с карнизом. В.М. Морозов, автор публикации памятника, никак не определяет его принадлежность, однако комплекс близок кокшаровскому по орнаментации сосудов: основная часть со шнуровой или гребенчато-шнуровой техникой – к типу 1, один сосуд только с гребенчатой техникой – к типу 2. Еще один фрагмент сосуда вообще не орнаментирован. Судя по всему, керамика могильника Исетское XIII А относится к батырскому типу. Вещевые находки не обнаружены, но “взятый с площадки для анализа уголь датируется 1350 ± 40 л.н.” (Морозов, 1994. С. 44–49. Рис. 1; 2). Все остальные памятники с находками батырского типа керамики пока не датированы.

Таким образом, все датированные памятники с этим типом керамики, укладываются в интервал около второй половины или рубежа VI–VII – середины VIII в. Видимо есть основания объединять эти памятники в батырскую археологическую культуру лесного Среднего Зауралья второй половины I тыс. В керамике типов 1 и 2 Кокшаровского холма явно проглядывают признаки, сближающие ее с сосудами карымского, зеленогорского и рёлькинских этапов нижнеобской культуры таежной зоны Северо-Западной Сибири: общность формы сосудов, наличие часто встречаемых скошенных назад венчиков, ямочной зоны на шейке и т.д. Но при всей близости сосуды этих двух культур отчетливо различаются. Очевидно, батырскую культуру следует рассматривать вместе с нижнеобской в рамках одной обь-иртышской историко-культурной общности, где первая занимала юго-западный ее регион.

Мнение о приходе на Средний Урал характере носителей традиций шнуровой орнаментации сосудов батырского типа (Викторова, Морозов, 1993. С. 180–183) может быть оспорено. Эта традиция сформировалась во второй половине I тыс. до н.э. в западной части ареала кулайской историко-культурной общности, где были распространены памятники синдейского типа. В частности, в 2002–2007 гг. на левобережье Нижней Оби исследовано раскопками поселение Ендырское VIII, датируемое III–I вв. до н.э. и содержащее керамику этого типа. 10% сосудов этого памятника имели шнуровую орнаментацию (Зыков, Кокшаров, 2006. С. 124–126. Ил. 4, 4). Так что вполне возможно видеть в создателях керамики типа 1 Кокшаровского холма не мигрантов, а местное уральское население, издавна проживавшее в лесном Зауралье.

Святылище или поселение: о функциональной принадлежности средневекового комплекса Кокша-

ровского холма. Функциональная принадлежность средневекового комплекса Кокшаровского холма в литературе, как, кстати, и авторами статьи, оценивается по-разному. М.Ю. Баранов (2002. С. 216) и А.Ф. Шорин (2010. С. 42) трактуют его как святилище. Иного мнения придерживается в данной статье А.П. Зыков: это поселенческий комплекс. Приведем аргументацию в пользу/против каждой из высказанных точек зрения.

1. Средневековый комплекс – это остатки на холме поселения батырской культуры. При раскопках памятника (рис. 3) в 1995–2010 гг. собраны рассмотренные выше предметы, в том числе фрагменты керамики. Ни один более-менее полный развал сосуда не найден. В 1957–1960 гг. А.И. Россадович при раскопках западной половины Кокшаровского холма, как уже говорилось, был найден большой железный кинжал. О находках средневековой керамики в ее отчетах ничего не сообщается, но, вне всяких сомнений, они были. Добавим уже упомянутые артефакты, найденные при любительских раскопках. В итоге, при значительной площади раскопок на холме собрана относительно скромная раннесредневековая коллекция, состоящая из трех-четырех железных кинжалов или мечей, двух ножей, наконечника стрелы, бронзовых ножен и фрагментированного набора посуды, включающего как крупные и средние по размеру круглодонные горшки, так и мелкие низкогорлые горшочки и чаши. Сравним этот комплекс со святилищами I – середины II тыс. н.э., исследованными широкими археологическими раскопками в Северо-Западной Сибири.

Самый ранний такой культовый памятник – святилище, возникшее на заброшенном городище Барсов городок I/9 раннего железного века. “Отдельные вещи и их скопления (приклады?) были найдены в верхней части насыпи вала и на внутренней площадке.... Среди нескольких ям, выявленных в раскопе, две выделяются присутствием на дне лошадиных зубов (челюстей). В одной из них... найдены обломки толстостенного неорнаментированного сосуда...”. Находки со святилища представлены большим числом бронзовых плоских застёжек, височных подвесок, пластинок разных форм, несомкнутого колечка в 1.5 оборота, изделиями культового бронзового литья, обломками глиняной фигурки. Святилище функционировало в пределах I в. до н.э. – III в. н.э. (Чемякин, 2008. С. 84. Рис. 75, 4; 87, 1–26).

Еще более интересно Сайгатинское святилище. Оно возникло в конце IX – начале X в. на месте заброшенного городища Кучиминское V как поминальный комплекс над двумя могилами конца

кучиминского этапа нижнеобской культуры. Над ними была построена культовая наземная срубная постройка размерами 5.5 × 5 м с центральным жертвенным очагом. Уже в X в. эта постройка сгорела, но святилище просуществовало здесь до XVI в., пока в западной части урочища проводились захоронения на Сайгатинских I, IV и VI могильниках. Скорее всего, Сайгатинское святилище служило местом проведения поминальных обрядов. Здесь собрана богатая коллекция артефактов. Сосуды (только 2 экз.) конца IX – XII в. найдены в виде развалов. На культовом месте зафиксировано много кострищ и ям с костями жертвенных животных (Зыков, Федорова, 2001. С. 59).

Перечень западносибирских святилищ можно продолжить, но эти два наиболее ярких примера весьма показательны. Во-первых, сколь бы ни был среди их находок велик процент железного оружия и орудий труда, доля находок из цветных металлов (олова, меди, бронзы, серебра) высока. Во-вторых, керамическая посуда, конечно, входила в состав прикладов, но доля ее была мизерной. В-третьих, на всех археологически изученных святилищах среди находок высок процент костей животных, видимо, жертвенных. Исходя из этого, по мнению А.П. Зыкова, остатки средневекового комплекса на Кокшаровском холме не могли быть связаны со стационарным святилищем. Скорее всего, они отложились как результат существования здесь достаточно кратковременного поселения, от которого сохранились отдельные предметы. Гораздо более ранние раритетные кинжалы относились к этому же раннесредневековому поселению, в котором они могли входить в домашний культовый комплекс в честь божества, связанного с предками-героями. Сведения о подобных семейных или поселковых святилищах манси и ханты, где в качестве прикладов использовано древнее оружие, неоднократно приводят этнографы (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 16–25, 46–53. Рис. 16; 18; 19; 45; Гемуев, Бауло, 1999. С. 20–25; Бауло, 2004. С. 96–114). Особо примечателен в этой связи сюжет о хантыйском святилище Сотым-те-ике, которое в 1911 г. посетили тобольские краеведы во главе с Л.Р. Шульцем и оставили описание атрибутов божества-тонха, главным из которых был большой топор с полулунным лезвием. Уже в наши дни он был найден вновь и оказался... русским стрелецким бердышом конца XVII в. (Щит и меч Отчизны..., 2008. С. 103, 104).

2. Аргументация А.Ф. Шорина и других исследователей о возможной трактовке средневекового комплекса Кокшаровского холма в качестве культового базируется на следующих наблюдениях. Во-первых, специфический комплекс артефактов, в

том числе предметы боевого вооружения, изготовленные из высококачественной стали, и парадные ножны, являющиеся, скорее всего, импортами. Это раритетное вооружение было очень ценным, чтобы его оставить или потерять. Во-вторых, концентрация этих находок на ограниченной площадке холма ближе к центру, т.е. на его вершине. Это излюбленное место для сооружения святилищ. В-третьих, присутствие здесь каких-то объектов в виде глинистых площадок и ямы 7, описанной выше. Чередование светлых и темных прослоек и использование огня часто свойственно именно культовым объектам. В-четвертых, для поселения, даже кратковременного, площадка обитания на вершине холма все же мала, тем более что вокруг холма есть ровные площадки, но на них (Юрьинское поселение) средневековая керамика не отмечена. В-пятых, при многочисленности на побережье Юрьинского озера стоянок каменного века, наличии поселений бронзового века (правда, в районе холма находки этой эпохи представлены единичными фрагментами керамики) находки эпохи раннего железного века и средневековья единичны. Скорее всего, в конце эпохи бронзы – начале эпохи железа начался необратимый процесс заболачивания водоема, поэтому озеро потеряло свою привлекательность для постоянного проживания.

Иное дело культовый комплекс, особенно как “территориальный” маркер освоенного пространства. Древние могли руководствоваться принципом: мы здесь не живем, но это “наша” территория на случай возникновения экстремальной ситуации: природно-климатических катаклизмов, враждебных набегов степных соседей в нестабильную эпоху постоянной подвижки населения, особенно в степной зоне. Такая интерпретация рассматриваемого средневекового комплекса уже высказывалась в одной из работ (Шорин, 2010. С. 42).

Допустима и трактовка этого культового комплекса как локального (домашнего, поселкового) святилища небольшой группы населения VII–VIII вв., которое посещалось многократно, и в качестве прикладов здесь оставлялись не только раритетные вещи, но и пища, хранящаяся в горшках. При малой плотности населения в лесной зоне Урала существование такого локально святилища длительное время в укромном уголке освоенной территории вполне логично. Тем более, если “генетическая” память предков сохранила предания, что это место священо испокон веков.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов М.Ю.* Культовый комплекс (клад?) эпохи позднего железного века на Кокшаровском холме // Клады: состав, хронология, интерпретация: Матер. тематической науч. конф. СПб., 2002.
- Бауло А.В.* Атрибутика и миф: металл в обрядах обских уртов. Новосибирск, 2004.
- Берс Е.М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. № 21.
- Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
- Берс Е.М.* Древнее металлургическое производство на горе Петрогром и вопросы этнической принадлежности древних медеплавильщиков: Тез. докл. на секторе раннего железного века. Институт археологии. М., 1959 // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
- Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969.
- Викторова В.Д.* Археологические культуры в верховьях р. Исети во время Великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры: Матер. науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.* Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев р. Исети (эпоха позднего железного века) // Наука. Общество. Человек: Вестн. Уральского отделения РАН. 2009. № 2 (28).
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Калмацкий Брод // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998а.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.* Аятский могильник // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998б.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси. Культовые места (XIX – начала XX в.). Новосибирск, 1986.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
- Железчиков Б.Ф., Порох В.Н.* Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

- Зыков А.П.* Железные кинжалы Северо-Западной Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и в средневековье. Екатеринбург, 1993.
- Зыков А.П.* Кузнечные изделия Северо-Западной Сибири во II–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.* Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3. Томск; Ханты-Мансийск, 2006.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.
- Морозов В.М.* Курганный могильник Исетское XIII A // II Берсовские чтения: Матер. конф. Екатеринбург, 1994.
- Морозов В.М.* Аятский могильник: возвращаясь к известному // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006.
- Россадович А.И., Щеткина Н.А., Дамаскина Т.П.* Исследование металлических изделий из раскопок на Среднем Урале // СА. 1968. № 4.
- Рябов И.М.* Несколько слов о древностях, находящихся Верхотурского уезда в округе Нижнетагильских заводов // Пермские губернские ведомости. 1855. № 28.
- Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Челякин Ю.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н.э. М.; Л., 1957 (МИА; № 58).
- Чиндина Л.А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977.
- Шорин А.Ф.* Кокшаровский холм – новый тип культовых комплексов Северной Евразии // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Шорин А.Ф.* История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.
- Шорин А.Ф.* Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // УИВ. 2010. № 1 (26).
- Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней.* Екатеринбург, 2008.

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО (из раскопок 1991–2010 гг.)

© 2013 г. А.А. Остапенко

Институт археологии РАН, Москва (ostapovka@gmail.com)

Ключевые слова: Древняя Русь, Ростиславль Рязанский, христианские древности, предметы личного благочестия, кресты-тельники, иконки, энколпионы, наперсные кресты.

The article analyses the collection of personal devotional objects from Rostislavl Ryazansky, an Old Russian town of the 12th–16th cc. The crosses and icons of the 12th – first half of the 14th cc. comprise a small number of items and belong to the types that were encountered throughout the territory of Old Rus. In the second half of the 14th – first half of the 15th cc. personal devotional objects became more numerous and diverse, and new items appeared, reflecting the new trends in the spiritual culture of Northern and Northeastern Rus. The crosses and icons of the second half of the 15th–16th cc. are few and relate to the Novgorod and Tver traditions of ornamental casting. The Rostislavl collection of personal devotional objects has its peculiarities, yet on the whole is typical for Old Rus towns of the 12th–16th cc.

Настоящая статья призвана ввести в научный оборот комплекс крестов и иконок, найденных при раскопках Ростиславля Рязанского. С 1991 г. памятник исследуется Ростиславльской археологической экспедицией ИА РАН. За время работ обнаружено 41 экз. интересующих нас предметов: 20 – в составе различных комплексов, 21 – в пахотном слое, где перемешаны вещи и керамика второй половины XII – XVI в. Рассматриваемая коллекция представляет интерес с точки зрения изучения духовной культуры малого города древней Руси.

Металлические кресты-тельники второй половины XII – XIV в. классифицированы в настоящей работе по формам концов и средокрестия. Эти признаки были использованы при систематизации крестиков из Белоозера и Мининского археологического комплекса (Захаров, 2004. С. 161–166. Рис. 40–44; Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 59–63. Рис. 41).

Крестики XV–XVI вв. заметно отличаются от более ранних и обычно рассматриваются в особом порядке. Критериями для их классификации служат характер изображений на лицевой стороне и способ оформления вертикальной перекладины. По изображениям на лицевой стороне они делятся на крестики с символическим крестом на Голгофе и крестики с изображениями Христа и святых; по способу оформления вертикальной перекладины – на четырех-, шести- и восьмиконечные.

Крест-тельник с дисками на концах и квадратным щитком в средокрестии (рис. 1, 1) найден в подполье жилища первой половины XIII в. Его ана-

логии известны в курганной группе у с. Зворыкино (Голубева, 1962. С. 69, 70. Рис. 12, 16), костромских курганах (Рябинин, 1986. Табл. IV, 31), Усть-Шексне (Рыкунова, Рыкунов, 2010. С. 93. Рис. 4, 10).

Крест-тельник из свинцово-оловянного сплава с лопастями, украшенными правильной сеточкой и квадратным ковчезцем в средокрестии (рис. 1, 2) найден в пахотном слое. Аналогичные крестики найдены в Новгороде и на поселении Минино I в слоях второй половины XII – первой половины XIII в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 60. Рис. 41, 4, 5; Дубровин, 2010. Рис. 60, 76).

Крест-тельник из белого металла с одиночными шариками на концах и в средокрестии (рис. 1, 3) происходит из пахотного слоя. Подобные тельники были широко распространены на всей территории древней Руси в XII–XIII вв. Отметим их находки в Новгороде (Петров М.И., 2010. С. 26. Рис. 3, 2), Пскове (Колпакова, 2006. С. 57, 58. Рис. 224), Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 41, 9, 11), на поселениях Карельская Слободка 4 (Макаров, 2008. Рис. 3, 2) и Минино I (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 60. Рис. 41, 14), в могильниках Нефедьево IA и IB (Макаров, 1990. С. 104, 105. Табл. XXIII, 8; XXVI, 9), в погребениях Новгородской земли (Мусин, 2002. С. 180. Рис. 109), во владимирских и костромских курганах (Спицын, 1905. С. 117. № 205; Анучин, 1899. Табл. 6, 6), на территории Ливонии (Mugurēvičs, 1974. P. 223, 225. Att. 2, 6).

Кресты-тельники с тремя шариками на концах и четырьмя/пятью шариками в средокрестии представлены 3 экз. Первый тельник (рис. 1, 4) найден

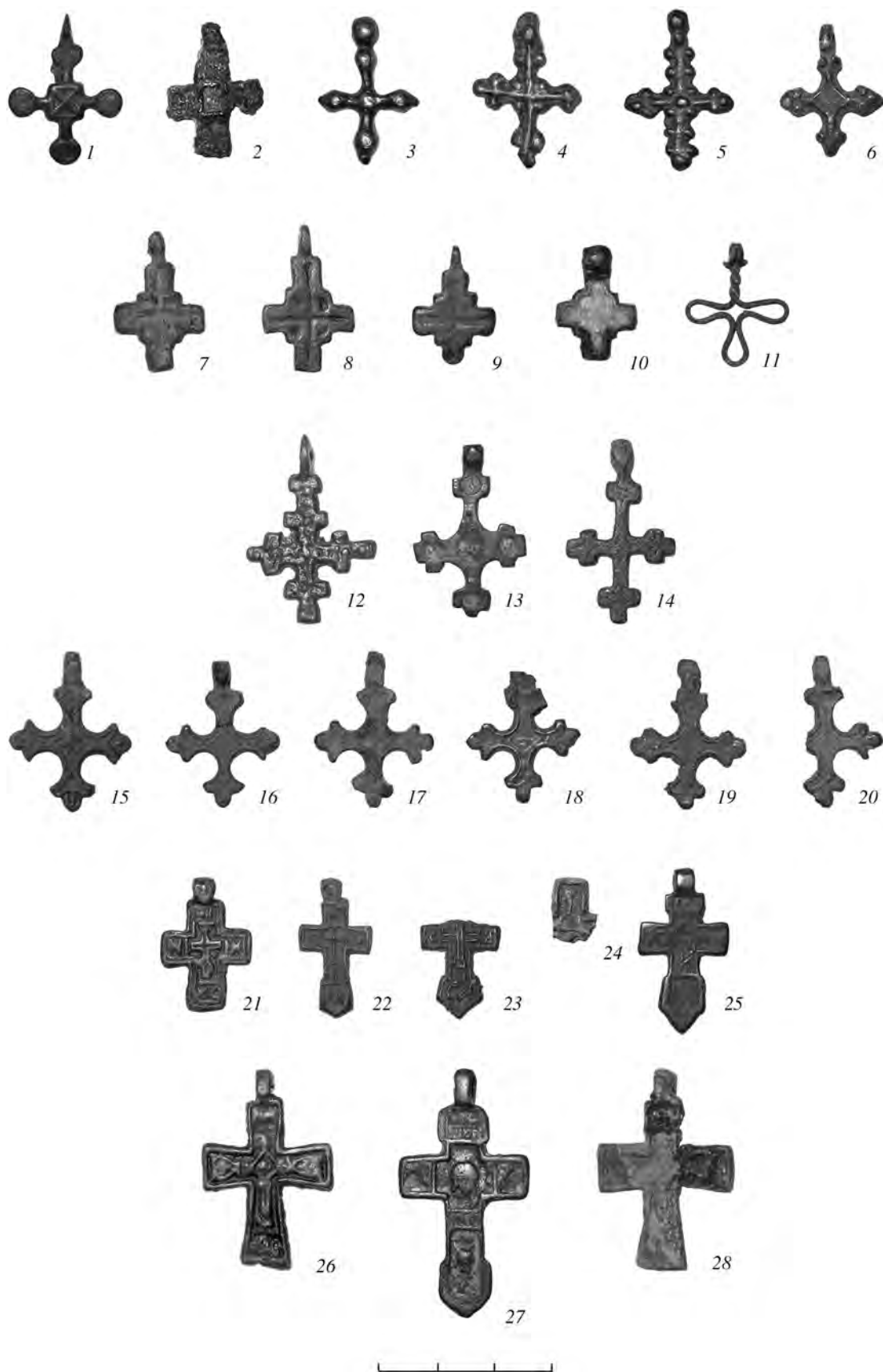

Рис. 1. Металлические кресты-тельники. Ростиславль Рязанский, вторая половина XII – XVI в.

в пахотном слое. Его аналогии происходят из Новгорода (Седова, 1981. С. 52. Рис. 17, 4), Твери (Лапшин, 2009. С. 99. Рис. 96, 4, 5, 7), Городца на Волге (Гусева, 1990. С. 52), с селищ Ознобишино 5 (Шполянский, 2003. С. 262. Рис. 4, 20), Минино 1 и 4 (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 62. Рис. 41, 9–11), из курганной группы у д. Зворыкино (Голубева, 1962. С. 69, 70. Рис. 12, 17, 18), костромских курганов (Рябинин, 1986. Табл. IV, 26), погребений Новгородской и Псковской земли (Мусин, 2002. С. 180. Рис. 109; Колпакова, 2006. Рис. 576).

Основная масса аналогий указывает на XII–XIII вв. как на наиболее вероятную датировку. Но заметим, что три тельника из Твери были найдены в слоях 1300–1330-х годов и, думается, что ростиславский тельник следует осторожно датировать XIII–XIV вв.

Второй крестик в целом аналогичен первому, но его вертикальная перекладина дополнена двумя парами шариков (рис. 1, 5). Он найден в подполье жилища конца XIV – первой половины XV в. При сооружении этого подполья был разрушен погреб жилища первой половины XIV в., и есть вероятность того, что крестик попал в более поздний комплекс случайно.

Третий крестик с ромбическим щитком в средокрестии (рис. 1, 6) найден в заполнении рва мысовой части городища, основная масса керамики которого датируется второй половиной XIV – началом XV в. Аналогичные крестики встречены в Старице в погребениях с монетами 1394–1486 гг. (Романченко, 1928. С. 40. Рис. 2, 7).

Кресты-тельники с прямоугольными лопастями, квадратным средокрестием и четырехконечным крестом на лицевой стороне представлены 3 экз. Один крестик (рис. 1, 7) обнаружен в подполье жилой постройки второй половины XIV в., два других происходят из пахотного слоя (рис. 1, 8, 9).

Данный тип тельников представляет собой подражание миниатюрным энколпионам второй половины XII – первой половины XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. Тип IV.6.3. и IV.6.4. Табл. 102–104). В качестве аналогий укажем на крестики из Пскова (Колпакова, 2006. С. 46. Рис. 42, 362), Княжей Горы (Ханенко Б.И. и В.Н., 1899. Табл. VI, 83), Старой Рязани (Даркевич, Пущко, 1981. С. 219. Рис. 2, 13), Усть-Шексны (Рыкунова, Рыкунов, 2010. С. 91, 92. Рис. 4, 3), могильников Хотяжи (Алексеев, 2004. С. 177–192. Рис. 6, 2) и Плещевицы (Мусин, 2002. С. 184. Рис. 110, 4).

К рассматриваемому типу крестиков примыкает тельник, лопасти и средокрестие которого заполнены желтой эмалью (рис. 1, 10). Он происходит из

пахотного слоя, и точные аналогии нам не известны, но, как представляется, традиция заполнять всю лицевую сторону крестиков эмалью распространяется в XIV в., на что указывают многочисленные тельники с треугольными концами (Седова, 1981. С. 54. Рис. 16, 2).

Проволочный крест-тельник (рис. 1, 11) происходит из подполья жилища конца XIV – первой половины XV в., которое уже упоминалось в связи с тельником с тремя шариками на концах (рис. 1, 5). Как и в предыдущем случае, не исключено, что рассматриваемый предмет попал сюда случайно из подполья более раннего жилища первой половины XIV в. С такой датировкой согласуются псковские аналогии (Мусин, 2010. С. 231–236).

12-конечные крестики представлены 3 экз. Лицевая сторона первого крестика, происходящего из пахотного слоя, украшена простыми рельефными точками на лопастях и в средокрестии (рис. 1, 12). Второй крестик с круглыми эмалевыми медальонами на концах и в средокрестии (рис. 1, 13) найден в подполье жилища второй половины XIV – начала XV в. Его аналогии известны в Старице в погребениях с монетами 1394–1486 гг. и на селище XIII–XIV вв. Лаишевское (Романченко, 1928. С. 40. Рис. 2, 6; Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 67. Рис. XXIV, 16). Третий крестик, обнаруженный в подполье жилища XIV в. (возможно, второй половины XIV в.), украшен гравированным рисунком в виде ромбовидных крестов на концах и в средокрестии (рис. 1, 14). Ближайшая аналогия ему – тельник второй половины XIV в. из Новгорода (Седова, 1981. С. 55. Рис. 16, 16).

Криноконечные кресты-тельники представлены 6 экз. В их средокрестии помещен ромбический щиток с вписанным в него 12-конечным крестом, лопасти украшены растительным орнаментом и завершаются трилистником. Два крестика (рис. 1, 15, 16) обнаружены в пахотном слое, четыре (рис. 1, 17–20) происходят из подполий жилых построек второй половины XIV – первой половины XV в.

Ближайшие аналогии криноконечным крестикам находим на подмосковных селищах Котово 1 (Гоняный и др., 2005. С. 187. Рис. 3, 4); Настасьино (Средневековое поселение Настасьино..., 2004. Рис. 93, 6–12); Мякинино 1 (Энговатова, Коваль, 2007. С. 77. Рис. 6, 9); Рождествено 1 (Шполянская, 2008. С. 267. Рис. 1, 1); Городок 1 (Андреев, 2011. Рис. 26, 4). Кроме того, отметим их находки в Старице (Романченко, 1928. С. 29); Москве (Археология Романова двора..., 2009. Рис. 76, 1–3); Суздаля (Седова, 1997. Рис. 13, 21; 72, 3, 5); Новгороде (Седова, 1981. Рис. 16, 13); Усть-Шексне (Рыкунова, Рыкунов, 2010. С. 92. Рис. 4, 6–8); Городце на

Волге (Гусева, 1990. С. 52); Корнике (Клянин, 1997. С. 142. Рис. 1, 4); в городах и поселениях ордынского времени в Поволжье (Полубояринова, 1978. Рис. 2, 4; 17, 7; 28, 5; Руденко, Шайхутдинов, 1994. С. 67. Рис. XXIV, 18).

Прямоконечные кресты-тельники со слегка расширяющимися лопастями, украшенными растительным орнаментом, представлены 2 экз. Первый крестик (рис. 1, 26) найден в пахотном слое; второй (рис. 1, 28) обнаружен в погребении мужчины 25–35 лет на городском кладбище. Крестик располагался на груди и представлял собой единственный элемент погребального инвентаря. При сооружении могилы был нарушен культурный слой ямы, заполнение которой датировано первой половиной XIV в.

В отличие от всех ранее рассмотренных крестиков прямоконечные тельники с растительным орнаментом не связаны с домонгольскими образцами христианской металлопластики, в то же время они стоят особняком и среди вещей XV–XVI вв. Не исключено, что в данном случае перед нами проявление какой-то недолговременной локальной традиции. Это подтверждается и тем, что известна всего одна аналогия крестикам, происходящая из раскопок поселения Настасьино, расположенного вблизи Ростиславля (Средневековое поселение Настасьино..., 2004. С. 59. Рис. 93, 21).

Кресты-тельники с изображением шести-, семи- или восьмиконечного креста на лицевой стороне представлены 5 экз. (рис. 1, 21–25), происходящими из пахотного слоя. Наиболее ранним нужно считать четырехконечный крестик, на лицевой стороне которого изображен шестиконечный крест, а в лопастях располагаются аббревиатуры (рис. 1, 21). Аналогичный крестик найден в Усть-Шексне в слое XIV в. (Рыкунова, Рыкунов, 2010. С. 91. Рис. 4, 1). В Пскове четырехконечные кресты с голгофской тематикой появляются во второй половине XIV в. (Колпакова, 2003. С. 60).

Остальные тельники рассматриваемого типа отличаются изменением формы верхней или нижней лопасти (или и той и другой вместе) и повторяют тем самым форму шести- или восьмиконечного креста.

Крестик с шестиконечным крестом на лицевой стороне и пятиугольным щитком с аббревиатурой “ГА” в основании (рис. 1, 22). Подобный тельник найден на селище XIV–XV вв. Чирково I (Археология севернорусской деревни..., 2007. С. 57. Рис. 39, 5).

Фрагмент крестика с восьмиконечным крестом на лицевой стороне и килевидно завершаю-

щейся нижней лопастью с аббревиатурой “ГА” (рис. 1, 23) найден в пахотном слое над остатками большого жилого дома второй–третьей четверти XVI в. Заманчиво предположить, что крестик попал в перемешанный слой будучи выпавшим из верхней части заполнения этого комплекса. Аналогичный крестик происходит из раскопок поселения XIV–XVI вв. Рождествено 1 (Шполянская, 2008. Рис. 1, 6).

Верхняя лопасть крестика из свинцово-оловянного сплава с изображением шестиконечного креста с венком (рис. 1, 24). Этот тельник следует широко датировать XV–XVI вв. Крестик с изображением семиконечного креста с венком, нижний конец которого образован прямоугольным щитком, завершающимся треугольником (рис. 1, 25). Точные аналогии этому кресту не известны. Морфологически он сходен с крестами XVII в. типа IV по Э.П. Винокуровой (2000. С. 341. Рис. 16), но вероятнее датировать его в пределах XVI в. и предположить, что такого рода изделия были предшественниками тельников XVII в.

Наиболее поздний среди крестов-тельников – красномедный крест (рис. 1, 27), найденный в верхнем горизонте вала городища раннего железного века в мысовой части Ростиславля. Верхний горизонт вала переотложен; содержит в основном керамику XVI в. В средокрестии изображен Спас Нерукотворный, над ним монограмма “IC XC”, на нижней лопасти – погрудное изображение св. Николая с надписью “НИК”; в правой лопасти – Богоматерь, в левой – Иоанн Предтеча.

Идентичный крест происходит из раскопок кладбища у с. Селище в Псковской земле, которое датируется XVI–XVII вв., и из подъемного материала в Изборске (Колпакова, 2006. Рис. 492, 581).

Подвески с христианской символикой представлены 2 экз. Первая подвеска – крестоспиральная (рис. 2, 1). Она обнаружена в комплексе, который, вероятно, представлял собой подпечную яму небольшого жилища второй половины XII – начала XIII в. Аналогичные изделия найдены в Ростове Великом в усадьбе первой трети XIII в. (Самойлович, 2007. Рис. 24, 17–19), в Белоозере (Захаров, 2004. С. 172, 173. Рис. 62, 1–4); в курганной группе у д. Зворыкино (Голубева, 1962. С. 69, 70. Рис. 12, 20). Вторая подвеска (фрагмент) (рис. 2, 2) – “ажурная”. Ее аналогии происходят из костромских курганов (Рябинин, 1986. Табл. IV, 35), Новгородской земли (Мусин, 2002. С. 182, 183. Рис. 111), кургана XIII в. в Ливонии. Э. Мугуревич указывает на две такие же подвески из Киева и Минска (Mugurēvičs, 1974. P. 222. Par. 81, 82).

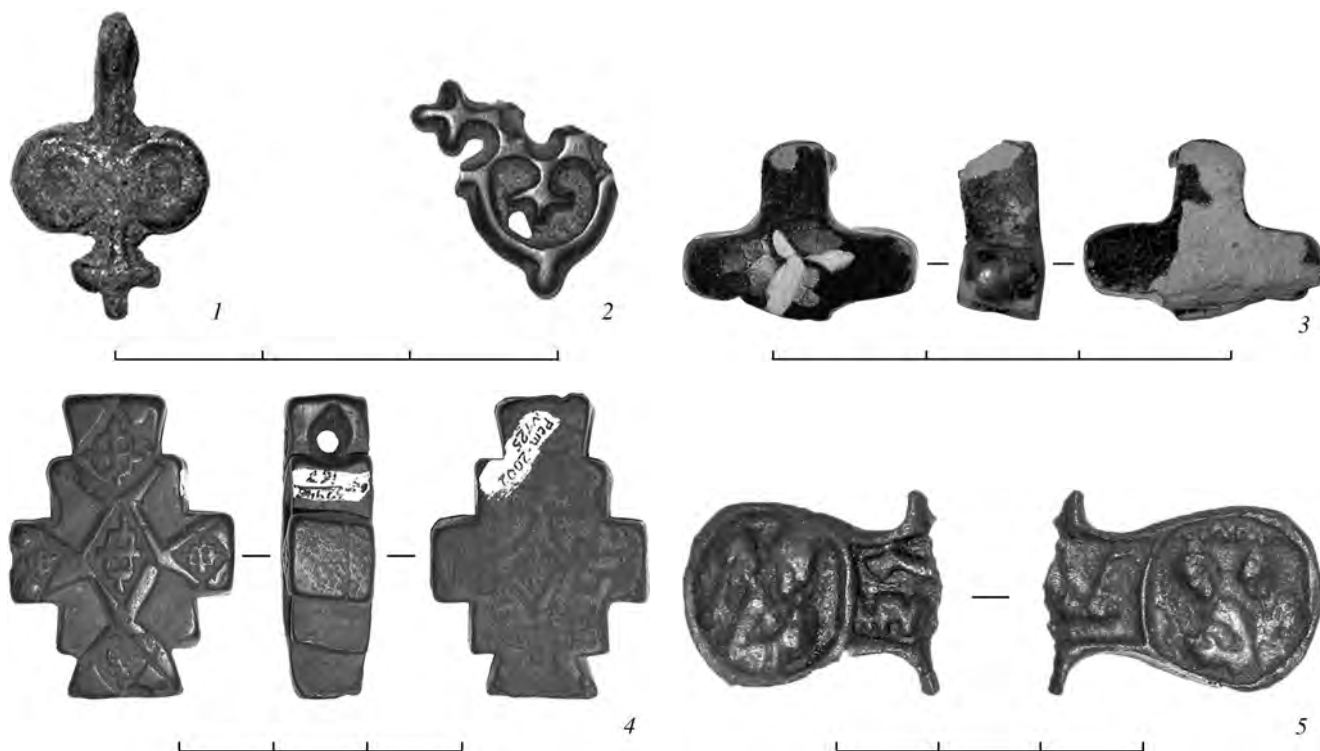

Рис. 2. Ростиславль Рязанский. 1, 2 – подвески с христианской символикой, вторая половина XII – XIII в.; 3 – керамический крест-тельник, XIII в. (?); 4 – крест из рога благородного или северного оленя, конец XIV – первая половина XV в.; 5 – наперсный крест (фрагмент), конец XV – XVI в.

Керамический крест-тельник, покрытый темно-коричневой поливой, средокрестие которого украшено стеклянной крошкой желтого и бирюзового цветов (рис. 2, 3), обнаружен в культурном слое, накапливавшемся в процессе функционирования кладбища второй половины XII–XVI в. Этот слой содержит разновременные материалы, но все же основная масса керамики здесь относится к XII–XIII вв. Поливные крестики известны в Белоозере (Захаров, 2004. С. 226. Рис. 344, 1–4), но в отличие от них ростиславльский имеет импортное происхождение (Коваль, 2010а. С. 181).

Крест из рога благородного или северного оленя (рис. 2, 4) был найден в неглубоком подполье жилища конца XIV – первой половины XV в. (возможно, начала XV в., так как велика доля керамики XIV в.). В квадратном средокрестии и прямоугольных лопастях лицевой стороны креста помещены рельефные крестики с заостренными концами и заключенным в квадратную рамку средокрестием. На оборотной стороне изображен гравированный 12-конечный крест, в центре которого помещен крестик, аналогичный рельефным крестам лицевой стороны. Форма большого гравированного креста оборотной стороны идентична упомянутому выше тельнику с эмалевыми медальонами (рис. 1, 13).

Энколпионы представлены 2 целыми экз., оглави-ем и фрагментом верхней лопасти лицевой створки. К наиболее ранним образцам крестов-реликвариев относится фрагмент верхней лопасти борисоглебского энколпиона (рис. 3, 1), найденный в пахотном слое. Крест выполнен в рельефно-черновой технике: хорошо читается лик молодого безбородого князя и нижняя часть верхнего медальона, по краю идет зубчатый бортик. Вероятно, этот обломок принадлежал лицевой створке первого варианта борисоглебских энколпионов XII – первой половины XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 86, 111–116. Тип II.3.1. Табл. 39–43. Тип III.2.1. Табл. 60–64).

Целый энколпион (рис. 3, 2) найден в подполье жилища второй половины XIV – начала XV в. Он представляет собой позднюю отливку с крестов с надписью “святая Богородица, помогай” (Корзухина, Пескова, 2003. С. 24, 193. Тип VII.1.1–VII.1.4. Табл. 117–137). Подобные подражания известны на поселениях Настасьино и Рождествено 1 (Средневековое поселение Настасьино..., 2004. С. 58. Рис. 93, 19; Шполянская, 2008. С. 270, 271. Рис. 3, 2, 4).

Следующий энколпион (рис. 3, 3) происходит из подполья жилища второй половины XIV – начала XV в. Крест сильно пострадал во время пожара, что

привело к полной утрате изображений. Округлая форма углов средокрестия, размеры и стратиграфическая датировка позволяют предположить, что перед нами энколпион с выемчатой эмалью “Распятие – Богородица с младенцем перед грудью” или его вариант “Распятие – Никола Зарайский” (Корзухина, Пескова, 2003. С. 23, 186, 187. Табл. 112–114. Тип VI.2). Если идентификация ростиславльского энколпиона верна, то это наиболее поздний среди датированных экземпляров данного типа.

Массивное оглавие (рис. 3, 4), к которому мог пришиваться квадрифолийный энколпион XIV в. (Петров Н.И., 1915. Табл. XVII, 9), было найдено в верхней части заполнения рва мысовой части городища, датирующейся второй половиной XIV – началом XV в.

Наперсный красномедный крест (рис. 2, 5) представлен левой лопастью, происходящей из пахотного слоя. Он относится к широко распространенному типу с изображением Распятия на лицевой стороне и пророка Илии на оборотной. Эти наперсные кресты изготовлены по образцу энколпионов второй половины XV в., которые известны по находкам в Новгороде (Арциховский, 1949. С. 149. Рис. 226), Старой Рязани (Даркевич, Пуцко, 1981. С. 229. Рис. 3, 6), Пскове (Колпакова, 2006. Рис. 366), поселении Рождествено 1 (Шполянская, 2008. С. 271. Рис. 4), “голицынском кладе” (Алексеев, 2005. Рис. 1, 6, 16).

Наперсные кресты с Распятием и Илией, в том числе и ростиславльский, нужно датировать одним временем с энколпионами или несколько более поздним (конец XV – XVI в.). Они известны в Москве (Рабинович, 1949. С. 34, 35. Рис. 20), Суздале (Седова, 1997. С. 203, 204. Рис. 73, 5, 8), Радонеже (Чернов, 2000. С. 63–81; Шемаханская, 2000. С. 87. Рис. 4, 29), Серенске (Зайцева, 2009. С. 221. Рис. 4, 5) и многих других местах.

Металлические иконки представлены 4 экз. Иконка с изображением св. Николая (рис. 4, 1) происходит из ямы XIV в. Боковые рамки образка имеют прямоугольные расширения, в которых размещена пояснительная надпись: справа “ННК”, слева “ОЛА”. Тип изображения на иконке стандартный: правой рукой святой благословляет, в левой руке он держит кодекс Евангелия.

Среди стилистических особенностей изображения Николая отметим большие глаза, моделировку бороды “лопаточкой”, длинный узкий нос, правильные пропорции полуфигуры. Все это сближает образок с новгородскими каменными иконками XIV в. (Пуцко, 2007. С. 123. № 66, 69). Кроме того, аналогичный по форме и композиции образок проис-

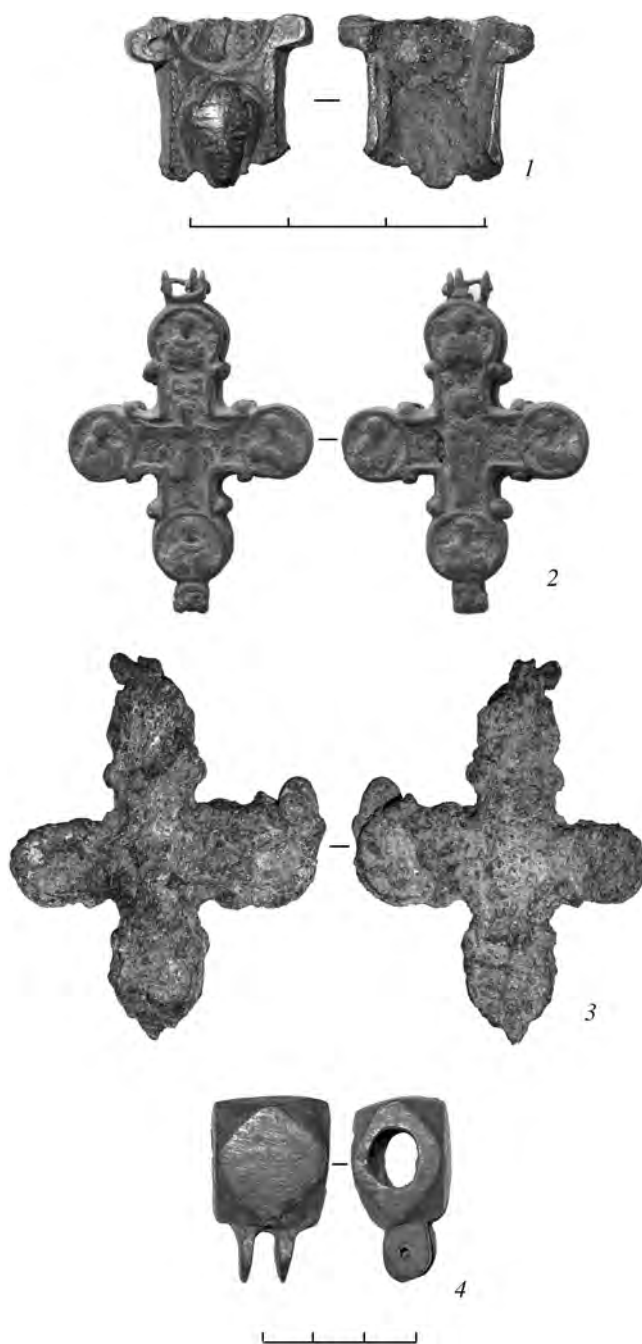

Рис. 3. Энколпионы. Ростиславль Рязанский, вторая половина XII – начало XV в.

ходит из раскопок городища Корниче. Авторы публикации предположительно датируют его XIII в. (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 210, 211).

Прямоугольная иконка с погрудным изображением благословляющего святого на фоне из желтой эмали (рис. 4, 2) найдена в пахотном слое у подножия вала городища. Керамика на этом участке памятника относится в основном к XIV в.

Рис. 4. Металлические иконки. Ростиславль Рязанский, XIV–XV вв.

Два идентичных образка происходят из раскопок селищ Кленово 2 и Кутьино 2 в Московской обл., датирующихся второй половиной XIII – первой половиной XIV в. и XIII – началом XV в. соответственно (Шполянский, 2007. С. 107, 108. Рис. 1, 9). Еще одна аналогичная иконка найдена на городище Корнике в Тульской обл. На основании стилистического и иконографического анализа она была датирована временем не позднее второй половины XIV в. (Гриценко, Пуцко, 2000. С. 210. Рис. 7). Ростиславльская находка хорошо укладывается в географию и хронологию уже известных образков. По-видимому, мы имеем дело с результатом работы одной мастерской, распространявшей свою продукцию на близлежащие территории.

Небольшая арочная иконка из свинцово-оловянного сплава со схематичным погрудным изображением святого (рис. 4, 3) найдена в пахотном слое. Точно такие же иконки происходят из новгородского слоя рубежа XIV–XV вв. (Седова, 1981. С. 64. Рис. 20, 7), из погребений с монетами 1394–1486 гг. в Старице (Романченко, 1928. С. 38. Рис. 1, 5, 6), из раскопок городища Никулицын (Макаров Л.Д., 2001. С. 102. Рис. 58, 15), из слоя XV в. поселения Настасьино (Средневековое поселение Настасьино..., 2004. С. 60. Рис. 93, 29); из сборов на поселении XIV–XV вв. Чирково I (Археология севернорусской деревни..., 2007. С. 56. Рис. 38, 1).

Арочная иконка из свинцово-оловянного сплава с изображением креста на Голгофе (рис. 4, 4) найдена в верхнем горизонте заполнения рва мысовой части городища. Основная масса материала этого комплекса относится ко второй половине XIV – началу XV в., но верхний слой переотложен, и в нем в незначительном количестве присутствуют вещи и посуда XV–XVI вв.

Несколько другие арочные иконки с изображением креста на Голгофе известны в Старице в погребениях 1394–1486 гг. (Романченко, 1928. С. 38. Рис. 1, 7).

Анализ коллекции предметов личного благочестия из Ростиславля показывает, что основная

масса крестов и иконок отложилась в культурный слой во второй половине XIV – первой половине XV в. Из 20 предметов, найденных в комплексах, к этому времени относятся как минимум 13 (рис. 1, 6, 7, 13, 14, 17–20; 2, 4; 3, 2–4; 4, 4). Это список следует дополнить шестью предметами, которые датируются по аналогиям (рис. 1, 12, 15, 16, 21, 26, 28). Если говорить о более широком диапазоне XIV–XV вв., то к нему можно отнести уже 29 предметов, приобщив к сводке 10 (рис. 1, 4, 5, 8, 10, 11, 22, 24; 4, 1–3).

При этом очень незначительным оказывается набор вещей второй половины XII – XIII в. Надежно этим временем датируются только два предмета (рис. 1, 1; 2, 1), а предположительно к нему можно отнести еще шесть вещей (рис. 1, 2, 3, 9; 2, 2, 3; 3, 1).

К XVI в. уверенно относятся два предмета (рис. 1, 27; 2, 5), и предположительно еще два (рис. 1, 23, 25).

Хронология коллекции в целом не противоречит данным письменных источников о Ростиславле, которые указывают на XIV–XV вв. как время наивысшего подъема города (Коваль, 2004. С. 12–21).

Говоря о топографии находок, следует учитывать неравномерность исследованности разных частей городища, а также неоднократные сборы подъемного материала с помощью металлодетектора на распаханном посаде и невозможность применения такого рода методики в детинце, поскольку его площадь задернована, поросла кустарником и деревьями.

На посаде найдены 14 предметов (рис. 1, 2–4, 8–10, 12, 16, 21, 22, 28; 2, 1; 3, 1; 4, 3), причем 10 из них – в результате сбора подъемного материала с металлодетектором (рис. 1, 2, 3, 8–10, 12, 22, 28; 3, 1; 4, 3). Ко второй половине XII – XIII в. здесь относятся 5 предметов (рис. 1, 2, 3, 9; 2, 1; 3, 1), а оставшиеся 9 датируются XIV–XV вв. (рис. 1, 4, 8, 10, 12, 16, 21, 22, 28; 4, 3). Вещи XVI в. на посаде не обнаружены.

В детинце найдены 28 предметов (рис. 1, 1, 5–7, 11, 13–15, 17–20, 23–26, 27; 2, 2–5; 3, 2–4; 4, 1, 2, 4). Ко второй половине XII – XIII в. относятся всего 3 предмета (рис. 1, 1; 2, 2, 3), к XIV–XV вв. – 21 предмет (рис. 1, 5–7, 11, 13–15, 17–20, 24, 26; 2, 4; 3, 2–4; 4, 1, 2, 4). Датировку 15 предметов следует сузить до второй половины XIV – первой половины XV в. (рис. 1, 6, 7, 13–15, 17–20, 26; 2, 4; 3, 2–4; 4, 4).

Данные по топографии показывают преобладание находок домонгольского времени на посаде и ордынского в детинце, что согласуется с распределением керамики в этих частях города: на посаде доля посуды XIV в. не превышает 10%, комплексов этого периода здесь заметно меньше, чем домонгольских. Тем не менее малочисленность предметов культа XII–XIII вв. на территории детинца выглядит неожиданно.

Важен вопрос о социальном статусе владельцев рассматриваемых вещей. Из 20 предметов, обнаруженных в комплексах, 14 происходят из подполий жилых домов. К домонгольскому периоду относились всего два подполья, которые характеризует стандартный набор вещей (ножи, замки, стеклянные браслеты и т.п.).

Анализ комплексов ордынского периода более репрезентативен, поскольку их количество составляет 8 ед. Кресты-тельники (рис. 1, 5, 7, 11, 13, 14, 17–20) происходят из семи подполий (в шести – по одному кресту и три крестика – в одном погребке). Шесть из них имели средние размеры (200/300 × 150/250 см) и содержали серебряные монеты, бронзовые перстни-печатки, обломки восточной и русской поливной керамики, корчаги и кувшины. Видимо, это погребка в домах состоятельных горожан.

Из всех них выделяется подполье постройки первой половины XV в., в котором обнаружен криноконечный крестик (рис. 1, 19). Погреб размерами 420 × 400 см содержал большое количество восточной поливной посуды, серебряные монеты и шахматную фигуру. Все это указывает на то, что дом принадлежал человеку, который занимал высокое социальное положение. Кроме того, отметим подполье жилого дома размерами 450 × 450 см, к заполнению которого мог принадлежать тельник с изображением креста на Голгофе (рис. 1, 23). В данном комплексе обнаружены разнообразные предметы вооружения, поливная посуда и бронзовая звездочка от парадной шпоры, что также говорит о высоком социальном статусе владельца жилища.

Крест-тельник из оленьего рога (рис. 2, 4) найден в подполье, заполнение которого содержало

железную пластину (возможно, от панциря) и московскую поливную керамику.

Энколпионы найдены в двух погребках средних размеров. Вместе с одним энколпионом (рис. 3, 2) найдены импортная керамика и шелковые ткани, с другим (рис. 3, 3) – фрагменты корчаги и кувшинообразного сосуда. Думается, что и в данном случае дома могли принадлежать зажиточным горожанам.

Из иконок нужно сказать об образке со св. Николаем (рис. 4, 1), который найден в яме, содержащей вещи ордынского происхождения: железную накладку, крупную бусину от ордынского убора, железные крюки (Коваль, 2010б. С. 83, 84. Рис. 6). Эта яма размещалась на территории мысового узла фортификации, где в переотложенном слое были найдены крест-тельник, оглавие энколпиона и иконка с крестом на Голгофе (рис. 1, 6; 3, 4; 4, 4), а также ордынские и русские серебряные монеты.

Анализ комплексов с крестами и образками показывает, что некоторые из них оставлены зажиточными горожанами, которые могли занимать довольно высокое положение в обществе. Причем не наблюдается прямой зависимости между типом предмета культа (тельник, энколпион, иконка), его эстетическими достоинствами и статусом владельца. Так, в наиболее богатом комплексе был найден простой криноконечный крестик массового типа (рис. 1, 19), а энколпионы (рис. 3, 2, 3) происходят из хотя и статусных, но все же менее выразительных комплексов.

Другой вывод, который позволяют сделать материалы Ростиславля, заключается в бытовании некоторых типов крестов, считающихся, как правило, домонгольскими, в ордынское время. Речь идет о крестиках с тремя шариками на концах (рис. 1, 4, 5), о прямоконечных крестиках-подражаниях миниатюрным черневым энколпионам (рис. 1, 7, 8), о 12-конечных крестиках (рис. 1, 12–14). В Ростиславле все они присутствуют в комплексах позднеордынского времени, что вполне логично, поскольку техника изготовления рассматриваемых изделий допускает “механическое перевоспроизведение отдельного экземпляра в течение неопределенно долгого времени” (Лесючевский, 1928. С. 10).

Отметим еще одну особенность христианских древностей Ростиславля. Она заключается в редкости каменных крестов (первые находки таких крестов были сделаны в сезоне 2011 г., однако этот материал еще не прошел камеральную обработку и не доступен для исследования). Это тем более необычно в связи с тем, что каменные кресты – частая находка в древнерусских городах. В Пскове они составляют существенную часть христианских

древностей XII–XIV вв. (Колпакова, 2006. С. 79–103), в Старой Рязани их число сравнимо с числом металлических крестиков (Остапенко, 2010. С. 41–56), а в Городце количество каменных крестиков более чем в 2 раза превышает количество металлических (Гусева, 1990. С. 51, 52). Объяснить это явление можно, сопоставив хронологию бытования каменных крестов и хронологию ростиславльской коллекции предметов личного благочестия. Если принять во внимание тот факт, что максимум бытования каменных крестов приходится на XIII в., а христианские древности этого времени в Ростиславле не превышают 15%, то их раритетность среди находок представляется закономерной. Более любопытна сама по себе малочисленность домонгольских крестов и иконок.

Определенный интерес представляет сравнительный анализ христианских древностей малого города Рязанского княжества Ростиславля и столицы этого княжества Старой Рязани.

Старая Рязань XII – первой половины XIV в. отличается очень богатой коллекцией христианских древностей: металлических крестов-тельников этого периода насчитывается 73 экз., каменных крестов – 96, энколпионов – 18, металлических иконок – 6. Здесь известны каменные иконки, выполненные профессиональными резчиками; кресты из полудрагоценных камней в золотых и серебряных оправах. Ростиславльская коллекция на этом фоне выглядит невыразительно (рис. 1, 1–3, 9; 2, 1–3; 3, 1).

Во второй половине XIV – начале XV в. Старая Рязань приходит в упадок, что отражается на составе христианских древностей: они характеризуются простыми массовыми типами крестиков. Ростиславль, наоборот, достигает пика своего развития, и кресты и иконки данного периода не уступают старорязанским, а в чем-то и превосходят их (рис. 2, 4; 3, 2–4; 4, 2, 3).

Христианские древности Старой Рязани XVI в. довольно разнообразны и включают в том числе и весьма статусные вещи (металлические иконки в сканых оправах, каменные кресты в серебряных оправах). В то же время ростиславльскую коллекцию XVI в. составляют всего несколько вещей массовых типов (рис. 1, 23, 25, 27; 2, 5).

Ростиславльская коллекция предметов личного благочестия заметно отличается от старорязанской и отражает особенности духовной культуры малого города.

Если говорить об общих тенденциях развития христианской мелкой пластики, то и в Старой Рязани, и в Ростиславле они будут едины: в домонгольский период распространены типы крестов, извест-

ные на всей территории древней Руси и соседних земель. С традициями художественного литья XII – первой половины XIII в. генетически связана большая часть крестов и иконок второй половины XIII–XIV в. Во второй половине XIV в. появляются вещи, облик которых обусловлен новыми тенденциями в духовной культуре. Тем не менее вплоть до середины XV в. домонгольские по морфологии кресты преобладают. Со второй половины XV в. возрастает количество голгофских крестиков, а старые формы практически полностью выходят из употребления. Вместе с тем все большее распространение получают красномедные изделия, связанные с Новгородом и Москвой (Порфиридов, 1959. С. 52–55).

Таким образом, с одной стороны, коллекция крестов и иконок Ростиславля имеет свои особенности, обусловленные историческим развитием города; с другой – она может считаться вполне характерной для малого города Северо-Восточной Руси.

Выражаю признательность руководителю Ростиславльской археологической экспедиции В.Ю. Ковалю за возможность исследования и публикации материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В.* Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // Археология Подмосковья. М., 2004 (Матер. науч. семинара).
- Алексеев А.В.* Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение) // Ставрографический сб. Кн. III: Крест как личная святыня. М., 2005.
- Андреев С.И.* Исследования селища Городок 1 // Археология Подмосковья. М., 2011 (Матер. науч. семинара; Вып. 7).
- Анучин Д.Н.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. М., 1899.
- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Автор-сост. Н.А. Кренке. М., 2009 (Матер. охранных археолог. исследований; Т. 12).
- Археология севернорусской деревни XI–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 1: Поселения и могильники. М., 2007.
- Археология севернорусской деревни XI–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2: Материальная культура и хронология. М., 2008.
- Арицховский А.В.* Раскопки на Славне в Новгороде. М.; Л., 1949 (МИА; № 11).

- Винокурова Э.П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. М., 2000.
- Голубева Л.А. Археологические памятники веси на Белом Озере // СА. 1962. № 3.
- Гоняный М.И., Шебанин Г.А., Шеков А.В. Предварительные итоги археологического исследования средневекового поселения Котово 1 в Истринском р-оне Московской обл. // Археология Подмосковья. М., 2005 (Матер. науч. семинара; Вып. 2).
- Гриценко Т.А., Пуцко В.Г. Русская металлопластика с Куликова Поля // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.
- Гусева Т.В. Религиозные представления жителей средневекового Городца на Волге // Материальная и духовная культура феодальной России: Межвузовский сб. Горький, 1990.
- Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. 1981. № 3.
- Дубровин Г.Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.
- Зайцева И.Е. Предметы христианского культа из раскопок Серенска // Археология Подмосковья. М., 2009 (Матер. науч. семинара; Вып. 5).
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Клянин Р.В. Корнике – город Рязанского княжества // Славянский средневековый город. М., 1997 (Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии; Т. 2).
- Коваль В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосковья. М., 2004 (Матер. науч. семинара).
- Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М., 2010а.
- Коваль В.Ю. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI вв.: новые археологические исследования. М., 2010б.
- Колтакова Ю.В. Нателные кресты с голгофской тематикой в фондах Псковского музея-заповедника // Археология Пскова и Псковской земли. Псков, 2003 (Матер. науч. заседаний за 2001–2002 гг.).
- Колтакова Ю.В. Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X – XVIII веков (предметы личного благочестия): Дис... канд. ист. наук. Псков, 2006.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.
- Латишин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009.
- Лесючевский В. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л., 1928.
- Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001.
- Макаров Н.А. Население русского Севера в XI–XIII веках. М., 1990.
- Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском Ополье: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 2. М., 2008.
- Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.
- Остапенко А.А. Христианские древности Старой Рязани XI–XVII вв. (предметы личного благочестия): Выпускная квалификационная работа. Кафедра археологии и истории древнего мира ВГУ. Воронеж, 2010.
- Петров М.И. Славенский конец средневекового Новгорода: Ильменский раскоп // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Матер. науч. конф. Новгород, 26–28 января 2010. Вып. 24. Великий Новгород, 2010.
- Петров Н.И. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при императорской Киевской духовной академии. Вып. IV, V. Киев, 1915.
- Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Порфиридов Н.Г. Об одной группе древнерусских литых изделий // Сообщ. Государственного Русского музея. Т. VI. Л., 1959.
- Пуцко В.Г. Русские иконы святителя Николая по данным мелкой пластики XIII–XV вв. // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М., 2007.
- Рабинович М.Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. 1949. № 12.
- Романченко Н.Ф. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л., 1928.
- Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Археологическое изучение Поволжья: Межвузовский сб. Йошкар-Ола, 1994.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н. Предметы христианского культа средневековой Усть-Шексны // Археология – история и перспективы: Четвертая межрегион. конф.: Сб. статей. Ярославль; Рыбинск, 2010.
- Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.
- Самойлович Н.Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М., 2007 (Матер. охранных археолог. исследов.; Т. 9).
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

- Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. М., 1997.
- Спицын А.А.* Владимирские курганы // Изв. ИАК. 1905. Вып. 15.
- Средневековое поселение Настасьино. М., 2004 (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН).
- Ханенко Б.И и В.Н.* Древности Русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899.
- Шемаханская М.С.* Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище “Погост” на Афанасовом поле в Радонеже // РА. 2000. № 1.
- Шполянская Д.В.* Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI вв. Рождествено 1 (предварительное сообщение) // Археологи Подмосковья. М., 2008 (Матер. науч. семинара; Вып. 4).
- Шполянский С.В.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII в. у с. Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII в.: Древности темного времени. М., 2003.
- Шполянский С.В.* Вещевой комплекс селища Кленово 2 из окрестностей Перемышля Московского (К вопросу об изучении материальной культуры русской деревни после монгольского нашествия) // КСИА. 2007. Вып. 221.
- Чернов С.З.* Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (По материалам археологических исследований 1997–1998 гг.) // РА. 2000. № 1.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю.* Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья. М., 2007 (Матер. науч. семинара; Вып. 3).
- Mugurēvičs Ē.* Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā no 11. līdz 15. gs. // Arheoloģija un etnogrāfija. XI. Rīga, 1974.

АТРИБУЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОЖИ (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы)

© 2013 г. Д.О. Осипов

Государственный Исторический музей, Москва (dmitriyosipov@mail.ru)

Ключевые слова: изделия из кожи, оружие, охотничье снаряжение.

The article summarizes the data on the attribution of a new series of undefined or little-known items (archer's fingerstall, falconry equipment, details of a springal) that have recently been identified in the collections from Veliky Novgorod and Moscow.

Повышение интереса к исследованию коллекций археологической кожи способствует выявлению новых категорий находок, ранее относившихся к типу “не определенных предметов”. За последние годы были выявлены конские шоры, кожаные наперстки (Курбатов, 2004), разнообразные футляры (Матехина, 2009), детали охотничьего снаряжения (Осипов, 2009. С. 237–250). В то же время функциональное назначение многих предметов остается не известным. Поскольку в слой, как правило, выпадают обломки или части предметов, их атрибуция существенно затруднена. По справедливому наблюдению А.В. Курбатова, найденные при раскопках вещи сами по себе не могут считаться полноценным историческим источником, поскольку для перехода древних вещей в новое качество требуется серьезная работа по их интерпретации. Сталкиваясь с серией не определенных стандартизованных находок, исследователь прежде всего стремится понять их функциональное назначение, найти аналогии, установить время бытования (Курбатов, 2009. С. 325).

В настоящей статье обобщен материал по атрибуции новой серии не определенных или малоизвестных предметов, выявленных за последнее время в коллекциях Великого Новгорода и Москвы, атрибуция которых способствует лучшему пониманию материальной культуры древнерусского города.

Напальчник. При раскопках 2007 г. в Тайницком саду Московского Кремля была найдена кожаная сумка, спрятанная под настилом мостовой второй половины XV в. (Осипов, 2007). Среди разнообразных предметов в сумке находился кожаный напальчник, имеющий конусовидную форму. Он изготовлен из цельнокроеного куска кожи размером 6×4 см, сшитого выворотным швом бахтармой внутрь.

Лицевая сторона украшена декоративным швом и двумя рядами сквозных просечек, расположенных под острым углом к верхнему основанию предмета (рис. 1). Неровный край боковых обрезов указывает на его вторичный срез. Скорее всего изначально это был конический колпачок с открытым верхом, скрепленный с тыльной стороны выворотным швом, доходившим практически до самого верха. Подобный предмет был обнаружен впервые. Ближайшей аналогией по форме и размеру являются напальчники для стрельбы из лука, используемые современными спортсменами.

Известно, что за долгие века существования этого вида оружия было изобретено множество разнообразных конструкций луков и соответственно различных способов стрельбы. Боевой лук требовал большого усилия при натяжении тетивы, которая могла повредить подушки пальцев; их защита требовалась и в момент ее спуска. Жесткая перчатка типа краги для этой цели не годилась (кисть лучника должна обладать высокой чувствительностью), поэтому для безопасности были придуманы другие приспособления.

Специальные напальчники, предохранявшие подушечки пальцев при натяжении и спуске тетивы, были известны еще кочевникам бронзового и раннего железного века (Черненко, 1981. Рис. 90). Наряду с бронзовыми наперстками и широко известными роговыми перстнями существовали приспособления, изготовленные из органических материалов. В частности, в древних рукописях, посвященных китайскому оружию, упоминаются кольца из красного шнура (шэ), надевавшиеся на три средних пальца левой руки, а также кожаные напальчники (Блэкмор, 1977. С. 86).

Известно, что в России XV–XVI вв., под влиянием ориентализации, лук был одним из основных

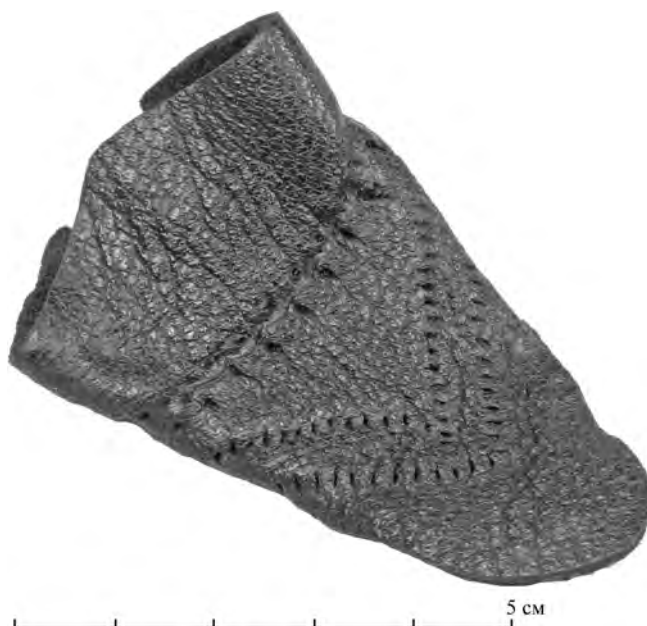

Рис. 1. Напальчник для стрельбы из лука. Московский Кремль.

видов оружия, что отмечалось многими побывавшими здесь иностранцами. В частности, С. Герберштейн, перечисляя оружие московитов, начинает с лука и стрел (1988. С. 114). В регулярных войсках лук просуществовал дольше, чем в Западной Европе, и был отменен как оружие лишь при Петре I (Лужин, 2009).

Снаряжение для охоты с ловчими птицами. При археологических раскопках на Подоле Московского Кремля, в заполнении постройки конца XIV в., был найден соколиный клубочок (рис. 2) – кожаный наглазник для ловчих птиц, изготовленный в виде шапочки с затяжкой сзади (Осипов, 2009. С. 435–441). Эта находка, на наш взгляд, затронула очень интересную тему, связанную с охотой с ловчими птицами, ранее практически не исследовавшуюся. Даже беглое знакомство с историей Российского государства свидетельствует о древности, важности и широком распространении этого вида охоты, которой тешилась знать. Упоминания ловчих птиц встречаются в статьях Русской Правды, на страницах летописей, берестяных грамот. Сцены, изображающие атаку пернатого хищника, присутствуют на церковных фресках, миниатюрах Лицевого летописного свода, в декоре оружия и т.д.

Для содержания, обучения и использования ловчих птиц требовался определенный инвентарь. Правила охоты, сформировавшиеся в глубокой древности, способствовали неизменности охотничьего

инвентаря, что подтверждается этнографическими сведениями и археологическими находками.

Путы (путцы, обносцы). Используются для привязывания птицы к присаде или краге. Путцы представляют собой парные кожаные ремешки или веревки, плетеные из конского волоса, надетые на ногу (цевку) птицы и удерживавшиеся на ней в виде затягивающейся петли. Не зная особенностей охотничьего снаряжения, определить их функциональное назначение практически не возможно. Отсюда неудачные попытки атрибутировать найденные обрывки путцев как амулеты (рис. 3). К примеру, кожаные ремешки, надетые на ногу ястреба-тетеревятника¹, зафиксированные при раскопках тверского Кремля в слое конца XIII в., были интерпретированы как амулет-“вставаранка” (Курбатов, 2004. С. 58. Рис. 139).

Вертлюг. Чтобы путцы не скручивались, тем самым не травмируя птичьи лапы, их ввязывали в костяной или металлический вертлюг. Это приспособление может иметь вид костяной или деревянной пластины с тремя сквозными отверстиями и подвижной шпильки (рис. 4). Среднее отверстие предназначалось под стержень (шпильку) со шляпкой, препятствующей свободному сквозному прохождению; два крайних служили для крепления путцев. При движении птицы путцы проворачивались вместе с пластиной вертлюга вокруг шпильки, исключая скручивание обносцев.

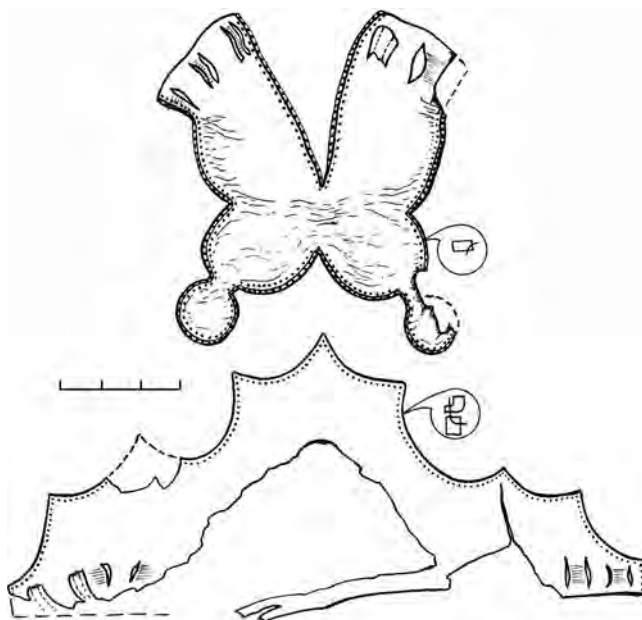

Рис. 2. Соколиный клубочок. Московский Кремль.

¹ Определение костей выполнено В.М. Федоровым.

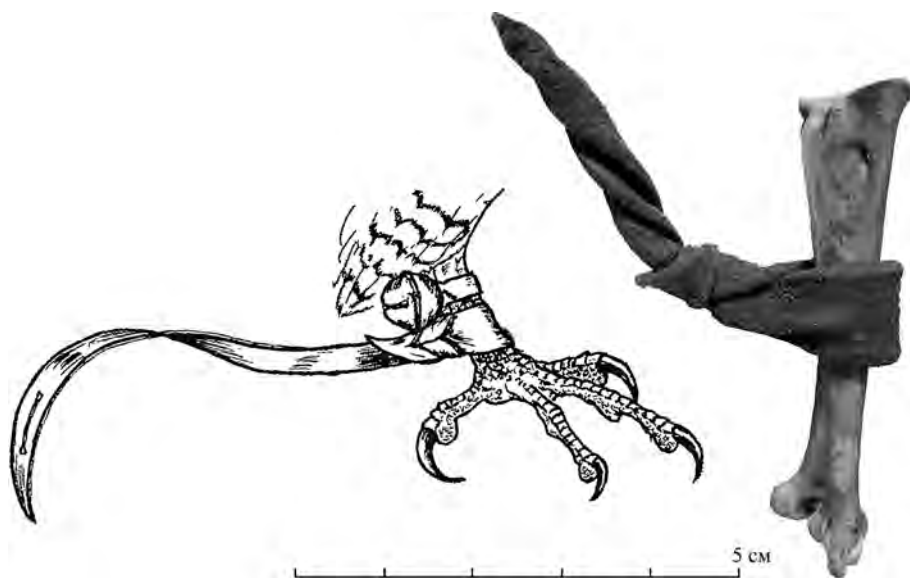

Рис. 3. Путцы. Тверской кремль.

Рис. 4. Костяной вертлюг. Великий Новгород.

Рис. 5. Металлический вертлюг. Великий Новгород.

Широкое распространение вертлюгов в быту и технике определил Б.А. Колчин, предполагавший их использование в качестве привязи для скота на пастбище, привязи собаки или использование для сетевого буйка, чем обусловлено широкое колебание размеров вертлюгов, изготавливаемых из кости, дерева и железа (1968. С. 78. Табл. XLII).

В то же время легкие вертлюги небольшого размера, не пригодные для привязи собак или домашней скотины, по всей видимости, являлись составляющей охотничьего снаряжения, препятствующего закручиванию пут вокруг ног птицы.

Костяные и железные вертлюги, по размерам и формам аналогичные деталям снаряжения, применяемого для ловчих птиц, можно обнаружить в коллекциях Рюрикова городища (Носов, 1990. С. 129.

Рис. 49, 1; Носов и др., 2005. Табл. 14. № 9). Среди разнообразных вертлюгов, хранящихся в фондах Новгородского музея-заповедника, присутствует экземпляр, найденный в 1970 г. на Михайловском (Суворовском) раскопе у сруба первой половины XIV в. На костяной пластине сохранился кусок кожаного ремешка, закрепленного на крайнем отверстии вертлюга, возможно, обрывок опутен.

Бронзовый вертлюг (рис. 5) происходит с Неревского раскопа (усадьба Д 2) и датируется последней третью XIV в. По своей форме он абсолютно идентичен приспособлению, до сих пор применяемому арабскими сокольниками (Geballos, 2009. S. 94).

Клобуки. К наиболее интересным находкам, обнаруженным в Отделе хранения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника, от-

Рис. 6. Соколиный кlobuchok. Фото В.М. Федорова.

Рис. 7. Кlobuchok. Великий Новгород.

носятся соколиные кlobuchy, ранее также причислявшиеся к группе предметов неопределенного назначения. Предполагалось, что подобные изделия могли представлять собой футляры для весов, оправы зеркал, хранения амулетов и пр. В одну группу их объединили из-за наличия треугольного отверстия, оказавшегося вырезом под клюв. После публикации материалов раскопок, проведенных в Московском Кремле (Осипов, 2009. С. 237–250), аналогичные футляры, зафиксированные в напластовках конца XIII – середины XV в., получили новую атрибуцию. На сегодняшний день в фондах Новгородского музея-заповедника выявлены семь кlobuchok разной степени сохранности.

По мнению этнографа Г.Н. Симакова, со временем вокруг снаряжения ловчих птиц сформировался религиозно-магический культ, рассматривающий снаряжение как воинские доспехи. Именно этим объясняются совершенно определенные (национальные) формы кlobuchok, веками сохранявшиеся у разных народов, культивировавших охоту с ловчими птицами (Симаков, 1998. С. 248).

Вплоть до сегодняшнего дня в арсенале сокольников сохранился определенный набор кlobuchok, позволяющих определить их этническую принадлежность. У современных российских сокольников большей популярностью пользуются арабские кlobuchy (рис. 6).

Кроме этнической принадлежности наличие кlobucha может установить (или, наоборот, исключить)

факт использования птиц определенного вида. К примеру, при охоте с ястребом кlobuchy не употреблялись. Размеры кlobuchok, рассчитанных на птицу определенного вида, различны. Так, наглазник, изготовленный для самца дербника², будет заметно меньше, чем для кречета. По размеру кlobucha можно определить не только вид, но и пол ловчей птицы, поскольку самки хищников примерно на треть крупнее самцов.

К примеру, сохранившийся лучше других цельнокроеный кlobuchok размером 5,7 × 5,4 см, найденный на Неревском раскопе в слое конца XIV – начала XV в., имеет арабскую форму кроя. Для нее характерна подтреугольная прорезь под клюв, глубокий вырез заходит на теменную часть изделия, где сохранились два отверстия для размещения так называемого султана – приспособления, облегчающего снятие и одевание кlobucha на голову и с головы птицы (рис. 7).

Праща. Среди обилия кожаных предметов, найденных при раскопках Великого Новгорода, в слоях XII–XIV вв. изредка встречаются фрагменты линзовидной формы размером около 12 × 5 см, имеющие несколько поперечных прорезей, а также сквозные отверстия по краям (рис. 8). Эти фрагменты, относящиеся к категории “малосерийных”, зачастую

² *Falco columbarius* (лат.) – хищная птица, самый маленький сокол с относительно короткими заостренными крыльями и длинным хвостом. Длина тела – 24–32 см, размах крыльев – 53–73.

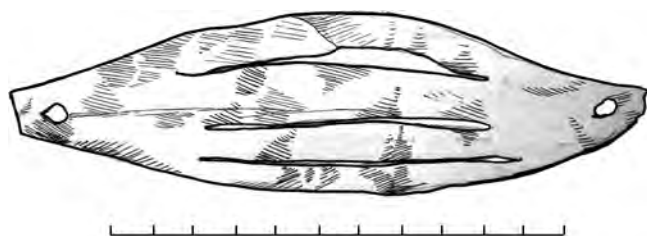

Рис. 8. Праща. Великий Новгород.

атрибутировались как отходы, оставшиеся от раскраива обуви или поясных деталей.

Несмотря на то что их размеры и тип кроя, а также количество прорезей могут незначительно различаться, их конструктивное сходство очевидно. Атрибуцию таких деталей затрудняет то, что они являются лишь частью предмета, который легко определить в полном виде.

В коллекциях таких городов Западной и Северной Европы, как Сведенборг, Йорк, Саутгемптон, Дублин, Стокгольм, Гданьск подобные детали именуют “корзиной” или “чашей”, являющейся центром подвески (пращи), в которой крепится снаряд (Groenman-van-Waateringe, 1988. S. 121, 122; Nadolska, 1998. S. 117–119; Kowalska, 2010. S. 151–165). Праща – древнейшее метательное орудие, представлявшее собой ремень или веревку, один конец которой крепился на руке, а другой оставался свободным. Раскручивая над головой пращу, в центр которой вложен снаряд (камень, керамический или металлический шар), пращник в момент наиболее сильного маха выпускал свободный конец и снаряд летел к цели.

Несмотря на примитивность конструкции, праща была грозным оружием. В древности она стояла на вооружении профессиональных армий, активно использовалась в качестве охотничьего оружия, а также служила детской игрушкой, развивающей необходимые навыки.

Перечисленные выше предметы встречаются при раскопках более или менее редко. Тем не менее их значение достаточно велико. В частности, выявленное снаряжение для соколиной охоты указывает на высокий социальный статус его владельца, поскольку охота с ловчими птицами всегда была привилегией знати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блэкмор Г.Л. Охотничье оружие стран мира от Средних веков до двадцатого столетия. М., 1977.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
- Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (САИ; Вып. Е1-55).
- Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов А.В. Торговля кожевенными товарами в средневековой России или феномен “русской кожи” // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009.
- Лужин А.А. Моделирование выстрела из лука: Автореф. канд. дис. М., 2009.
- Матехина Т.С. Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы. Футляры. Сумки: Дис. канд. ист. наук. М., 2009.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. М., 1990.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005.
- Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи. Каталог // Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 г. Т. IV.
- Осипов Д.О. Из истории великокняжеских и царских “потех” (по материалам раскопок в Московском Кремле) // Археология Подмосквья. М., 2009 (Матер. науч. семинара; Вып. 5).
- Симаков Г.Н. Соколиная охота. Культ хищных птиц. СПб., 1998.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Geballos J. Falconry. Abu Dhabi; L., 2009.
- Groenman-van-Waateringe W. Leather from medieval Svendborg // The Archaeology of Svendborg, Denmark. V. L. № 5. Odense, 1988.
- Kowalska A.B. Wczesnośredniowieczne proce ze Szczecina – groźna broń, skuteczne narzędzie czy dziecięca zabawka // Materiały zachodniopomorskie Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie. T. IV/V. Szczecin, 2010.
- Nadolska K. Czy proca znaleziona w Gdańsku jest zabawką? // Acta Universitatis Lodzensis. Lodz, 1998.

“ОСТЯЦКИЕ ШАШКИ” ИЗ ПОЛУЙСКОГО (ОБДОРСКОГО)¹ ГОРОДКА XVI–XVII вв.

© 2013 г. О.В. Кардаш

Институт археологии Севера, Нефтеюганск (kov_ugansk@mail.ru)

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, г. Салехард, р. Полуй, р. Обь, Обдорское княжество, самоеды, остяки, настольные игры.

The article tells of chessboard games in the everyday life of the indigenous peoples of northwestern Siberia. It publishes a group of items from the excavations at Poluysky (Obdorsky) Gorodok (end of the 16th – the 17th cc.) which was the residence of the chieftains of the Obdorsk princes. The author uses archaeological and ethnographic sources to analyze the emergence and existence of the games within the cultures of the North Siberian peoples, from the late 16th to the 20th cc. The article concludes that the pieces from Poluysky Gorodok comprised a set for a game analogous to the game of *tepek* (*tep*), which is known from ethnographical data. The indigenous peoples of the North started using such games at the end of the 16th c. at the earliest, in the course of active colonization of Siberia by the principality of Muscovy.

Так называемые настольные игры² – один из малоизученных аспектов традиционной культуры коренных народов Севера Сибири. До сих пор в этнографической науке отсутствует описание этих игр, не сложилось также единой точки зрения на их происхождение и внезапное исчезновение из бытовой культуры. Причина, по-видимому, в том, что этой стороне жизни отводится второстепенная роль, в то время как подобные элементы быта могут выступать своеобразными индикаторами культурной самобытности либо культурной интеграции с другими народами.

В 2004–2005 гг. под руководством автора проводились исследования Полуйского городка (Кардаш, 2005а. С. 17–20; 2005б; 2006а). Этот населенный пункт (рис. 1) функционировал в конце XVI – XVII в. и служил предкам князей Тайшиных весенней резиденцией (Кардаш, 2006б. С. 128, 129). Культурный слой этого памятника был замерзшим и содержал большое количество предметов из органических материалов. К тому времени уже был опыт изучения таких памятников, в частности,

Надымского городка, и было известно большинство категорий предметов (Кардаш, 2009). Однако внимание привлекла уникальная группа находок – деревянные фигурки, напоминающие шахматы. Поскольку представленные в этнографических публикациях данные о настольных играх народов Севера Сибири скудны и отрывочны, идентификация этих фигурок потребовала длительного анализа и привлечения широкого круга источников.

Поводом для подготовки данной публикации стало знакомство с дневниками венгерского антрополога Я. Янко, изучавшего в конце XIX в. культуру аборигенов Севера (Janko, 2000. Р. 206). Эти сведения позволили достоверно идентифицировать группу фигурок из раскопок Полуйского городка и прояснить правила игры.

В настоящей статье впервые публикуются новые археологические материалы, связанные с настольными играми аборигенных народов Севера, дается описание правил игры на основе анализа этнографических данных, а также истории ее происхождения и бытования у народов Северо-Западной Сибири.

Настольные игры в Сибири по данным археологии и этнографии. В современной этнографической науке сведений о бытовых играх коренных народов Северо-Западной Сибири, в частности ханты, манси и ненцев, очень мало. С.В. Ивановым было опубликовано описание одного из немногих известных вариантов фигур – *топис*; игра напоминала шахматы и бытовала у васюганских ханты (1970. С. 13. Рис. 2). Единственный введенный в

¹Название приведено в соответствии с первой историографической традицией. На р. Полуй находилось несколько населенных пунктов, носивших название Обдорский городок. Так в документах XVII–XIX вв. именовали и русские, и аборигенные поселения, что привело к определенной путанице в работах историков. Двойное название сохраняет обе традиции, указывая на принадлежность к коренным жителям.

²Термин не совсем корректен, поскольку, судя по материалам археологических исследований, такой предмет домашнего интерьера, как стол широко входит в культуру народов Севера Сибири не ранее XIX в.

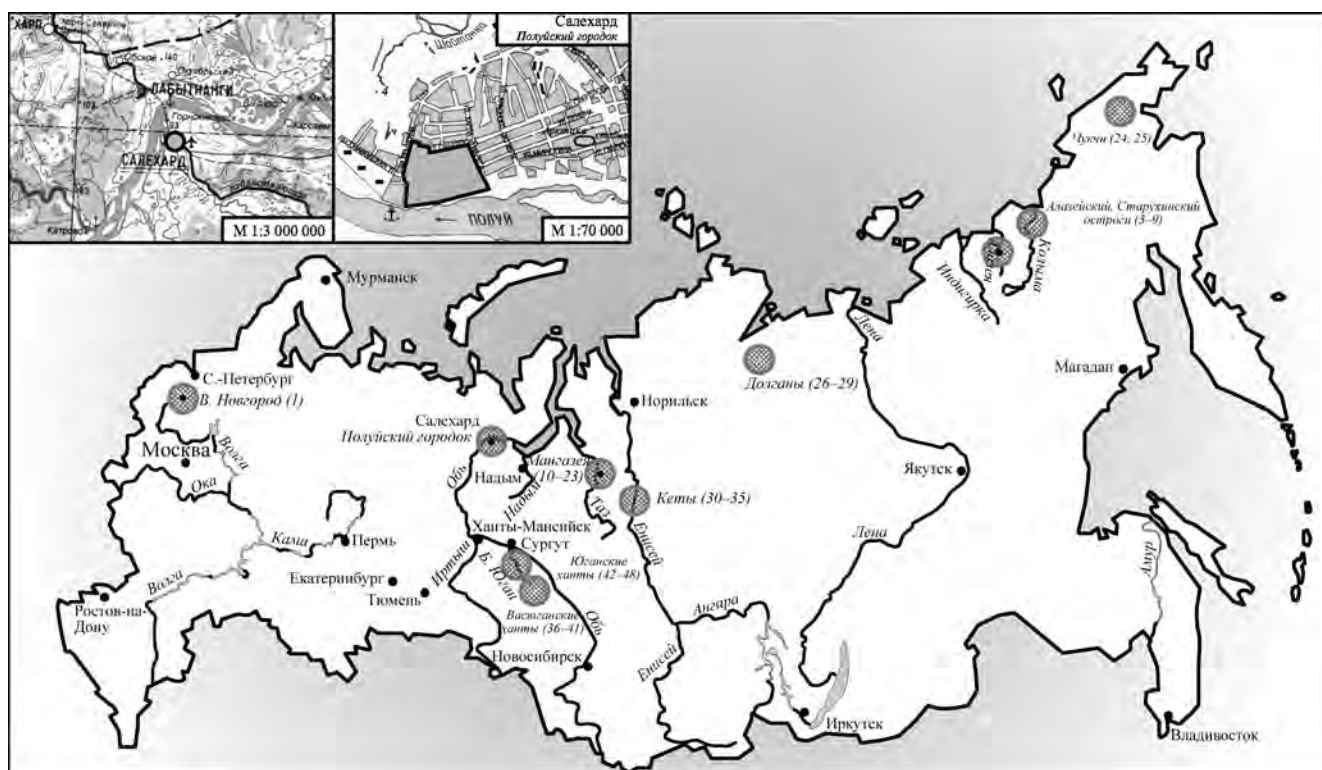

Рис. 1. Обзорная карта расположения Полуйского (Обдорского) городка и мест нахождения аналогичных фигур на других археологических памятниках, а также мест бытования у народов Севера. Цифры соответствуют изображениям фигур на рис. 2.

научный оборот набор фигур хранится в коллекции музея Томского университета (рис. 1; 2, 36–41). Согласно краткому описанию, игру составляли 20 фигур: 5 изображений птиц на конусовидном основании; 5 изображений животного с короткими или поджатыми ногами (возможно, олень или собака), также на конусовидном основании; 5 изображений животных с длинными ногами – лосей на цилиндрическом основании и 5 пластин с ажурным крестообразным вырезом в центре на цилиндрическом основании (Иванов, 1970. С. 13. Рис. 2). По-видимому, форма основания была основным признаком, маркирующим принадлежность к одной из противоборствующих сторон. Семантика изображений не совсем понятна, но можно предположить, что птицы и крест соответствовали некому небесному образу, а животные – земному.

В одном из последних обобщающих исследований по этнографии народов Западной Сибири отсутствуют какие-либо новые сведения о настольных играх, лишь упоминаются детские развивающие игры и рассматривается игра *топис*, напоминающая шахматы или шашки. В ней используется 12 (20) фигур, изображающих различных животных, и суть сводится к состязанию охотника со

зверем (Народы..., 2005. С. 147). Отмечается также, что детальных сведений о правилах игры нет.

Первые данные о бытовании на территории Северо-Западной Сибири настольной игры наподобие шашек зафиксировал в 1837 г. известный российский ученый А. Шренк. Он писал, что был удивлен, когда самоеды сели играть в шашки, и отмечал: “...меня уверяли, что игра эта в большом употреблении как у самоедов, так и у остяков”. Он считал, эта игра пришла от русских, но аборигены ее несколько изменили. В описании правил А. Шренк указывал, что доска была аналогична обычной шахматной, но игровое поле имело восемь клеток в ширину и девять клеток в длину. Общее число фигур – 16. У каждого игрока было по восемь фигур, которые расставлялись по двум крайним противоположным рядам (в два первых ряда), так что между ними оставались свободными пять рядов. Фигурами ходили и били только вперед, взятие шашки противника было необязательным и зависело от воли играющего. Дамки могли ходить и бить как вперед, так и назад, но только через одно поле и не более. Цель игры состояла в том, чтобы преследовать противника, ослабить его и шашками запереть в угол (Шренк, 2009. С. 297).

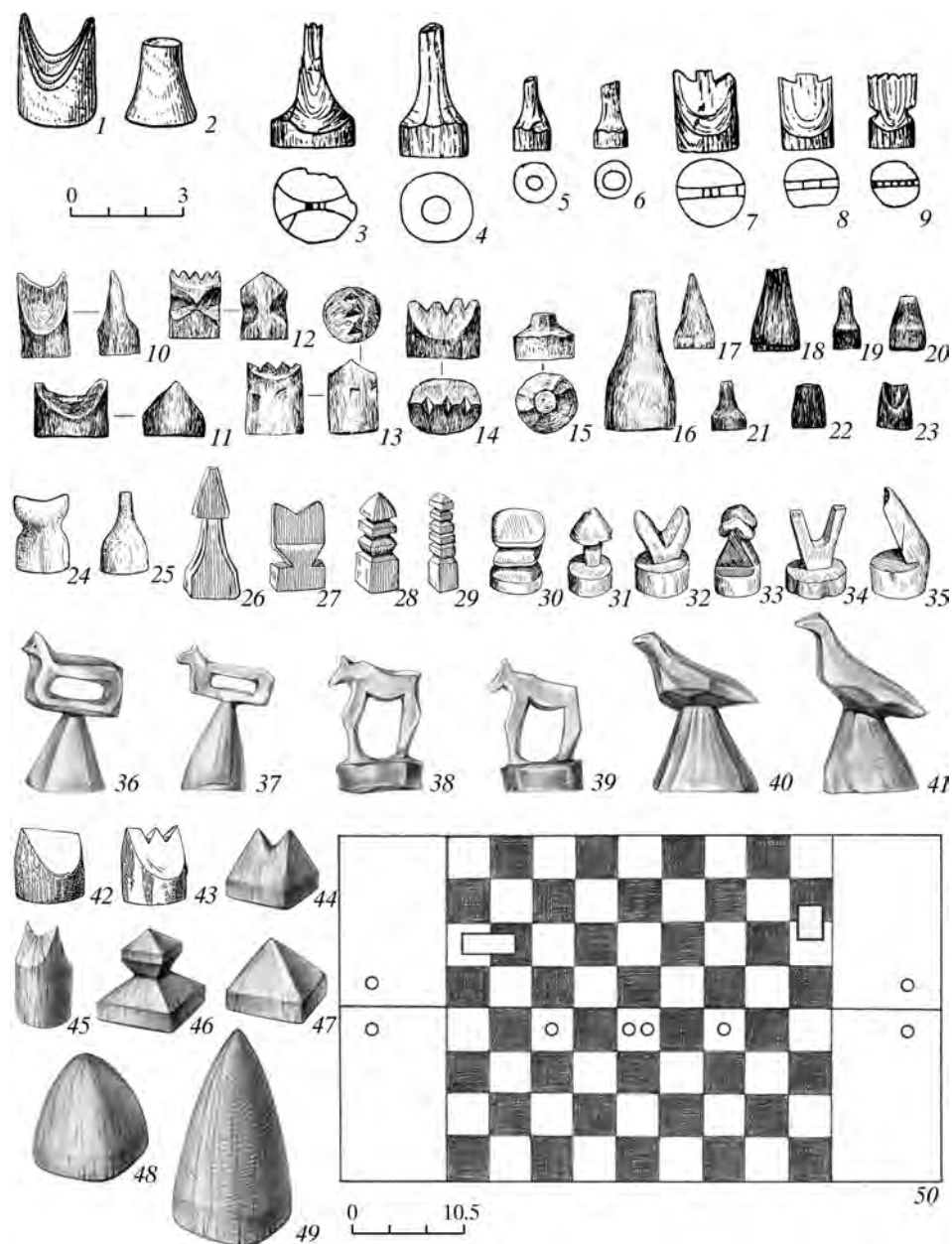

Рис. 2. Фигуры для игр на шахматной доске, аналогичные фигурам, найденным при раскопках Полуйского городка. 1, 2 – Новгород Великий (по: Рыбина, 1997); 3–9 – Алазейский острог (по: Алексеев, 1996); 10–23 – Мангазея (по: Визгалов, Пархимович, 2008); 24, 25 – ваегские чукчи (по: Вдовин, 1962); 26–29 – долганы (по: Замятин, 1951); 30–35 – кеты (по: Алексеенко, 1967); 36–41 – васюганские ханты (по: Иванов, 1970); 42, 43 – северные ханты, стойбище на протоке Бол. Пуйкова (по: Sommer, 1885); 44–50 – фигуры и доска для игры, юганские ханты, юрты Колсамовы (из колл. Венгерского этнографического музея, по рисунку Г. Дьёни).

Посетивший Нижнюю Обь немного позднее А. Шренка итальянский исследователь С. Сомье у жителей летнего остяцкого стойбища на протоке Большая Пуйкова, расположенного ниже с. Обдорское (близ пос. Салемал), зафиксировал игру в шашки, назвав ее “*dama ostiaco*” (“остяцкие дамы”) (Sommer, 1885. Р. 416). Им опубликовано две фигуры. Первая в форме цилиндра с поперечным реб-

ром на верхнем торце, вторая аналогична первой, но имеет на поперечном ребре три зубца (рис. 2, 42, 43). Информация об этих фигурах краткая и вполне вероятно неполная.

Более конкретные материалы содержатся в дневниках венгерского исследователя, этнографа д-ра Я. Янко, но они касаются другой игры, бытовавшей в XIX в. у западных соседей васюганских ханты,

в частности, юганских. Я. Янко был участником третьей экспедиции графа Е. Зичи, исследовавшей в 1897–1898 гг. на территории Российской империи места, связанные с древней историей венгров (Janko, 2000). В дневнике содержится следующая запись, которую ввиду краткости и информативности уместно привести полностью: “30. VIII. 1898. вторник. Колсамовы³. Удивила меня шахматная доска в доме. Это обычная шахматная доска с 64 клетками⁴, ее название *tepekper*. Вместо белых и черных фигур мужские (острие) *kujtep* и женские (врезания) *nintep* фигуры. Все фигуры равные, нет короля и т.д. 13 мужчин и 13 женщин. Игра идет только по черным клеткам, по белым никогда. Ставят фигуры на первые три ряда (4 + 5 + 4). Каждая фигура может идти вперед или назад один шаг, но если перед ним фигура противника, она имеет право удалить и перепрыгнуть ее, и таким образом пройти вперед две клетки. Если одна фигура доходит до конца доски, тогда она приобретает такое же право, как слон в шахматах. Конечно, я купил игрушку и попросил их играть” (Janko, 2000. Р. 206). Дополнительная информация об этом наборе содержится в коллекционной описи предметов, переданных в Венгерский этнографический музей: “10.24. Шахматная доска с фигурами. *Tepekper*. Колсамовы. Из сосновой доски, она состоит из двух частей, они связаны лубами. На доске нарезками определены клетки. К ней принадлежали 26 фигур, 1 отсутствует. Длина – 56 см, ширина – 32 см. Описание ЕА 4142. 89. И. Я. 277. И. Ш. 39981” (Janko, 2000. Р. 364).

В дополнение к опубликованным Я. Янко материалам следует детализировать морфологическое описание фигур и доски, а также перевод терминов (рис. 1; 2, 44–50). Во время собственных полевых исследований в бассейне р. Большой Юган попытки найти какую-либо информацию об игре не имели успеха. Удалось лишь выяснить, что одна старая жительница юрт Курламкиных помнит о том, что давно играли в некую игру с фигурами на доске и эта игра называлась *тетка* (*тепка*), но как переводится это слово, она не знает. Однако нам удалось перевести термины игры. Зафиксированное Я. Янко название *tepekper* состоит из двух корней: *tepet* (*tepat*) встречается в салымском и тром-юганском говорах и, по-видимому, соответствует понятию “дамка” в русских шашках; *per* – “доска, стол” (Терешкин, 1981. С. 358, 465). Таким образом, *tepekper*, а точнее, *tepet-per* можно перевести

как “доска для дамек” или “доска для игры в дамки”. Таким образом, реконструируется название игры – *tepet* (“дамки”). Наименование мужских фигур *kujtep*, где *kuj* (*ku*, *koj*) – “мужчина, самец, стоять дыбом, быть замужем” (Терешкин, 1981. С. 167, 187). Женские фигуры – *nintep*, где *nin* – “двое, раздвоенный”, также употребляется в сложных формах слов “натягивать”, “тянуть”, “бабенка” (Терешкин, 1981. С. 285, 286, 309, 310). В диалектах и говорах хантыйского языка большое значение имеют фонетические нюансы в произношении тех или иных звуков, они и определяют смысл слова. В речи юганских ханты при определенном произношении слова *kujtep* и *nintep* могли соответственно означать *penis-tep* (*penis* для игры в дамки) и *vagina-tep* (*vagina* для игры в дамки). При том что терминологически половой диморфизм фигур особо подчеркнут использованием названий гениталий, сами фигуры предельно схематичны. Женские фигуры *nintep* представлены 11 фишками квадратного сечения с пирамидальной раздвоенной вершиной (рис. 2, 44) и 2 цилиндрическими фишками с раздвоенной вершиной (рис. 2, 45). Мужские фигуры *kujtep* представлены девятью фишками квадратного сечения с пирамидальной вершиной (рис. 2, 47) и двумя фишками квадратного сечения с пирамидальной вершиной, увенчанной небольшой пирамидальной головкой, повторяющей форму фишки (рис. 2, 46). Две аморфные конусообразные фигуры (рис. 2, 48, 49) также следует отнести к мужским. Они отличаются грубой обработкой и схематичностью, возможно, ими заменили утерянные фишки. Доска для игры состоит из двух створок, размеры соответствуют приведенным выше, размер игрового поля – 9 × 9 клеток (рис. 2, 50).

Завершая описание настольных игр, бытовавших у обских угров, нельзя не упомянуть об игре, которая хранится в коллекции Музея реки Оби, входящего в состав “Историко-художественного музейного комплекса” Нефтеюганска. В 1999 г. музеем была организована экспедиция для сбора экспонатов под руководством Г.П. Визгалова. В заброшенных юртах Когончиных на р. Кеум (левый приток р. Демьянка) была обнаружена шахматная доска с набором фигур. Она принадлежала переселившимся сюда юганским ханты рода Когончиных и была изготовлена не позднее середины XX в. В наборе для игры 22 фигуры: 7 пирамидальных фишек с раздвоенной вершиной и 15 фишек индивидуальной формы. Возможно, однако, этот набор неполный. В любом случае, учитывая разнообразие форм игровых фишек, можно предположить, что они использовались для игры наподобие шахмат, возможно воспроизводящей некий сюжет.

³Населенный пункт – хантыйские юрты в верхнем течении р. Большой Юган (рис. 1).

⁴В описании ошибка, игровое поле имеет размер 9 × 9 клеток и составляет 81 квадрат (рис. 2, 50).

Таким образом, в XIX – середине XX в. в традиционной культуре юганских ханты бытовали две разновидности настольной игры на основе шахматной доски – *топис* и *теп*. Хотя, вполне вероятно, мы имеем дело с вариантами одного названия, которые различаются нюансами произношения или восприятия исследователей: *топ*, *теп*, *тет*. Сложно делать выводы о бытовании таких игр у всех обских угров, поскольку из числа многих исследователей только Я. Янко, а впоследствии Г.П. Визгалову удалось обнаружить материальные свидетельства существования игры, причем именно у жителей р. Большой Юган.

На сопредельной территории Восточной Сибири вплоть до Чукотки подобная игра зафиксирована в культуре многих народов. К сожалению, подробные описания таких игр, а тем более изображения элементов представлены далеко не у всех.

Шашки у нганасан по правилам напоминают немецкие шашки, описание которых дает А. Шренк. Для игры используется доска, аналогичная шахматной, игровое поле составляют 64 квадрата (8 × 8 клеток). Половина клеток закрашивается углем, половина остается светлой. Черные называются *моу* (“земля”), белые – *турку* (“озера”). Общее количество фигур – 16. Каждому игроку принадлежит по 8 фигур, изготовленных из дерева. Половина фигурок в виде пирамидок изображает мужчин нганасан в *сокуях* (разновидность верхней мужской одежды). Вторая половина имеет форму стилизованных женских фигур в *парках* (зимняя женская меховая одежда). Образно говоря, мужчины играют против женщин. Бытовали две разновидности игры – *нану-деда* и *турку-тага*. Первая по своим правилам аналогична русской игре в шашки. *Турку-тага* отличается наличием в правилах возможности переходить через белые клетки – *турку*. Дамка может пересекать две белые клетки “озера” прямо, а не по диагонали, как в правилах *нану-деда*. Есть мнение, что эта игра заимствована у русских (Файнберг, 1959. С. 59).

У долган была известна настольная игра под названием *пешки* (Замятин, 1951. С. 151. Рис. 2, 3). Опубликованы лишь изображения четырех фигур: две имеют форму вытянутой пирамиды и декорированы горизонтальными нарезками по периметру средней части; одна – вид конуса с пирамидальной головкой; еще одна отличается ребром на верхней части и боковыми вырезами (рис. 2, 26–29). Отмечается, что игра была довольно популярной. Тем не менее по этим же данным, в известных коллекциях, например МАЭ, представлено всего четыре долганские фигурки.

Игра наподобие шашек зафиксирована у кетов, подробно она нигде не описана (Алексеев, 1967. С. 247. Рис. 41). Однако опубликованы изображения фигур, чрезвычайно ценные для нашего исследования (рис. 2, 30–33).

И.С. Вдовин зафиксировал у ваегских чукчей настольную игру под названием *чьумэт*. Описание игровой доски отсутствует. Игру по девять фигур с каждой стороны, и можно предположить, что доска имела игровое поле с одной стороной из девяти клеток. Общее число фигур – 18. Они подразделяются на 2 типа: мужские фигуры *клиг-чьумэ* в форме конусообразного острия и женские фигуры *нэв-чьумэт* в форме цилиндра с наклонными срезами и боковыми выемками (рис. 2, 24, 25). Смысл игры – в образном поединке женских и мужских фигур (Вдовин, 1962. С. 160, 161). Исследователь называет мужскую и женскую оппозицию характерной чертой для всех типов игр ваегских чукчей. Кроме этого в качестве аналогии автор упоминает о подобной игре у коряков (Вдовин, 1962. С. 160).

Большинство исследователей высказывают мнение о заимствовании аборигенными народами Севера Сибири настольных игр, подобных шашкам. Более подробно вопросы происхождения и бытования таких игр не рассматривались. Благодаря стационарным исследованиям Полуйского городка в нашем распоряжении появились материалы, позволяющие более детально рассмотреть историю происхождения игры в шашки у коренного населения Северо-Западной Сибири.

Фигуры игры в “шашки” из коллекции Полуйского городка. Один из верхних слоев археологического памятника Салехард 1⁵, расположенного близ устья р. Полуй в черте современного г. Салехард, по результатам исследований был идентифицирован как сезонный административный центр аборигенного Обдорского “княжества” конца XVI – XVII вв. (рис. 1). Обдорский князь Молик Мамруков⁶ в 1644 г. назвал этот населенный пункт своими “вешними юртами” – весенней резиденцией (РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182). В 1740 г. его полное название привел в своих путевых дневниках Г.Ф. Миллер: *Поулинг-аут-вош* (хант.) – “Полуйский

⁵ Выявлен в 1926 г. археологом М.И. Щтекелисом, в 1946 г. ранние слои памятника исследовались экспедицией под руководством В.Н. Чернецова, указавшего, что, по преданиям, этот холм служил местом пребывания остяцкого князя (1946. С. 2, 3).

⁶ Дед Тайши Гындына, получившего при крещении в 1714 г. имя Алексей и фамилию Тайшин, ставшую впоследствии родовой.

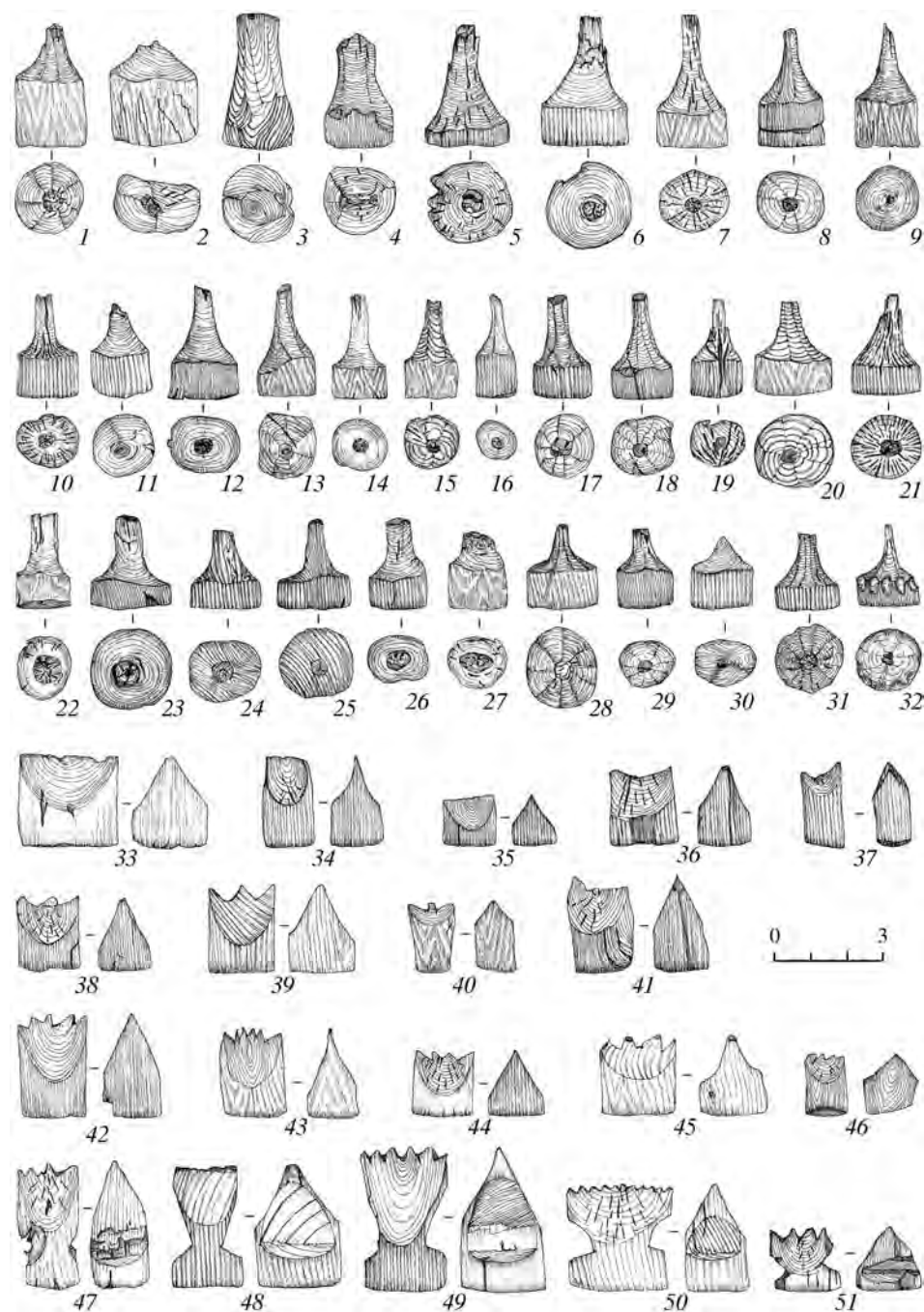

Рис. 3. Фигуры для настольной игры из раскопок Полуйского (Обдорского) городка (дерево).

мысовой городок” или *Sale-gard* (ненец.) – “Мысовой городок” (Сибирь XVIII в..., 1996. С. 258).

Раскопками площадью до 1000 м² были исследованы различные части территории памятника, в результате были реконструированы его планировочная структура и архитектура (Кардаш, 2005а. С. 17–20). Оборонительно-жилой комплекс городка размерами 20×20 м состоял из четырех каркасных построек (8 × 8 м). Они имели углубленный

котлован, очаг в центральном помещении, которое было окружено по периметру галереями с наружными стенами из вертикально установленных досок (плах). У комплекса было единое перекрытие и стены, заложенные дерном. За пределами сооружения зафиксированы хаотично расположенные остатки 10 жилых домов, составлявших своеобразный посад городка. В южной части мыса находилась ритуальная площадка.

Тип	Подтип				
	1	2	3	4	5
I					
II					
III					

I

I	II	III	IV	V
A 6 17×9–26×18 B 1 15×12	A 4 21×8–24×16 B 1 24×28 B 1 23×12	A AO 4 10×10–20×15 B AO 1 25×12 2 CO 1 29×12	A AO 1 21×(18×14) B AO 2 20×14, 27×21 B AO 1 21×21 Г AO 1 26×14 Д CO 1 25×17 2 AO 1 20×18	 AO 2 20×14, 20×13

2

I (простые)			II (усложненные)				II (сложные)		
1 	2 	3 	1A 	1Б 	2 	3 	4 	1 	2
АО СО 120–2	АО 2	АО 3	АО 56	АО 1	АО 5	АО 8	АО 1	СО 1	АО 1
14×6 54×22	15×15 34×17	15×15 23×15	20×9 51×23	26×12	25×12 30×16	18×9 54×27	37×17	24×18	19×14

3

Рис. 4. Типологические таблицы фигур для настольной игры. 1 – Полуйский городок; 2, 3 – Алазейский и Стадехинский остроги (по: Алексеев, 1996); 2 – фигуры третьей группы – ладьи; 3 – фигуры первой группы – пешки и пешковидные.

В пространстве раскопа 5, исследовавшем укрепленную часть городка, где, очевидно, располагались дома, принадлежавшие семье вождя, находились две постройки (1 и 3). Судя по дендрохронологии остатков пяти уровней реконструкции, они функционировали с конца XVI по конец XVII в. Во всех слоях были обнаружены деревянные фигурки, напоминавшие шахматные и формировавшие определенный набор.

Всего в коллекции Полуйского городка представлен 51 деревянный предмет, их можно идентифици-

ровать как фигурки для настольной игры (рис. 3). Большинство из них выполнено из обрезков веток ивы (тальника), а часть – из обломков цилиндрических изделий (отходов), сделанных из хвойных пород. Размеры колеблются в интервале от 1.2×1.5 до 3×4 см. Серию составляют три основных типа фигур (рис. 4, 1).

Тип I – конические фигуры (32 экз.), имеющие форму цилиндра с конической верхней частью, вытянутой в виде острия с притупленным концом (рис. 3, 1–32; 4, 1). Их размеры составляют

1.2–2.2 см в диаметре и 2.5–4 по высоте. Эти фигуры подразделяются на подтипы по размерам и форме основания: 1-й (12 экз.) отличается основанием, составляющим половину или три четверти высоты фигуры: 1.2–2 см (рис. 3, 1, 2, 8–11, 15, 16, 27–30); 2-й (19 экз.) характеризуется основанием, составляющим треть или менее от высоты фигуры: 0.6–1.2 см (рис. 3, 3–7, 12–14, 17, 26, 31); 3-й (1 экз.) отличается основанием, составляющим три четверти высоты фигуры (1 см) и декорированным по окружности верхнего края нарезками, визуально делающими основание конуса чуть ниже (рис. 3, 32).

Тип II – цилиндрические фигуры с поперечным ребром на верхнем торце (14 экз.), имеющие форму относительно высокого или низкого цилиндра, на верхнем торце которого двумя наклонными срезами сформировано поперечное ребро (рис. 3, 33–46; 4, 1). Их размеры составляют 1.2–2.8 см в диаметре и 1.5–3 по высоте. Эти фигуры подразделяются на подтипы по оформлению (декору) поперечного ребра: 1-й (3 экз.) – с горизонтальным не декорированным ребром (рис. 3, 33–35); 2-й (2 экз.) – с вогнутым к основанию ребром (рис. 3, 36, 37); 3-й (2 экз.) отличается наличием трех зубцов (рис. 3, 38, 39); 4-й (2 экз.) – с вогнутым к основанию ребром и прямоугольным зубцом в его средней части (рис. 3, 40, 41); 5-й (5 экз.) – с вогнутым к основанию ребром и центральным зубцом в форме короны с одной или тремя врезками (рис. 3, 42–46).

Тип III – цилиндрические фигуры с поперечным ребром на верхнем торце и двумя симметричными боковыми врезками (5 экз.), имеющие форму относительно высокого или низкого цилиндра, в ряде случаев с овальным сечением, “сжатого”. На верхнем торце двумя наклонными срезами сформировано поперечное ребро. Под его противоположными концами сделаны два симметричных выреза, подчеркивающих верхнюю часть и формирующих основание фигуры (рис. 3, 47–51; 4, 1). Размеры фигур составляют 1.8–2.8 см в диаметре и 2–4 по высоте. По оформлению (декору) поперечного ребра выделяются подтипы: 1-й (1 экз.) – с горизонтальным не декорированным ребром (рис. 3, 48); 2-й (4 экз.) – с горизонтальным зубчатым ребром (“гребешком”), количество зубцов которого варьируется от 4 до 11 (рис. 3, 47, 49–51).

Небольшая вариативность и размеры фигурок свидетельствуют об их принадлежности к некоей простой игре с использованием шахматного поля. Вместе с тем более детальный анализ серии описанных выше фигурок не будет объективным, если его провести только на основе поздних этнографических параллелей. Важным источником для

интерпретации могут послужить находки шахматных фигур с близких территориально и синхронных археологических памятников русского освоения Сибири.

Шахматные фигуры из раскопок русских городов Севера Сибири. Все исследователи первых русских поселений Севера, таких как г. Мангазея, Алазейский и Нижнеколымский остроги, следуя традиции изучения новгородских древностей, рассматривали объемные фигурки для настольных игр только в рамках типологии шахмат (Белов и др., 1981. С. 43–46, 121. Табл. 46, 16; Пархимович, 2005. С. 306–308. Рис. 2; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 306–308. Рис. 2, 53–56; Алексеев, 1996. С. 40, 41. Табл. 52–54).

На современном этапе исследований такой подход представляется недостаточно полным. Есть общеизвестные данные по истории происхождения шашек. Считается, что эта игра возникла в Западной Европе в XII в. на основе арабской игры алькерик и шахмат и до XVI в. была распространена под названием *дамы* лишь на территории Франции и под названием *драфтс* или *чекерс* – Англии. Изначально фигуры для игры формировались по образцу фигуры ферзя, или королевы (в европейской традиции) (van der Linde, 1874). Когда произошла замена фигур на плоские цилиндрические фишки, точно неизвестно, но, очевидно, на каком-то этапе оба варианта бытовали одновременно и на периферии могли долго использоваться архаичные формы.

Вполне вероятно, негативное отношение католической церкви к азартным играм, в том числе шахматам, в XIV–XV вв. способствовало широкому распространению в середине XVI в. по территории всей Европы малоизвестной тогда и соответственно менее популярной игры *дамы*, или *чекерс*, в русской традиции получившей название *шашки*. В какой форме распространялись шашки на территории Московского государства, точно не известно: по всей видимости, в разных вариантах, поскольку и сейчас параллельно существуют около 10 разновидностей этой игры и некоторые из них имеют значительные отличия. По этой причине, анализируя шахматные фигуры, найденные на территории русских памятников XVI–XVIII вв., следует учитывать возможное присутствие в этой серии объемных фигур для игры в шашки. Рассмотрим с этой точки зрения коллекции шахматных фигур из раскопок русских памятников Севера Сибири.

В культурном слое Мангазеи, функционировавшей с 1601 по 1670 г., за период раскопок 1968–1969, 1970 и 1973 гг. было найдено 80 фигур (Белов и др.,

1981. С. 43–46, 121. Табл. 46, 16). На новом этапе стационарного изучения памятника в 2001–2004 гг. был обнаружен 181 экз. (Пархимович, 2005. С. 302. Рис. 2). Всего мангазейская коллекция шахмат, собранная за все годы раскопок, включает 261 фигурку, 90% которых изготовлены из дерева (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 98–241. Рис. 162–164). Среди них к категории пешек и пешкообразных фигур, имеющих в основе вытянутый конус, относится около 150 экз., т.е. почти две трети (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 101, 102. Рис. 163). Безусловно, пешек в наборе шахматных фигур больше, но соотношение с остальными фигурами теоретически должно быть примерно одинаковым, таким образом, наблюдается некоторая диспропорция.

Многообразие фигур, подобных пешкам, вызывающее сложность при их систематизации, вероятно, отражает наличие в коллекции фигур, использовавшихся для разных вариантов игр на шахматной доске. Яркий пример – серия из четырех натуралистичных фигурок в форме человеческого *penis*'а (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 102. Рис. 164, 1–4). Среди русских шахмат, найденных на европейской территории, фигуры с подобной, “срамной”, символикой до сих пор не встречались, но их присутствие в мангазейской коллекции явно не случайно. Возможно, именно они составляли один из наборов другой игры, например в шашки, где так же, как в *tepekpert* противоборствующие стороны дифференцированы по половой принадлежности, которая отражалась в изображении фигур.

Судя по поздним этнографическим изображениям (рис. 2, 24–33), в мангазейских шахматах, помимо пешкообразных конической формы (рис. 2, 15–23) имеются и другие фигуры, которые могли использоваться в альтернативных играх. Например, несколько фигур, идентифицированных как ладьи (рис. 2, 10–14). Подобную ситуацию можно отметить и в отношении других коллекций шахматных фигур из русских поселений Северо-Восточной Сибири.

В процессе раскопок Алазейского и Стадухинского острогов, существовавших с середины XVII до середины XVIII в., найдено 317 фигурок (311 деревянных и 6 костяных), идентифицированных как шахматные (Алексеев, 1996. С. 40, 41. Табл. 52–54). На их основе разработана подробная типология (рис. 4, 2, 3). Интересна приведенная автором статистика. Из четырех выделенных групп изображений первая – пешки и пешковидные фигуры – составляет две трети (около 200 экз.), причем в других группах количество предметов распределено почти равномерно (Алексеев, 1996. С. 40, 41). Такая диспропорция может быть связана с использо-

ванием части так называемых пешковидных фигур для игры в шашки. На рисунках приведены фигуры, которые могли составлять комплекты для игры в шашки (рис. 2, 3–9; 4, 2, 3).

В целом, рассматривая приведенные выше наборы русских шахматных фигур, следует отметить несколько моментов. Во-первых, в коллекциях русских памятников Севера Сибири фигуры или фишки для игры в шашки типологически не выделены. Нет сомнения, что такая игра существовала наряду с другими, такими как карты, шахматы, кости и зернь. Есть мнение, что классические правила игры в шахматы забывались и шахматные фигурки использовались для игры в шашки (Чикачев, 1990. С. 106). Такое вполне вероятно, но нельзя исключать возможность бытования специализированного набора для игры в шашки или некоего универсального комплекта фигур для игр на шахматном поле. Скорее всего, фигуры для игры в шашки нужно искать в шахматном наборе, полученном при раскопках русских северных городов. Эту задачу можно реализовать только с привлечением широкого круга источников, включая материалы по археологии и этнографии аборигенных народов Севера.

Комплексный анализ коллекции фигур для настольной игры из раскопок Полуйского городка позволяет сделать ряд выводов о ее происхождении, бытовании и правилах. Поскольку в материалах раскопок более ранних памятников (XIII–XIV вв.), таких как Бухта Находка, Войкарский городок, а также в синхронных слоях как Войкарского, так и Надымского городков подобные фигуры не обнаружены, исключается возможность развития оригинальных настольных игр или раннего заимствования игр аборигенным населением региона (Лашук, 1968; Кардаш, 2008; 2009; Брусницина, 2003; 2005; Федорова, 2004; 2006).

Очевидно, такие игры начали входить в обиход коренного населения не ранее конца XVI в., что было связано с появлением русского населения и активной колонизацией Севера Сибири Государством Московским. Вряд ли возможно, чтобы у настольных игр на основе шахматной доски, появившихся у аборигенного населения этого региона, не было русского прототипа. Его отсутствие в научном обороте, скорее всего, следствие неразработанности типологии.

Сопоставляя полуйские фигурки с типологическими выделенными по результатам раскопок древнерусских городов фишками для игры в шашки, можно отметить, что прямых аналогий им нет (Рыбина, 1997. С. 110–114. Табл. 79). Вместе с тем, хотя I тип фигур и соотносится по форме с шахматными пешками, II и III типы параллелей среди древнерусских

шахмат не имеют. Есть лишь единичные экземпляры, у которых отмечается определенная типологическая связь с приведенными мангазейскими, алазейскими, а также этнографическими образцами (рис. 2, 1, 2). Фигуры, близкие по форме фигурам II типа, найдены при раскопках в Минске и Новгороде в слоях XII–XIV вв., но они рассматриваются как исключение и, по мнению И.М. Линдера, “напоминают обыкновенную лодку” (1975. С. 81, 85, 86). III тип имеет формальное сходство с одной из фигур скандинавских шахмат с плоским фигурным туловом, увенчанным “гребешком” из восьми зубцов (Линдер, 1975. С. 88).

Можно предположить, что это некий вариант игры на шахматном поле: в ней использовались фигуры наподобие шахматных, но их набор и соответственно правила были более простыми. Не исключено, что такой вариант игры существовал в русской культуре, но был малораспространенным и бытовал у беднейших слоев населения или в среде сельских поселений. Фигурки, грубо обработанные и простые по форме, иногда воспринимались при раскопках как возможный отход производства и не привлекали внимания исследователей. Подобные случаи – не редкость на сибирских памятниках с замороженным культурным слоем, который на 60–70% составляют отходы деревообработки.

По-видимому, первой в культуру аборигенного населения входила та игра, которую отличали простота и незамысловатость правил и их объяснения. Такой игрой могли быть русские шашки или подобная им игра, которая, безусловно, бытовала параллельно с ними в то время. Не исключено, что на тот период, характеризовавшийся многообразием, вариантов могло быть больше.

Обнаруженный при раскопках Полуйского городка набор фигур аналогичен фигурам, опубликованным С. Сомье, и набору, использовавшемуся в игре *тепек* (*ten*), описанной Я. Янко. Правила этой игры наиболее близки шашкам вообще и русским в частности. Основное отличие – размер игрового поля: в русских шашках он составляет 64 квадрата (8 × 8), а не 81 (9 × 9), соответственно полный набор – 24 фигуры (по 12), а не 26 (по 13). Размеры игрового поля и количество фигур, вероятно, соответствовали архаичной форме, которая впоследствии была изменена по образцу шахмат и снабжена фишками упрощенной формы. Описанный выше I тип конических фигурок по форме соотносится с так называемыми мужскими фигурами игры *тепек*. Наиболее правильным будет определение их в рамках остяцкой (хантыйской) традиции как фигур *куй-теп*. II тип близок группе женских изображений, именуемых в остяцкой традиции *нин-теп*. III тип не имеет параллелей ни в наборе русских

шахматных фигур, ни в этнографических образцах. Это самый малочисленный тип, и логично предположить, что он представляет особую фигуру, приобретающую новые свойства, – “дамку”, которая должна отличаться от остальных. Правила игры, вероятно, имели варианты, но у них не было радикальных отличий, как, например, в рассмотренных выше правилах у нганасан.

Не совсем понятно отсутствие таких фигур на территории других синхронных памятников Нижней Оби, таких как Войкарский и Надымский городки. Возможно, это объясняется тем, что недалеко от Полуйского городка располагались Обдорская таможенная застава и пункт ясачного сбора, где относительно постоянно проживали русские. Не исключено, что более широкое распространение подобных игр в культуре аборигенного населения в последующие периоды (XVIII–XIX вв.) также было связано с появлением в регионе с конца XVIII в. оседлого русского населения и постоянных поселений.

Как многие игры того периода, игра в шашки имела характер азартной – подразумевалась игра на деньги или эквивалентные дорогостоящие товары. Вполне вероятно, что вовлечение в игру представителей семьи Обдорских князей, проживавших в Полуйском городке и ведавших сбором ясака со всех подвластных остяков и самоедов, имело наибольший смысл для служилых казаков, ясачных сборщиков и простых промышленников. Из этого можно заключить, что игры проникали в среду северных аборигенов через общинных вождей, что и для них в свою очередь, наверное, имело особый смысл, и лишь потом получали широкое распространение.

В последние годы при анализе и атрибуции предметов из раскопок позднесредневековых археологических памятников Северо-Западной Сибири подтверждается тот факт, что значительная часть категорий предметов вошла в традиционную культуру аборигенов Севера не ранее конца XVI и даже середины XVIII в. из русской традиционной культуры. Большинство из них были адаптированы, переосмыслены, модифицированы и стали к настоящему времени достоянием традиционной культуры. Причем многие из этих предметов уже давно исчезли из русской традиции.

По-видимому, и настольные игры так же были восприняты коренными жителями Севера Сибири, простые правила допускали создание новых вариантов, были придуманы новые названия. В настоящее время они уже входят в учебные пособия по традиционному воспитанию детей (Прокопенко В.И., Прокопенко В.В., 2004; Прокопенко В.И., 2004). Иными словами, эти игры были интегрированы в культуру и их можно рассматривать как не-

кие северные варианты игры в шашки. Найденные в Полуйском городке и представленные Я. Янко фигуры следует именовать, опираясь на русское название шашки и учитывая их исчезновение из традиционной культуры Северо-Западной Сибири на современном этапе исследования, “остяцкие шашки” – *тепек*.

Выражаю особую благодарность коллеге Г. Дьёни, оказавшему помощь в переводе дневников Я. Янко с венгерского, а также лично сделавшему эскизы фигур и игровой доски, которые воспроизведены в настоящей публикации. С благодарностью отмечу помощь, оказанную коренной жительницей р. Большой Юган С.В. Качаловой (Каюковой) в проведении исследований и переводе терминов с хантыйского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
- Алексеев Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981.
- Брусницина А.Г.* Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: Матер. VI Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск, 2003.
- Брусницина А.Г.* Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Матер. Всерос. науч. конф. “Ямал: история, историография, краеведение”. Салехард, апрель 2005 г. Екатеринбург; Салехард, 2005.
- Вдовин И.С.* Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сб. Вып. IV. М., 1962.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.
- Замятин С.Н.* О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса. М.; Л., 1951.
- Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
- Кардаш О.В.* Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. XIII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. Томск, 2005а.
- Кардаш О.В.* Археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля “Город мастеров” в 2004 г. Отчет о НИР. Т. 1. Нефтеюганск, 2005б // Архив НПО СА. № 105/1.
- Кардаш О.В.* Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 г. Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2006 // Архив НПО СА. № 118/1. 2006а.
- Кардаш О.В.* Административные центры аборигенных “княжеств” Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург 2006б.
- Кардаш О.В.* Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 г. Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2008 // Архив НПО СА. № 198 науч.
- Кардаш О.В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Лашук Л.П.* “Сиртя” – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
- Линдер И.М.* Шахматы на Руси. М., 1975.
- Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты.* М., 2005.
- Пархимович С.Г.* Мангазейские шахматы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.
- Прокопенко В.И.* Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры: Уч. пособие. Екатеринбург, 2004.
- Прокопенко В.И., Прокопенко В.В.* Настольные игры коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации: Уч. пособие. Екатеринбург, 2004.
- Рыбина Е.А.* Шашки, “мельница”, шахматы // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI.* Новосибирск, 1996.
- Терешкин Н.И.* Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.
- Файнберг Л.А.* Хозяйство и культура таймырских нганасан (по материалам колхоза им. Шмидта Таймырского национального округа) // СЭ. 1959. № 2.
- Федорова Н.В.* Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межнационального взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2004.
- Федорова Н.В.* Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Салехард, 2006 (Науч.-практич. конф. “Обдорья: история, культура, современность”).
- Чернецов В.Н.* Стоянка Салехард 1 (Раскопки Мангазейской экспедиции). Кн. II. 1946 г. // Архив НИЦА и Ан. Д. Р-1742.
- Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1990.
- Шренк А.* Путешествие к Северо-Востоку Европейской России. М., 2009.
- Janko J.* Utazas Osztyakfoldre 1898. Neprajzi Museum. Budapest, 2000.
- Sommier S.* Un’Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirgisi e Baskiri con 144 incisioni e tre carte. Firenze Ermanno Loescher. Torino; Roma, 1885.
- van der Linde A.* Geschiehte und Litteratur des Schachspiels. I. Beilagen, 1874.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ К 90-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МЕРПЕРТА

© 2013 г. Р. М. Мунчаев

Институт археологии РАН, Москва

26 ноября 2012 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения Николая Яковлевича Мерперта – выдающегося советского-российского ученого, одной из самых знаковых фигур в отечественной археологии.

Мы все надеялись, что будем вместе с ним отмечать его славный юбилей. Сразу после того, как друзья и коллеги поздравили 26 ноября 2011 г. Николая Яковлевича с днем рождения, мы начали готовиться к его юбилею. Уже через месяц, в конце декабря была организована редколлегия будущей книги, посвященной 90-летию Н.Я. Мерперта. Мы определили круг вероятных авторов из числа его друзей, коллег и учеников и структуру книги, включившую три основных раздела – Энеолит и бронзовый век Евразии, Археология Балкан и Древнейшая история и культура Ближнего Востока.

Одновременно и независимо от нас к академику-секретарю Отделения историко-филологических

наук РАН А.П. Деревянко обратился академик В.В. Иванов с предложением организовать в честь предстоящего 90-летия Н.Я. Мерперта круглый стол-конференцию, посвятив ее рассмотрению индоевропейской проблемы и некоторых вопросов археологии Ближнего Востока в свете новейших данных. Мы начали активно готовиться к тому и другому – подготовке сборника трудов и проведению научной конференции в честь юбилея Николая Яковлевича. Предполагалось, что Н.Я. Мерперт примет участие вместе с нами в том и другом деле.

Между тем болезнь Николая Яковлевича прогрессировала. Несмотря на наше противодействие и плохое собственное самочувствие Николай Яковлевич часто приходил в институт, и мы были всегда рады пообщаться с ним. В один из декабрьских дней на прогулке недалеко от своего дома он упал, после чего оказался в больнице. Потребовалась операция на ноге. Все прошло как будто бы благополучно. Но, к сожалению, после операции он так и не сумел оправиться и 29 января 2012 г. скончался в больнице. Урна с его прахом захоронена на Троекуровском кладбище Москвы. Так ушел от нас на 90-м году жизни дорогой и незабвенный Николай Яковлевич Мерперт.

Вся жизнь Н.Я. Мерперта была связана с Институтом археологии АН СССР/ РАН. Он прошел здесь большой жизненный путь – от аспиранта до главного научного сотрудника, ученого секретаря института и руководителя отдела неолита и бронзового века и группы зарубежной археологии, вырос в крупнейшего в мире ученого – специалиста в области первобытной археологии Восточной Европы, Балкан и Передней Азии. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России Николай Яковлевич был удостоен звания лауреата “Государственной премии Российской Федерации” в области науки и избран членом-корреспондентом Германского археологического института.

Николай Яковлевич – коренной москвич: он родился на Арбате 26 ноября 1922 г. Его отец, Яков

Иванович, был инженером-экономистом, мать, Ми-летина Михайловна, – медицинским работником. В 1940 г. Н.Я. Мерперт окончил известную в Москве среднюю школу № 59 им. Н.В. Гоголя.

Уже в школьные годы у него пробудился интерес к истории и археологии, и он стал посещать в Государственном Историческом музее кружок по археологии, который вели В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов и Б.А. Рыбаков. Первое “археологическое крещение” Николай Яковлевич получил в 1936 г. в экспедиции Б.А. Рыбакова как школьник-кружковец. После окончания школы он твердо решил стать археологом и поступать на исторический факультет МГУ. Но осенью 1940 г. его призвали в Рабоче-крестьянскую Красную армию, где он служил в 1-ом мотомеханизированном корпусе Ленинградского военного округа в г. Пскове.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Вся тяжесть первых ударов гитлеровских войск обрушилась на подразделения Красной армии, охранявших западные рубежи нашей страны. Всю жестокую драму начального периода войны в полной мере пришлось испытать на себе и Н.Я. Мерперту. С июня по ноябрь 1941 г. он находился на Северо-Западном фронте в качестве солдата, помощника командира взвода 5-го мотоциклетного, 125-го танкового и 34-го отдельного танкового полков. Он был четырежды ранен на фронте и несколько месяцев лечился в госпитале. За участие в боях Николай Яковлевич удостоен ордена “Великой Отечественной войны” 2-ой степени и нескольких медалей. В марте 1942 г. он был демобилизован из армии по инвалидности и возвратился в Москву. В том же году он поступил на исторический факультет Московского государственного университета, где на кафедре археологии его учителями были А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, А.В. Городцов, Б.Н. Граков, С.В. Киселев и другие.

Забегая вперед, отмечу, что осенью 2011 г. были изданы воспоминания Н.Я. Мерперта (Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.), в которых он подробно рассказал о своем детстве, школе, военных годах, учебе в МГУ и всей последующей жизни.

В студенческие годы Николай Яковлевич увлекся античностью. Тогда же он опубликовал свой первый научный труд в виде отдельной брошюры под названием “К вопросу о происхождении Гладиуса” (М. 1947). Его дипломная работа “Древнегреческая кровельная черепица в городах Северного Причерноморья” также касалась античной тематики и в 1951 г. была издана в полном виде. В годы учебы он участвовал в раскопках славянских курганов в

Подмосковье (1942–1943 гг.) и скифских памятников в Никополе на Украине (1944 г.).

В 1945 г. Николай Яковлевич с отличием оканчивает университет, в следующем году поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) (ныне – Институт археологии РАН) и готовит диссертацию по известному Салтовскому могильнику, давшему название раннесредневековой культуре Восточной Европы.

В 1949 г. Н.Я. Мерперт был принят на работу в ИИМК АН СССР, и с тех пор до конца своих дней, т.е. более 60 лет, трудился в этом учреждении. Стаж его работы в нашем институте с учетом учебы в аспирантуре превышает 55 лет. Он прошел здесь все ступени научной карьеры, от младшего до главного научного сотрудника, в 1956–1961 гг. был ученым секретарем, а с 1973 по 1989 г. возглавлял одно из ведущих подразделений института – отдел неолита и бронзового века. Самое же главное – именно в стенах ИИМК АН СССР – ИА АН СССР – ИА РАН Николай Яковлевич вырос в крупнейшего ученого с мировым именем, признанного специалиста в области археологии энеолита и бронзового века Старого Света. Его заслуги перед отечественной, европейской и мировой археологией поистине велики, их трудно переоценить.

Трудно в одной краткой статье осветить всю обширную и многогранную деятельность Н.Я. Мерперта. Перу Николая Яковлевича принадлежит более 400 научных печатных трудов, в том числе 10 монографических исследований. Первые его работы, как отмечалось, были посвящены отдельным вопросам античной археологии. Затем он много и плодотворно занимался изучением археологии раннего и зрелого средневековья. В частности, он внес определенный вклад в исследование проблемы салтово-маяцкой культуры, а также проблем археологии раннего средневековья степной полосы Евразии в целом. Им были подготовлены и изданы в “Очерках археологии СССР. III–IX вв.” разделы, посвященные гуннам и их наследию, аварам, болгарам и венграм (1958 г.).

Еще аспирантом Н.Я. Мерперт начал участвовать в археологических исследованиях на территории Монголии (1948–1949 гг.), в частности столицы империи Чингисхана – Каракорума. Вместе с С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой и другими Н.Я. Мерперт стал автором капитальной публикации “Древнемонгольские города” (М., 1964), а также целого ряда других трудов по средневековью Центральной Азии.

1950 г. стал в значительной степени переломным в научной деятельности Н.Я. Мерперта. Дело

в том, что в этом году была организована Куйбышевская экспедиция ИИМК АН СССР во главе с А.П. Смирновым. Н.Я. Мерперт был назначен заместителем начальника и руководителем II отряда этой экспедиции. В зоне будущего водохранилища, на территории Самарской, Волгоградской и Ульяновской областей и Татарстана, Николай Яковлевич раскопал сотни подкурганых погребений, а также ряд поселений бронзового века, относящихся преимущественно к срубной культурно-исторической общности. Так, изучение культур энеолита и эпохи бронзы евразийских степей становится основным направлением в исследовательской деятельности Н.Я. Мерперта. Он постоянно наращивает и расширяет хронологически и территориально круг исследуемых проблем, отмечая почти каждый шаг в своей творческой работе печатными научными трудами, прежде всего в изданиях ИИМК – ИА РАН.

Для трудов Н.Я. Мерперта всегда были характерны комплексный подход к разрабатываемой проблеме, использование всех новейших данных, рассмотрение исследуемых вопросов на широком культурно-историческом фоне. С 1960-х годов в сферу его исследований вошли, с одной стороны, Северный Кавказ, а с другой – Балканы и Ближний Восток.

В 1956, 1959 и 1960 гг. Н.Я. Мерперт проводит на территории Чечено-Ингушетии раскопки курганов III–II тыс. до н.э. у ст. Мекенская на Тереке и поселения эпохи ранней бронзы и кобанской культуры в селе Сержень-Юрт. Мекенские курганы содержали комплексы северокавказской культуры эпохи бронзы, а также погребения, относящиеся к культурам бронзового века южно-русских степей. Проведенные исследования Серженьюртовского I поселения позволили Николаю Яковлевичу убедительно выделить там слой ранней бронзы с материалами как майкопской, так и куро-аракской культуры. Если на территории собственно Ингушетии памятник с подобной синкретической культурой к тому времени был уже известен, то в Чечне он был открыт и исследован впервые.

В 1961–1963 гг. Н.Я. Мерперт участвует в первой российской археологической экспедиции в Египте. Там, в зоне сооружения Асуанского гидроузла экспедиция исследовала группу памятников конца III – начала II тыс. до н.э. Ныне получившая большую известность в научных кругах публикация результатов этих работ – “Древняя Нубия” (М.; Л.; 1964) стала библиографической редкостью. Отмечу, что египетская экспедиция АН СССР провела в 1963 г. также результативные археологические разведки в северо-западном Судане.

С начала 1960-х годов Н.Я. Мерперт приступает к полевым работам в Болгарии. Начинается “балканская эпопея” в его жизни, продолжавшаяся более 30 лет. Все эти годы он являлся соруководителем советско-болгарской экспедиции, которая провела широкие стационарные исследования ряда ключевых памятников эпохи энеолита и ранне-бронзового века севера Балканского полуострова. В итоге европейская наука получила ряд фундаментальных трудов, посвященных таким памятникам, как Эзеро (София, 1979) и Юнаците (София, 1994). Эти исследования позволили выявить новые, ранее неизвестные страницы и целые главы истории и культуры населения Балкан IV–III тыс. до н.э., установить его культурные связи и взаимодействия с племенами сопредельных областей и, прежде всего, с Анатолией.

В 1969 г. впервые на территории Месопотамии начала полевые работы российская экспедиция. Еще до начала ее работ (зимой 1967 – 1968 гг.) в Ирак были командированы Н.Я. Мерперт и Н.О. Бадер для выбора объектов раскопок нашей будущей экспедиции. Зафиксированная ими на северо-западе Ирака в долине Синджара группа из нескольких теллей (Ярымтепе) стала основным объектом многолетних раскопок экспедиции нашего института в Северной Месопотамии. До 1985 г. экспедиция провела в Ираке 14 полевых сезонов. В 1988 г. работы экспедиции были перебазированы на смежную территорию Северо-Восточной Сирии, где они продолжают и по настоящее время. Все эти 30 с лишним лет Н.Я. Мерперт являлся участником наших полевых работ в Месопотамии.

Работая и на Северном Кавказе, и на Балканах, и на Ближнем Востоке, Н.Я. Мерперт продолжал исследование проблем энеолита и бронзового века степной полосы Восточной Европы. Среди них особое место занимало изучение ямной культурно-исторической общности. Изучив около 1400 погребальных комплексов данной культуры от Урала до Днестра, Николай Яковлевич подготовил крупное исследование, посвященное изучению истории и культуры населения степей Восточной Европы в конце IV – начале II тыс. до н.э., и в 1968 г. успешно защитил его в качестве докторской диссертации. В последующем эта работа была издана в виде монографии “Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья” (М., 1974) и стала настольной книгой для каждого, кто интересуется древнейшей историей и культурой Евразии.

До занятий проблематикой ямной культуры Н.Я. Мерперт много внимания уделил исследованию срубной культуры, прежде всего на материалах собственных полевых изысканий в Среднем Повол-

жье. Он опубликовал целую серию трудов, в том числе и обобщающее исследование “Из древнейшей истории Среднего Поволжья” (М., 1958 (МИА СССР; № 62)), в которых разработаны вопросы хронологии и периодизации памятников срубной культуры, изучены хозяйство, социальное развитие и религиозные представления “срубников”, их связь с окружающим миром и т.д.

Особая заслуга Н.Я. Мерперта состоит и в исследовании культурно-исторического процесса, протекавшего в евразийских степях в предшествующую бронзовому веку эпоху. Большой интерес специалистов, в частности, вызвал подготовленный им раздел в томе “Энеолит СССР”, в котором впервые в науке была поставлена проблема энеолита евразийских степей (М., 1981).

Н.Я. Мерперт разработал целостную программу изучения энеолита, а также бронзового века степной зоны Восточной Европы. Он создал свою школу, подготовив большую группу специалистов в области энеолита и бронзового века евразийского пограничья, которые плодотворно трудятся над изучением степных культур IV–II тыс. до н.э. в различных университетах, научных центрах и музеях страны.

Исследуя многие общие проблемы и конкретные вопросы бронзового века Восточной Европы в последнее тридцатилетие, Н.Я. Мерперт в своей деятельности уделял наибольшее внимание Балканам и, особенно, Месопотамии. За достижения в археологическом изучении Болгарии и подготовку научных кадров Н.Я. Мерперт был награжден орденом “Кирилла и Мефодия” I степени и “Большой медалью Св. Климента Охридского” (Болгария).

С именем Николая Яковлевича связано и рождение российской школы месопотамской археологии. Широком стационарным раскопкам были подвергнуты в 1969–1980 гг. Ярымтепе I, Ярымтепе II и Ярымтепе III, представляющие хассунскую, халафскую и убейдскую культуры и характеризующие три важнейших этапа развития дописьменной Месопотамии (VI–IV тыс. до н.э.). Экспедиция проводила одновременно и разведки в долине и предгорьях Синджара, в результате которых были открыты первое в данном регионе Месопотамии поселение докерамического неолита Телль Магзалия (VIII тыс. до н.э.) и поселения Телль Сотто и Куллитепе, относящиеся к VII тыс. до н.э. и представляющие новую раннеземледельческую культуру Северной Месопотамии предхассунского периода.

Результаты этих беспрецедентных по масштабам и хронологическому охвату работ представили в новом свете культурно-историческое развитие Се-

верной Месопотамии от возникновения земледелия и скотоводства до формирования древнейшей цивилизации человечества. Они изданы во многих странах в десятках трудов, включая крупные монографические исследования, получили широкую известность и признание международной научной общественности. Выдающийся вклад в отмеченные достижения внес, несомненно, Н.Я. Мерперт. Именно за эти достижения, составившие вклад российской науки в изучение древней Месопотамии, он вместе со мной и Н.О. Бадером был удостоен в 1999 г. “Государственной премии Российской Федерации” в области науки.

С 1988 г. работы Месопотамской экспедиции ИА РАН были перебазированы на территорию Северо-Восточной Сирии. Здесь, в 25 км от г. Хасаке экспедиция исследовала два памятника – Телль Хазна I и Телль Хазна II. Последний, диаметром в среднем 150 и высотой 11 м, содержит слои предхассунской и халафской культур (IV–III тыс. до н.э.) и более позднего времени. На нем проведены небольшие работы разведочного характера. Основным же объектом исследований являлся Телль Хазна I – холм диаметром 200 и высотой 17 м. Нижние культурные отложения мощностью около 4 м принадлежат убейдской и урукской культурам (конец V–IV тыс. до н.э.), а вышележащие 12 м содержат остатки уникального культово-административного центра конца IV – первой трети III тыс. до н.э. в виде фундаментальных храмовых сооружений, сохранившихся на высоту более 8 м.

Самое деятельное и активное участие в исследовании этого сложнейшего и чрезвычайно важного памятника почти 14 сезонов принимал Н.Я. Мерперт. О результатах раскопок Телль Хазны I было доложено на ряде международных конференций в Сирии, Грузии, Азербайджане и России (в Москве, Санкт-Петербурге, Махачкале, Новосибирске, Воронеже). Соавтором большой серии публикаций по Телль Хазне I, изданных как в нашей стране, так и за рубежом, был Н.Я. Мерперт. Он же являлся одним из авторов первого выпуска трудов Сирийской экспедиции ИА РАН, посвященного этому памятнику.

Благодаря результатам исследований российской экспедиции в Сирии, равно как и ряда других, представляется возможным изменить общее представление о роли и месте Сирии в культурно-историческом процессе на Ближнем Востоке в древности. Если раньше Сирия светила отраженным светом достижений Южного Двуречья, то ныне становится очевидным, что сирийский регион не отставал в своем развитии от других областей Месопотамии и явился местом сложения глубоко оригинальных культур.

Николай Яковлевич всегда был полон творческих планов и воли трудиться и осуществить их. Он активно продолжал не только свою научную, но и педагогическую деятельность. Его роль в подготовке высококвалифицированных кадров в области археологии по-настоящему велика. Им создана целая школа в российской археологии. Мало кто из ученых имел столько учеников, сколько Н.Я. Мерперт. Достаточно сказать, что им подготовлено около 40 кандидатов и докторов наук. А сколько студентов в течение пяти лет (1966–1971 гг.), что Николай Яковлевич преподавал на кафедре археологии исторического факультета МГУ, прослушали его курсы по бронзовому веку! Именно за достижения в развитии науки и подготовке кадров ученых Н.Я. Мерперту в 1996 г. было присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки РФ”.

Его педагогическая деятельность продолжалась много лет. В последние годы он читал курс библейской археологии в Библейско-Богословском Институте в Москве. В 2001 г. курс этот был издан им в виде большой книги “Очерки по библейской археологии”, разошедшейся мгновенно.

Бесспорна и роль Николая Яковлевича как организатора науки. Занимая в головном археологическом учреждении страны должности ученого секретаря института, заведующего крупнейшим подразделением – отделом неолита и бронзы – и руководителя Группы зарубежной археологии, он и своей научно-организационной работой способствовал в немалой степени развитию и успехам российской археологии, ее престижу на международной арене. Много десятков научных трудов и публикаций вышло в свет под редакцией Н.Я. Мерперта. Он был членом редколлегий журнала “Советская археология” и “Российская археология”, а также ряда зарубежных периодических изданий, в том числе всемирно известного английского журнала “Antiquity”.

Близко зная Н.Я. Мерперта свыше 50 лет, я не могу не сказать в связи с его замечательным юби-

леем несколько слов о нем еще как о гражданине и человеке. Гражданская позиция Николая Яковлевича всегда была четкой и ясной. Ее отличает истинный гуманизм и подлинный интернационализм, лишенный каких-либо предрассудков. На долю Н.Я. Мерперта выпали нелегкие испытания. И одним из них стала война, точнее, первые, самые тяжкие месяцы ее, когда он, совсем еще юноша, оказался участником боевых действий. Он не очень любил прилюдно вспоминать те памятные и печальные дни, когда он воевал, был ранен, несколько месяцев пролежал в госпитале и по инвалидности был освобожден от воинской обязанности. Когда говорят о патриотизме, я вспоминаю прежде всего таких людей, как Николай Яковлевич, потому что их любовь и преданность Отчизне – это не просто слова, проявление эмоций, а глубокое знание ее истории и культуры. А тому, как знал Н.Я. Мерперт историю России, ее литературу и искусство, в том числе и музыкальное, приходится только удивляться и завидовать. Он был высоко и разносторонне образован. Его нельзя отнести к тем людям, у которых был когда-либо “лишний рубль” или водились деньги. Но он был и остается человеком очень богатым – богатым своими удивительными знаниями. И надо отдать ему должное – это свое единственное богатство он всегда щедро и безвозмездно отдавал не только своим ученикам, но и всем, кто в нем нуждался.

Н.Я. Мерперт был поразительно скромным человеком. Его отличали доверчивость и мягкость, иногда чрезмерная, идущая ему во вред. Но самой важной чертой его характера оставалось всегда поражающее трудолюбие. Большой природный талант и постоянный активный труд обеспечили его великолепные творческие успехи и большой, заслуженный авторитет среди коллег и широкой научной общественности, сделали Николая Яковлевича тем, кем он является – замечательным ученым и прекрасным гражданином своей страны, которым гордится наша наука!

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ МИКРОПЛАСТИНОК НА СТОЯНКЕ КОСТЁНКИ XI (культурный слой 1a)

© 2013 г. А.М. Родионов

Воронежский государственный педагогический университет

Стоянка Костёнки XI была открыта А.Н. Рогачевым в 1949 г. Полевые исследования памятника начались в 1951 и продолжались до начала 1960-х годов. Они показали, что на оконечности центрального мыса Аносова лога, в толще лессовидного суглинка и в верхних гумусированных напластованиях выделяется шесть культурных слоев. Интересующий нас слой 1a находился под современной почвой на северном склоне мыса, с уклоном к северо-востоку до 6 см на протяжении каждого метра. Культурные остатки залегали в верхней части лессовидного суглинка. В 1960–1965 гг. здесь были расчищены остатки первого округлого жилища аносовско-мезинского типа, сооруженного из костей мамонта. В 1970 г. обнаружались остатки второго аналогичного жилища в 17 м к востоку от первого. Три радиоуглеродные даты, полученные для этого слоя, дают интервал от XX до XVI тыс. л.н. (Палеолит..., 1982. С. 124)

Коллекция каменного инвентаря остатков поселения Костёнки XI (культурный слой 1a) насчитывает свыше 17 тыс. расщепленных кремней, в том числе около 1500 изделий со вторичной обработкой и около 1200 микропластинок. В качестве сырья использовался меловой (57%) и цветной (38%) кремнь (Аникович и др., 2008. С. 215).

Данная статья посвящена рассмотрению технологического аспекта получения микропластинок и выделению основных приемов их производства. В результате исследования предполагается выявление основных технических приемов, применяемых обитателями стоянки для изготовления микропластинок.

Аналізу подверглись 971 микропластинка, из которых 471 – целая; 405 – фрагменты, на сломках которых отсутствует “карниз”; 95 – фрагменты, на сломках которых присутствует выраженный карниз. Важно заметить, что данные статистические показатели выведены, прежде всего, с точки зрения технологического подхода. Не следует разделять микропластинки и пластинки в коллекции данного памятника, так как с одной и той же пластины могут

сниматься как и достаточно длинные (до 7–8 см), так и совсем мелкие (1–2 см) микропластинки. Их длина зависит только от периода жизни нуклеуса, другие параметры технологического процесса на размеры микропластинок не влияют.

Еще одну достаточно представительную группу в технологическом контексте составляют нуклеусы, по результатам просмотра на памятнике выделенные в три основных группы.

Первая группа (А) включает аморфные нуклеусы, представляющие собой кремневые ядрища или крупные осколки кремня, на которых видны негативы снятий микропластинок. Отличительная черта группы – плохое качество кремня, из-за которого основная масса не является сработанными нуклеусами, так как после или в процессе снятия микропластинок нуклеус просто выбрасывался (рис. 1; 2). Тем не менее в данной группе встречаются нуклеусы, с которых снимались серии микропластинок, но в конечном счете они были выброшены, не достигнув крайней стадии изношенности (рис. 1, 1).

Вторая, значительная в количественном плане группа (Б) нуклеусов представлена “остатками”, как правило, крупных пластинчатых отщепов и отщепов, выполненных из хорошего сырья и впоследствии расщепленных на маленькие микропластинки. Данные нуклеусы представляют наибольший интерес, так как продуктивность расщепления больших пластин на микропластинки очень высока. По экспериментальным данным, из одной массивной пластины шириной в 30, длиной в 100 и толщиной в 10 мм можно получить, как минимум, 20–25 микропластинок.

Важно рассмотреть процесс расщепления, конечной стадией которого являлись данные нуклеусы, и выяснить, изготавливались ли первичные формы специально, или же вторичное расщепление крупных пластин и отщепов на микропластинки – следующая стадия жизни орудия после того, как его основное рабочее лезвие приходит в негодность.

Третья группа (В) – наименьшая по количеству. Она насчитывает не более 15 артефактов, которые представляют собой классические призматические конические нуклеусы с объемным фронтом скалывания, выполненные на качественном меловом кремне (рис. 1, 8).

Один из неясных вопросов, связанный с исследованием культурного слоя 1а стоянки Костёнки XI, – отсутствие первичных форм. В коллекции встречаются пластины и отщепы, находящиеся как на начальной стадии расщепления на микропластинки, так и на конечной, но не найдено ни одного крупного нуклеуса, с которого производились снятия имеющихся пластин и отщепов. В связи с этим небезынтересным представляется технологический контекст появления нуклеусов группы В.

В первую очередь необходимо дать определение термину “микропластинка” вообще и в контексте изучения данного памятника в частности. Для этого обратимся к “Четырехязычному словарю-справочнику по археологии палеолита”, в котором дана следующая его интерпретация: “...небольшие по размерам призматические пластинки правильных очертаний...” (2007. С. 147).

На рассматриваемом памятнике можно наблюдать следующую статистику: микропластинки правильных очертаний не составляют более 3% от общего числа. Именно поэтому необходимо уточнить значение данного термина.

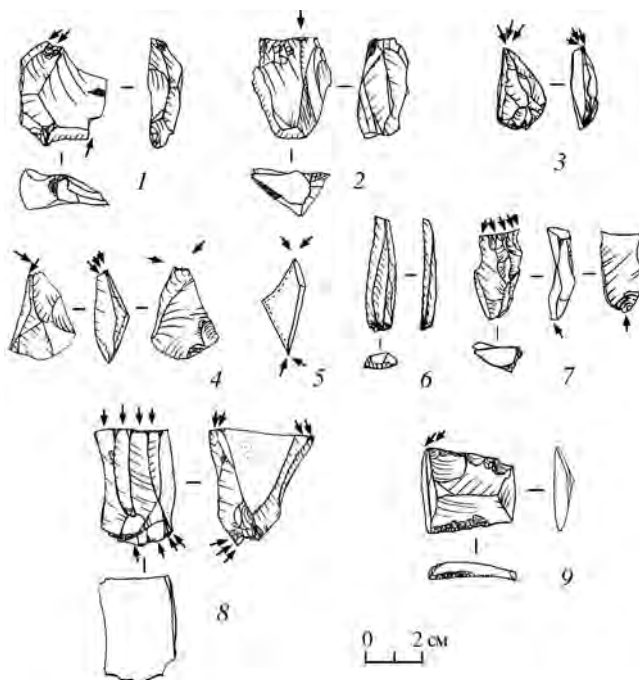

Рис. 1. Артефакты из культурного слоя 1а.

Исходя из технологии получения микропластинок, которая сводилась, прежде всего, к получению пластинок из более крупных пластин и отщепов, основным приемом снятия был резцовый скол. Пластины и отщепы могли расщепляться практически в любых направлениях, в которых можно было

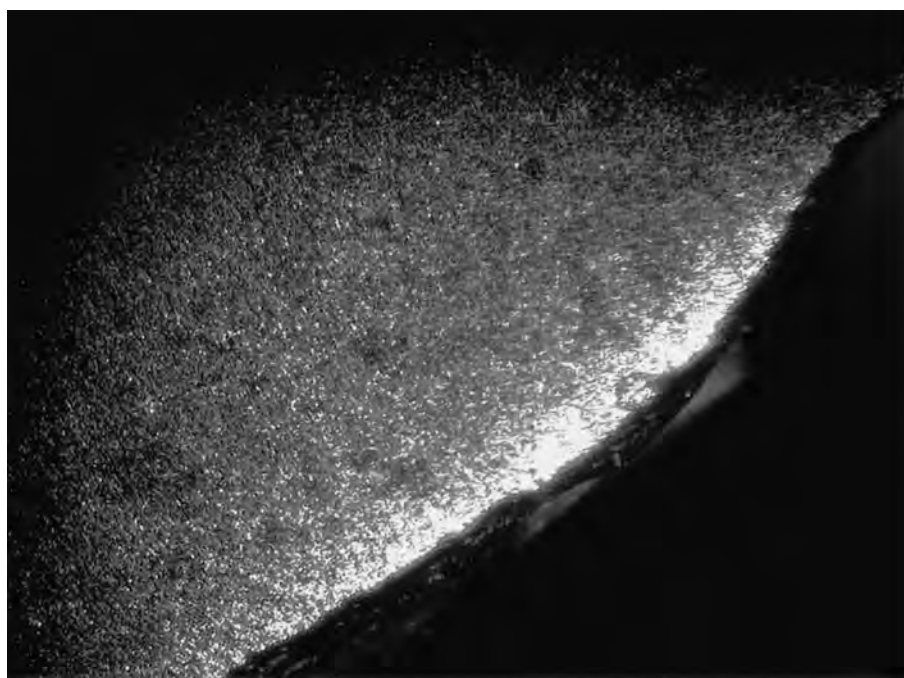

Рис. 2. Микрофото заполировки на сколе скребкового лезвия-микропластинки.

сделать скол. Следовательно, форма получаемых продуктов в своем большинстве не является правильной и классической, скорее, наоборот: сечение большинства микропластинок представляет собой острый треугольник, ромб или параллелепипед, как правило, достаточно высокой формы (рис. 1, 6). Как было выяснено выше, вся индустрия расщепления кремня на памятнике Костёнки XI в культурном слое 1а сводилась к получению микролитов, трасологический анализ которых показал, что продукты микрорасщепления не использовались в качестве вкладышей. Наоборот, каждая микропластинка использовалась как отдельное орудие. В связи с этим возникает вопрос о функциональной пригодности такого рода орудий. Для решения данной проблемы был проведен эксперимент, в результате которого был сделан ряд выводов: лезвия классической микропластинки при строгании дерева затупляются после 4–6 мин работы, в отличие от трех- и четырехгранных микропластинок, лезвия которых тупятся на 25–30 мин; трех- и четырехгранные микропластинки функционально более пригодны для работы, так как во время обработки дерева они значительно менее подвержены слому.

Можно сделать вывод о том, что микропластинчатое расщепление в технике резцового скола на стоянке Костёнки XI в слое 1а полностью оправданно функциональной пригодностью получаемых продуктов.

Среди микропластинок выделяется одна специфическая группа, представленная первичными сколами с рабочих краев орудий, идущих на вторичное расщепление. На вид они выглядят аналогично поперечным сколам подправки лезвия, но не являются ими, так как во всей коллекции не выявлено ни одного отщепа, с которого был снят рабочий край резцовым сколом, а затем орудие было заново использовано. В свою очередь сколов скребковых лезвий насчитывается более 50 и большинство из них имеет следы износа, что подтверждено трасологическим исследованием (рис. 2).

Среди продуктов микропластинчатого расщепления имеются достаточно правильные микропластинки, но принципиальное их отличие – высокая форма, получение которой возможно только с призматических нуклеусов с очень малым диаметром площадки скалывания – 8–12 мм. Эти пластинки были сняты именно с массивной пластины, так как получить подобную микропластинку с призматического нуклеуса с малым диаметром технологически невозможно. В пользу этого вывода можно привести еще один аргумент – в коллекции призматических нуклеусов нет ни одного нуклеуса, сработанного до такого маленького диаметра, все они были

отброшены на более ранних стадиях расщепления (рис. 1, 8).

В коллекции группы Б, как уже говорилось выше, присутствуют нуклеусы, демонстрирующие все этапы расщепления. Имеются пластины-нуклеусы со снятыми лезвиями и полностью сработанные нуклеусы. Необходимо отметить, что многие нуклеусы с точки зрения формальной типологии являются лишь разновидностями резцов. Но функционально данные артефакты не использовались в качестве резцов по тому или иному материалу. Это выявлено в результате трасологического исследования, которое показало отсутствие микро- и макроследов резцового типа на анализируемых орудиях. Из всей коллекции нуклеусов только один артефакт функционально оказался резцом.

На основе имеющихся нуклеусов группы Б можно выделить несколько приемов расщепления пластин и отщепов на микропластинки: расщепление пластин с торцевой части пластины (рис. 1, 3); поперечное расщепление пластины (рис. 1, 9), которое дает микроформы, близкие к классическим микропластинкам; расщепление в две стороны, когда с узкой части пластины снимается основание резцовым сколом, а затем вся пластина в две стороны расщепляется однотипными резцовыми сколами на микропластинки (рис. 1, 4); радиальное расщепление отщепы по всему периметру (рис. 1, 5).

Что касается приемов снятия микропластинок с нуклеусов группы А, то оно велось хаотично, с уже готовых естественных площадок. В случае забивания и заламывания площадки она повторно не подправлялась. Использовались либо другие площадки на том же нуклеусе, либо они просто выбрасывались.

Необходимо заметить, что во всех случаях снятие сводится к одному и тому же приему расщепления – резцовому сколу. Но в зависимости от первичной формы нуклеуса форма микропластинок меняется кардинально. Если во втором случае результатами расщепления являются как треугольные в сечении микропластинки, так и классические призматические, представляющие в сечении трапецию, то во всех остальных случаях получение относительно правильных пластинок не более чем случайность.

Исходя из сказанного выше можно сделать вывод о том, что разделение пластинок на классические и неклассические в технологическом контексте рассматриваемого памятника абсолютно невозможно и неуместно.

Рассмотрим особенности получения микропластинок путем снятия их с призматических нуклеусов группы В. Примечательно, что в данной

коллекции имеются половинчатые нуклеусы, т.е. классические, полностью сработанные, но расщепленные ровно пополам, что невозможно сделать при направлении удара с основной площади скалывания (рис. 1, 7). Такой конечный результат возможен только при обратном направлении удара, что говорит о двусторонней направленности расщепления подобных нуклеусов.

Процесс появления призматических нуклеусов может быть абсолютно разным, и говорить о том, какая форма была начальной, сложно. Так как отсутствуют первичные формы, необходимо рассматривать все возможные варианты. Небольшой сработанный призматический нуклеус можно получить как вследствие расщепления целого желвака кремня, так и массивной пластины путем снятия резцовых сколов. Ввиду отсутствия первичных форм и небольшого количества нуклеусов группы В логично считать появление данной классической формы нуклеуса (призматический нуклеус с объемным фронтом скалывания) следствием расщепления массивного отщепа, пластины, плитки кремня. Данная форма не является специально сформированной и подготовленной. В результате можно за-

ключить, что нуклеусы группы В – исключительно выделенная типологическая форма, но в технологическом контексте ее выделение в отдельную группу невозможно.

Таким образом, можно говорить о едином технологическом контексте получения микропластинок из культурного слоя 1а стоянки Костенки XI, вследствие чего всякая дифференциация микропластинчатых продуктов расщепления на данном памятнике неуместна и не имеет практической значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникивич М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону (1879–1979). Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита / С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли и др. СПб., 2007.

ЭССКАЯ НАХОДКА (КАМЕННОЕ ЗООМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ ТАЕЖНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ)

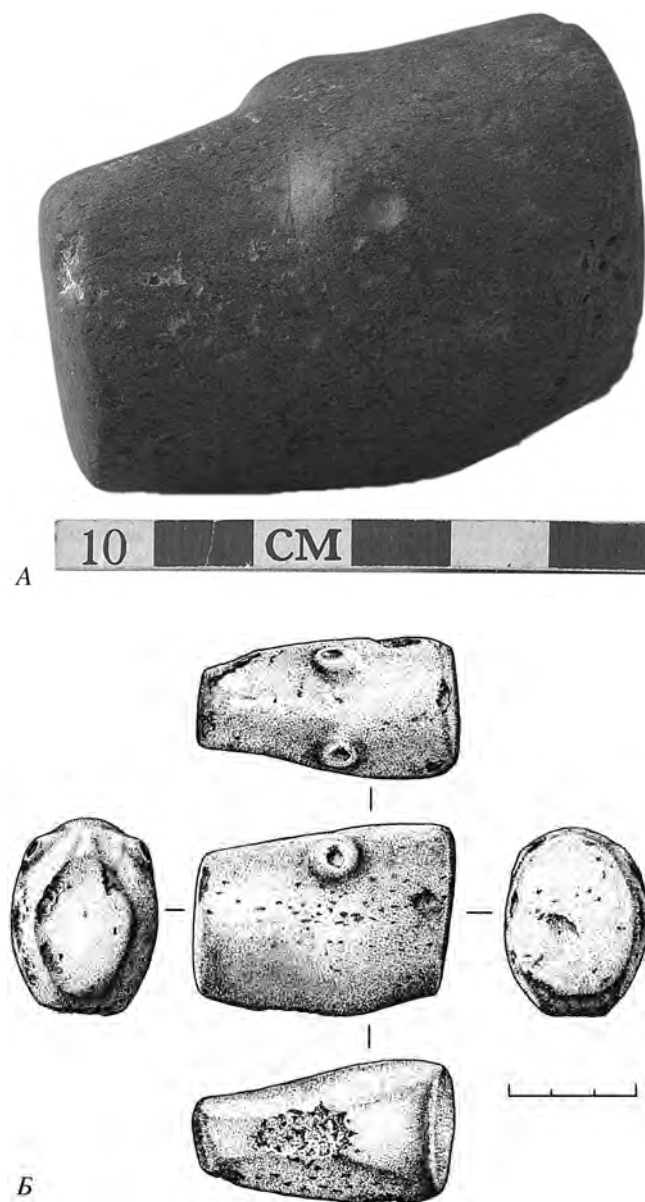
© 2013 г. **В.М. Морозов***, **В.И. Стефанов***, **О.П. Ченченкова****

* Уральский федеральный университет, Екатеринбург

** Свердловский областной краеведческий музей

Каменная скульптура относится к категории очень редких археологических находок даже в тех регионах (Урал, Казахстан, Алтай), где доступного качественного сырья всегда было в избытке, а технику камнеобработки традиционно отличал высокий уровень. Что касается обширных пространств таежного Обь-Иртышья, то здесь фигурные объемные изображения из камня вообще единичны. Вспоминаются в этой связи всего два предмета: так называемая плитка с головой барана, случайно найденная в конце XIX в. у д. Березово в Нижнем Приобье (Heikel, 1894; Tallgren, 1938; Дмитриев, 1948; Мошинская, 1976а; б), и голова животного из верховьев Конды – крупного левого притока Иртыша в его нижнем течении. Второй находке, по разным причинам оставшейся малоизвестной широкому кругу специалистов, посвящена данная заметка.

Каменное зооморфное изображение (рисунок) было обнаружено в 1986 г. при раскопках многослойного (мезолит – ранний железный век) поселения Геологическое III, расположенного на правом берегу р. Эсс в 10 км от г. Югорск Советского р-на ХМАО–Югры. Предмет находился в культурном слое между котлованами мезолитической и раннебронзовой построек (Морозов, 1987. С. 12). Скульптурная голова животного размерами $6.2 \times 4.7 \times 3.5$ см изготовлена из твердой породы темно-зеленого цвета (эпидозит роговообманковый?) в технике пикетажа с последующей грубой абразивной обработкой и тщательной шлифовкой поверхности. Изображение – схематичное, законченное, имеет форму приплюснутого усеченного конуса. Плоская усеченная часть соответствует носу. Зооморфный облик вещи придают глаза, переданные выпуклыми бугорками с высверленными

Каменное зооморфное изображение (А) и его прорисовка (Б).

ми углублениями зрачков, и моделировка морды. Чуть выступающим ребром выделена профильная линия носа, нижняя сторона (под подбородком животного) сужается к концу морды и имеет очертания, близкие к V-образным. Граница V-образной поверхности слегка утрирована ребром и в расширенной части поднимается вверх, обозначая края нижней челюсти. Конец морды моделирован несколькими плоскостями, смыкающимися друг с другом. Стыки впоследствии сглажены, но все же заметны, особенно анфас (рисунок, Б). Возможно, эта своеобразная ограниченность объясняется технологией изготовления. По бокам, снизу и, в меньшей степени, на плоских поверхностях скульптуры имеются мелкие сколы, щербинки от использования в

каком-то качестве (отбойник, наковаленка?), позже следы забитости пытались притшлифовать.

Находка хранится в Археологическом музее УрФУ, инв. № УАЭ-367. Изображение предмета неоднократно публиковалось (Зыков и др., 1994. С. 75, 129; Очерки..., 1995. С. 14; Югорск..., 1997. С. 6, 27; Зверь и человек..., 2009. С. 318, 319), но введенная в оборот информация о нем по ряду позиций довольно противоречива. В частности, в разных работах скульптура трактуется как изображение головы животного, головы медведя, бобра, как навершие (?) в виде головы бобра. Сначала находка датировалась эпохой бронзы, но вскоре была отнесена к мезолиту. При обсуждении данной вещи со специалистами-зоологами было высказано еще одно предположение – возможно, это голова северного оленя. Каждое из толкований основывается на очень неявных ассоциациях: высокое расположение глаз – черта, больше присущая полуводным животным; отсутствует характерный для медведя подъем черепа в районе лба; вместе с тем, с головой бурого медведя ее сближают наличие уплощенного ребра на верхней поверхности морды, конусовидная – особенно при взгляде сверху – форма морды и овальная в сечении передняя часть.

На многих известных изображениях медведя конец морды оформлен плоскостью: на скульптурах из Самусь IV, могильника Усть-Куюм, пестях с оз. Иткуль и из-под Братска (Студзицкая, 1969). Однако на эсской скульптуре эта деталь больше всего напоминает изображение коня на жезле из Шипуново-V (Кирюшин, Иванов, 2001). Способ передачи глаза выпуклостью с углубленным центром встречается на конеголовом жезле из-под Усть-Каменогорска, минусинских жезлах с изображением быка (Членова, 1971), окуневских сигаровидных изваяниях (Тарасов, Заика, 2000). Полных аналогий головка из поселения Геологическое III не имеет, а отмеченные детали присутствуют на изображениях различных персонажей, на разных типах изделий, из разных регионов, т.е. не являются стилистически устойчивыми. Нельзя игнорировать и такие факторы, как форма исходной заготовки и индивидуальные особенности авторского исполнения. Несомненно, это голова млекопитающего, однако невыраженность видоопределяющих признаков не позволяет идентифицировать ее с каким-то конкретным животным. С уверенностью можно говорить лишь о зооморфизме каменной скульптуры с р. Эсс.

В пользу очень ранней – мезолитической – датировки эсской находки приводится единственный аргумент: будто точечная техника характерна для камнеобработки периода мезолита, а уже в неолите она утрачивает свое значение (Югорск..., 1997.

С. 6). О несостоятельности этого довода можно судить, например, по следующему факту: большая часть известных на территории от Урала до Енисея образцов каменной скульптуры эпохи палеометалла (свыше 150 ед.) изготовлена в том числе пикетажом (Ченченкова, 2004). Может быть, в таежной зоне пикетаж и утратил свое значение, однако в других регионах этот способ обработки твердого камня существовал долго. Стратиграфические и планиграфические обстоятельства залегания эсской скульптуры также не могут быть привлечены для обоснования ее мезолитического возраста – она обнаружена в переотложенном слое в межжилищном пространстве. Столь раннюю дату невозможно принять еще и потому, что в памятниках мезолита Урала и Западной Сибири подобных образцов круглой каменной скульптуры до сих пор не находили. Первоначальный вариант датировки обсуждаемой вещи – отнесение ее к бронзовому веку (Зыков и др., 1994. С. 45) – представляется наиболее вероятным. Скорее всего, ее следует соотносить с исследованными на поселении Геологическое III объектами, содержащими керамику полымьятского типа эпохи раннего металла (Кокшаров, 2011). Для определения времени бытования эсской находки большое значение имеет наличие черт, роднящих ее с лесостепными каменными скульптурами эпохи бронзы. Попутно заметим, что не существует ни одного безупречного основания, позволяющего говорить о местном изготовлении данной вещи. Подобно упоминавшейся выше каменной плитке с головой барана, в которой П.А. Дмитриев (1948. С. 19) и В.Н. Чернецов (1953. С. 236) видели доказательство распространения в I тыс. до н.э. на Крайнем Севере степного населения, эсская скульптура могла попасть в бассейн Конды из какого-то другого района, необязательно территориально близкого. Уместно вспомнить, что В.И. Мошинская полагала возможным датировать плитки с рельефными головами баранов эпохой бронзы и соотносить их с культурой населения, оставившего могильник Ростовка под Омском (1976б. С. 87). Известны и другие примеры проникновения лесостепной художественной традиции в лесную зону (Ченченкова, 2004). Это явление можно рассматривать в общем контексте взаимодействия таежных и лесостепных культур, особенно усилившегося в начале бронзового века в связи с миграционной активностью сейминско-турбинских популяций. Что касается исключительной редкости находок каменной скульптуры в таежном Обь-Иртышье, то, вероятно, здешние охотники и рыболовы реализовывали свой художественный потенциал в ином материале (дерево, кость, рог, глина), по объективным причинам не сохранившемся до наших дней.

Авторы выражают искреннюю благодарность В.Н. Авдониной, Л.Л. Косинской, П.А. Косинцеву и А.В. Калужникову за оказанную помощь и ценные консультации при подготовке работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 10-06-00405а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дмитриев П.А. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. 1948. Вып. XIX.
- Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: Матер. науч. конф. СПб., 2009 (Тр. ГЭ; Т. 44).
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.
- Кирушин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001.
- Кокшаров С.Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011.
- Морозов В.М. Отчет об изучении памятников на трассе газопровода “Уренгой–Ужгород” в Октябрьском и Советском р-нах Тюменской обл. летом 1986 г. // АКА УрГУ. Ф. II. Д. № 433. Свердловск, 1987.
- Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976а.
- Мошинская В.И. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов // КСИИМК. 1976б. Вып. 147.
- Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
- Студзицкая С.В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
- Тарасов А.Ю., Заика А.Л. Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации): Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово, 2000.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург, 2004.
- Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35.
- Членова Н.Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Югорск. От легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997.
- Heikel A. Antiquites de la Siberia Occidentale. Helsingfors, 1894.
- Tallgren A.M. Some North Eurasian Sculptures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. V. XII. Helsinki, 1938.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОМУ ДАТИРОВАНИЮ ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

© 2013 г. Е.Л. Лычагина

Пермский государственный педагогический университет

Гаринская культура — одна из крупнейших энеолитических культур на территории Прикамья. Первые крупные исследования ее памятников были проведены еще в 1930-е годы Камской экспедицией ГАИМК (Прокошев, 1936. С. 255–268; Лычагина, 2011а. С. 140–145). Позднее они были продолжены О.Н. Бадером, относившим памятники к эпохе бронзы и синхронизировавшим их с Турбинским могильником (1961а). Дальнейшие исследования и в первую очередь анализ металла показали, что могильники турбинско-сейминского круга не связаны с поселениями, относимыми к гаринской культуре (Черных, 1970. С. 9, 83–85, 108). Сама же культура была отнесена к эпохе энеолита (Наговицын, 1987. С. 28–34).

Отсутствие на территории региона поселений, которые можно было бы отнести к эпохе ранней бронзы, и незначительное количество памятников, относимых к средней бронзе (Денисов, Мельничук, 1991. С. 102–113), делает актуальным исследование поселений предположительно финала гаринской культуры.

Один из таких памятников — поселение Новоильинское III, расположенное в 4 км к югу от пос. Новоильинский Нытвенского р-на Пермского края, на правом берегу р. Кама. Памятник находится на краю песчаной боровой террасы, в том месте, где она образует округлый мыс, на высоте 10 м над уровнем реки. В момент обнаружения памятник располагался на территории п/л “Горн” (сейчас — ДОЛ “Гагаринец”).

Поселение было открыто в 1959 г. О.Н. Бадером в ходе проведения разведочных археологических работ в зоне строительства Воткинской ГЭС (1961б. С. 60). Им же в 1960 г. были проведены раскопки данного поселения на площади 190 м². В ходе исследований было изучено жилище, связанное с так называемой флажковой керамикой, выделенной О.Н. Бадером на основе изучения археологических памятников устья Чусовой (1961а). В дальнейшем за памятниками данного типа закрепилось название новоильинских. Таким образом, поселение Новоильинское III дало название археологической культуре энеолитического времени.

Однако в ходе тех же работ было отмечено присутствие на памятнике комплекса, связанного с пористой керамикой (Бадер, 1961б. С. 60–74). Исследования этого комплекса были продолжены в 2009 г., когда в южной части поселения были изучены остатки полужемлянки, характерной для гаринской культуры, что подтверждал инвентарь, обнаруженный в заполнении постройки.

Материальная культура представлена фрагментами керамики и каменным инвентарем, изделий из металла (меди) обнаружено не было.

В заполнении жилища было обнаружено 134 фр. 9 сосудов, для которых характерна тонкостенность, использование в качестве примесей в формовочной массе органики и шамота, использование твердых материалов при обработке внутренней и внешней поверхности сосудов. Орнамент разреженный, основные его элементы — отпечатки гребенчатого штампа различных размеров (рис. 1). Основные мотивы — наклонные и вертикальные отпечатки гребенчатого штампа, в одном случае фиксировалась “шагающая гребенка”. Мотивы объединялись в достаточно простые образы и композиции. Из-за большой фрагментарности керамики ни один сосуд реконструировать полностью не удалось. Но по фрагментам венчиков можно предположить, что это были сосуды со слегка прикрытым или открытым горлом. О форме дна судить сложно. Возможно наличие как округлых, так и уплощенных доннышек. Подобная керамика была изучена О.Н. Бадером как на памятниках, расположенных в устье Чусовой (1961а), так и в пределах Воткинского водохранилища (1959. С. 6–24; 1961в. С. 110–272; 1961г) и может быть отнесена к позднему этапу гаринской энеолитической культуры.

Каменный инвентарь, обнаруженный в заполнении жилища, состоял из 1178 экз., из которых 1080 (90%) относились к отходам производства.

К нуклевидным формам было отнесено 37 экз. (3%). Значительную группу составили гальки с первичными снятиями (пренуклеусы) — 13 экз. Также к данной группе были отнесены 15 продольных и 8 краевых сколов с нуклевидных форм (рис. 2, 1–3). К законченным формам было отнесено одно

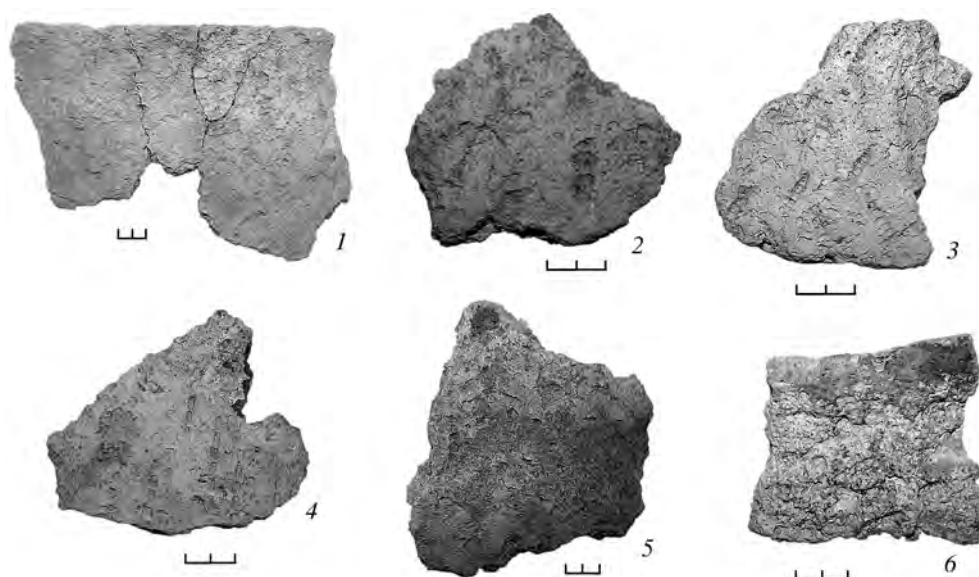

Рис. 1. Поселение Новоильинское III. Керамика из заполнения жилища.

изделие. Это призматический одноплощадочный нуклеус с негативами снятий по всему периметру, изготовленный из сургучного галечникового кремня (рис. 2, 1).

К орудиям было отнесено 54 экз. (4.5%). Для изготовления орудий труда чаще всего использовались отщепы средних размеров (особенно для изготовления скребков) – 24 экз. (44%), уплощенные гальки и сколы с них – 17 (31.5%), плитки плитчатого кремня – 11 (20%). На пластинах изготовлено всего два изделия.

Скребки – 11 экз. (рис. 2, 9–14) – для их изготовления, как правило, использовались отщепы (7), обломки галек (3), плитка (1). Наибольшим количеством представлены концевые формы – 4 экз. Также было обнаружено два боковых и два высоких скребка, изготовленных на сколах с гальки. Еще один скребок имел веерообразное лезвие (рис. 2, 13). Особый интерес вызывает скребок со струганной спинкой, имеющий лезвие по трем сторонам (рис. 2, 14). Также единичной формой представлен скребок, изготовленный на отщепе с сердоликовой гальки и имеющий два лезвия на смежных сторонах (рис. 2, 12).

Наконечники – 15 экз. – составляют самую большую группу (рис. 2, 22–28). Из них целых – 7 экз., остальные представлены обломками острия – 2, насада – 2, тела – 4 экз. Для изготовления наконечников чаще всего использовались уплощенные гальки и отщепы. При их создании применялась бифасиальная обработка. Исключение составляет один наконечник, изготовленный на ребристом сколе и обработанный частичной краевой дорсальной

ретушью (рис. 2, 22). Он имеет подтреугольную форму и хорошо выделенный черешок. Подобные типы изделий не характерны для энеолита Прикамья. Возможно, его изготовление имело случайный характер и было связано с наличием удобной заготовки.

Остальные наконечники имели либо листовидную (4 экз.), либо подтреугольную форму (2 экз.) без черешка. Из обломков наконечников наибольший интерес представляет изделие с вогнутым насадом, напоминающее хвост рыбы (рис. 2, 28).

Острия – 3 экз. – изготовлены из серого плитчатого кремня (рис. 2, 20, 21). У двух изделий крутой противолежащей ретушью обработан кончик, заметны смятости, следы сработанности. По всей видимости, оба они служили сверлами. Глубина сверления – 1–1.5 см. Еще одно изделие имеет незначительные следы работы на конце и могло использоваться в качестве проколки.

Ножи – 6 экз. (рис. 2, 5–8) – изготавливались на плитке (2), плоских гальках (2), пластинчатых отщепах (2). Два изделия представлены обломками. При создании лезвия использовалась как бифасиальная (4 экз.), так и краевая дорсальная ретушь (2 экз.).

Скобели – 4 экз. (рис. 2, 15, 16) – изготавливались на отщепах (2), плоских гальках (1), плитках (1). Имели одну (3) или две (1) ретушированных выемки размером 0.8–2 см.

Комбинированные орудия – 2 экз. – оба изделия изготовлены из серого плитчатого кремня. У первого бифасиальной ретушью обработан конец и

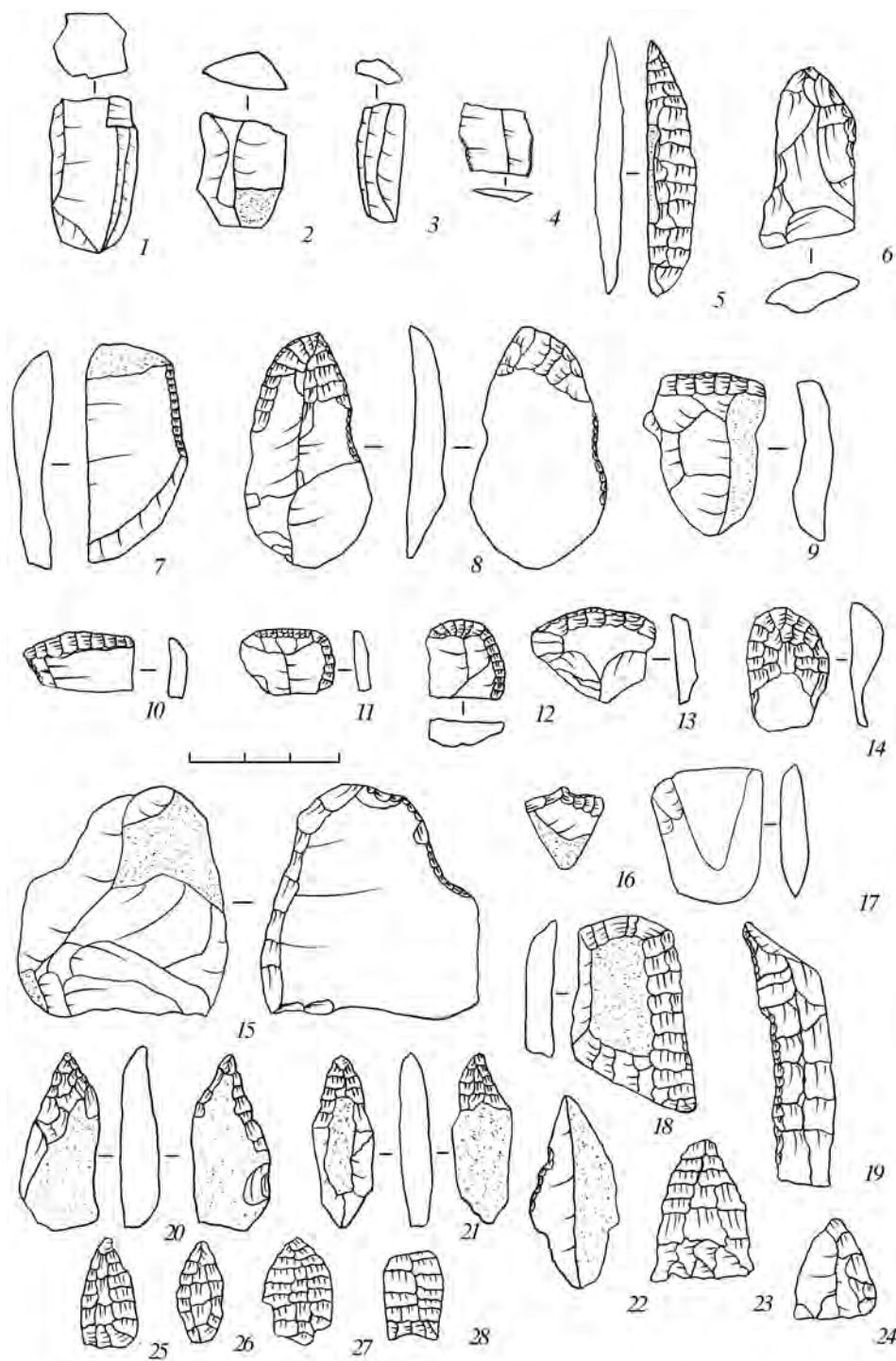

Рис. 2. Каменный инвентарь: 1–3 – нуклеидные формы; 4 – сечение пластины с ретушью; 5–8 – ножи; 9–14 – скребки; 15, 16 – скребки; 17 – тесло; 18, 19 – комбинированные орудия; 20, 21 – острия; 22–28 – наконечники стрел.

одна из сторон (рис. 2, 18). Данное орудие могло использоваться как в качестве концевой скребка, так и в качестве ножа. У второго тщательно обработан кончик, который мог использоваться в качестве сверла, глубиной до 1 см, и выемчатой ретушью обработана одна из боковых сторон, которая могла

использоваться как скребель (рис. 2, 19). Остальные орудия представлены единичными формами.

Подводя итоги описанию каменного инвентаря, необходимо отметить его характерные черты: использование в качестве сырья плитчатого кремня и уплощенных галек красно-коричневого цвета, ши-

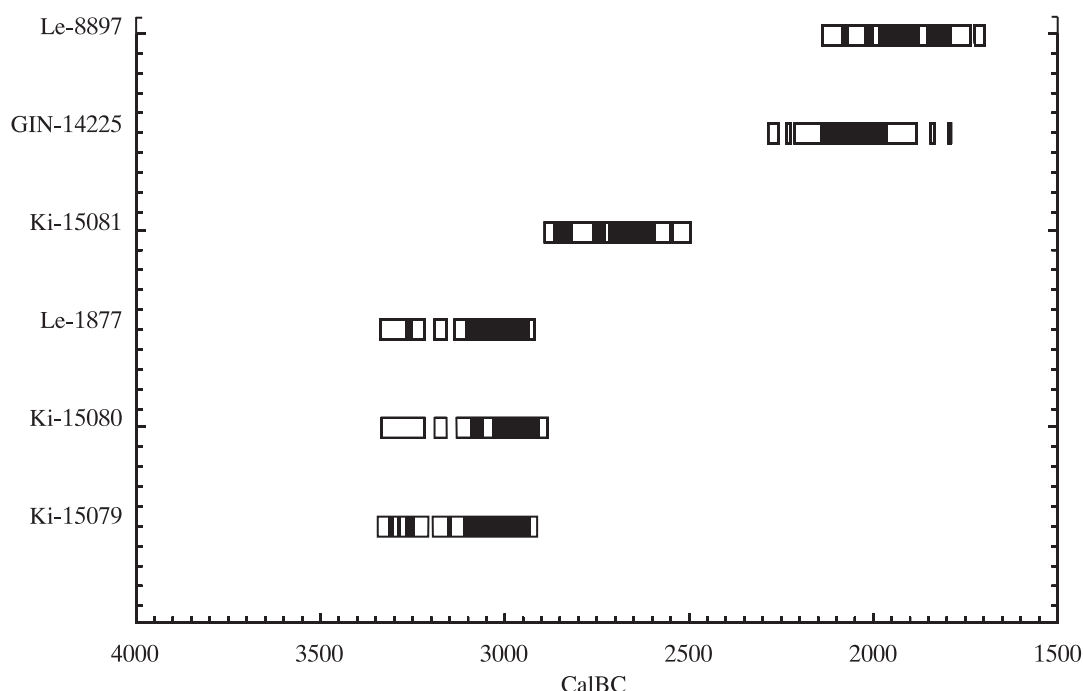

Рис. 3. Календарный (калиброванный) возраст памятников гаринской культуры (калибровка выполнена в программе Calib 6.0).

рокое развитие техники бифасиальной обработки, практически полное отсутствие орудий на пластинах, преобладание таких форм орудий, как наконечники стрел, скребки, ножи. Подобные черты являются характерными для гаринской энеолитической культуры (Лычагина, 2008. С. 99, 100).

Анализ керамики и каменного инвентаря показал, что выявленный комплекс может быть отнесен к позднему этапу гаринской энеолитической культуры. С целью установления его абсолютного возраста нами был отобран материал для радиоуглеродного датирования – уголь со дна жилища и вмещающий углистый слой из выхода. Полученные в двух разных лабора-

ториях даты оказались близки друг другу (таблица; рис. 3). В частности, по углю была получена дата 3560 ± 80 ^{14}C л.н. (Le-8897; кал. 2020–1770 л. до н.э.; 68.2%), а по вмещающему слою – 3660 ± 70 ^{14}C л.н. (ГИН-14225; кал. 2140–1920 л. до н.э.; 66.7%). Судя по полученным результатам, можно датировать изученный комплекс в пределах конца III – начала II тыс. до н.э.

На сегодняшний день это самые поздние даты, полученные для памятников гаринской культуры на территории Прикамья (таблица; рис. 3). При этом стоит отметить, что процесс датирования поселений гаринской культуры находится в самом начале. Из

Итоги радиоуглеродного датирования памятников гаринской культуры на территории Прикамья

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение, л.н.
Боровое Озеро II	Ki-15079	4420 ± 70	1σ 3100–2920 BC 2σ 3340–2900 BC
Боровое Озеро III	Ki-15080	4360 ± 70	1σ 3100–2900 BC 2σ 3340–2870 BC
Непряха IV	Le-1877	4420 ± 50	1σ 3100–2910 BC 2σ 3350–2900 BC
Боровое Озеро IV	Ki-15081	4120 ± 80	1σ 2760–2580 BC 2σ 2890–2480 BC
Новоильинское III	GIN-14225	3660 ± 70	1σ 2190–1920 BC 2σ 2300–1750 BC
Новоильинское III	Le-8897	3560 ± 80	1σ 2020–1770 BC 2σ 2140–1690 BC

имеющихся дат три получены по керамике и только одна (Непряха IV) – по углю (Мельничук, 2009. С. 17). В тоже время эти даты не противоречат друг другу и свидетельствуют о том, что распространение пористой керамики в Прикамье можно отнести к середине IV тыс. до н.э. (Лычагина, 2011б. С. 22), а гаринская культура может быть датирована в пределах середины IV – начала II тыс. до н.э. (рис. 1).

Полученные датировки подтверждают мнения исследователей, связывающих отсутствие памятников эпохи ранней бронзы на территории региона с продолжительным существованием гаринской культуры (Денисов, Мельничук, 1991. С. 102–113). Они также свидетельствуют о том, что поселения позднего этапа гаринской культуры либо непосредственно предшествуют, либо сосуществуют с могильниками турбинско-сейминского типа на территории Прикамья (Черных, Кузьминых, 1987. С. 102).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. М., 1959.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. М.; Л., 1961а (МИА; № 99).
- Бадер О.Н.* Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961б.
- Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова и вопрос периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961в.
- Бадер О.Н.* Второе Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1961г.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.
- Лычагина Е.Л.* Каменный век Пермского Предуралья. Пермь, 2008.
- Лычагина Е.Л.* Деятельность Камской Экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // РА. 2011а. № 4.
- Лычагина Е.Л.* Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестн. ПГУ. 2011б. № 1 (15).
- Мельничук А.Ф.* Зауральские керамические комплексы на памятниках неолита и палеометалла Среднего Приуралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009.
- Наговицын Л.А.* Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987 (Археология СССР).
- Прокошев Н.А.* Камская экспедиция в 1935 г. // СА. 1936. Т. I.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970 (МИА; № 172).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987 (Археология СССР).

ПОГРЕБЕНИЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ДОНУ

© 2013 г. И.С. Каменецкий

Институт археологии РАН, Москва

Погребение, о котором пойдет речь, относится к Арпачинскому II могильнику, расположенному у хут. Арпачин Багаевского р-на, недалеко от впадения Маныча в Дон (рис. 1). Его раскопки велись в связи со строительством Нижне-Манычской оросительной системы и финансировались дирекцией “Донводстрой” (г. Ростов-на-Дону). Они были начаты за несколько лет до наших работ 1975 г., когда была организована Донская экспедиция. Система должна была быть введена в строй в 1975 г. и это, понятно, был последний год раскопок.

Описанное ниже погребение было единственным погребением кургана 35, крайним западным в цепочке. Диаметр кургана – 28 м, высота – 0.88 м. Насыпь сложена из светло-коричневого (каштанового) суглинка, постепенно переходящего в желтый суглинок. Границу между насыпью и погребенной почвой проследить из-за многочисленных кротовин не удалось. В восточной части разреза (рис. 2) прослежен участок желтовато-коричневатого суглинка – вероятно, материковый выкид из могильной ямы. В центральной части разреза прослеживается большая

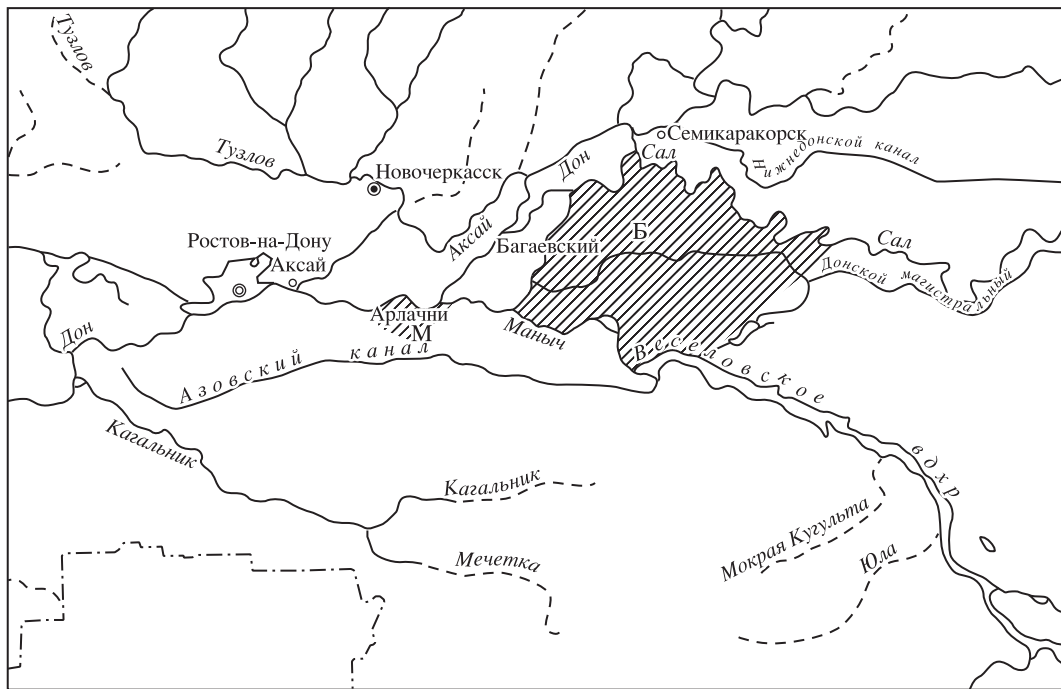

Рис. 1. Местоположение могильника Арпачин II (заштрихованы территории работ Нижне-Маньчского и Багаевского отрядов Донской экспедиции).

яма с черноземным заполнением – грабительский раскоп. В самом центре кургана в нее впущена еще одна, совсем поздняя небольшая яма.

Могильная яма сильно повреждена грабителями, и ее форма определяется только приблизительно. Скорее всего, она была овальной, ориентированной, по-видимому, по линии В–З (рис. 3). С юга к ней примыкает грабительский ход, в южной части которого найдены нижняя челюсть человека и кости коровы (определение В.П. Данильченко). Возможна и другая интерпретация – могильная яма была катакомбой Т-образной формы, ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ. Тогда южная часть является шахтой, пол которой находился на глубине 1.97 м от вершины кургана. Глубина могильной ямы (камеры?) – 3.57 м от вершины кургана. На уровне обнаружения она имела размеры 3.4 (З–В) на 2.7 м (С–Ю), у дна – 3.0 × 2.3 м. Заполнение ямы до глубины 2.45 м состояло из чернозема, далее до самого дна шел светло-коричневый суглинок.

Найденные кости принадлежали одному взрослому человеку и лежали беспорядочно в разных местах ямы. Основная их масса образовывала две кучи у ее западной стены. Здесь же находился и череп (рис. 4). Большинство костей лежало на дне, но часть находилась в засыпи.

В заполнении ямы, на глубине 1.65 м от вершины кургана найдена бронзовая подвеска, состоящая из шарика и припаянного проволочного ушка (рис. 5,

1). Все остальные находки сделаны ниже 3.36 м. У восточной стенки ямы стоял кружальный сероглиняный лощеный сосуд черняховского типа (рис. 6, 1), рядом с ним – небольшой горшок грубой лепки (рис. 6, 2). От третьего сосуда сохранилось только дно, найденное у северной стенки. Он также был лепным. Сероглиняный сосуд изготовлен на круге путем вытягивания. Обжиг горновой. На внешней поверхности – следы обработки деревянным ножом – лощение (определение А.А. Узанова). По форме этот сосуд занимает промежуточное положение между открытыми и закрытыми, поэтому может быть определен либо как глубокая миска, либо как открытый горшок. При сортировке днищ серолощенных и других гончарных сосудов на открытые и закрытые обычно ориентируются на способ обработки внутренней поверхности дна. Если дно сглажено, то сосуд считается открытым, если же на нем четкая спираль, образовавшаяся при формовке, то сосуд считается закрытым. На дне нашего сосуда спираль имеется и, следовательно, по этому признаку он должен быть отнесен к закрытым сосудам.

К северу от сероглиняного сосуда находились два скопления бус. В первом (рис. 3, 5) было шесть янтарных грибовидных подвесок (302.2303.10.05.0.443 по классификации Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982); рис. 7, 7), пять янтарных округлых бусин (302.1101.06–10.02.0.443), две

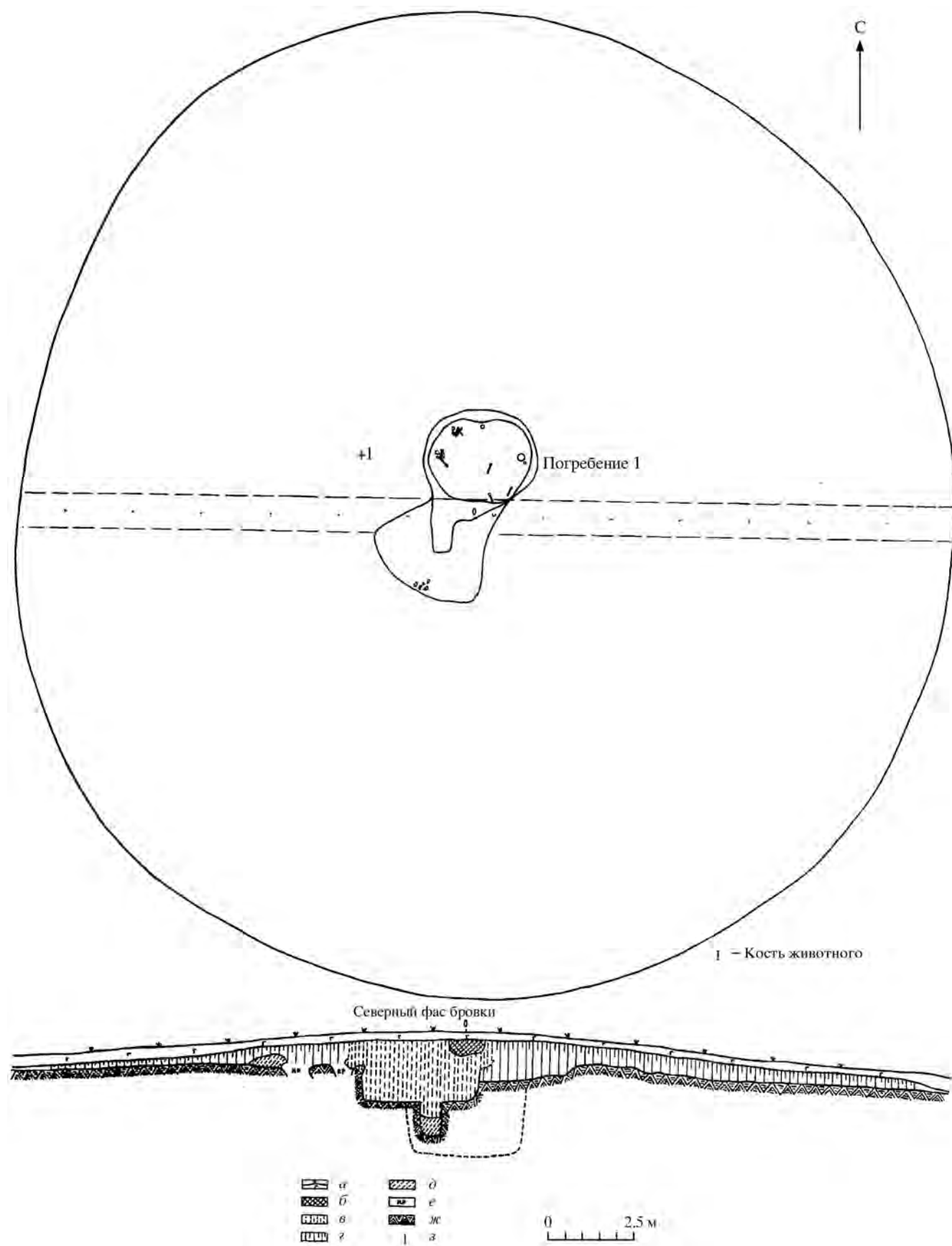

Рис. 2. План и разрез кургана 35: *a* – пахотный слой; *b* – перекоп; *v* – чернозем; *z* – каштановый гумусированный суглинок; *d* – желто-коричневый суглинок; *e* – кротовины; *жс* – желтый суглинок; *з* – кости животного.

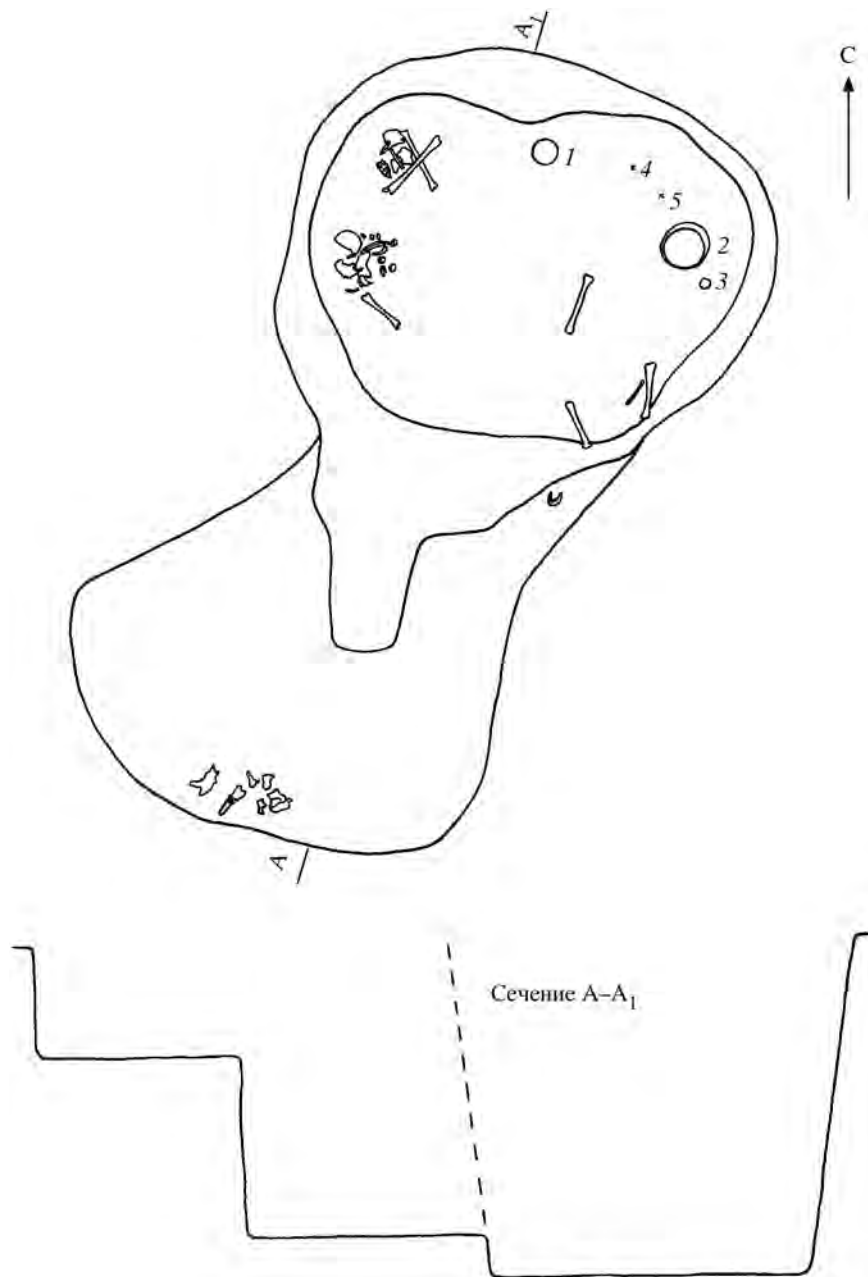

Рис. 3. План и профиль погребения кургана 35: 1 – дно лепного сосуда; 2 – сероглиняный гончарный сосуд; 3 – лепной горшок; 4 – второе скопление бус и пр.; 5 – первое скопление бус и пр.

янтарные сегментовидные бусины (302.1106.06–10.02.0.443), две целых и половинка янтарных цилиндрических с сегментовидными фасками бусин (302.1113.06.02.0.443; рис. 7, 8), янтарная усеченно-коническая бусина (302.1109.01.01.0.443), пять сердоликовых 14-гранных бусин (404.1212.07–10.01.0.323; рис. 7, 14), три сердоликовые параллелепипедные со срезанными гранями (404.1209.06–10.01.0.350, рис. 7, 15), две сердоликовые 10-гранные (404.1226.06–07.01.0.323),

небольшая округлая из глухого стекла брусничного цвета (101.1101.06.02.0.361), биконическая из голубого глухого стекла (101.1115.06.02.0.631), сегментовидная в сечении бусина из белого известкового слоистого вещества (50?.2312.10.01.0.201), три приблизительно цилиндрические, кажется, коралловые пронизи (504.1107.03.01.0.201; рис. 7, 20, 21).

В это же скопление входили две бронзовые фибулы (рис. 7, 2, 3). По классификации А.К. Амброза

Рис. 4. Погребение кургана 35. Вид с севера.

(1966) они относятся к группе 16 (прогнутые подвязанные), подгруппе 2 (двучленные, с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины), серии 1 (с коленчатой спереди спинкой). Одна из них, скорее всего, относится к варианту 3,

вторая в равной мере может быть отнесена и к варианту 2. У первого экземпляра завязка провололочная, в два оборота, у второго – пластинчатая, в один. У второго удвоенная нижняя тетива, у первого, вероятно, такая же, но из-за плохой сохранности настаивать на удвоении трудно. Обе имеют надставные пружины и железные стержни внутри них. Эти фибулы распространены в основном западнее – в области черняховской культуры и в Крыму. А.К. Амброзу были известны с Северного Кавказа только два экземпляра третьего варианта: из Бажигана (Дагестан) и Кумбулты (Северная Осетия). Таким образом, как и лощеный сосуд фибулы указывают на черняховскую культуру и не характерны для Подонья. Вариант 3 А.К. Амброс датировал IV в. н.э. с упором на середину и вторую его половину. Вариант 2 относится к концу III – первой половине IV в. н.э.

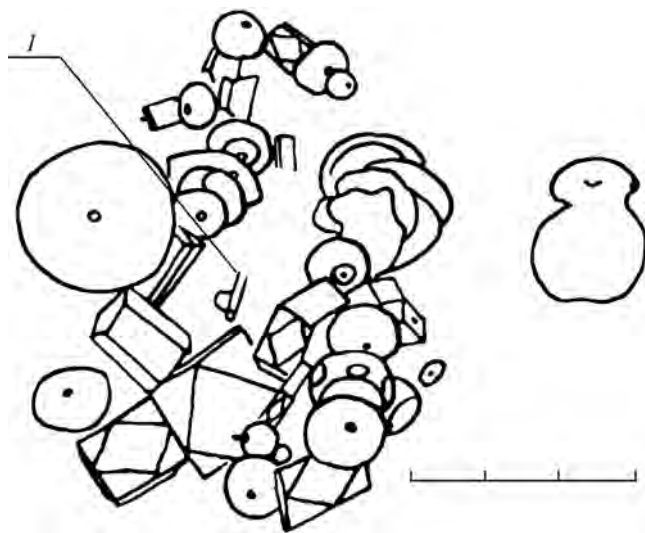

Рис. 5. Второе скопление бус в погребении кургана 35:
1 – бронзовая подвеска.

Рядом найдена маленькая серебряная пряжка (рис. 7, 5). Остальные находившиеся в описанной кучке предметы представлены фрагментами: три обломка небольшого кольца из тонкой (1.5–1.7 мм), круглой в сечении серебряной проволоки со скрученными концами (рис. 7, 27). Серебряная пластинка шириной 14.2 и толщиной 0.7 мм, с двумя отверстия-

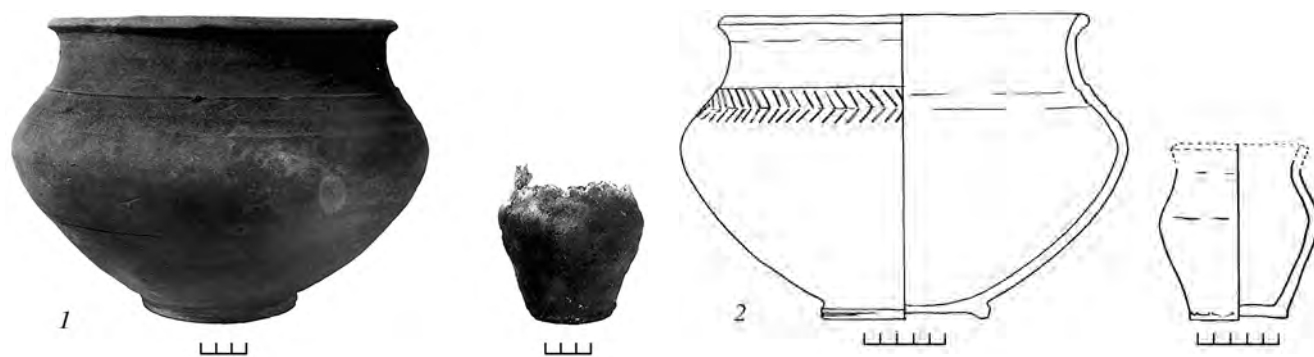

Рис. 6. Кружальный сероглиняный сосуд черняховского типа и лепной горшок из погребения кургана 35. Фото и прорисовка.

ми по углам, в которых видны остатки бронзовых заклепок (рис. 7, 29). Вероятно, это остатки от наконечника ремня, который изготавливался из перегнутой пополам пластинки. Конец узкой серебряной

пластинки с заклепкой на конце (рис. 7, 30). Четыре фрагмента (три подбираются) аналогичной серебряной пластинки (рис. 7, 26). Несколько обломков бронзовой пластинки шириной 5.7 мм.

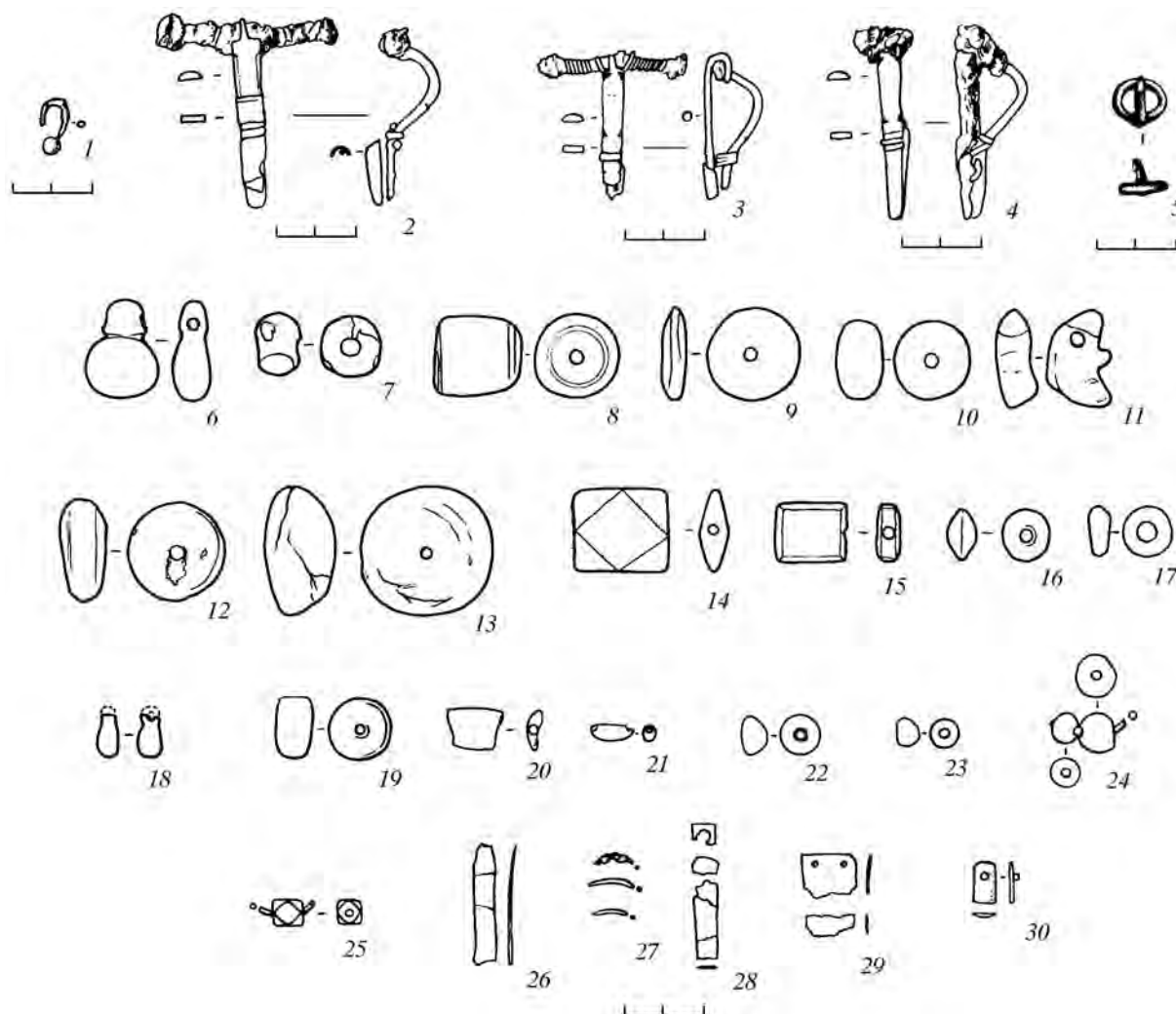

Рис. 7. Бронзовые подвеска (1) и фибулы (2–4), серебряная пряжка (5), разнообразные бусы и обломки бронзовых предметов (6–30) из погребения кургана 35.

Второе скопление (рис. 3, 4) находилось в 20 см к северо-западу от первого. В него входили фибула, обломки сережек и бусы. Бронзовая фибула того же типа, что и описанные выше: группа 16, подгруппа 2, серия 1, скорее всего, вариант 2-б (по А.К. Амброзу). Завязка – пластинчатая в два оборота, с железной иглой. Из-за железных окислов трудно разобрать, как обстоит дело с тетивой и пружиной. Последняя, вроде, короткая (рис. 7, 4). Датируется концом III – первой половиной IV в. н.э. Серьги (или височные кольца) принадлежат к хорошо известному типу проволочных колец с нанизанными на них бусинами. Найдены остатки двух парных сережек и фрагменты третьей. Первые сделаны из тонкой серебряной проволоки, от которой сохранились небольшие куски внутри бус, и 14-гранных бусин темно-синего стекла (101.1212.01.01.0.613; рис. 7, 25). Третья серьга также состоит из серебряного проволочного кольца и двух округлых бусин голубого и брусничного глухого стекла (101.1101.01.01.0.631 и 101.1101.06.02.0.361; рис. 7, 24).

Бусы лежали, по-видимому, в той последовательности, в какой они были когда-то нанизаны, но обрывок ожерелья был скомкан (рис. 5). Среди них 7 сердоликовых 14-гранных (404.1212.06–10.01.0.323), 3 сердоликовых 10-гранных (404.1226.07.01.0.353), 7 янтарных цилиндрических с сегментовидными фасками (302.1113.06.02.0.313), 4 янтарных линзовидных (302.1111.10.02.0.443), фигурная подвеска из черного глухого стекла (101.3725.07.03.0.111; рис. 7, 11), округлая глазчатая бусина на керамической основе (101.1101.06.02.10105.111), кольцевидная синего стекла (101.11–1.10.02.0.613), сегментовидная в сечении бусина из белого известкового слоистого вещества (50?.2312.07.01.0.201). Рассмотрение порядка бус в ожерелье не обнаруживает правильного чередования. Не подобрано оно и по размерам бус. Общая его тональность – коричневатая-красная.

Кроме перечисленных найдено еще несколько подвесок и бусин, несомненно относящихся к тому же ожерелью, но их место в нем не определяется. Это четыре фрагментированных янтарных грибо-

видных подвески уже отмеченного типа. Имеются еще три обломка янтаря, один из которых принадлежит грибовидной подвеске, другой, скорее всего, – цилиндрической бусине с сегментированными фасками, а третий не определим. Наконец, имеется небольшая яйцевидная бусина грязно-синего стекла (101.1104.06.02.0.623).

Этим материалы из описываемого погребения исчерпываются. По фибулам и бусам погребение датируется III–IV вв. н.э. Эту же дату дает и черняховский сосуд. И сосуд, и фибулы, а в какой-то мере и весь остальной инвентарь, придают погребению западный, можно сказать, черняховский облик. Мы знаем о существовании комплексов западного облика в Танаисе. Особенно выразительны лепные миски из Танаиса (Арсеньева, 1965. Табл. VIII–X) и погребения у Синявки (Каменецкий, Кропоткин, 1962). Данный комплекс, кажется, впервые дал типичный черняховский серолощенный сосуд, по-видимому, привозной, в то время как для лепной керамики Танаиса предполагается местное производство. Оторванность погребения от районов оседлости указывает на какое-то военное или торговое предприятие. Причем наличие черняховского сосуда говорит о том, что человек, который впоследствии был погребен в этом кургане, двигался из района распространения черняховской культуры, а не из Танаиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Т. I. М., 1975. (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Т. II. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Т. III. М., 1982 (САИ; Вып. Г1-12).
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Д1-30).
- Арсеньева Т.М.* Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды. Древности Нижнего Дона. М., 1965 (МИА; № 127).
- Каменецкий И.С., Кропоткин В.В.* Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3.

НАХОДКИ СКОРЛУПЫ ПТИЧЬИХ ЯИЦ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ МОГИЛЬНИКЕ “МАЯЧНЫЙ БУГОР”

© 2013 г. Е.М. Пигарёв

Историко-культурный центр “Сарай-Бату”, Астрахань

В 2001 г. совместной археологической экспедицией государственного научно-производственного учреждения (ГНПУ) “Наследие” (г. Астрахань) и Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола) проводились спасательные археологические раскопки грунтового могильника “Маячный бугор-I” – городского некрополя Красноярского городища (Гордеев, 2007. С. 57).

Грунтовой могильник “Маячный бугор” представляет собой возвышенность естественного происхождения, расположенную в 300 м к северу от районного центра Красный Яр Астраханской обл. Бэровский бугор разделен седловинами и карьером на три части, что и привело к условному разделению единого могильника на три части – “Маячный бугор-I, -II, -III”.

В ходе его исследований были зафиксированы необычные находки. В юго-западной части могильника, на расстоянии 2 м друг от друга, были обнаружены два дигирных сосуда, закопанных в вертикальном положении: ножкой – вниз, горлом – вверх. В непосредственной близости от них не было ни одного погребения, с которым можно было бы связать находки. Дигири – гончарные красноглиняные сосуды с туловом “тюльпанообразной” формы – служили в качестве черпающих ведер в чигирях (установки для перекачивания воды). Найденные сосуды относятся к типу Б-1 (Пигарёв, 1998. С.193).

Сосуд № 1 располагался на участке К7 и был выявлен в ходе зачистки площади раскопа по мелким фрагментам керамической крошки. Размеры сосуда: сохранившаяся высота – 32 см, длина ножки – 13, диаметр тулова – 16, диаметр ножки – 4.5 см. Ножка сосуда оформлена отсечением ножом излишков глины. Ножка полая. Толщина стенок сосуда колеблется от 5 до 8 мм.

Сосуд № 2 располагался на участке К5 и также был выявлен в ходе зачистки площади раскопа. Размеры сосуда: сохранившаяся высота – 41 см, длина ножки – 13, диаметр тулова – 16, диаметр ножки – 4.5 см. Ножка сосуда оформлена отсечением ножом излишков глины. Ножка полая. Толщина стенок сосуда колеблется от 5 до 8 мм. В нижней части тулова, в месте перехода тулова к ножке, обнаружена надпись, состоящая из двух знаков, напоминающих арабские буквы, выполненная черной тушью. Надпись не читается (рис. 1).

Расчистка внутренних объемов сосудов проводилась в лабораторных условиях. После выемки грунта из сосудов в них были обнаружены многочисленные фрагменты скорлупы от птичьих яиц. По определению таксидермиста Астраханского музея М.В. Головачева, обнаруженные яйца принадлежат птице отряда куриных. После обработки и реставрации удалось получить по шесть яиц из каждого сосуда (рис. 2, А). В результате обнаружилось, что внешние поверхности яиц были покрыты надписями на арабском языке, выполненными черной тушью или чернилами. Надписи закручены по поверхности яиц спиралью от острого конца, на многих яйцах они сохранились фрагментарно. Сохранность надписей плохая. Часть знаков не читается или читается приблизительно. Диакритические точки не различаются (рис. 2, Б).

Ранее, в 1991 г., во время работ на грунтовом могильнике “Маячный бугор-II” был также найден зарытый вертикально в землю дигирь, в котором находилось 10 яиц, покрытых арабскими надписями, нанесенными тушью (Малов, 1991. С. 31) (рис. 3). По предварительному заключению Н.М. Булатова и Ю.С. Пырсова, надписи носят пожелательный характер (Малов, 1991. С. 182).

В традициях многих народов яйцо служило символом жизненной силы и плодородия (Малявин, 1989. С. 38). Также у некоторых азиатских народов известен образ яйца, из которого возникает вселенная или людской род, происходит рождение человека из яйца и превращение яйца в человека (Мифы..., 1992. С. 681).

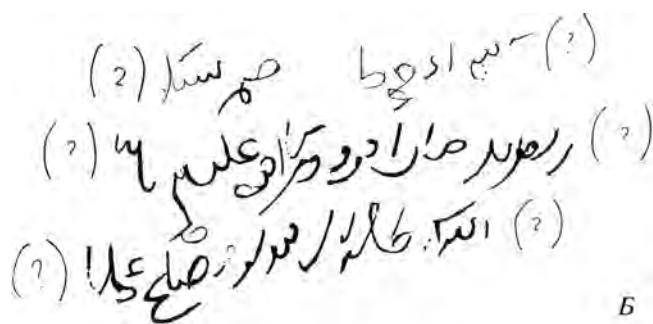
Мусульманскому Востоку свойственно явление, называемое сихр (магия), основанное на вере в возможность воздействия на социальную и природную среду при помощи сверхъестественной силы слов (дуо – молитва) или специально созданных для этих целей предметов (талисмат – талисман). В средние века в Средней Азии происходит процесс, когда шаманство становится элементом бытового ислама. В этот же период на базе суфизма формируется мусульманский оккультизм. В социальной среде возникают две категории представителей “запретной” и “законной” магии – бахши и дуоханы (Огудин, 2002. С. 65, 66).

Рис. 1. Могильник “Маячный бугор”. Раскопки 2001 г. Дигирный сосуд с надписью.

А

Б

Рис. 2. Могильник “Маячный бугор”. Раскопки 2001 г. Птичье яйцо с надписью (А). Прорисовка надписи (Б).

Единственно близкая аналогия ритуалу, встреченному на могильнике “Маячный бугор”, известна по материалам раскопок некрополя Миздахкан в Узбекистане в 1987 г. (Хожаниязов и др., 1989. С. 66). При вскрытии ограды 1 на раскопе 1, расположенном на холме Жумарт-кассаб, были обнару-

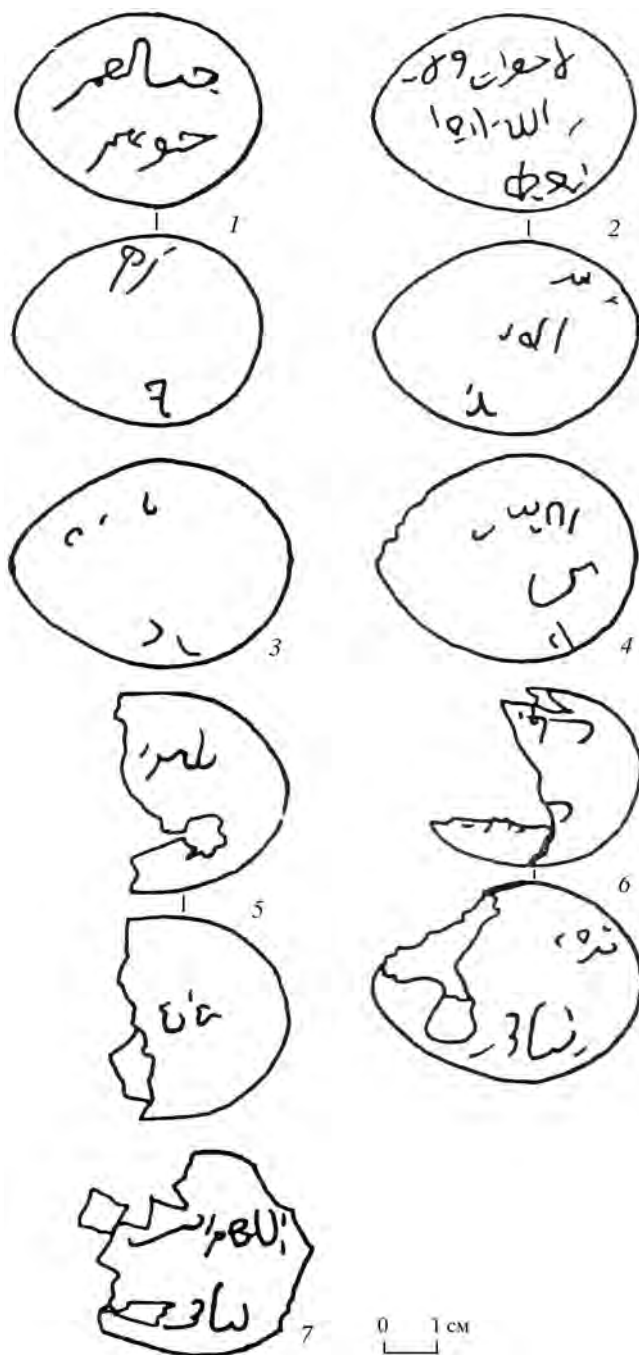

Рис. 3. Могильник “Маячный бугор”. Раскопки 1991 г. Птичьи яйца с надписями.

жены два погребения и шесть водоносных кувшинов, поставленных в один ряд. В каждом кувшине находилось по три яйца, каждое из которых было покрыто арабскими надписями, нанесенными черными чернилами. Погребения и керамика, найденная на могильнике, относятся исследователями к концу XIII – началу XIV в. Интересно, что у местного населения этот холм считается “святым” и на

нем совершаются обряды над людьми, страдающими различными болезнями (Хожаниязов и др., 1989. С. 68).

В настоящее время в виду малого количества находок, отсутствия необходимого количества аналогичных ситуаций и трудностей, возникающих с прочтением надписей из-за плохой сохранности, нельзя дать точного толкования встреченному на могильнике “Маячный бугор” обряду.

Тем не менее можно констатировать, что мы столкнулись с необычным ритуалом, присущим части золотоордынского населения в период становления ислама. И этот период приходится на конец XIII – начало XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гордеев В.И.* Отчет об археологических исследованиях могильника “Маячный бугор-I” в Красноярском р-не Астраханской обл. в 2001 г. // Архив ИА РАН. Т. 1. Йошкар-Ола, 2007.
- Малов Н.М.* Отчет о научно-исследовательской работе. Охранные раскопки грунтового могильника “Маячный бугор-II” Красноярского р-на Астраханской обл. (по договору № 1) // Архив АГОИАМЗ. АМЗ НВ 13085. Саратов, 1991.
- Малявин В.В.* Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989.
- Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992.
- Огудин В.Л.* Магия в бытовом исламе // Этнографическое обозрение. № 4. М., 2002.
- Пигарёв Е.М.* Дигири из фондов Астраханского музея-заповедника // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.
- Хожаниязов Г., Юсупов Н., Кдырниязов М.Ш. и др.* Археологические исследования в некрополе Миздахкан // Вестн. Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1989. № 3.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАДИОУГЛЕРОДНОМ ДАТИРОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ (ОБЗОР ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИЙ 2008–2009 гг.)

Тр. 20-й Междунар. радиоуглеродной конф., 31 мая – 5 июня 2009 г., г. Кайлуа-Кона, Гавайи, США (Proceedings of the 20th Intern. Radiocarbon conf., 31 May – 5 June, 2009, Kailua-Kona, Hawaii, USA) // Radiocarbon. 2010. V. 52. № 2, 3. 1312 p.

Тр. 11-й Междунар. конф. по ускорительной масс-спектрометрии, 14–19 сентября 2008 г., г. Рим, Италия (Proceedings of the 11th Intern. conf. on Accelerator Mass Spectrometry, 14–19 September, Rome, Italy) //

Nuclear Instruments and Methods in Physics Research, Section B. 2010. V. 268. № 7, 8. 666 p.

В настоящем обзоре дается информация о практике применения радиоуглеродного (^{14}C) датирования археологических материалов в последние годы, нашедшая отражение в материалах двух крупных совещаний. Излагается содержание докладов, касающихся археологической тематики; общим трендом в ^{14}C -датировании сегодня является широкое использование метода ускорительной масс-спектрометрии (УМС) (Кузьмин, 2011а. С. 129, 130).

20-я Международная радиоуглеродная конференция прошла в г. Кайлуа-Кона (штат Гавайи, США) в 2009 г. В трудах форума более 40 статей относятся к археологическому аспекту ^{14}C -датирования. Их можно разделить на несколько групп, в соответствии с которыми построен данный обзор: хронология различных археологических комплексов; датирование ценных артефактов (рукописей, настенных росписей); хронология древних культур Восточной и Средней Азии; датирование “нетрадиционных” объектов (нагара на керамике, кремнированных костей, железных изделий); изучение “эффекта резервуара” (Вагнер, 2006. С. 166); датирование костей; высокоточная привязка “плавающих” дендрохронологических сопоставлений флукутаций (Вагнер, 2006. С. 173); количественный анализ региональных баз данных ^{14}C -дат; изучение палеодиеты.

Хронология археологических комплексов. Дж.Л. Ловелл (J.L. Lovell) с соавторами провели прямое УМС-датирование косточек оливкового дерева на стоянке хальколита (медного века) Эль-Хавариж (el-Khawarij) в Иордании. Выяснилось, что выращивание оливок началось в нагорной части региона (высота более 300 м над уровнем моря) около 4700–4500 гг. до н.э., а расцвет культивации во всем Леванте приходится на время около 4500–3000 гг. до н.э. (см. также: Кузьмин, 2005. С. 179). Р.Э. Тэйлор (R.E. Taylor) с коллегами выяснили причину аномального возраста костей людей из руин, связанных с разрушением г. Ниневия (Ассирия) в 612 г. до н.э. Было опробовано 12 скелетов; только в 3 из них в достаточном количестве сохранился коллаген. Средний возраст девяти образцов оказался на 200 лет древнее, чем время штурма города; в качестве одной из причин удреждения предлагается эффект резервуара. Т. Накамура (T. Nakamura) с соавторами определили ^{14}C -возраст поселения (телля) Ганем Аль-Али (Ghanem al-Ali) в долине р. Евфрат (Сирия), содержащего культурные слои эпохи ранней бронзы. Установлено, что стоянка заселялась от

3100–2900 гг. до н.э. до 2250–2050 гг. до н.э.; самые ранние даты раннего бронзового века на 100 лет древнее того, что известно для соседних регионов. Л. Кальканьиле (L. Calcagnile) с коллегами представили результаты датирования пещеры Сантуарио делла Мадонна (Santuario della Madonna) в Калабрии (Южная Италия). Культурные отложения мощностью более 4 м включают в себя слои эпохи бронзы, хальколита, неолита, мезолита и позднего палеолита; полученные данные уточняют хронологию археологических комплексов региона. Б.Ш. Паульсон (B.S. Paulsson) проанализировала ^{14}C -даты галерейных погребений (passage graves) в Швеции и Дании. Всего известно около 190 определений ^{14}C -возраста для этого типа объектов; автором для моделирования методом байесовской статистики (Кузьмин, 2001. С. 171) было задействовано 75 дат. Выяснено, что начало сооружения галерейных погребений в Швеции относится к среднему неолиту – около 3500 г. до н.э., а в Дании – около 3300 г. до н.э.; строились они в течение сравнительно короткого времени – около 400 лет. Ш. Гуляш (S. Gulyás) с соавторами получили новые ^{14}C -даты для поселения (телля) позднего неолита Горза (Gorzsa) на юго-востоке Венгрии. На основании датирования раковин пресноводного моллюска (с учетом поправки на эффект резервуара около 150 лет) установлено, что фаза Тиса I имеет возраст около 5100–4900 гг. до н.э., фазы Тиса II и III – 4900–4700 гг. до н.э.; фаза Тиса IV – 4750–4500 гг. до н.э.

Датирование ценных артефактов. М.Е. Феди (M.E. Fedi) с соавторами определили возраст известного “папируса Артемидоруса” и состав чернил, которыми он написан. Пять образцов, отобранных из различных мест рукописи, дали сходные значения ^{14}C -возраста, соответствующие I в. до н.э. – I в. н.э. Химический состав чернил сходен с таковым греко-римского времени; таким образом, доказано, что данный документ – подлинный, а не поздняя подделка. Г. Цинглин (G. Qinglin) с коллегами провели датирование остатков растений в штукатурке, сохранившейся в пещерных буддистских храмах с росписями комплекса Могао (Дуньхуан; пров. Ганьсу, Китай). Наиболее ранние ^{14}C -даты указывают на создание фресок в V–VI вв. н.э., что совпадает с историческими данными. Х. Ода (H. Oda) и К. Икеда (K. Ikeda) определили ^{14}C -возраст японских средневековых рукописных документов *кохитсугуре* (kohitsugure) – листов бумаги с каллиграфией, которые подклеивались к ценным

свиткам и украшали их. Зная время их создания, можно определить, когда был написан основной документ, который невозможно проанализировать, так как это вызовет разрушение рукописи, являющейся национальным культурным достоянием. Датирование кохицугуре, связанных с рукописью всемирно известной “Повести о принце Гэндзи” (Genji Monogatari), показало, что они относятся к середине XI – середине XII вв. н.э. и принадлежат перу известного в те годы каллиграфа Фудзивара Но Норинага (Fujiwara no Norinaga), творившего в основном в середине XII в. Следует заметить, что ^{14}C -датирование древних рукописей проводится в Японии весьма успешно, что позволяет решать важные вопросы ранней истории страны (Кузьмин, 2005. С. 179).

Хронология Восточной и Центральной Азии. Этой теме была посвящена специальная сессия. С.Г. Кумс (S.G. Keates) представила исчерпывающий обзор хронологии находок современных людей (*Homo sapiens*) в плейстоцене Восточной Азии (Китай, Япония и Корея). Использованы результаты прямого датирования костей людей ^{14}C -методом (всего семь ^{14}C -дат), а также хронометрические данные, полученные по отложениям, сопутствующим остаткам современного человека, с помощью ^{14}C и других (урановые ряды, термолюминесцентный) методов. Несмотря на значительное (около 70) число находок костей *Homo sapiens*, количество прямых определений их возраста все еще недостаточно. Определение возраста ископаемого человека в Китае на основе метода урановых рядов не достоверно, так как условия залегания костных фрагментов *Homo sapiens* часто неизвестны. А.И. Кривошапкин с коллегами получили первые надежные данные по хронологии опорного памятника палеолита Средней Азии – гота Оби-Рахмат (Узбекистан). Критический анализ данных и их сравнение с результатами датирования другими методами (электронный парамагнитный резонанс, люминесцентный и метод урановых рядов) позволили заключить, что возраст верхней части культурных отложений стоянки (слои 7–14, переход от среднего к позднему палеолиту) составляет около 36 000 – 49 000 ^{14}C л.н. К.Дж. Бэ и Й.-Ч. Ким (C.J. Bae, J.-C. Kim) рассмотрели хронологию перехода от палеолита к неолиту в Корее. Они выделяют начальный неолит (Incipient Neolithic), 10 000–8000 л.н., хотя ни один из памятников не имеет керамики или не датирован (Kuzmin et al., 2009. Р. 894). Древнейшая в Корее “раковинная куча” Седжук (Sejuk) датирована около 6400 л.н. (Кузьмин, 2006. С. 163). Я.В. Кузьмин провел сравнение времени начала производства керамики в Восточной Азии с изменениями природных условий в позднеледниковье (15–10 тыс. л.н.). Оказалось, что древнейшая керамика на юге Китая (около 14 800 л.н.), в Японии (около 13 800–13 500 л.н.) и на Дальнем Востоке России (13 300–12 300 л.н.) появилась в условиях холодного климата и господства хвойных лесов; таким образом, нет прямой связи между природными условиями и возникновением керамических традиций. К. Омото (K. Omoto) с коллегами проанализировали ^{14}C -даты эпохи дзёмон (*Jomon*) на северо-востоке Японии (регион Тохоку) и о. Хоккайдо. После критического анализа новых данных, включая поправки на эффект резервуара для Японского и Охотского морей и Тихого океана у побережий о. Хоккайдо и Хонсю, сделан вывод о том, что возраст различных стадий дзёмона следует удревнить от 200 до 2000 календарных лет по сравнению с предыдущими исследованиями. Ю. Жу (Y. Zhu) с соавторами получили данные по хронологии стоянок неолита и ранних государств (эпоха бронзы) региона Шанглуо (Shangluo) в Центральной Китае. На памятнике Донлоншан (Donglongshan) существование поселения эпохи первого в Китае государства Ся (Xia) определено как 2460–1630 гг. до н.э., что древнее традиционного представления – около 2100–1600 гг. до н.э. (Kuzmin et al., 2009. Р. 897). Для стоянки Цицзин (Zijing) возраст неолитических культур

яньшао и луншань определен как 4200–2900 и 2900–2100 гг. до н.э. соответственно; существование поселений государств Ся и Шань (Shang) установлено около 2140–2040 и 1400–1350 гг. до н.э. соответственно. Ш. Шода (S. Shoda) рассмотрел влияние изменения возраста эпохи яёи в Японии на общую ситуацию с хронологией раннего железного и бронзового веков Кореи и Японии. На основе прямого ^{14}C -датирования обугленных зерен риса он говорит о появлении рисового земледелия в Корее в XI–XII вв. до н.э., а в Японии – в VIII–IX вв. до н.э. С. Руан (X. Ruan) с коллегами определили время функционирования поселения Хепу (Неру) на юге Китая, которое считается одним из древнейших портов государства Западная Хань (Western Han) (206 г. до н.э. – 24 г. н.э.); через него шла морская торговля Китая. Датирование керамической мастерской на месте древнего города показало возраст около 350–50 гг. до н.э., что хорошо соответствует летописным данным. С.К. Кривоногов с соавторами представили новые данные по хронологии донных отложений Аральского моря. Применительно к археологии региона получены важные данные о времени существования к востоку от бывшего о. Барсакельмес средневекового мазара (мавзолея) на ныне высохшем дне озера, до 1960 г. находившегося на глубине около 20 м. Датирование древесины от погребального сооружения показало возраст около XIII–XV вв. н.э.; таким образом, найдено надежное подтверждение глубокой регрессии (понижения уровня) Арала в сравнительно недавнем прошлом, названной Кердери (по имени памятника; Кривоногов, 2009).

Датирование “нетрадиционных” объектов. М. Ван Страйдонк (M. Van Strydonck) с коллегами провели эксперимент по изучению возможности обмена углеродом между биоапатитом, входящим в состав кости, и топливом, которое использовалось при кремации человеческих останков. Выяснено, что биоапатит кремированных костей нельзя использовать как объект изучения палеодиеты. М. Хьюлс (M. Hills) с соавторами также провели эксперимент по кремации костей при различных условиях (температура, влажность, присутствие “старого” углекислого газа). Авторы убедительно показали, что в процессе кремации (температура выше 600 °C) кость теряет органическую фракцию (коллаген) и часть карбонатов, а также происходят кристаллографические изменения биоапатита. Наблюдается обмен углеродом (в виде углекислого газа) между биоапатитом кости и топливом, поэтому при использовании угля или торфа возраст биоапатита может удревняться. Также установлено, что добавка коллагена (кремация не костей, а всего тела) и посткремационные изменения биоапатита влияют на состав стабильных изотопов в нем. М. Бодэн (M. Boudin) с коллегами провели ^{14}C -датирование и измерение содержания стабильных изотопов углерода и азота в пищевом нагаре на керамике двух памятников в Бельгии и Нидерландах. На стоянке финального мезолита возраст нагара явно древнее такового для угля; по составу стабильных изотопов можно предположить, что в сосудах варилась пресноводная рыба, что приводит к удревнению возраста (Fischer, Heinemeier, 2003). На другом памятнике (ранний железный век) такой картины не наблюдается; сделан вывод об употреблении растительной пищи (культурных злаков). Подчеркивается, что к ^{14}C -датам по нагарау необходимо относиться очень осторожно в плане их достоверности, а состав стабильных изотопов не дает возможности уверенно определить присутствие продуктов водного происхождения, так как при термальной обработке происходит значительная трансформация исходного изотопного состава пищи. Д.В. Холл (D.W. Hall) с соавторами с помощью датирования нагара на лондонской песчаной ракушечной керамике (London sandy shellyware) (Лондон и Перт, Великобритания; Берген, Норвегия), относящейся к IX–XI вв. н.э., показали существование активной торговли рыбой в средние века в бассейне Северного моря; ранее начало товарообмена определя-

лось как середина XII в. Дж. С. Пак (*J.S. Park*) с коллегами разрабатывали методику получения углерода из чугунных изделий эпохи Трех Царств в Корею (IV–VII вв. н.э.). Образец сначала нагревался до 1000 °C в вакууме и выдерживался около 4 ч до полной графитизации (образования агрегатов графита), после чего растворялся в азотной и соляной кислотах (при этом удаляется железосодержащий мартенсит); полученный чистый графит поступал на УМС-датирование. Даты хорошо совпали с результатами предыдущих исследований, где использовался другой метод извлечения углерода (Кузьмин, 2005. С. 178), и с исторической хронологией Кореи.

Изучение эффекта резервуара. Дж. Олсен (*J. Olsen*) с соавторами на примере 15 погребений из неолитического могильника Осторф (*Ostorf*) на севере Германии показали, что люди употребляли в пищу значительное количество пресноводной рыбы, из-за чего возраст коллагена костей человека удвояется примерно на 800 лет. Таким образом, могильник начал существовать не 3800 лет до н.э., как считалось ранее, а лишь 3300 лет до н.э. Основываясь на результатах изучения стабильных изотопов углерода и азота в коллагене костей людей и животных, авторы предупреждают о том, что работы по выяснению палеодиеты и поправки на эффект резервуара должны вестись со значительной осторожностью, только при наличии большого количества данных. Т. Хайем (*T. Higham*) с коллегами провели исследования ^{14}C -возраста и состава стабильных изотопов углерода и азота для могильников кобанской, сарматской и аланской культур на объекте Клинь Яр (Ставропольский край). Значительное (до 400 лет) удвояение возраста ряда погребений по сравнению с ^{14}C -датами по костям наземных животных и нумизматическими данными дало повод предположить, что источником “древнего” углерода могла быть вода р. Подкумок, насыщенная гидротермальными растворами из минеральных источников Предкавказья (г. Кисловодск и окрестности). Для того, чтобы избежать влияния эффекта резервуара, рекомендовано проводить датирование костей наземных животных из могил. А.Е. Свейнбьёрнсдóттир (*A.E. Sveinbjörnsdóttir*) с соавторами изучили состав стабильных изотопов углерода и азота, а также ^{14}C -возраст 83 образцов (преимущественно людей) из языческих и раннехристианских погребений (780–1270 гг.) в Исландии. Установлено, что население, проживавшее близ моря, имело в составе питания более высокую долю морской пищи (до 55%), чем жители поселений, удаленных от моря на 6–60 км, у которых морепродукты составляли лишь около 10–20% от общей диеты. После введения поправки на эффект резервуара возраст стал близок к историческим данным, включая погребение епископа (умер в 1211 г.). Ф.Л. Аскоу (*P.L. Ascough*) с коллегами исследовали изменения пресноводного эффекта резервуара на севере Исландии, в районе оз. Миватн (*Mývatn*) (Кузьмин, 2011б. С. 185). На основании датирования парных образцов “человек – наземное животное (корова, лошадь)” установлено, что всеядные существа (человек, свинья, собака) потребляли пресноводную рыбу, из-за чего их ^{14}C -возраст древнее дат по наземным животным вплоть до 400 лет. Выяснено, что в течение короткого времени (не более 100 лет) величина эффекта резервуара (общепринятое обозначение – R) изменялась на 2000 лет (от 1500 до 3500 лет), что сильно осложняет датирование образцов животных и человека, которые могли употреблять даже незначительное (не более 10% от общей диеты) количество пресноводной рыбы. Кажущийся ^{14}C -возраст современной рыбы и водорослей из оз. Миватн составляет около 3600–5200 лет, а поверхностной воды – около 4800 лет (у геотермальных источников – от 6900 до 10 600 лет). Эта работа еще раз подчеркивает необходимость тщательного анализа факторов, осложняющих ^{14}C -возраст, особенно в районах вулканической активности и поступления ювенильных вод в озера и реки. Н. Рассел (*N. Russell*) с соавторами изучали изменения

R в бассейне Северного моря, используя данные по археологическим памятникам Шотландии (600–1500 гг. н.э.). Для этого региона значение отличия местного эффекта резервуара от среднеокеанической величины ($R = 400$ ^{14}C -лет), обозначаемое как ΔR , составляет около нуля, т.е. близко к среднему для Мирового океана значению. При этом наблюдаются “отскоки” от $\Delta R = -172$ лет до $\Delta R = +15$ лет; наиболее вероятная причина изменений – периодические вторжения вод Северной Атлантики с более негативными значениями ΔR . К.Б. Джонс (*K.B. Jones*) с коллегами исследовали изменения R в Тихом океане у южного побережья Перу, используя материал со стоянки Кебрада Джагуай (*Quebrada Jaguay*; ^{14}C -дата около 7600 л.н.). Образец раковины моллюска, жившего не более 5 лет, показал значительную (530 лет) вариацию R . Причина этого, вероятнее всего, в высокой изменчивости океанографических условий на данном участке побережья, где периодически наблюдается апвеллинг (подъем глубинных вод с высоким R); поэтому датирование даже короткоживущих моллюсков побережья Перу и Чили может привести к серьезным ошибкам в определении возраста береговых археологических памятников.

Датирование костей. А. Черкинский и К. Шатайнер (*C. Chataigner*) провели датирование древних поселений Армении; использовались биоапатит и коллаген, извлеченные из костей животных. Авторы подчеркивают, что датировать нужно только образцы с хорошей сохранностью костей. Для анализа выбиралась одна из фракций (биоапатит или коллаген), которая лучше сохранилась. В условиях контакта с грунтовыми водами происходит загрязнение датируемого материала. В результате параллельного датирования обеих фракций выяснилось, что для финала среднего палеолита надежны ^{14}C -даты по коллагену, а для поселений хальколита – в основном по биоапатиту; для стоянки раннего бронзового века обе фракции дали идентичные результаты. Дж.С.О. Мак-Куллах (*J.S.O. McCullagh*) с соавторами сообщают о результатах датирования индивидуальных аминокислот коллагена костей (в частности, гидроксипролина, составляющего 10% от их общего состава в протеине). Были использованы образцы известного возраста (кости свиней с британского корабля “Mary Rose”, затонувшего в 1545 г.) и кости животных со стоянки эпохи неолита (около 5000 л.н.). Установлено, что ^{14}C -даты гидроксипролина (который встречается только в костях, но не в мягких тканях животных) хорошо совпадают с результатами датирования по общему протеину.

Высокоточная привязка “плавающих” дендрошквал. Г.Т. Кук (*G.T. Cook*) с соавторами определили возраст одного из крапных раннего железного века Шотландии (Кузьмин, 2011б. С. 184). Поскольку это время приходится на “галыштатское плато” на калибровочной кривой (около 2500 л.н.), было предпринято датирование серий из пяти древесных колец дубовых свай, а затем проведена привязка данных к календарной шкале методом сопоставления флуктуаций. Возраст крапного на оз. Тай (*Loch Tay*) определен как около 500 г. до н.э. Б. Кромер (*B. Kromer*) с коллегами провели повторное высокоточное ^{14}C -датирование некоторых дендрохронологических шкал Центральной Европы и сравнили их с плавающей дендрошкалой Древнего Гордиона (Малая Азия) II–I тыс. до н.э. В XIII–XIV вв. до н.э. установлена разница между двумя хронологиями, достигающая 27 лет; на остальных отрезках времени различия между центральноевропейской и восточносредиземноморской шкалами незначительны. В.-К. Пак (*W.-K. Park*) с соавторами провели ^{14}C -датирование и привязку методом сопоставления флуктуаций стволов деревьев, из которых изготовлены статуи Будды в храме Ненгаса (*Neunggasa*) на юге Корейского п-ова. Время изготовления статуй (1688–1713 гг.) хорошо совпадает с историческими данными (1685 г.). Ш. Яцусука (*S. Yatsuzuka*) с коллегами провели привязку методом сопоставления флуктуа-

ций древесных стволов, погребенных под пеплом катастрофического средневекового извержения вулкана Пектусан (Байтоушань) на границе Китая и Северной Кореи. Предварительные результаты указывают на то, что извержение произошло около 942–953 гг., и падение государства Бохай (находившегося на территории современных Маньчжурии и Приморья) в 926 г. не было связано с этой крупнейшей природной катастрофой. *Л.Х. Барфилд (L.H. Barfield)* с соавторами осуществили привязку методом сопоставления флуктуаций важного памятника хальколита Северной Италии – могильника Манерба (*Manerba*) у оз. Гарда. Одна из погребальных камер была построена около 2859–2947 гг. до н.э., а весь могильник существовал в течение 130–300 лет.

Количественный анализ ^{14}C -дат. *С. Дж. Фидель (S.J. Fiedel)* и *Я.В. Кузьмин* поставили вопрос – возможно ли более точно, чем сейчас, определить с помощью ^{14}C -метода время распространения палеоиндейских культур Нового Света – кловис (*Clovis*) и фиштайл (*Fishtail*)? Вывод авторов – из-за плато на калибровочной кривой в интервале 13 200–12 950 календарных лет назад хронологические построения с точностью менее 200 лет пока невозможны. Авторы также сравнили частоты распределения ^{14}C -дат для комплексов кловис и фиштайл. *М. Ойнонен (M. Oinonen)* с соавторами провели количественный анализ ^{14}C -дат для территории Финляндии и Карельского перешейка (всего 2565 значений). Проведена оценка влияния на распределение дат по времени таких показателей, как датируемый материал (уголь, дерево, кость, кремнированная кость, нагар и смола), время проведения анализа (с 1968 по 2008 г.), заказчики (143 человека), собственный возраст угля (приводит к удревнению) и деградация органических материалов со временем. Оказалось, что ни один из факторов не оказывает серьезного влияния на распределение ^{14}C -дат; их количество увеличивается от 9500 л.н. к современности, при этом наблюдается пик около 5000 л.н. (появление типичной гребенчатой керамики; *Typical comb ware*). Сделан вывод о том, что распределение ^{14}C -дат из археологических памятников Финляндии отражает изменения размеров населения в древности и средневековье. *Й.-Ч. Ким* и *К.Дж. Бэ* на основании 148 дат определили время перехода от неолита к эпохе бронзы на юге Кореи. Они установили, что самые ранние памятники бронзового века датируются около 3900–3800 л.н. (около 2300 г. до н.э.); сосуществование двух эпох продолжалось около 800–900 ^{14}C -лет.

Исследования палеодиеты. Работы в этом направлении тесно связаны с изучением эффекта резервуара (см. выше). *Х. Аль-Башайреу (K. Al-Bashaireh)* с соавторами изучили диету населения раннеримского времени небольшого сельского поселения Нафти (*Naftieh*) в Иордании. Выяснилось, что люди питались в основном растительной пищей и наземными животными. Роль рыбы (ее ближайший источник – Тивериадское озеро; находится в 30 км от поселка) была минимальной, вне зависимости от социального статуса, хотя считается, что рыбу могла потреблять преимущественно элита. *Ю. Наёмо (Y. Naito)* с коллегами изучили состав стабильных изотопов углерода и азота костей людей из трех поселений охотской культуры на севере Японии – о. Ребун (2 стоянки) и северном побережье о. Хоккайдо. Важность исследований обусловлена большой величиной *R* в Охотском море, достигающей около 1000 лет (Кузьмин, 2005. С. 180). Изучался изотопный состав общего коллагена и двух аминокислот (глутамина и фенилаланина); установлено, что анализ последних позволяет более детально реконструировать трофический уровень пищи – например, отличить морских млекопитающих (тюленей) от морской рыбы и оценить вклад каждой из групп в состав питания.

Сходные проблемы были рассмотрены на 11-й Международной конференции по ускорительной масс-спектрометрии,

состоявшейся в Риме (Италия) в 2008 г.; среди представленных в ее трудах докладов нужно отметить ряд работ. В области хронологии археологических комплексов *Т. Накамура* с соавторами провели УМС-датирование древесины и обгорелых костей из погребальных урн буддийского монастыря Хоенджи (*Hoengi*) в Центральной Японии; ^{14}C -даты в целом подтвердили археологический возраст – XIII в. н.э. *М. Ван Страйдонк* с коллегами исследовали пещерный могильник раннего железного века на о. Менорка (Балеарские острова). Оказалось, что сохранность материала, несмотря на карстовый характер полости, очень плохая, а почва в пещере имеет очень кислую реакцию; подчеркивается, что УМС-датирование по очень малым пробам предполагает знание тафономических условий памятника и оценку постседиментационных изменений. *В. Вендрих (W. Wendrich)* с коллегами получили серию из 23 дат по углю, собранному на стоянках неолита Файюмского оазиса (Египет). Время существования первых земледельческих поселений в этом районе – около 4650–4350 гг. до н.э. *Е.М. Вильд (E.M. Wild)* с соавторами построили хронологию опорного памятника эпохи бронзы Греции – Колонна (о. Эгина). На основе 46 ^{14}C -дат, полученных в основном по обугленным зернам злаков и костям животных, в сочетании с моделированием методом байесовской статистики, создана хронологическая основа бронзового века бассейна Эгейского моря. Переход от ранней к средней бронзе датирован около 2190–2060 гг. до н.э., от средней к поздней бронзе – около 1740–1620 гг. до н.э.; время существования этапа средней бронзы удлинилось, и его начало отнесено к более раннему периоду, чем считалось до сих пор. *А. Арнольдус-Хюгендвельд (A. Arnoldus-Huyzendveld)* с коллегами представили результаты датирования отложений, вскрытых при раскопках Палаццо Веккио (*Palazzo Vecchio*) во Флоренции (Италия). Установлено, что здесь присутствует культурный слой римского времени, средневековья (VII–VIII и XI вв. н.э.), а также следы сильных наводнений р. Арно, относящихся, вероятно, к 1177 и 1333 гг. (Кузьмин, 2011б. С. 184). *Х. Нисимото (H. Nishimoto)* с соавторами определили время создания кольцевой конструкции из стволов деревьев на дзёмонской стоянке Маваки (*Mawaki*), о. Хонсю (Япония), с помощью метода сопоставления флуктуаций. Она была построена в финальном дзёмоне, около 820–680 гг. до н.э., несмотря на снижение активности населения и уменьшение количества памятников в регионе. *Ч.Ф.В. Хайем (C.F.W. Higham)* с коллегами определили ^{14}C -возраст органического отощителя (рисовой шелухи) двух памятников раннего железного века Таиланда. Выход углерода из черепка (0.2–0.5%) позволяет датировать их УМС-методом (Кузьмин, 2001. С. 171; 2005. С. 180). Полученные ^{14}C -даты в целом не противоречат существующим схемам хронологии, но также свидетельствуют о том, что результаты датирования отощителя в керамике должны приниматься только после тщательного анализа.

Что касается датирования ценных артефактов, *Г. Пак (G. Park)* с соавторами провели ^{14}C -датирование стоянки Бибон-ри (*Bibong-ri*) в Корее. Памятник расположен в 30 км от берега моря, в долине небольшой реки, относящейся к бассейну р. Нактонг, его координаты: 35°24' с.ш., 128°39' в.д. В самом нижнем неолитическом слое обнаружены остатки сосновой лодки-однодревки длиной 3.1 м и шириной 0.6 м, с небольшим углублением, сделанным с помощью выжигания. ^{14}C -дата древесины лодки 6800 ± 50 л.н., или около 5700 г. до н.э. Это вторая по древности находка в Восточной Азии; несколько более раннюю дату (около 7030 л.н., или 6000 г. до н.э.) имеет лодка из устья р. Янцзы (*Jiang, Liu*, 2005). В настоящее время это древнейшие свидетельства плавания по рекам (и, возможно, морю) в данном регионе. *Л. Кальканьеле* с коллегами провели УМС-датирование органики в литейных формах внутри древних бронзовых статуй, найденных в 1972 г. на дне Ионийского

моря (Южная Италия). ^{14}C -даты угля, древесины, растительных остатков и волос животных свидетельствуют о том, что обе статуи являются произведениями греческих мастеров V в. до н.э. Ф.Дж. Сантос (F.J. Santos) с соавторами провели УМС-датирование 10 рукописных книг XIV–XV вв. из библиотеки г. Севильи (Испания). Выяснилось, что некоторые из них примерно на сто лет древнее, чем палеографические даты; в целом наблюдается хорошее соответствие ^{14}C -возраста и исторических дат. Х. Ода с коллегами подвергли УМС-датированию средневековые японские рукописи кохицугуре (см. выше). Установлено, что ни одна из них не принадлежит перу известного каллиграфа Фудзивара Сунзей (Fujiwara Shunzei), жившего в 1114–1204 гг. Как и в работе Ф. Сантоса и др., подчеркивается важность прямого датирования древних рукописей методом УМС с минимальными повреждениями для установления точного возраста манускриптов, имеющих высокую научную, культурную и коммерческую ценность.

В области изучения эффекта резервуара Б. Филиппсен (B. Philippsen) с соавторами исследовали проблему достоверности датирования нагара на керамике, на примере двух стоянок позднего мезолита на севере Германии. Они определяли ^{14}C -возраст современных образцов воды (датировался растворенный неорганический углерод), костей рыбы, нагара на современной керамике от рыбы и дикой свиньи, а также возраст нагара на древней керамике и остатков пищи (рыбы, млекопитающих). Выяснилось, что ΔR современной воды составляет 1630–2450 лет, рыбы и нагара – 650–720 лет. Для археологических образцов картина более сложная, без значительных отклонений возраста нагара от ^{14}C -дат наземных животных и растений; вероятно, люди использовали большое количество пищи наземного происхождения.

Как видно из обзора трудов двух конференций, важнейшими тенденциями в современных исследованиях археологических комплексов с помощью ^{14}C -метода являются: датирование ценных артефактов с их минимальным повреждением; расширение списка материалов, которые могут быть датированы ^{14}C -методом: жженая и кремированная кость, металлические изделия, нагар на керамике, липиды (жирные кислоты) в керамике (см., например: Berstan et al., 2008) и др.; всестороннее изучение эффекта резервуара в условиях морских побережий, бассейнов озер и рек с высокой минерализацией (“жесткостью”) воды, а также в районах активной вулканической деятельности и источников минеральных вод (следует подчеркнуть, что значение этих исследований, долгое время находившихся вне сферы активного интереса ученых, в настоящее время заметно воз-

росло); высокоточное датирование плавающих дендрошквал; количественный анализ больших массивов ^{14}C -дат для целей палеодемографии и взаимодействия человека с природной средой; изучение состава стабильных изотопов (углерода, азота, серы и др. элементов) и ^{14}C -возраста коллагена костей человека и животных для реконструкции питания и условий обитания. Очевидно, что большинство этих направлений требуют применения ^{14}C -датирования методом УМС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006.
- Кривоногов С.К. Масштабы понижения уровня Аральского моря в средневековье // Докл. РАН. 2009. Т. 428. № 1.
- Кузьмин Я.В. “Радиоуглерод и археология”. Тр. 3-го Междунар. симпозиума, г. Лион, Франция, 6–10 апреля 1998 г. // РА. 2001. № 4.
- Кузьмин Я.В. Современные направления в радиоуглеродном датировании археологических объектов (обзор трудов конференций 2002–2003 гг.) // РА. 2005. № 3.
- Кузьмин Я.В. “Радиоуглерод и археология”. Тр. 4-го Междунар. симпозиума, 9–14 апреля 2002 г., г. Оксфорд, Великобритания // РА. 2006. № 2.
- Кузьмин Я.В. Радиоуглеродный метод и его применение в современной науке // Вестн. РАН. 2011а. Т. 81. № 2.
- Кузьмин Я.В. Тр. 19-й Междунар. радиоуглеродной конф., 3–7 апреля 2006 г., г. Оксфорд, Великобритания // РА. 2011б. № 1.
- Berstan R., Stott A.W., Minnitt S. et al. Direct dating of pottery from its organic residues: new precision using compound-specific carbon isotopes // Antiquity. 2008. V. 82. № 317.
- Fischer A., Heinemeier J. Freshwater reservoir effect in ^{14}C dates of food residue on pottery // Radiocarbon. 2003. V. 45. № 3.
- Jiang L., Lui L. The discovery of an 8000-year-old dugout canoe at Kuahuqiao in the Lower Yangzi River, China // Antiquity. 2005. V. 79. № 305 (Project Gallery).
- Kuzmin Y.V., Jull A.J.T., Burr G.S. Major patterns in the Neolithic chronology of East Asia: issues of the origin of pottery, agriculture, and civilization // Radiocarbon. 2009. V. 51. № 3.

C. Melvin Aikens, Thomas Konnolly, Dennis L. Jenkins. OREGON ARCHAEOLOGY. Corvallis: Oregon State University Press, 2011. 496 p.

Археологические изыскания на территории штата Орегон, расположенного на Тихоокеанском побережье США, начались в середине 30-х годов прошлого века в р-не Большого Бассейна. В последние несколько десятилетий систематические исследования проводятся специалистами Государственного университета Орегона. Их результатом ранее стала обобщающая монография К. Мелвина Эйкенса “Археология Орегона”, опубликованная в 1984 и переизданная в 1993 г. Рецензируемый коллективный труд К.М. Эйкенса, Т. Коннолли и Д.Л. Дженкинса делает акцент на археологических материалах, полученных за последние 20 лет, и новых подходах к их анализу и интерпретации. Основная идея и задача книги заключается в реконструкции динамики заселения и хозяйственного освоения территории Орегона начиная с появления здесь первых людей более 14 тыс. л.н. доисторического периода (XIX – начала XX в.), когда коренное индейское население уже контактировало с европейцами. Структура изложения материалов, характер их анализа и интерпретации определяются экологическим и этноархеологическим подходами, являющимися в настоящее время одними из ведущих в американской и европейской археологии (Arnold, 1989; Climatic Change..., 2007; Hodder, 2002. P. 26, 27, 30). В исследовании широко используются такие естественно-научные методики, как геоморфологический, палинологический, палеоботанический анализы, серийное радиоуглеродное датирование, анализ массового обсидианового материала для идентификации сырьевых источников и датирования памятников (по гидратации обсидиана) и т.д. Благодаря современному методическому уровню, богатой базе источников, широкому кругу рассматриваемых вопросов научное значение рецензируемого издания выходит далеко за обозначенные в названии региональные рамки. Предлагаемый обзор знакомит читателей “Российской археологии” с основным содержанием монографии.

В рамках территории Орегона выделяется пять археологических или ландшафтно-археологических зон: северная часть Большого Бассейна, включающего также территории в соседних штатах Невада, Айдахо, Юта, – район аридных плоскогорий с системой закрытых бассейнов внутреннего дренажа (озер и болот) и резко континентальным климатом; район Колумбийского Плато в границах штата Орегон – южная часть обширного и разветвленного бассейна р. Колумбия, вдоль нижнего течения которой проходит граница со штатом Вашингтон; долина Уилламетт, крупнейшей реки Орегона, шириной около 20 и длиной около 100 миль, протегла в направлении с юга на север между Каскадными горами и Береговым хребтом; Тихоокеанское побережье штата Орегон представляет собой протянувшуюся в меридиональном направлении очень узкую, но чрезвычайно богатую биоресурсами полосу между океаном и подступающими с востока крутыми склонами Берегового хребта; зона Юго-Западных гор и долин на границе с Северной Калифорнией отличается чрезвычайно сложным, изрезанным рельефом, изобилующим небольшими изолированными долинными участками. Археологические материалы каждой зоны рассматриваются в контексте динамики ландшафтных и климатических изменений в финальном плейстоцене, раннем, среднем и позднем голоцене.

Возможность эффективного использования этноархеологического подхода определяется наличием широкого круга материалов по традиционной культуре аборигенного населения.

Коренное индейское население штата представлено многочисленными этническими группами, традиции хозяйства, быта, материальной культуры которых уже в XIX в. стали предметом этнографических исследований. Авторы обращаются к источникам этноистории и этнографии и к интерпретационным построениям этнологов.

Книга состоит из семи глав. Глава 1, “Археология, этнология, экология и человеческая история в масштабе тысячелетий”, содержит обзор основных методологических подходов, исследовательских приемов и методик, а также проблем появления человека в Северной Америке. Структура Глав 2–6, каждая из которых посвящена определенной ландшафтно-археологической зоне, однотипна и состоит из характеристики природных условий и важнейших особенностей культуры коренного населения, рассмотрения и интерпретации археологических данных от древнейших этапов доисторического периода. Заключительная глава посвящена “Культурному разнообразию коренного населения Орегона и эпилогу на тему археологического менеджмента культурных ресурсов в Орегоне”.

Остановимся на некоторых наиболее интересных сюжетах монографии. Прежде всего, археологические материалы Орегона имеют непосредственное отношение к проблеме начальных этапов заселения Америки. Наибольший интерес представляют памятники северной части Большого Бассейна, объединенные в период Пэйсли ($\geq 15\,700\text{--}12\,900\text{ CalBP}$), – группа стоянок пещеры Пэйсли в районе оз. Саммер, а также ряд местонахождений открытого типа. Обнаруженные еще в 40-х годах прошлого века, пещеры активно изучались в 2002–2010 гг. специалистами университета Орегона. 14 500 CalBP по найденным здесь копролитам человека на сегодняшний день – самая ранняя достоверная радиоуглеродная дата для первобытных памятников Орегона. По данным анализа обсидиана (метод гидратации) со стоянок получены и более древние даты – в частности 16 500 CalBP. Однако авторы монографии делают акцент на радиоуглеродной датировке как более надежном свидетельстве присутствия человека на территории Орегона. На оregonских памятниках не найдено антропологических материалов, относящихся ко времени начального этапа заселения Северной Америки. Они известны по памятникам соседних штатов: Айдахо – около 13 000, Вашингтона – около 9400, Невады – 10 600 CalBP. Радиоуглеродные датировки ранних, более северных, памятников Аляски представлены интервалом около 14 000 и 13 000 CalBP. Авторы отмечают, что для ряда археологических памятников Северной Америки получены и более ранние даты в интервале 16 000–23 500 CalBP. Однако в настоящее время они являются предметом дискуссий и нуждаются в дальнейшей проверке. По результатам DNA-анализа копролитов из пещер Пэйсли установлены тесные генетические связи древнейших обитателей континентальной части Орегона с азиатским, в частности, сибирским населением, с одной стороны, и американскими индейцами – с другой. Эти данные имеют самое непосредственное отношение к концепции, утверждающей, что заселение Америки происходило из районов Северо-Восточной Азии.

Как отмечают авторы монографии, каменный инвентарь памятников периода Пэйсли в северной части Большого Бассейна дифференцируется по своим технологическим и стилистическим особенностям, отражая культурную неоднородность раннего населения. Для открытых стоянок характерны

артефакты, представляющие комплекс Кловис, распространенный в Северной Америке в интервале между 13 000 и 12 000 л.н. от Аляски до Коста-Рики с севера на юг, и от Нова Скотии до Калифорнии с востока на запад. Комплекс Кловис определяется как "...наиболее ранняя широко распространенная и хорошо диагностируемая типологически археологическая культура" Северной Америки (с. 28). Стоянки открытого типа с артефактами Кловис на севере Большого Бассейна, имеющие относительно слабонасыщенный культурный слой, интерпретируются как свидетельство кратковременных посещений носителями данной культуры этой территории. Пещерные же стоянки Пэйсли, каменный инвентарь которых демонстрирует иные технико-типологические характеристики, рассматриваются как следы местного, коренного древнейшего населения Орегона. Наконечники дротиков и копий, являющиеся наиболее представительными артефактами, относятся к так называемому Западному комплексу черешковых наконечников, отличительные черты которого – длинный черешок, слабовыраженные плечики и общие удлиненные очертания.

На Колумбийском Плато – той его территории, что находится в границах Орегона, – древнейшие следы человеческой деятельности датируются временем 13 200–12 800 CalBP и связаны с местонахождениями артефактов комплекса Кловис. В районе Юго-Западных гор и долин время появления человека также маркируется находками артефактов комплекса Кловис, которые на соседних территориях юго-запада США датированы временем 13 200–12 800 CalBP. Изделия комплекса Кловис присутствуют и в долине р. Уилламетт на памятниках возраста около 12 000 л.н. На Тихоокеанском побережье Орегона люди появились позднее: судя по радиоуглеродным датам, между 10 000 и 9000 л.н. Авторы монографии подчеркивают, что процесс первоначального заселения Орегона приходится на конец плейстоцена, когда начались глобальные климатические изменения.

Историческая динамика хозяйственной и социальной адаптации древних людей к природным условиям в каждой из выделенных ландшафтно-археологических зон имела как общие черты, так и локальные особенности. Население, жившее на территории Орегона в финальном плейстоцене – раннем голоцене (около 14 500–7600 л.н.), было ориентировано на охоту, собирательство и рыболовство в режиме частой смены мест обитания, перехода от одного продуктивного района к другому. По результатам химического анализа копролитов человека из пещер Пэйсли получены определения относительно диеты ранних насельников Орегона, включавшей разнообразные дикоросы, в том числе семена трав, корнеплоды, а также мясо млекопитающих и птиц. Фаунистические материалы из культурного слоя пещерных стоянок представлены костями различных млекопитающих и птиц. Широкий спектр собирательства имел много общего с составом дикоросов, использовавшихся индейцами Орегона в XIX – начале XX в. Материалы памятников Тихоокеанского побережья финального плейстоцена – раннего голоцена свидетельствуют о том, что уже в это время начинается регулярное потребление морских ресурсов. Среди археологических памятников отсутствуют долговременные поселения, однако для отдельных районов (Колумбийское Плато) исследователи предполагают эпизодическое существование базовых лагерей, которые располагались в наиболее богатых ресурсами местах и служили для проживания людей в течение определенных сезонов. Очень важная находка сделана на памятнике Паулина Лэйк – остатки наземной постройки каркасного типа с очагом в центре, датируемые 9500 CalBP. Это одна из древнейших жилых структур, зафиксированных на настоящий момент в Северной Америке.

Археологические памятники среднего голоцена (от 7600–7500 до 3000 л.н.) отражают рост численности населения практически во всех ландшафтных зонах, появление новых тенденций в практике и технологиях жизнеобеспечения, в поселенческих стратегиях. Ориентация на годовой цикл добычи различных пищевых ресурсов определенной местности делает целесообразным создание базовых поселений – "резиденций", как правило, зимних, где люди могли жить в течение нескольких месяцев в году и покидать их на определенный срок, перекочевывая в кратковременные промысловые лагеря. Наиболее яркие ранние археологические свидетельства усиления степени оседлости получены на памятниках континентальных зон. Жилища с углубленными в землю котлованами были известны в районе Большого Бассейна уже около 6000 л.н., на Плато – чуть позднее 7000 л.н. В этих районах прослежена и такая важная черта, как появление специальных приспособлений для хранения значительных запасов пищи. Ямы-хранилища на поселениях-резиденциях отражают стратегию целенаправленной заготовки больших объемов продовольствия для обеспечения коллектива пищей, что в известной степени уменьшало зависимость от условий окружающей среды.

На морском побережье в среднем голоцене идет формирование системы жизнеобеспечения, ориентированной на богатые и разнообразные ресурсы морских вод и литорали. Ярким компонентом прибрежных памятников являются раковинные кучи, достигающие иногда значительной мощности. Развитие морских промыслов в среднем голоцене – важная адаптивная характеристика, общая для древнего населения ряда районов Северной Пасифики, включая северо-запад США, Японский архипелаг, п-ов Корея, Дальний Восток России (Вострецов, 2005; Орехов, 2005; Aikens et al., 2009).

Средний голоцен рассматривается как время постепенного усложнения структуры общественных отношений, активизации межтерриториальных связей, торгово-обменной деятельности. Одним из основных доказательств данной позиции исследователи считают присутствие в культурных слоях памятников практически всех археологических зон различных декоративных поделок, предметов досуга (музыкальные инструменты и др.), экзотических артефактов (импортные изделия из редких пород камня, раковин моллюсков). Высказывается предположение, что подобные артефакты могли использоваться в такой сфере социальных отношений, как межплеменные или межгрупповые соглашения об эксплуатации наиболее продуктивных мест добычи пищевых ресурсов. Данная практика широко известна у североамериканских индейцев: жители определенной территории, на которой находится тот или иной ресурс (например, место, особенно удобное для рыбалки) разрешают иноплеменным обитателям более отдаленных районов пользоваться им за материальную компенсацию в виде различных ценных и редких артефактов либо пищевых продуктов, малодоступных в данной местности. К среднему голоцену относятся свидетельства активных торгово-обменных дистанционных отношений, построенных на добыче обсидианового сырья в кальдере вулкана Ньюберри (Колумбийское Плато). Геохимический анализ показал, что обсидиан из Ньюберри распространялся на достаточно длинные расстояния: вверх по течению р. Колумбия до порогов Даллеса, а также далеко на север по побережью до низовий р. Фрэнсер в Британской Колумбии.

Поздний голоцен (3000–200 л.н.) на территории Орегона – время, когда хозяйственно-экономические и социальные явления и процессы, наметившиеся в предшествующий период, получают свое дальнейшее оформление и развитие. Существенно возрастает число долговременных поселений, укрупняются их размеры, выделяются локальные зоны с наибольшей

концентрацией постоянных поселков, как правило, в местах высокой ресурсной продуктивности. В жизнеобеспечении ведущую роль играют целенаправленные и упорядоченные по сезонам года добыча, сбор, заготовка и хранение больших объемов наиболее изобильных и питательных ресурсов (рыба, корнеплоды и др.). Модели жизнеобеспечения позднего голоцена были во многом аналогичны тем, что зафиксированы у индейского населения в исторический период. Характерно разнообразие орудий, технических средств и приспособлений, задействованных в добыче и обработке пищевых продуктов. В период 3000–2000 л.н. происходит быстрое распространение лука и стрел в Северной Америке и, в частности, у древнего населения Орегона.

Выразительные свидетельства развития поселенческих структур и усложнения общества дают памятники Большого Бассейна, систематизированные в рамках периода Болдер Вилледж (от 3000 л.н. доисторического периода). Поселения состояли из жилых и хозяйственных структур, округлых в плане и обнесенных мощными кладками из базальтовых валунов. Среди памятников оregonской части Колумбийского Плато (3000–200 л.н.) особо выделяется район знаменитых порогов Даллеса на р. Колумбия. Исключительно благоприятные условия для рыболовства в месте, где течение образует узкие стремнины, пороги и водопады, привлекали сюда людей и в более раннее время, однако постепенно, с развитием общественных отношений, Даллес начал играть роль не только промыслового, но и своеобразного коммуникационного центра. Здесь сформировалась зона высокой концентрации крупных базовых поселений, ритуальных комплексов. На них представлено разнообразие артефактов, имевших престижное или символическое значение, предметов торговли и обмена с отделенными территориями. На Тихоокеанском побережье в позднем голоцене также многочисленны постоянные поселки с углубленными в землю прямоугольными домами из кедровых или сосновых досок. Поселки сосредоточены в основном в продуктивных зонах эстуариев и окружены временными лагерьми-сателлитами.

Авторы монографии подчеркивают, что поздний голоцен был временем, когда частью общественных отношений становятся различного рода военные конфликты, столкновения. Одно из свидетельств – наличие укрепленных поселений, расположение поселков в труднодоступных, защищенных местах. Весьма способствовало военизации общества и упомянутое выше распространение лука и стрел – важнейшего оружия индейцев-аборигенов, с которым познакомились европейские пионеры освоения американского Запада. Еще один тренд социальных или, точнее, этносоциальных процессов позднего голоцена – формирование территориальной структуры расселения представителей разных языковых семей и групп, которая была характерна для индейцев Орегона в XIX – начале XX в. Пролеживаются параллели в хозяйстве, материальной культуре, искусстве обитателей поселений позднего голоцена и индейских поселков исторического периода, находящихся в этих же зонах. В позднем голоцене окончательно оформляются те базовые характеристики жизнеобеспечения, социальных отношений, духовной сферы, которые объединили этнически неоднородное население северо-западного побережья Тихого океана в особый культурный ареал.

Археологические памятники Орегона выразительно представляют такую сферу культуры древнего населения, как искусство – петроглифы и наскальная живопись, декоративная мелкая пластика из кости, камня, глины. Каждая ландшафтно-археологическая зона показывает определенное своеобразие форм, стилей и сюжетов.

Памятники наскального искусства сосредоточены в районах Колумбийского Плато и Большого Бассейна. Наибольшая их концентрация наблюдается в местах, которые с древности имели важное промысловое значение и служили коммуникационными центрами: так, на Плато – это пороги Даллеса, в Большом Бассейне – Долина Уорнер. Авторы монографии высказывают предположение, что комплексы наскального искусства в этих районах создавались во время коллективных встреч, ритуально-культовых действий, различного рода общественных собраний, церемоний.

Петроглифы и наскальные рисунки порогов Даллеса датируются в хронологическом диапазоне от 10 000 л.н. до сравнительно недавнего исторического периода. По стилистическим признакам они относятся к так называемому Комплексу Плато, куда входят и произведения наскального искусства соседних территорий – южной части Британской Колумбии, Айдахо, Западной Монтаны. Сюжеты петроглифов включают геометрические фигуры и изображения, антропоморфные и зооморфные образы. Наскальная живопись, в которой использовались природные пигменты, представлена несколькими стилями – в частности, Якима и Лонг Нэрроус. Для первого характерны горизонтальные арки с отходящими от них лучами, человеческие лица в ореоле лучей, фигуры людей и животных с прорисовкой скелета. Второй отличается разнообразие антропоморфных и зооморфных рисунков. Многие образы тесно связаны с индейской мифологией – фантастический водяной монстр, сова, медведь.

Хронологические рамки комплекса изображений в Долине Уорнер, сделанных на открытых скальных поверхностях и крупных валунах, приходятся на время ранее 7600 л.н. (дата извержения вулкана Мазама, маркируемая отложениями пепла) доисторического периода. По сюжетам изображений выделяется несколько стилей. Для наиболее раннего Абстрактного Резного стиля Лонг Лэйк характерны геометрические композиции, состоящие из прямых линий и точек, и напоминающие лабиринты. Абстрактные Криволинейный и Прямоугольный стили, датируемые 3000–500 л.н., с изображением меандров, решеток, кругов, волнистых и прямых линий, известны не только на территории Орегона, но и в Неваде, Калифорнии, Юте. Среди петроглифов Долины Уорнер есть также изображения людей, оленей, овец, всадников на лошадях.

Наскальное искусство Орегона и в целом северо-запада Америки представляет значительный интерес в контексте сравнения с памятниками наскальных изображений в других районах Северной Пасифики. Это, прежде всего, знаменитые петроглифы Нижнего Амура, техника выполнения и сюжеты которых обнаруживают немало общих черт с североамериканскими петроглифами. Это сходство объясняется не только параллелями в природном окружении, образе жизни и хозяйственной деятельности, но и, возможно, определенной общностью генетических корней древнего населения северо-востока Азии и Северной Америки (Окладникова, 1979).

Портативное (мобильное) искусство представлено украшениями и декоративной пластикой. Особое обилие украшений отмечается на памятниках в районе порогов Даллеса, что отражает особый статус и роль этого места как центра, где собиралась социальная элита. Великолепные образцы декоративной пластики связаны, прежде всего, с позднеголоценовыми памятниками Тихоокеанского побережья. Особенно интересны материалы крупного поселения с раковинной кучей Палмроуз в устьевой части р. Неканикум. Из отложений кучи происходит выразительная коллекция изящной резной пластики из кости и рога. Это в основном функциональные предметы (всевозможные ручки, держатели, наконечники), оформленные как скульптурные изображения. По стилистическим особен-

ностям пластика Палмроуз близка декоративным изделиям из кости, найденным на памятниках начала позднего голоцена южной части Британской Колумбии, в низовьях р. Фрэнсер. Это, по мнению исследователей, свидетельствует о культурных контактах между древним населением северных и южных территорий северо-западного побережья, разделенных значительным расстоянием.

Примечательной чертой древних памятников большинства археологических зон Орегона является отсутствие керамики. Орегон попадает в “бескерамическую” область, к которой относится практически все северо-западное побережье Северной Америки. Находки керамики отмечены в Орегоне лишь в комплексах голоцена на юго-западе, вблизи Калифорнии. Артефакты из обожженной глины объединены в керамическую традицию Сисью, датируемую временем 1050–400 л.н. Примеры знакомства с изготовлением керамики известны на некоторых памятниках позднего голоцена соседних с Орегон-ом территорий, однако исследователи определяют традицию Сисью как автохтонную, возникшую без внешнего влияния. Керамика Сисью характеризуется примитивной технологией, простотой форм и скудостью декора. Сосуды без горловины в виде уплощенных чаш с широким устьем, чашек с более высокими стенками вылеплены от руки, имеют стенки неравномерной толщины, небрежную обработку поверхности, украшены ногтевыми оттисками по венчику и иногда прочерченными бороздками по тулову. В целом, облик этой керамики соответствует довольно низкому уровню развития гончарства, который с точки зрения универсальных представлений можно определить как ранне-неолитический. С керамической традицией Сисью также связаны небольшие примитивно выполненные из глины фигурки, изображающие лося, оленя, сову, медведя, рыбу и др. Антропоморфные образы редки. Как полагают, керамические фигурки использовались в ритуальной практике. Еще одно свидетельство знакомства с керамикой представляют курительные глиняные трубки, происходящие с памятников позднего голоцена, например с поселения на мысе Перпетуа в центральной части морского побережья Орегона. Однако технологию изготовления изделий из обожженной глины можно рассматривать как эпизодическое и очень позднее явление в культуре древнего населения Орегона.

Известный специалист в области древнего и традиционного гончарства Д.Е. Арнолд связывает отсутствие керамики на северо-западном побережье Северной Америки с особенностями климата. Повышенная влажность, туманы, сильные ветра, на севере – низкие среднегодовые температуры и короткое холодное лето – все эти факторы крайне неблагоприятны для зарождения и развития технологии изготовления керамических изделий. В удаленных от моря, более континентальных районах Орегона – на Колумбийском Плато, в северной части Большого Бассейна – климат уже иной, но и там не наблюдаются факты, свидетельствующие о знакомстве с гончарным производством. Отсутствие, за редкими исключениями, археологических и этнографических свидетельств занятия гончарством на территориях Большого Бассейна и Плато отмечал и Д.Е. Арнолд, связывая его предположительно с недостаточно высокой степенью оседлости или с действием каких-то иных факторов (Arnold, 1989. Р. 83–91).

В хозяйстве и быту древнего населения Орегона функции контейнеров выполняли не керамические, а плетеные, деревянные и каменные емкости. Древнейшие, но весьма выразительные свидетельства технологии вития и плетения обнаружены на памятниках Большого Бассейна периодов Пэйсли и Форт Рок (финальный плейстоцен – ранний голоцен). В горизонте среднего голоцена на многослойном памятнике в пещере Чеваукан обнаружена целая рыболовная сеть. Искусно сплетен-

ные тарная сумка, корзинка и другие изделия найдены на этом же памятнике в позднеголоценовом горизонте. По данным этнографии хорошо известно, что весьма высокий технологический и художественный уровень производства плетеных изделий и широкое их использование в хозяйстве и быту – одна из отличительных черт материальной культуры индейцев северо-западных и западных районов Северной Америки. Интересны случаи находок сосудов и емкостей из камня (ступок, чаш) на памятниках среднего и позднего голоцена Большого Бассейна, долины р. Уилламетт, юго-запада. Размеры таких изделий невелики, служили они, вероятно, для каких-то специфических функций (например, ступы – для обработки продуктов собирательства).

Отсутствие керамики в археологических комплексах Орегона весьма существенно ограничивает возможности исследователей в области культурной систематизации. Как отмечают авторы книги, для своих построений они располагают массовым каменным материалом, в первую очередь наконечниками копий, дротиков и стрел, изготовленными из обсидиана. По степени “чувствительности” этот источник как индикатор культурного своеобразия заметно уступает керамике. Временное и территориальное варьирование технологических и стилистических приемов обработки камня подчиняется иным закономерностям (или законам), нежели варьирование в технологии, морфологии и декоре керамической посуды. Наконечники метательных орудий служат для археологов, изучающих Орегон и те соседние районы, для которых также не характерна керамика, важнейшим индикатором культурно-временных изменений. В случаях отсутствия абсолютных дат относительное определение возраста памятников дается по каменным наконечникам. Однако временные и территориальные рамки бытования большинства из выделенных на сегодняшний день комплексов, типов и серий наконечников достаточно пространны. Так, упомянутые выше черешковые наконечники Западного комплекса, включающего ряд типов, существовали в рамках 14 500–8200 л.н. на обширной территории Североамериканского Запада.

Вполне понятно, что выделять локальные археологические культуры, как это принято в археологии Евразии, на базе систематизации каменных наконечников с их широкими временными и территориальными границами вряд ли представляется возможным. В монографии К.М. Эйкенса, Т. Коннолли и Д. Дженкинса, как уже было отмечено, понятийная конструкция “археологическая культура” связывается определенно только с комплексом Кловис. В основном же используются иные, более широкие по содержанию понятия и термины, позволяющие группировать материальные остатки прошлого в определенные общности. Так, по результатам исследований в районе Юго-Западных гор и долин выделена Традиция Глэйд, обозначающая орудийно-технологический комплекс, существовавший здесь очень длительное время – от 9000 л.н. и почти до исторического периода. Столь долгая жизнь этого комплекса объясняется его оптимальным соответствием тем трудовым и производственным операциям и задачам хозяйственно-экономической деятельности, основы которой у населения юго-запада оставались практически неизменными с раннего голоцена до очень позднего времени.

Широкий и емкий по содержанию термин “*pattern*”¹ используется авторами книги в двух основных вариантах. Во-первых, для обобщения ведущих тенденций, характерных черт технологии, хозяйства, материальной культуры, социальных про-

¹В переводе с английского может означать “модель”, “образец”, “узор”, “рисунки” “стиль”, “характер” – в зависимости от контекста.

цессов в рамках определенных периодов в отдельных археологических зонах. Например, памятники Большого Бассейна, существовавшие 6000–3000 л.н., объединены в период Берген по названию одного из базовых памятников. Памятники в интервале от 3000 л.н. до исторического периода – в период Болдер Вилледж. Определенное сходство в экологической ситуации, хозяйственной деятельности, технологиях и некоторых других аспектах жизни поселений каждого из периодов и маркируется указанным термином. Во-вторых, он употребляется для обозначения позднеголоценовых общностей с достаточно отчетливо очерченными временными и территориальными границами, а также с хорошо выраженной этнокультурной окраской. “Паттерны” такого рода могут быть сопоставлены с конкретными традиционными общностями. Так, выделены “паттерн” Салиш-Чинук в северной части побережья Орегона и нижнем течении р. Колумбия, Гюнтер – в южной части побережья Орегона, сопредельных областях Юго-Запада и Северной Калифорнии, Сискью – на юго-западе, в районах внутренних долин между Каскадными горами и Береговым хребтом.

Особое направление археологических исследований в Орегоне представляют раскопки и изучение наиболее поздних памятников, относящихся к XIX – началу XX в., когда европейские первопоселенцы уже активно контактировали с коренным населением. Так называемая историческая археология очень динамично развивается в последние десятилетия в США и европейских странах. Она позволяет получать ценные данные о материальной культуре, хозяйстве, ремесленно-промышленной сфере, отдельных исторических событиях, традиционных обществах коренного населения нескольких последних столетий и служит органичным дополнением к письменным и иным источникам.

Каждая из ландшафтно-археологических зон Орегона дает большое количество памятников исторического периода – постоянные поселки и временные промысловые лагеря

аборигенов, резервационные поселения, горные разработки и рудники по добыче драгметаллов, поселения усадебного типа, лесопилки, военные лагеря, первые города, дороги. Их археологические исследования позволили получить разнообразную информацию, касающуюся как хозяйственной, бытовой и социальной жизни индейцев XIX – начала XX в., так и истории освоения Орегона европейцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вострецов Ю.Е.* Взаимодействие морских и сельскохозяйственных адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток, 2005.
- Окладникова Е.А.* Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск, 1979.
- Орехов А.А.* Модели приморской адаптации Берингоморья и Охотоморья (канчаланская и древнекорякская культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток, 2005.
- Aikens C. Melvin, Zhushchikhovskaya Irina S., Song Nai Rhee.* Environment, Ecology and Interaction in Japan, Korea, and the Russian Far East: the Millennial History of a Japan Sea Oikumene // Asian Perspectives. 2009. V. 48. № 2.
- Arnold D.E.* Ceramic theory and cultural process. Cambridge, 1989.
- Climatic Change and Cultural Dynamics: A Global Perspective on Mid-Holocene Transitions / Eds David G. Anderson, Kirk A. Maasch, Daniel H. Sandweiss. L., 2007.*
- Hodder I.* The Archaeological Process. An Introduction. Padstow, 2002.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

И.С. Жутиховская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	– Археологічні відкриття в Україні	КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
АГОИАМЗ	– Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник	ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
АДІУ	– Археологія і давня історія України	МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
АЛЛУ	– Археологічний літопис Лівобережної України	МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
АМЗ	– Астраханский музей-заповедник	НАВ	– Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
АО	– Археологические открытия. М.	НА ИА НАН Украины	– Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
АПО	– Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург	НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры РАН
АС	– Археологический съезд	НаУКМА	– Національний університет “Киево-Могилянська академія”
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии	ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ВАЗК	– Вопросы археологии Западного Казахстана. Актюбинск	ПЭ	– Православная энциклопедия. М.
ВАС	– Всероссийский археологический съезд	РАИМК	– Российская академия истории материальной культуры
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии	СА	– Советская археология. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.	САИ	– Свод археологических источников. М.
ВИиАЗК	– Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск	СГАИМК	– Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной Культуры	СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.	СЭ	– Советская этнография. М.
ГНПУ “Наследие”	– Государственное научно-производственное учреждение	Тр. ГИМ	– Труды Государственного исторического музея
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры	Тр. ГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ИИАЭ МН–АН РК	– Институт истории, археологии и этнографии Министерства науки Академии наук Республики Казахстан	УАВ	– Уфимский археологический вестник. Уфа
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР / РАН	УНЦ РАН	– Уфимский научный центр РАН. Уфа
ИКЦ “Сарай-Бату”	– Историко-культурный центр “Сарай-Бату”	ЦИА ЗКО	– Центр истории и археологии Западно-Казахстанской области. Уральск
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.		